

ТЕРРИ

ТРАТЧЕТТ

ТЕРРИ

СТРАЖА! СТРАЖА!

ТЕРРИ

Annotation

«Двенадцать часов ночи, и все спокойно!» — таков девиз Ночной Стражи Анк-Морпорка, самого славного города на всем Плоском мире. А если «не все» спокойно, значит, вы просто ходите не по тем улицам.

А вообще, чтобы стать настоящим ночным стражником, нужно приложить немало усилий. Во-первых, следует научиться бегать не слишком быстро — а то вдруг догонишь! Во-вторых, требуется постичь основной принцип выживания в жестоких схватках — просто не участвуйте в таковых. В-третьих, не слишком громко кричите, что «все спокойно», — вас могут услышать.

Книга, которую вы держите в руках, поистине уникальна. Она поможет вам не только постичь основные принципы выживания в этом жестоком, суровом мире, но и сделать достойную карьеру. Пусть даже ночного стражника...

-
- [Терри Прагчетт](#)
 - [Посвящение](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)

- [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
-

Терри Пратчетт
Стража! Стража!

Посвящение

Порой их называют Дворцовой Стражей, иногда — Городскими Стражниками или просто Гвардией. Независимо от названия пылкая фантазия авторов героической фэнтези находит для них единственное и неизменное предназначение, а именно: где-нибудь в районе третьей главы (или на десятой минуте фильма) ворваться в комнату, по очереди атаковать героя и быть уложенными на месте. Хотят они исполнять сию незавидную роль или нет, никто их не спрашивает.

Этим замечательным людям и посвящается данная книга.

А также — Майку Гаррисону, Мэри Джентл, Нилу Гейману и всем остальным, кто помогал в разработке идеи Б-пространства и смеялся над ней; жаль, что у нас так и не дошли руки до Обложки Шредингера...

Вот куда ушли все Драконы.

Они лежат...

Но о них не скажешь, что они умерли или спят. Можно счесть, будто они затаились в ожидании, но нет, ведь ожидание подразумевает под собой надежду. Возможно, самым удачным определением здесь будет...

...Они дремлют.

И хотя занимаемое ими пространство нельзя назвать обычным, упакованы они довольно тесно. Каждый кубический дюйм вмещает в себя коготь, лапу, чешуйку или кончик хвоста — так что общее впечатление примерно такое же, как от картинки-головоломки: глаз долго рассматривает узор, и вдруг ваш мозг осознает, что пространство вокруг каждого из драконов есть, по сути дела, еще один дракон.

Вся эта картина наводит на мысли о банке с сардинами, если бы о сардинах можно было сказать, что они огромны, покрыты чешуей, горды и высокомерны.

И предположительно, где-то существует такая штука, как открывалка.

Это же время, но совершенно иное пространство. В Анк-Морпорке, древнейшем, огромнейшем и грязнейшем из всех городов мира, было раннее утро. Серое небо источало мелкую морось, испещряющую точками клубящийся по улицам речной туман. Разных видов крысы занимались своими ночными делами. Под влажным покровом ночи убийцы убивали, воры воровали, потаскухи потаскушничали. И так далее.

Пьяный капитан Ваймс медленно, запинаясь на каждом шагу, прошел

по улице и осторожно рухнул в сточную канаву неподалеку от штаб-квартиры Ночной Стражи. Он тихо лежал там, а у него над головой странные, светящиеся буквы шипели во влажном воздухе и меняли цвет...

Эт' город, он это... ну, это... как его там... Такая штука. *Женщина*. Вот что он такое. Бабища. Рокочущая, древняя, многовековая. Эт' женщина затягивает тебя, позволяет тебе в... в... как это... влюбиться в нее, п'том пинает тебя в это... это... есть такая штука... Которая во рту. Зев. Зоб. В *ЗУБЫ*. Ага, прям туда и пинает. Она такая... ну это, ты знаешь, собачья женщина. Щенок. Самка. Сука. И ты ненавидишь ее, а п'том, как раз тогда, когда думаешь, что уже вышвырнул ее из своего, своего, как его там, ладно, не важно — в эт' самый момент она открывает тебе свое огромное грохочущее прогнившее сердце, выбивает тебя из... рав, равн, такая штука. Ты весишь — оттуда и выбивает. В-вот оно как. Никогда не знаешь, что будет в следующую минуту. Где ты стоишь. То есть лежишь. Единственное, что ты знаешь точно, — это что не можешь без нее. Потому что, потому что она твоя, все что у тебя есть, даже когда она сожрет тебя и ты окажешься у нее в брюхе, в этой сточной канаве...

Влажный мрак окутал освященные веками здания Незримого Университета, главного учебного заведения, выпускающего в большую жизнь волшебников. Единственным осколком света было бледное октаринное поблескивание в крохотных окнах нового здания факультета высокоэнергетической магии — там пронзительные умы испытывали саму ткань вселенной вне зависимости, нравилось это ей или нет.

И само собой, светились окна библиотеки. Библиотека представляла собой величайшее во всей множественной вселенной собрание магических текстов. Полки гнулись под тяжестью тысяч и тысяч томов с оккультными знаниями.

Такое колоссальное количество магии, собранное в одном месте, способно серьезно исказить окружающий мир, и поэтому обычным законам времени и пространства библиотека не повиновалась. Поговаривали, что эта библиотека простирается отсюда и в вечность. Вообще, слухи ходили самые разные: якобы среди уходящих за горизонт полок можно плутать целыми днями; якобы где-то в отдаленных уголках лабиринта скитается племя студентов, заблудившихся в процессе поисков материала для курсовых работ; якобы в забытых альковах, как в засаде, сидят странные существа, чья судьба стать жертвами других, еще более странных, тварей^[1].

Наиболее предусмотрительные из студентов, погружаясь в

библиотечные дебри, оставляли мелкими пометки на полках, а также просили друзей отправляться на поиски, если они вдруг не вернутся к ужину.

Но поскольку магию можно лишь условно заключить в границы переплетов, то и сами книги в библиотеке представляли собой нечто большее, нежели прессованную древесную массу и бумагу.

Сырая, неприрученная магия с треском прорывалась сквозь корешки, но особого вреда не причиняла, поскольку заземлялась в специальные, прибитые к каждой полке медные поручни. Синее пламя чертило бледные ползучие узоры, и слышался звук, бумажный шелест, — подобный может исходить от колонии пристроившихся на ночлег скворцов. То в молчании ночи разговаривали друг с другом книги.

Также было слышно, как кто-то храпит.

Свет, исходящий полками, не столько разгонял, сколько подчеркивал окружающий мрак, но в сиреневых проблесках внимательный наблюдатель все же мог различить древний, выдавший виды письменный стол, что стоял прямо под центральным куполом.

Храп исходил из-под этого стола. Обрывок изорванного в лохмотья одеяла прикрывал нечто, напоминающее груды мешков с песком, но являющееся на самом деле взрослой особью орангутана мужского пола.

Это был библиотекарь.

В те времена немногие позволяли себе высказываться по поводу его видовой принадлежности. Причиной этого преобразования послужил случайный выброс магии — вещь, всегда возможная там, где хранится столько могущественных книг, — и считалось, что библиотекарь еще легко отделался. Ведь в общем и целом он сохранил прежнюю форму тела. Кроме того, ему было дозволено продолжать работать в прежней должности, хотя в данном случае слово «дозволено» не совсем подходит. То, как он закатывал верхнюю губу, обнажая огромное количество невероятно желтых зубов, послужило на университетском совете решающим аргументом, и больше вопрос смещения библиотекаря с должности не поднимался.

Но вдруг раздался еще один необычный звук, нарушивший библиотечную гармонию, — то был скрип открываемой двери. Кто-то, мягко ступая, пересек помещение, тихий топоток растворился среди скоплений полок. Книги возмущенно зашелестели, а некоторые из гримуаров покрупнее загремели цепями.

Убаюканный шепотом дождя библиотекарь продолжал сладко спать.

В полумиле от него, в объятиях сточной канавы, капитан Ваймс из Ночной Стражи заорал во всю глотку пьяную песню.

Вскоре после этого по серым улицам, перебегая от одного темного подъезда к другому, пробиралась облаченная в черное фигура. Наконец фигура достигла зловещего и неприветливого портала. Сразу чувствовалось, далеко не всякий подъезд может достигнуть такой степени неприветливости. Этот выглядел так, будто касательно него архитектору были даны специальные инструкции. Хочется что-нибудь жуткое из темного дуба, сказали ему. Так что присобачьте над косяком горгулью пострашнее и сделайте так, чтобы кольцо у нее в пасти грохотало, точно поступь какого-нибудь великана. Короче, сделайте так, чтобы всякому было ясно: от этой двери пошлого «динг-донг» вы не добьетесь.

Фигура пробарабанила по темному дереву сложный код. Отодвинулась крошечная заслонка, и ночного гостя смерил подозрительный взгляд.

— Многозначительная сова глухо ухаёт в ночи, — произнес посетитель, пытаясь стряхнуть с плаща дождевую воду.

— И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев, — монотонным речитативом отозвался голос по другую сторону решетки.

— Ура, ура дочери племянника сестры, — парировала фигура в капающем балахоне.

— Для палача все просители одного роста.

— Воистину, внутри шипов таится роза.

— Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп, — продолжил голос за дверью.

Воцарилась пауза, нарушаемая лишь монотонным шумом дождя.

— Что-что? — немного спустя переспросил гость.

— Хорошая мать готовит блудному сыну бобовый суп.

Последовала еще одна, более длинная, пауза. Затем мокрая фигура уточнила:

— Ты точно уверен? Может, это плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки?

— Ничего подобного. Это бобовый суп. Извини.

Неловкое молчание нарушалось лишь неослабевающим шипением водяных струй.

— А как насчет кита в клетке? — осведомился все более пропитывающийся влагой гость, пытаясь втиснуться под то утлое прикрытие, которое мог дать портал.

— А что насчет него?

— Вообще-то, ему ничего не ведомо о бездонных безднах.

— Ах, кит... Тебе нужны Озаренные Братья Непроницаемой Ночи.

Это через три двери.

— А кто, в таком случае, вы?

— Мы Просветленные и Древние Братья И.

— А я думал, вы собираетесь на Паточной улице, — после непродолжительной паузы сказал промокший гость.

— Вообще-то да. Но, знаешь ли, всякое бывает. По вторникам помещение занимает кружок домашней лепки. Получилась небольшая накладка.

— Да? Ну все равно, спасибо.

— Не за что.

Дверца с оглушительным грохотом захлопнулась.

Несколько секунд фигура в балахоне свирепо смотрела на нее, затем, разбрызгивая воду, зашлепала дальше. И в самом деле, вскоре обнаружился еще один портал. Архитектор не сильно надрывался, разнообразя дизайн.

Фигура постучала. Маленькая заслонка отворилась.

— Да?

— Слушайте, «Многозначительная сова глухо ухаёт в ночи», верно?

— И все же много серых лордов печально едут к людям без хозяев.

— Ура, ура дочери племянника сестры — так?

— Для палача все просители одного роста.

— Воистину, внутри шипов таится роза. Слушай, здесь небо словно с ума сошло. Ты что, не видишь?

— Вижу, — отвечивал голос, ясно давая понять, что там, откуда он все это видит, тепло и сухо.

Гость вздохнул.

— Киту в клетке ничего не ведомо о бездонных безднах — если тебе от этого легче.

— Плохо построенная башня до основания сотрясается от полета бабочки.

Проситель ухватился за решетку дверного окошечка, подтянулся и прошипел:

— Впускай же, я промок до костей.

Последовала очередная сырая пауза.

— Эти бездны... Ты сказал «бездонные» или «бездомные»?

— Бездонные, я сказал. **БЕЗДОННЫЕ** бездны. Это означает, что дна в них нет, ну глубокие они, глубокие. Открывай быстрее, это же я, брат Палец.

— А мне показалось, ты сказал «бездомные», — осторожно отозвался невидимый привратник.

— Слушай, вам нужна эта чертова книженция или нет? Я вовсе не обязан таскать ее. И сейчас я мог бы валяться дома, в теплой постельке.

— Ты точно уверен, что «бездонные»?

— Слушай, эти бездны чертовски глубоки, — совсем рассвирепел брат Палец. — Ты был еще жалким неофитом, когда я уже знал, насколько они бездонны. Дверь открой!

— Ну... Хорошо. Так и быть.

Раздался звук отодвигаемых засовов.

— Не мог бы ты слегка подпихнуть? — попросил голос. — Проклятый дождь, Дверь Знаний, Через Которую Да Не Пройдет Неочищенный, совсем разбухла.

Брат Палец навалился плечом, мощным толчком распахнул дверь, смерил свирепым взглядом брата Привратника и заторопился внутрь.

Остальные уже ждали его во Внутреннем Святилище. Они беспорядочно толпились, на лицах застыло глуповато-застенчивое выражение, естественное для людей, которые чувствуют себя несколько неуютно в зловещих черных балахонах с капюшонами. Верховный Старший Наставник кивнул вновь прибывшему.

— Брат Палец...

— Да, Верховный Старший Наставник.

— Принес ли *ты* то, за чем был послан?

Брат Палец вытащил из-под полы сверток.

— Все было так, как я говорил, — сообщил он. — Нет проблем.

— Отличная работа, брат Палец.

— Благодарю, Верховный Старший Наставник.

Верховный Старший Наставник постучал молотком, требуя внимания.

После непродолжительного шарканья присутствующие образовали нечто вроде круга.

— Я призываю Неповторимую и Верховную Ложу Озаренных Братьев к порядку, — нараспев произнес он. — Дверь Знаний — крепко ли она запечатана супротив еретиков и несведущих?

— Ее там заклинило, — отозвался брат Привратник. — Совсем от влаги разбухла. На следующей неделе захвачу с собой рубанок, так что скоро мы это дело...

— Хорошо, хорошо, — раздраженно прервал Верховный Старший Наставник. — В дальнейшем просто отвечай «да». Тщательно ли обведен тройной круг? Все ли Присутствующие Присутствуют? И да удалится отсюда несведущий, ибо иначе будет он взят с этого места самого и велчет его вспорется, и гаскин его выставится на четырех ветрах, и моулсы его

разорвутся на части крюками многими, а фиггин его наколется на шип острый — *ДА, ЧЕГО НАДО?*

— Прошу прощения, я не ослышался? Озаренные Братья?

Верховный Старший Наставник яростно сверкнул глазами на одинокую фигуру с вопросительно вздетой рукой.

— Да, Озаренные Братья, хранители священного знания с таких давних пор, каких человеческий ум даже постигнуть не в состоянии...

— То есть примерно с прошлого февраля, — с готовностью пришел на помощь брат Привратник. Он явно не понимал сути происходящего здесь.

— Прошу прощения. Премного извиняюсь, — обеспокоенно произнесла фигура. — Боюсь, я попал не в то общество. Наверное, не там повернул. Уже ухожу, так что не могли бы вы... э-э...

— А фиггин его наколется на шип острый, — с нажимом повторил Верховный Старший Наставник, перекрывая жуткий скрип намокшей и разбухшей древесины — это брат Привратник пытался открыть Дверь Знаний. — Ладно, с формальностями покончено. Несведущие все удалились? Никто больше дверью не ошибся? — с горьким сарказмом добавил он. — Хорошо. Отлично. Я так РАД. Полагаю, нет смысла спрашивать, запечатаны ли Четыре Сторожевые Башни? Просто замечательно. И Штанина Святости, кто-нибудь побеспокоился освятить ее? Неужели? И все сделали, как положено? Я ведь проверю... Ладно. А окна укреплены Красными Шнурами Разума, как предписывают древние скрижали? Здорово, здорово... Теперь, пожалуй, можно приступить к делу.

Со слегка раздраженным выражением, свойственным человеку, который только что пробежался пальцами по верхней полке в доме невестки и обнаружил вдруг, вопреки всем ожиданиям, что полка сверкает чистотой, Верховный Старший Наставник приступил к делу.

Ну что за придурки, сказал он себе. Сборище недотеп, которых ни одно другое тайное общество ни в жизнь не удостоило бы прикосновением десятифутового Жезла Власти. Даже простейшему тайному рукопожатию не могут научиться — уже все пальцы себе вывихнули.

Но в недотепах таятся великие возможности. Умелых, подающих надежды, честолюбивых и самоуверенных — этих пускай кто-нибудь другой принимает. Он же возьмет скулящих от обиды, тех, у которых живот распирает от яда и желчи, тех, которые убеждены: представься им возможность — и они очутятся на коне. О да, ему нужны такие люди, в которых потоки яда и мстительности едва сдерживаются хрупкими дамбами, построенными на комплексах неумех и бездарностей.

Не говоря уже о непроходимой тупости. Каждый из них дал страшную

клятву, но ни один даже на секунду не задался вопросом, что за фиггин будет наколот на шип острый.

— Братья, — произнес Верховный Старший Наставник, — сегодня нам предстоит обсуждать вопросы невероятной важности. В наших руках — правильное управление Анк-Морпорком, да что там управление, само будущее великого города!

Присутствующие пригнулись ближе. По спине Верховного Старшего Наставника пробежал знакомый холодок наслаждения властью. Они внимали ему, как оракулу. Ради этого чувства стоило напялить дурацкий балахон, чтоб ему пусто было...

— Разве не ведомо всем нам, что город этот неминуемо растлевают людей, оплывающих жиром на ворованном богатстве, и в то же время не дает ходу гораздо более выдающимся человекам, обреченным, по сути, на рабство?

— Разумеется, известно! — с пылом отозвался брат Привратник спустя некоторое время, которое потребовалось каждому из братьев для внутреннего перевода и усвоения сказанного. — Только на прошлой неделе в Гильдии Пекарей я пытался указать на это мастеру Кричли, но...

Зрительный контакт отсутствовал, поскольку Верховный Старший Наставник требовал, чтобы братья опускали капюшоны как можно ниже, создавая под ними мистический мрак. Тем не менее молчание Наставника было столь многозначительно разъяренным, что брат Привратник умолк сам.

— Однако так было не всегда, — продолжил наконец Верховный Старший Наставник. — Был когда-то и золотой век, когда заслуживающие уважения и власти получали должное вознаграждение. Век, когда Анк-Морпорк был не просто большим, но великим градом. Век рыцарства. Век, когда — да, брат Сторожевая Башня, что тебе?

Грузная фигура в балахоне опустила руку.

— Вы говорите о том времени, когда нами правили короли?

— Прекрасно, брат, прекрасно, — слегка фальшиво похвалил Верховный Старший Наставник, раздосадованный этим внезапным всплеском сообразительности. — И...

— Так эта лафа кончилась еще несколько веков назад, — пожал плечами брат Сторожевая Башня. — После великой битвы или чего-то в этом роде. А потом нами управляли всякие большие шишки типа патриция.

— Все правильно, брат Сторожевая Башня, очень хорошо.

— Нету больше у нас королей, вот к чему я веду, — брат Сторожевая Башня всегда был рад помочь.

— Как совершенно верно заметил брат Сторожевая Башня, линия...

— Вы упомянули о рыцарстве, ну тут я сразу и смекнул, — не унимался брат Сторожевая Башня.

— Вполне справедливо, и...

— Короли и рыцарство, прям в точку. — Брат Сторожевая Башня радовался этому диалогу как ребенок. — О рыцари! А еще раньше были эти, как их...

— *ОДНАКО*, — резко прервал его Верховный Старший Наставник, — может статься, что линия королей Анка не настолько почиет в бозе, как принято было считать до сих пор. Может статься, что венценосные отроки дожили до наших с вами дней. И древние скрижали это подтверждают.

Он остановился, ожидая соответствующей реакции. Которой не последовало. Вероятно, «венценосных отроков» они еще как-то переварят, но вот с «почиванием в бозе» он явно переборщил.

Брат Сторожевая Башня вновь поднял руку.

— Что такое?

— Вы хотите сказать, что где-то поблизости болтается наследник престола?

— Верно, это не исключено.

— Ага. Это вы точно подметили, — тоном специалиста сообщил брат Сторожевая Башня. — Это всю дорогу случается. Об этом даже в книжках пишут. Отбрыски, вот как их называют. Они столетиями скрываются в пустынях, передавая из поколения в поколение волшебный меч и родимое пятно. И как раз в тот момент, когда старое королевство не может без них обойтись, они появляются — тут как тут — и отрубают головы всем узурпаторам, по случаю оказавшимся поблизости. А потом наступает всеобщее ликование.

Верховный Старший Наставник почувствовал, как у него отпадает челюсть. Такого доступного изложения он не ожидал.

— Ты, конечно, все правильно рассказал, — произнесла фигура, знакомая Верховному Старшему Наставнику как брат Штукатур. — Ну и что с того? Предположим, явится этот самый отбрыск, подойдет к патрицию и скажет: «Эй, ты! Я король, вот тут у меня родинка, там, где полагается, так что давай сматывайся». И что он получит? Ожидаемую продолжительность жизни — две минуты, вот и все, что он получит.

— Ты плохо меня слушал, — возразил брат Сторожевая Башня. — Вся штука в том, что отбрыск появляется как раз тогда, когда над королевством нависает угроза, понятно? То есть он оказывается на самом что ни на есть виду. А потом его вносят на руках во дворец, там он исцеляет парочку-

троечку неизлечимо больных или слепых, объявляет лишней выходной, раздаст немного денежек из царской казны, и дело в шляпе.

— А еще он должен жениться на принцессе, — добавил брат Привратник. — Сначала пасет свиней, а потом бац — и женится на принцессе.

Все посмотрели на него.

— А кто говорил, что он пасет свиней? — осведомился брат Сторожевая Башня. — Я нигде не упоминал, что он пасет свиней. При чем тут свиньи?

— Однако в этих словах есть смысл, — задумчиво склонил голову набок брат Штукатур. — Он обычно бывает пастухом, лесником или занимается чем-то в том же духе, ну, то есть типичный отбрыск... Это связано с тем, чтобы быть... как эта штукавина называется? Когни-то, во! Все должно выглядеть так, будто он скромного происхождения.

— А что такого особенного в скромном происхождении? — произнес очень маленький брат, состоявший, казалось, из одного громадного и жутко воняющего черного капюшона. — У меня этого скромного происхождения хоть отбавляй. В моей семье пасти свиней всегда считалось очень почетным.

— Так и королевской крови в твоей семье не наблюдается, брат Туговотс, — возразил брат Штукатур.

— Тебе-то откуда знать? Может, очень даже наблюдается! — надулся брат Туговотс.

— Ну ладно, хватит об этом, — ворчливо прервал брат Сторожевая Башня. — Довольно. Но самый существенный момент, как вы понимаете, это когда настоящие короли срывают с себя плащи и восклицают: «Узрите же!» И окружающие люди прикрывают глаза — так сияет королевская сущность.

— Сияет? Королевская сущность? — уточнил брат Привратник.

— ..А может, в наших жилах действительно течет королевская кровь, — бурчал себе под нос брат Туговотс. — Какое право он имеет говорить, будто в нас нет королевской...

— Ну да, именно что сияет! Стоит только взглянуть на нее — и сразу понимаешь: вот она какая, королевская сущность.

— Но сначала они должны спасти королевство, — добавил брат Штукатур.

— О да, — веско подтвердил брат Сторожевая Башня. — Это неременное условие.

— А от кого?

— ...И не меньше других имеем прав на королевскую кровь...

— От патриция? — предположил брат Привратник.

Брат Сторожевая Башня, внезапно ставший большим знатоком особ королевской крови, покачал головой.

— Вряд ли патриций представляет собой реальную угрозу, — сказал он. — Не такой уж он и тиран. По сравнению с теми, что были до него, он настоящий святой. Я хочу сказать, по-настоящему он нас не угнетает.

— Меня угнетают постоянно, — возразил брат Привратник. — Мастер Кричли, на которого я работаю, угнетает меня с утра до вечера, кричит и все такое. А еще торговка в овощной лавке — она тоже все время угнетает меня.

— Вот-вот, — поддержал брат Штукатур. — И со мной то же самое. Моя хозяйка угнетает меня по-страшному. Колотит в дверь и устраивает скандалы, требуя плату за жилье, якобы я ей задолжал, а это ведь вранье чистой воды. И соседи за стенкой — те меня тоже угнетают, только ночью. Я вот говорю им: я, мол, весь день работаю, когда ж еще мне учиться играть на контрабасе, как не по ночам? Так нет ведь, не слушают. Это самое что ни на есть угнетение, вот что это такое. И если я не под пятой угнетателя, то уж и не знаю, кто тогда под этой пятой.

— Это еще что, — задумчиво произнес брат Сторожевая Башня. — Вот мой свояк меня угнетает, это да. Купил себе, понимаешь, лошадь с каретой и нагло разъезжает прямо перед моим носом. А у меня-то всего этого нет. Где здесь справедливость? Ведь из-за него меня теперь и жена моя угнетает — пилит, мол, почему у нас нет новой кареты, у свояка есть, а у нас — нет... Да, король бы такого угнетения не допустил.

Верховный Старший Наставник с восторгом внимал всем этим излияниям. Голова его слегка кружилась. Конечно, он слышал о таких штукаках, как снежная лавина, но даже мечтать не мог, бросая свой снежок с вершины горы, что этот его ход приведет к таким ошеломляющим результатам. Ему даже не нужно было подливать масла в огонь, пламя и так полыхало вовсю.

— Бьюсь об заклад, уж король бы нашел управу на обнаглевших хозяек, — с глубоким чувством добавил брат Штукатур.

— И он объявил бы вне закона всех тех, кто разъезжает на показушных каретах, — подхватил брат Сторожевая Башня. — Да еще купленных, скорее всего, на краденые деньги.

— Полагаю, — Верховный Старший Наставник решил, что настало время слегка подкорректировать направление беседы, — что мудрый король объявил бы вне закона всех тех, кто *НЕ ЗАСЛУЖИЛ* карет.

Воцарилась глубокомысленная пауза, в течение которой братья мысленно поделили вселенную на заслуживающих карет и не заслуживающих оных и поместили себя на соответствующую сторону.

— М-да, с его стороны это было бы крайне справедливо, — медленно проговорил брат Сторожевая Башня. — Но брат Штукатур тоже правду говорит. Я немножко сомневаюсь, что отбрыск станет показывать свою королевскую сущность только потому, что брату Привратнику не нравится, как торговка в овощной лавке на него смотрит. Только без обид.

— Ладно бы смотрела, так она же обвешивает, — встрял брат Привратник. — А еще она...

— Да, да, да, — счел нужным вмешаться Верховный Старший Наставник. — Воистину, справедливо мыслящий народ Анк-Морпорка томится под пятой угнетателя. Однако король, как правило, является в несколько более драматических обстоятельствах. Например, когда начинается война.

Все шло прекрасно. Он верил в них: да, все они — зацикленные на себе идиоты, но рано или поздно кто-нибудь произнесет нужные слова...

— Раньше было древнее пророчество или нечто вроде, — вспомнил брат Штукатур. — Мне дедушка рассказывал. — Глаза Штукатура засверкали от усилия, когда он попытался оживить в памяти суровые слова пророчества. — Ага, вот. И тогда явится король, и принесет он с собой Закон и Справедливость, и не будет знать ничего, кроме Истины, и станет он Защищать Людей Мечом своим и Служить им верою и правдой. Что вы на меня так пялитесь? Думаете, я все выдумал?

— Что ты, что ты, это пророчество мы знаем, — успокоил его брат Сторожевая Башня. — Конечно, было бы здорово, если бы все так и произошло, но сам представь, как он к нам явится, этот самый король? Этакий Пятый Всадник Абоквалипсиса с Законом и Справедливостью позади. Привет всем, — пропищал он, — я король, а вот это, на лошади, Справедливость. Принимайте меня, а то моя коняка уже замучилась нас тащить. Не слишком похоже на правду, а? Нет, старым легендам верить нельзя.

— Почему это? — раздраженно осведомился брат Туговотс.

— На то они и легенды. Вот почему, — дал сжатое объяснение брат Сторожевая Башня.

— А еще мне нравятся всякие предания про спящих королевен, — в словах брата Штукатура зазвучала мечтательность. — Этих спящих красавиц только король и может разбудить.

— Не впадай в легкомыслие, — сурово одернул его брат Сторожевая

Башня. — У нас нет короля, так что и королевнам взяться неоткуда. Логично, по-моему.

— В старые добрые времена все было куда проще... — задумчиво произнес брат Привратник.

— Чем это проще?

— Все, что надо было сделать, это убить дракона.

Верховный Старший Наставник сложил ладони и вознес молчаливую молитву, предназначавшуюся тому богу, что случайно оказался поблизости. В этих людях он не ошибся. Рано или поздно их перепрыгивающие с темы на тему умишки должны были привести братьев туда, куда нужно.

— Какая интересная идея, — вкрадчиво вывел он.

— Но вряд ли она сработает, — непреклонно прокомментировал правдолюб Сторожевая Башня. — Большие драконы все повывелись.

— А может, и не все...

Верховный Старший Наставник щелкнул суставами пальцев.

— Что-что вы сказали? — брат Сторожевая Башня взял след.

— Я сказал, может, и не все драконы повывелись.

Из глубин рясы, принадлежавшей брату, донесся нервный смешок:

— Вы имеете в виду настоящего дракона? Такого, со здоровенной чешуей и крыльями?

— Да.

— Того, что дышит, как раскаленные мехи?

— Да.

— И с когтищами на лапах?

— Когти? О, сколько твоей душе угодно.

— Что значит «сколько моей душе угодно»?

— Надеюсь, мои слова говорят сами за себя, брат Сторожевая Башня. Тебе нужен дракон? Ты его получишь. Самого настоящего дракона. Ты можешь привести его прямо сюда. В этот город.

— Я?

— То есть вы. То есть мы, — завершил мысль Верховный Старший Наставник.

Брат Сторожевая Башня поколебался:

— Ну, я как-то не знаю, правильно ли это...

— И дракон *этот* будет повиноваться всем вашим приказам.

Вот тут до них дошло. И они приняли стойку. Эта идея упала прямо перед их убогими умишками, словно шмат мяса посреди псарни.

— А можно еще раз? Я что-то плохо расслышал... — с запинками попросил брат Штукатур.

— Вы будете управлять этим драконом. И он будет делать все, что бы вы ни пожелали.

— Всамделишный дракон будет нас слушаться?

В уединении своего капюшона Верховный Старший Наставник устало закатил глаза.

— Ну да, всамделишный. А не какой-нибудь там болотный, карликовый. Нет, то будет подлинный экземпляр.

— Но я считал, они, как бы это сказать... мифы.

Верховный Старший Наставник чуть наклонился вперед.

— Были мифы, но были и реальные драконы, — громко, чтобы все слышали, произнес он. — В каждой мифе есть доля правды.

— Я что-то не понимаю, — удрученно признался брат Штукатур.

— Хорошо, тогда я все покажу. Книгу, пожалуйста, брат Палец. Спасибо. Братья, должен рассказать вам, что, когда я проходил обучение у Тайных Наставников...

— Где-где? — переспросил брат Штукатур.

— Ты что, плохо слышишь? Вечно ты отвлекаешься. У Тайных Наставников! — рявкнул брат Сторожевая Башня. — Объясняю специально для тех, кто не знает: есть такие древние мудрецы, они обитают далеко в горах и тайно управляют всем, а еще они умеют ходить по огню и вытворяют кучу всяких других штук. Наш наставник у них учился, и они передали ему свои знания. Он рассказывал нам об этом на прошлой неделе. И теперь собирается передать эти знания нам. Правда, Верховный Старший Наставник? — заискивающе завершил он.

— Ах вот о ком речь, — протянул брат Штукатур. — Извиняюсь. Я понял. Это те, что прячутся за таинственными капюшонами. Простите. Тайные Наставники. Конечно, я их помню.

«Когда я буду управлять этим городом, — пообещал сам себе Верховный Старший Наставник, — всех этих тупиц взащей повиштолкаю отсюда. Сформирую новое тайное общество, состоящее из умных и образованных людей. Хотя нет, брать слишком умных тоже нельзя. Ниспровергнув бездушного тирана, мы войдем в новую эпоху просвещения, братства и гуманизма, и Анк-Морпорк станет утопией, а типов вроде брата Штукатура будут поджаривать на медленном огне — если, конечно, к моему мнению прислушаются, а к нему будут прислушиваться. Первым делом поджарим самого брата Штукатура. И его фиггин^[2]».

— В общем, я проходил обучение у Тайных Наставников и... — снова начал он.

— Вам тогда еще сказали, что вы должны научиться ходить по рисовой бумаге, — брат Сторожевая Башня явно входил во вкус разговора. — Эта часть вашего рассказа мне особенно понравилась. Но я рис не люблю, предпочитаю макароны. Так вот, после вашего рассказа я все время отдираю дно от коробок с макаронами. И знаете что? Хожу по нему абсолютно без проблем. Вот что значит настоящее тайное общество, знания так и впитываются.

«Когда брат Штукатур окажется на сковородке, — подумал Верховный Старший Наставник, — он будет там не одинок».

— Твое продвижение по дороге просвещения является примером для всех нас, брат Сторожевая Башня, — сказал он вслух. — Теперь, да будет мне позволено продолжить, я должен сказать, что среди многих тайн, полученных...

— ...От Сердца Суцего, — одобрительно подсказал брат Сторожевая Башня.

— ...От Сердца, как верно заметил брат Сторожевая Башня, Суцего, содержалась тайна о месторасположении благородных драконов. Убеждение, что они вымерли, абсолютно не соответствует действительности. Они просто нашли себе новую эволюционную нишу. И мы можем вызвать их оттуда. Книга, которую я держу в руке, — для наглядности он помахал томом, — содержит конкретные инструкции.

— Что, все просто так и написано? Никакого подвоха? — недоверчиво осведомился брат Штукатур.

— О, это не обычная книга. Перед вами ее единственный экземпляр. На то, чтобы расшифровать ее, у меня ушли годы, — сообщил Верховный Старший Наставник. — Она написана рукой Тубала де Малахита, великого ученого, постигшего драконьи тайны. Да, да, эта книга — подлинник. Тубал де Малахит умел призывать самых разнообразных драконов. И вскоре вы сможете делать то же самое.

Воцарилось долгое неловкое молчание.

— М-м, — промычал брат Привратник.

— По-моему, здесь чуть-чуть пахнет, э-э... волшебством, — предположил брат Сторожевая Башня взволнованным тоном человека, который угадал, под какой чашкой спрятан наперсток, но не хочет этого говорить. — Нет, нет, я ни на минуту не сомневаюсь в вашей непревзойденной умудренности и все такое, но... вы знаете... волшебство...

Его голос постепенно затих.

— Да-а-а-а, — выдохнул брат Штукатур.

— Есть такие, э-э, волшебники, — сказал брат Палец. — Может, вам это невдомек, вы были очень заняты, ходили по углям с этими древними мудрецами, но здешние волшебники, они обрушатся на тебя, как целая тонна кирпичей, если застукают за чем-нибудь, смахивающим на волшебство.

— Разделение труда, вот как они это называют, — поддержал брат Штукатур. — Мы вроде как договорились. Я, например, не должен соваться во всякие таинственные переплетения причинности, а они не будут штукатурить.

— Честно говоря, не пойму, в чем проблема, — возразил Верховный Старший Наставник.

На самом деле эту проблему он тоже предугадал. То было последнее препятствие. Надо только помочь их жалким умишкам преодолеть черту, и весь мир окажется у него на ладони. До сих пор их невероятно тупой эгоцентризм служил верной подмогой, не подведет он и сейчас...

Братья неловко заерзали. И тут уста отверз брат Туговотс.

— Ха. Волшебники! Да разве они знают, что такое трудиться от зари до зари, не разгибая спины?

Верховный Старший Наставник глубоко вздохнул. Ага...

Атмосфера злобного негодования заметно сгустилась.

— Откуда им знать?! — презрительно бросил брат Палец. — Ходят задрав нос, слишком они хороши, чтобы общаться с такими, как мы. Уж я-то на них насмотрелся, еще в те времена, когда работал в Университете. Задницы в миллю шириной, вот что я вам скажу. Кто-нибудь когда-нибудь видел, чтобы они зарабатывали на жизнь честным трудом?

— Вроде того же воровства? — съязвил брат Сторожевая Башня, которому брат Палец никогда особенно не нравился.

— Ну да, они говорят, — продолжал брат Палец, демонстративно игнорируя это замечание, — что вы не должны заниматься магией, потому что, дескать, только они знают, что нарушает вселенскую гармонию, а что не нарушает. Чепуха все это, вот что я думаю.

— Ну-у, — протянул брат Штукатур, — я, честно сказать, не совсем согласен... Я это к тому, что если напутаешь с раствором, то обляпаешь ноги мокрой штукатуркой. А если напутаешь с магией, то, говорят, из пола, из стен, отовсюду повылезает всякая гадость и прикончит тебя на месте.

— Да, но так говорят волшебники, — задумчиво произнес брат Сторожевая Башня. — Сказать по правде, лично я их терпеть не могу. А вдруг они действительно напали на золотую жилу и не хотят, чтобы кто-то еще об этом узнал? Это все только видимость — размахивание руками,

заклинания, а на самом деле все уже сказано и сделано.

Братья обдумали высказанное предположение. Звучало вполне разумно. Если бы *ОНИ* напали на золотую жилу, то приложили бы все силы, чтобы не подпустить к ней никого больше.

Наконец Верховный Старший Наставник решил, что час пробил.

— Значит, братья, мы договорились? Вы готовы заниматься магией?

— О, только заниматься... — с облегчением откликнулся брат Штукатур. — Против *ЗАНЯТИЙ* я ничего не имею. Главное, чтобы не пришлось потом по-настоящему...

Верховный Старший Наставник грохнул книгой об стол.

— Я имею в виду произнесение настоящих заклинаний! Чтобы вернуть город на путь истинный! Чтобы вызвать дракона! — заорал он.

Братья попятились.

— А потом, когда мы заполучим этого дракона, появится законный король, да? — немного погодя осведомился брат Привратник.

— Да! — рывкнул Верховный Старший Наставник.

— Вот это мне понятно, — поддержал брат Сторожевая Башня. — Звучит логично. Увязывается с предназначением и ювелирной работой судьбы.

Последовало секундное колебание, после чего балахоны дружно закивали. И только в выражении капюшона брата Штукатура прослеживалось смутное недовольство.

— Ну ла-адно, — протянул он, — мы ведь очень аккуратно...

— Уверяю тебя, брат Штукатур, ты можешь выйти из дела в любой момент, — успокаивающим тоном заверил Верховный Старший Наставник.

— Хорошо... Я согласен, — все еще с некоторой неохотой кивнул упирающийся брат.

— А еще один небольшой вопросик можно? — встрял брат Привратник. — Можно сделать так, чтобы этот самый дракон спалил, скажем, угнетающие людей овощные лавки?

АГА.

Он победил. Драконы вернутся. И король вернется. Не похожий на прежних королей. Король, который будет делать то, что ему велят.

— Это, — изрек Верховный Старший Наставник, — зависит от того, насколько активно все вы будете помогать. Для начала нам понадобятся любые магические предметы, которые вы сможете принести...

Они ни в коем случае не должны заметить, что последняя половина книги де Малахита представляет собой обуглившуюся и спекшуюся массу. Старика задача оказалась не по плечу.

Но у него все получится. И никто, ничто на свете не сможет остановить его.

И грянул гром...

Говорят, боги играют людскими жизнями. Но в какие игры они играют и почему, и кому суждено стать пешкой, и каковы правила этих игр — кто все это знает?

Честно говоря, в детали лучше не вдаваться.

И грянул гром...

Что-то предвещающее было в этом гrome.

А теперь на короткое время давайте отвлечемся от сочащихся влагой, промокших улиц Анк-Морпорка, перенесемся через утренние туманы Плоского мира и вновь опустимся на землю — но сфокусируем наш внутренний бинокль на молодом человеке, который двигается к городу со всей открытостью, искренностью и невинной целеустремленностью айсберга, дрейфующего в направлении оживленного морского пути.

Этого юношу зовут Моркоу. Но имя, смахивающее на название овоща, дали ему вовсе не из-за цвета волос, которые отец, ссылаясь на странную богиню по имени Гиена-Ги, всегда подстригал ему крайне коротко.

Нет, причиной этого прозвища стала общая конусообразность тела, которую приобретают благодаря духовной и физической чистоте, здоровому питанию и хорошему горному воздуху, вдыхаемому полными легкими. Когда такой юноша напрягает плечи, все прочие мышцы быстренько расступаются.

За спиной у юноши — меч, который очутился у него очень странным образом. Таинственным образом. Хотя в самом мече ничего таинственного нет — тем более в образе, которым меч очутился у юноши. Никакой этот меч не волшебный. И у него нет имени. Как им ни размахивай, чувства неведомой мощи не испытываешь — правда если размахивать очень долго, то можно испытать боль от вскочивших на руках волдырей. Этим клинком пользовались так часто, что он перестал быть чем-либо другим, кроме как чистой квинтэссенцией меча, длинным куском металла с очень острыми краями. А судьбоносностью здесь даже не пахнет.

В общем, уникальный меч.

И грянул гром.

Сточные канавы города издавали тихое бульканье — это дождевые потоки уносили побочные продукты ночи, некоторые из побочных

продуктов слабо протестовали.

Достигнув капитана Ваймса, водный поток расступился в стороны и омыл распростертое тело двумя отдельными струями. Ваймс открыл глаза. Сначала был момент мирной пустоты, но потом воспоминание шибануло его, как лопата.

У Ночной Стражи выдался плохой день. Начать с того, что в этот день хоронили старину Герберта Гаскина. Эх, бедняга. Гаскин... Он нарушил одно из фундаментальных правил, которым должен следовать любой стражник. И правило это было не из тех, которые можно нарушить дважды. Поэтому Гаскина опустили в пропитанную влагой почву, дождь барабанил по крышке гроба, и никто не оплакивал почившего стражника, кроме трех уцелевших солдат из Ночной Стражи — самой презируемой категории людей во всем Анк-Морпорке. Сержант Колон рыдал. Бедняга Гаскин...

И бедняга Ваймс, подумал Ваймс.

Бедняга Ваймс, лежит здесь, в канаве. Из канавы вылез, в канаву и вернулся. Лежит он себе, а вода крутит водовороты, просачиваясь под его доспехи. И что только не проплывает мимо бедняги Ваймса, того самого, что лежит в канаве. Наверное, даже бедняге Гаскину сейчас лучше, чем бедняге Ваймсу, грустно подумал капитан Ночной Стражи.

Надо бы постараться и вспомнить... Итак, он ушел с похорон и напился. Нет, обычное «напился» здесь не годится. «Надрался в хлам» — это более подходящее выражение. Когда мир весь перекошен, словно в кривом зеркале, изображение становится нормальным только тогда, когда посмотришь на него сквозь дно бутылки.

Что-то еще было, надо вспомнить.

Ах да. Ночь. Время дежурства. Но не для Гаскина. На место старины Гаскина придется взять новенького. Хотя новенький и так должен был прибыть. Очередной свищ на ровном месте. Или шиш на ровном месте? В общем, очередной... выпрыжка?.. выскакиватель?..

Ваймс оставил безнадежные попытки вылезти из канавы и рухнул обратно. Сточные воды продолжили свое бурление.

Над головой у Ваймса шипели под дождем и вспыхивали огненные буквы.

Могучее физическое телосложение Моркоу объяснялось не только свежим горным воздухом. Сызмальства он работал на принадлежащем гномам золотоносном руднике и по двенадцать часов в день гонял туда-сюда вагонетки с породой — такой род занятий весьма способствует росту мускулатуры.

Ходил он сутулясь. Чем это объяснялось? Опять-таки, тем фактом, что вырос Моркоу на золотоносном руднике, принадлежащем гномам, которые твердо уверены в том, что пять футов — это для потолка самое то.

Моркоу всегда подозревал, что в чем-то он отличается от гномов. Начать с того, что у него было больше синяков. Но затем в один прекрасный день отец подошел к нему, точнее, к его талии и сказал, что Моркоу вовсе не гном.

Это ужасно — целых шестнадцать лет считать себя гномом, а потом вдруг обнаружить, что принадлежишь не к тому виду.

— Понимаешь, сынок, мы не хотели говорить тебе об этом, — промолвил отец. — Думали, может, все утрясется само собой.

— Что утрясется? — спросил Моркоу.

— Твои размеры. Но теперь твоя мать считает, в общем, мы оба считаем, что настало время вернуться тебе к твоим сородичам. Рост — это очень важно, ты должен жить с теми, кто похож на тебя. — Отец принялся крутить разболтавшуюся заклепку на каске, что служило верным признаком обеспокоенности и смущения. — Э-э, — добавил он.

— Но мои сородичи — вы! — в отчаянии воскликнул Моркоу.

— В каком-то смысле да, — согласился отец. — Но в другом смысле нет, и этот смысл более соответствует действительности. Понимаешь, это все генетика, она так шутит. Поэтому было бы очень неплохо, если бы ты выбрался наконец отсюда и увидел мир.

— Что, я должен навсегда расстаться с вами?

— О нет! Нет. Конечно нет. Возвращайся, когда захочешь, навещай нас. Но, видишь ли, для парня твоих лет киснуть здесь... Это неправильно... Ну, это... То есть... Ты ведь уже не ребенок. А большую часть времени ползаешь на коленках. В общем, всякое такое. Неправильно это.

— Но тогда какие они, мои сородичи? — в замешательстве спросил Моркоу.

Старый гном набрал в легкие побольше воздуха.

— Ты человек, — выпалил он.

— Что, как господин Лосняга? — Господин Лосняга раз в неделю поднимался на запряженной волами повозке вверх по горным тропам, чтобы менять золото гномов на всякие полезные вещи. — Стало быть, я — один из верзил?

— Ну да... Только ты, сынок, еще верзилестее. В тебе шесть футов роста, а в нем — пять. — Гном снова принялся крутить разболтавшуюся заклепку. — Вот такие дела, сам видишь...

— Да, но... может, я просто чуточку высоковат? — Моркоу отчаянно цеплялся за последнюю соломинку. — В конце концов, бывают же люди-карлики, почему бы не быть высоким гномам?

Отец сострадательно похлопал его по той части ноги, которую можно назвать обратной стороной колена.

— Надо смотреть в лицо фактам, мой мальчик. Там, на поверхности, ты будешь чувствовать себя намного лучше. Твоя кровь напомнит тебе обо всем. Да и крыши там не такие низкие.

«А значит, ты не будешь вечно стучаться головой — небо, вон оно где...» — добавил про себя старый гном.

— Слушай, — сказал Моркоу, честный лоб которого весь сморщился в отчаянных раздумьях. — Ты ведь гном, да? И мама тоже гном. Значит, я тоже должен быть гномом. Это закон природы.

Гном вздохнул. Он надеялся преподнести эту тему очень осторожно, выдавать информацию по чуть-чуть, растянув рассказ на несколько месяцев, чтобы мальчик привыкал, но времени уже не оставалось.

— Сядь-ка, сынок, — сказал он.

Моркоу сел.

— Дело в том, — сокрушенно начал гном, глядя в большое честное лицо юноши, а не в пряжку его пояса, — что мы нашли тебя в лесу. Ты ползал там, неподалеку от дороги... Гм...

Разболтавшаяся заклепка жалобно взвизгнула. Наконец, гном махнул рукой и с разбегу ринулся в прорубь.

— Видишь ли, какое дело-то... там были повозки. Горящие, если можно так сказать. И мертвые люди. Гм, да. Чрезвычайно мертвые люди. Из-за разбойников. Суровая зима выдалась в ту зиму, и в горы приходило много всякого разного народу...

Так что мы взяли тебя, ясное дело, а затем... в общем, зима той зимой была долгой, как я уже сказал, и твоя мать привыкла к тебе, и... ну, в общем, мы всё собирались попросить Лоснягу поспрашивать о тебе, но как-то руки не дошли. Вот такая вот, в общем, история.

Моркоу воспринял рассказ довольно спокойно, главным образом потому, что практически ничего не понял. Кроме того, насколько ему было известно, быть найденным на обочине — обычное дело, все дети появляются так на свет. Гномы очень щепетильны в вопросах деторождения, и, как правило, все технические детали объясняются ребенку, только когда он^[3] достигает половой зрелости^[4].

— Ладно, папа, — Моркоу наклонился вперед, к уху гнома. — Но знаешь, я и... Мятка Скалшмакер? Она настоящая красавица, папа, и

борода у нее мягкая, как, э-э, э-э, в общем, очень мягкая, так вот, мы понимаем друг друга, и...

— Да, — в тоне гнома зазвучали холодные нотки. — Мне все известно. Ее отец разговаривал со мной.

«А ее мать — с твоей матерью, — добавил он про себя, — и потом твоя мать говорила со мной. Разговоров было хоть отбавляй».

— Дело не в том, что ты им не нравишься, ты парень солидный и самостоятельный, твердо стоишь на ногах и работник отличный, из тебя получится хороший зять. Только твоих размеров хватило бы на четырех хороших зятьев. В этом-то и беда. Не говоря уже о том, что ей всего лишь шестьдесят. Это никуда не годится. Неправильно это.

Он слышал о случаях, когда человеческие детеныши вырастали в волчьей стае. И оставалось только гадать, приходилось ли какому-нибудь волчьему вожаку разбираться со случаем столь же запутанным, как этот. Может, он тоже отводил найденыша куда-нибудь на полянку и говорил нечто вроде: «Слушай, сынок, ты, наверное, задаешься вопросом, почему ты не такой волосатый, как все остальные...»

Он обсуждал это дело с Лоснягой. Хороший, солидный человек, этот Лосняга. Приемный отец Моркоу знал отца этого человека. И его дедушку, если уж на то пошло. Люди — такие недолговечные создания. Должно быть, слишком много усилий уходит на то, чтобы качать кровь на такую высоту.

— Да уж, король^[5], проблема налицо. Дело серьезное, — крикнул старик, когда оба тяпнули по маленькой на скамеечке рядом со стволом номер 2.

— Понимаешь, он хороший парень, — начал король. — Здравый ум и характер спокойный, надежный. Не сказать, чтобы звезды с неба хватал, но укажи ему, что сделать, так он не успокоится, пока не сделает. Послушный.

— Ну, можно укоротить ему ноги, — посоветовал Лосняга.

— Проблема не в ногах, — мрачно ответил король.

— А! Да. Ну, что ж, в таком случае можно укоротить...

— Нет.

— Нет, — задумчиво согласился Лосняга. — Гм-м. Тогда... Может, отослать его отсюда? На какое-то время. Пускай повращается в человеческом обществе. — Лосняга откинулся на спинку скамьи. — Попал ты, король, с этим гадким утенком, — сочувствующе добавил он.

— Утенок? Вот об этом вообще не стоит ему говорить. Я постоянно намекаю ему на то, что он — человек, и то он меня не слышит... А тут...

— Да нет, я говорю об утенке, воспитанном среди цыплят. Хорошо

известный феномен курятника. В итоге птенец обнаруживает, что чертовски хорошо умеет клевать, но даже близко не представляет, что такое плавать. — Король вежливо слушал. Сельскохозяйственную тему нельзя назвать близкой уму гнома. — Но стоит отослать его туда, где живут другие утята... Дайте ему намочить лапки, и больше он за курочками бегать не станет. И дело в шляпе.

Лосняга гордо обозрел окрестности. Видно было, что он порядком доволен собой.

Когда вы большую часть жизни проводите под землей, у вас вырабатывается очень буквальный образ мысли. Гномы в своей речи никогда не прибегают к метафорам и тому подобным ненужным украшениям. Камни тверды, а темнота темна. Начни забивать голову всякими сравнениями, и мигом наживешь себе неприятности — вот основной девиз гномов. Но после двухсот лет общения с людьми у короля выработалась способность включать в своем мозгу нечто вроде скрипучей подсобной извилины, в задачу которой входило понимание этих странных существ.

— Шляпы у нас как-то не в ходу. Больше каски, — указал он, тщательно подбирая слова.

— Шляпа, каска — какая разница.

Воцарилась пауза, за время которой король тщательно проанализировал последнее высказывание.

— Ты хочешь сказать, — взвешивая каждое слово, проговорил он, — что, поскольку я всегда работаю в каске, мы должны отослать Моркоу, и там, среди людей, он станет уткой?

— Он отличный паренек. Масса возможностей открываются перед таким большим, сильным парнем, как он.

— Я слышал, некоторые гномы находят себе работу в Большом Городе, — в голосе короля звучала некоторая неуверенность. — И оттуда они посылают деньги своим семьям, что очень похвально и правильно.

— Ну вот. Подыщите ему там какую-нибудь работенку... — Лосняга прервался в ожидании прилива вдохновения. — Например, пусть он станет стражником или кем-то в этом роде. Мой прапрадедушка служил в Городской Страже. Для здорового парня — самое то работенка, говаривал мой дедушка.

— А что такое Городская Стража? — осведомился король.

— О, — откликнулся Лосняга, и в голосе его зазвучали мечтательные нотки, словно он вспоминал о чем-то смутном и отдаленном, — такой тон характерен для человека, чья семья на протяжении последних трех

поколений дальше чем на двадцать миль от дома не выбиралась. — Стражники следят за тем, чтобы люди соблюдали законы и делали то, что им велят.

— Весьма полезное занятие, — одобрил король. Такую работу он понимал и ценил, поскольку именно он отдавал все приказы среди гномов.

— Разумеется, первого встречного-поперечного туда не примут, — продолжил Лосняга, углубляясь в пласты воспоминаний.

— Уж я думаю. Работа ведь очень важная. Я напишу их королю.

— Да нету у них короля, — ответил Лосняга. — Там какой-то тип всем распоряжается.

Король гномов принял это сообщение с воистину королевским спокойствием. Очередные человеческие выкрутасы — король, он и есть король, как еще назвать человека, который всем распоряжается? Люди вечно что-нибудь придумают.

Моркоу принял новость достаточно спокойно — точно так же, как он реагировал на распоряжение заново открыть ствол номер 4 или обстругать бревна для крепежа. Все гномы по своей природе исполнительные, серьезные, законопослушные и глубокомысленные люди; их единственный крохотный недостаток сводится к дурной манере: опрокинув стаканчик, кидаться на неприятеля с диким воплем «А-ааааарх-хх!» и отрубать ему ноги по колено. И Моркоу не видел никаких причин вести себя иначе. Он отправится в этот город — город, странная, наверное, штуковина — и станет там человеком.

В стражу принимают только самых лучших, объяснял Лосняга. Стражник должен быть умелым воином, а также чистым в своих помыслах, словах и деяниях. Из бездонных глубин своего наследственного сборника легенд старик извлекал все новые захватывающие повествования о погонях по крышам при лунном свете и поражающих воображение схватках с негодяями — разумеется, все эти схватки, несмотря на существенное неравенство в силах, неизменно заканчивались победой его прапрадедушки.

Моркоу оставалось только признать, что такая жизнь гораздо заманчивее шахтерского труда.

По некотором размышлении, король написал управляющему Анк-Морпорка, почтительно осведомляясь, можно ли рассмотреть Моркоу как возможного кандидата на место среди лучших людей города.

Письма на руднике писались нечасто. Работа замерла, и весь клан собрался вокруг, в почтительном молчании взирая, как перо короля скрипит

по пергаменту. Королевскую тетушку послали к Лосняге с преогромными извинениями и просьбой, не изыщет ли он возможность одолжить им чуточку воска. Королевскую сестру послали в долину, в деревню — спросить у госпожи Чесногк, местной ведьмы, как правильно пишется слово «рекомендация».

Протекли месяцы.

А затем пришел ответ. Довольно засаленный, поскольку почтовые отправления в Овцепикских горах просто передаются из рук в руки тому, кто направляется в более или менее нужном направлении. Ответ был краток. Там сообщалось, прямо и незатейливо, что прошение удовлетворено и кандидат должен незамедлительно явиться для несения службы.

— Так просто? — Моркоу не мог скрыть разочарования. — А я-то думал, будут испытания и все такое. Ну, чтобы проверить, подхожу ли я.

— Ты мой сын, — ответил король. — И я упомянул об этом в прошении. Неудивительно, что тебя сразу приняли. Очень может быть, в скором времени ты даже станешь офицером.

Вытащив из-под стула мешок, он некоторое время сосредоточенно копался в нем, а затем показал Моркоу отрезок металла, более похожий на меч, чем на пилу, но сходства с последней так и не утративший.

— Это, наверное, по праву принадлежит тебе, — сказал он. — Когда мы нашли... повозки, это было единственной уцелевшей вещью. Разбойники, что тут скажешь... Строго между нами, — он дал Моркоу знак наклониться пониже, — мы даже приглашали ведьму, чтобы она взглянула на меч. Вдруг он волшебный? Но оказалось, что нет. Самый неволшебный из всех мечей, что она когда-либо видела, именно так ведьма и сказала. Волшебные мечи, как я слышал, обладают неким притяжением, что-то вроде магнита, стало быть. А этот ни капли не магнитит. Однако баланс у него хороший.

Он вручил меч Моркоу. Затем снова зарылся в мешок.

— И вот еще, — он вытащил оттуда рубаху. — Она защитит тебя.

Рубаха оказалась из шерсти овцепикских овец, она воплощала в себе всю мягкость и шелковистость щетины матерого борова. Это было одно из тех самых легендарных гномьих шерстяных облачений, которые в критических случаях способны заменить надежную дверь.

— Защитит от чего? — спросил Моркоу.

— От простуд и так далее, — объяснил король. — Твоя мать говорит, ты должен носить ее. Да, кстати, это напомнило мне вот о чем. Господин Лосняга просил тебя заглянуть, когда ты будешь спускаться с горы. У него

тоже для тебя кое-что есть.

Мать и отец махали ему, пока он не потерял их из виду. Мятка провожать его не вышла. Забавно все же. С недавнего времени она вроде как стала избегать его.

В распоряжении Моркоу были: меч, перекинутый за спину, бутерброды и чистое белье в мешке, а также целый мир, более или менее расстилающийся под ногами. В кармане лежало знаменитое письмо от патриция, человека, управляющего великим и прекрасным городом Анк-Морпорком.

По крайней мере, мать считала, что оно от патриция... И вправду, наверху листа красовалось внушающее уважение изображение шлема, но подпись гласила что-то вроде: «Волч Шатунс, Сл. Без., и.о.».

И все равно, даже если послание писал не сам патриций, его наверняка составлял тот, кто работает на этого славного человека. Может, даже в том же самом здании. По крайней мере, патрицию известно об этом письме. В общих чертах. Во всяком случае, о существовании такой штуки, как письма, он должен был слышать.

Размеренным шагом Моркоу следовал горными тропами, сопровождаемый облаками вспугнутых шмелей. Спустя некоторое время он извлек меч из ножен и принялся наносить пробные удары по подозрительно выглядящим пенькам и несанкционированным собраниям жалящих насекомых.

Лосняга сидел на пороге лачуги, нанизывая на нитку сушеные грибы.

— Здравствуй, Моркоу, — приветствовал он, проводя гостя в дом. — Небось ждешь не дождешься, когда попадешь в город?

Моркоу с подобающей серьезностью поразмыслил над ответом.

— Нет.

— Крутишь в голове, как оно там будет?

— Да нет. Иду себе, и все, — честно ответил Моркоу. — Ни о чем особо не думаю.

— И отец дал тебе в дорогу меч? — осведомился Лосняга, шаря по липкой от грязи и вонючей полке.

— Да. А еще шерстяную рубаху, чтобы защищаться от холодов.

— Ага. Я слышал, там, внизу, бывает очень влажно. Защита. Крайне предусмотрительно. — Лосняга наконец отыскал нужную вещь и повернулся на сто восемьдесят градусов. В голос его добавились драматические нотки: — Вот это принадлежало моему прапрадедушке.

И он продемонстрировал странное, смутно напоминающее полусферу приспособление, опутанное шнурками.

— Это праща? — спросил Моркоу, после того как некоторое время в почтительном молчании изучал предмет.

Лосняга объяснил ему, что это такое.

— Железный гульфик? — заинтригованно переспросил Моркоу. — Это такой маленький железный гуль?

— Нет. Эта штука для битв, — пробормотал Лосняга. — Ты должен носить ее все время, не снимая. Защищает жизненно важные органы, вроде того.

Моркоу попытался надеть приспособление.

— Господин Лосняга, по-моему, этот гуль немного маловат мне.

— Видишь ли, это оттого, что носить его надо не на голове.

К вящей растерянности и последующему ужасу Моркоу, Лосняга подробно растолковал назначение таинственного предмета.

— Мой прапрадедушка частенько говаривал, — завершил свою речь Лосняга, — если бы не эта штуковина, меня бы здесь сегодня не было.

— А почему он так говаривал?

Рот Лосняги несколько раз открылся и опять захлопнулся.

— Сам потом узнаешь, — сдался наконец он.

Так или иначе, постыдная штуковина лежала теперь на самом дне дорожного мешка Моркоу. Гномы не очень образованы в таких вещах. Это потустороннее защитное приспособление символизировало собой целый мир, не менее для них чуждый, чем обратная сторона луны.

Господин Лосняга подарил юноше еще кое-что. Это была маленькая, но очень толстая книга, переплетенная в кожу, ставшую с годами твердой, как дерево.

Название той книги гласило: «Законы и Постановления Городов Анка и Морпорка».

— Это также принадлежало моему прапрадедушке, — сообщил Лосняга. — Это то, что обязан знать каждый стражник. Чтобы стать хорошим офицером, ты должен вы зубрить все эти законы, — с тонким знанием предмета присовокупил он.

К сожалению, Лосняга не учел того, что за свою короткую жизнь среди гномов Моркоу еще ни разу не столкнулся с такой штукой, как инструкции, которые ни в коем случае не следует понимать буквально.

Моркоу торжественно принял книгу. Он искренне надеялся стать хорошим стражником — ему просто в голову не приходило, что можно быть плохим.

Это было путешествие длиной в пятьсот миль, и прошло оно, что довольно удивительно, без особых событий. Впрочем, если ты — тот, чей

рост зашкаливает за шесть футов, а плечи не пролезают в дверь, то твое путешествие скорее всего будет бессобытийным. Время от времени из-за разных скал выскакивают всякие люди, но тут же торопливо удаляются, бросая нечто вроде: «О, прошу прощения, я, видимо, ошибся...»

Большую часть своего путешествия Моркоу читал.

И вот сейчас перед ним расстился Анк-Морпорк.

Зрелище слегка разочаровывало. Ему казалось, над равниной будут возвышаться белые башни с реющими флагами. Анк-Морпорк не возвышался. Скорее, он норовил скрыться, прильнуть к земле, как будто опасаясь, что кто-то украдет ее прямо у него из-под носа. Флагов не было.

Ворота охранял стражник. По крайней мере, этот человек носил кольчугу, а штука, которую он выставлял вперед, уперев в свой необъятный живот, была пикой. Ну да, точно, он из Городской Стражи, подумал Моркоу.

Юноша отдал честь и показал письмо. Стражник некоторое время взирал на листок бумаги.

— М-м-м? — наконец произнес он.

— Насколько я понимаю, мне нужно к Волчу Шатунсу, Сл. Без., и.о., — сказал Моркоу.

— А что такое и.о.? — подозрительно осведомился стражник.

— Может, «Именно Он»? — высказал догадку Моркоу, который не раз ломал голову над загадочными буквами.

— Ладно, не знаю, как там насчет Сл. Без. и с чем эту штуку едят, — ответил стражник. — Но, по-моему, тебе нужен капитан Ваймс из Ночной Стражи.

— А где его можно найти? — вежливо спросил Моркоу.

— В это время дня лично я бы поискал в «Виноградной Горсти», что на Легкой улице, — ответил стражник. Он оглядел Моркоу с головы до ног. — Значит, в стражу поступаешь?

— Надеюсь доказать, что достоин того, — кивнул Моркоу.

Стражник бросил на него взгляд, которому весьма подошло бы определение «загадочный». Загадкой было то, что в этом взгляде почему-то сквозила боль всего мира.

— И что же такое ты натворил? — спросил он.

— Прости? — не понял Моркоу.

— Ты, видать, шибко набедокурил, — уточнил стражник.

— Мой отец написал письмо, — гордо заявил Моркоу. — И меня согласились принять добровольцем.

— Черт подери, — только и смог ответить стражник.

И вот опять наступила ночь, а тем временем за жутким порталом...

— Должным ли образом раскручены Колеса Мучений? — поинтересовался Верховный Старший Наставник.

Стоящие вокруг стола Озаренные Братья беспокойно зашебурились.

— Брат Сторожевая Башня? — спросил Верховный Старший Наставник.

— Я, что ли, за них отвечаю? — пробормотал брат Сторожевая Башня. — По-моему, Колеса Мучений раскручивает брат Штукатур...

— Ага, сейчас, как же, моя работа — смазывать Оси Вселенского Лимона, — горячо возразил брат Штукатур. — Вечно ты на меня все сваливаешь...

Надежно укрытый в пещере своего капюшона Верховный Старший Наставник устало вздохнул — начался очередной раунд. И вот с этими отбросами ему предстоит построить Эру Милосердия?..

— Ладно, ладно, все молчите! — отрезал он. — В сущности, сегодня вечером Колеса Мучений не так уж и нужны. Прекратите, вы, оба. А теперь, братья, все ли вы принесли предметы, которые вам было указано принести?

Ответом было дружное бормотание.

— Поместите их в Круг Заклинания, — велел Верховный Старший Наставник.

Коллекция представляла собой жалкое зрелище. Он приказал им принести магические предметы. Но только брат Палец раздобыл что-то мало-мальски стоящее. С виду оно смахивало на украшение жертвенного алтаря, так что о прошлом его назначении лучше было не интересоваться. Верховный Старший Наставник шагнул вперед и поддел носком один из прочих «предметов».

— Что, — осведомился он, — это такое?

— Амулет, — пробормотал брат Туговотс, — очень могущественный. Перекупил у одного человека. Действие гарантировано. Защищает от крокодилых зубов.

— Ты уверен, что сможешь прожить без такой ценной штуки? — презрительно осведомился Верховный Старший Наставник.

Остальные братья с готовностью захохотали, словно только и ждали подходящего момента.

— Поумерьте ваш пыл, братья, — резко повернулся к ним Верховный Старший Наставник. — Принесите магические предметы, велел я вам. А что я вижу? Дешевые безделушки и прочую чепуху! О небо, да город кишмя кишит волшебством! — Он вытянул указующий перст в сторону

следующей жертвы. — Ну-ка, а вот это что за штуковины?

— Камни, — в голосе брата Штукатура звучала неуверенность.

— Это я и сам вижу. И что же в них магического?

Брата Штукатура начала бить крупная дрожь.

— В них дырки, Верховный Старший Наставник. Всем известно, что камни с дырками волшебные.

Верховный Старший Наставник прошествовал на свое место в кругу и простер руки вверх.

— Хорошо. Отлично. Прекрасно, — утомленно уронил он. — Раз так, значит, так тому и быть. Пусть будет по-вашему. Но если в итоге мы получим дракона шести дюймов длиной, то все мы будем знать, что послужило тому причиной. Или я не прав, брат Штукатур? Что-что? Прости, я не расслышал. Эй, брат Штукатур!

— Я сказал «да», Верховный Старший Наставник, — прошелестел брат Штукатур.

— Очень хорошо. Я невероятно рад тому факту, что мы достигли в этом вопросе взаимопонимания.

Верховный Старший Наставник взял в руки книгу.

— А теперь, — продолжил он, — если все мы готовы...

— М-м-м, — брат Сторожевая Башня робко поднял руку. — Готовы к чему, Верховный Старший Наставник? — спросил он.

— Призвать дракона, разумеется. О небо, я уже начал было думать...

— Но, Верховный Старший Наставник, вы же не сообщили нам, что мы должны делать, — слабым голосом простонал брат Сторожевая Башня.

Старший Наставник поколебался. Брат прав, но признавать его правоту он не намерен.

— Ах да, само собой, — сказал он. — Но это ведь очевидно. Все вы должны сконцентрироваться на драконе. То есть изо всех сил думайте о драконе, — торопливо перевел он. — Все разом.

— И это все? — спросил брат Привратник.

— Да.

— И нам даже не надо, это, как его, читать тайные струны? Или на них играют? Вы дадите нам какой-нибудь инструмент?

Верховный Старший Наставник в упор воззрился на вопрошавшего. От безымянной тени в черной рясе веяло вызовом, отважно брошенным угнетателю прямо в лицо, вернее, в капюшон. Сразу было видно, брат Привратник вступил в тайное общество не для того, чтобы оставаться в стороне. Он спал и видел, когда наконец получит доступ к мистическим рунам. Или струнам — в общем, к чему бы там ни было.

— Ладно, — разрешил Верховный Старший Наставник. — Пусть каждый представит себе инструмент и играет на его тайных струнах. А теперь я хочу, чтобы вы — *ДА, БРАТ ТУГОВОТС, ЧТО ЕЩЕ СЛУЧИЛОСЬ?*

Маленький брат опустил руку.

— А я не умею играть ни на одном инструменте. Вообще не умею. У меня с детства нет слуха и....

— *ТОГДА ПОЙ КАКУЮ-НИБУДЬ ПЕСЕНКУ, ТОЛЬКО ЗАТКНИСЬ!*

Он наконец открыл книгу.

Верховный Старший Наставник был приятно удивлен, когда, перелистав множество заполненных набожной чепухой страниц, обнаружил, что на самом деле заклинание Вызова представляет собой одно коротенькое предложение. Причем это даже не поэтический отрывок, не какая-то там разумная фраза, а просто бессмысленный набор слогов. Де Малахит утверждал, что эти самые слоги влияют на волны реальности, но, вероятнее всего, спятивший старик просто выдумал это объяснение. Беда с этими волшебниками, вечно они усложняют. На самом деле единственное, что требуется, — это сила воли. А у братьев этого добра хоть отбавляй. Безмозглая, брызжущая ядовитой слюной сила воли — может, слегка подточенная упорно подавляемой злостью, но все же по-своему могущественная...

Сегодня ничего особенного он делать не будет. Потихонечку, полегонечку...

Озаренные Братья монотонно гудели, каждый выводил нечто свое, то, что он считал мистическим и таинственным. Общий эффект неплохой, главное — к словам не прислушиваться.

Слова. О да...

Он взглянул на страницу и произнес их вслух.

И ничего не произошло.

Он сморгнул.

Когда же он вновь открыл глаза, то обнаружил, что находится в каком-то темном переулке, в животе у него полыхает пламя, а сам он очень, очень сердит.

В жизни Зеббо Мути, вора третьей категории, эта ночь была, наверное, самой неудачной, и вряд ли он почувствовал бы себя намного счастливее, доведись ему узнать, что она также будет последней его ночью. Из-за дождя люди сиднем сидели по домам, и он серьезно недовыполнил квоту. Поэтому он и проявил несколько меньшую осмотрительность, чем в

обычных обстоятельствах.

В ночное время на улицах Анк-Морпорка осторожность должна быть абсолютной. Нет такого понятия, как умеренная осторожность. Вы либо очень осторожны, либо мертвы. Вы еще ходите и дышите, но конечный исход уже предопределен — вы все равно мертвы.

Из ближайшего переулка донеслись приглушенные звуки, напоминающие шаги. Зеббо Муть выпустил из рукава дубинку с кожаной рукояткой, выждал, когда жертва приблизится к углу дома, за которым он прятался, бросился на нее, воскликнул: «Вот хре...» — и скончался на месте.

Смерть его была крайне необычной — или необычным, ведь на Плоском мире Смерть мужского пола. В общем, вот уже несколько сотен лет таким образом никто не умирал.

Каменная стена у него за спиной накалилась до вишневого оттенка, который постепенно таял, пока совсем не растворился в окружающем мраке.

Зеббо Муть был первым, увидевшим Анк-Морпоркского дракона. Хотя вряд ли это могло послужить утешением, ведь в итоге Зеббо Муть умер.

— ...нь, — закончил он, и его дематериализованное «я» посмотрело сверху на маленькую горстку древесного угля, бывшую ранее его телом, из которого Зеббо Муть только что дематериализовали.

Странное это ощущение — видеть собственные бранные останки. Впрочем, сейчас это казалось гораздо менее ужасным, чем он предположил бы, спроси вы его об этом, скажем, минут десять назад. Зрелище себя мертвого смягчается осознанием того факта, что на самом деле не кто иной, как вы сами, видите себя мертвым.

Противоположный конец переулка был совершенно пуст.

— Вот это да... — тихо произнес Муть.

— ВЕСЬМА И ВЕСЬМА НЕОБЫЧНО, ТЫ ПРАВ.

— Ты тоже видел? Что это было? — Муть поднял взгляд на темную фигуру, выплывающую из теней. — А кстати, ты кто такой? — подозрительно осведомился он.

— УГАДАЙ, — ответил голос.

Муть воззрился на фигуру в капюшоне.

— Начальник! — воскликнул он. — А я думал, к таким мелким сошкам, как я, ты не являешься!

— Я ЯВЛЯЮСЬ К КАЖДОМУ.

— Я хотел сказать... в смысле лично.

— ИНОГДА. В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ.

— Ну да, ясно, — кивнул Муть, — это как раз один из таких случаев! Я имею в виду, морда у него была, как у самого настоящего дракона! Ну вот что мне было делать? Ведь не на каждом углу на драконов натыкаешься!

— А ТЕПЕРЬ НЕ БУДЕШЬ ЛИ ТЫ ТАК ЛЮБЕЗЕН ПРОЙТИ СЮДА, — произнес Смерть, кладя на плечо Мути скелетоподобную руку.

— Надо же, а гадалка предсказала мне, что я умру в собственной постели, окруженный скорбящими внуками, — промолвил Муть, следуя за величавой фигурой. — Ну, что ты на это скажешь?

— СКАЖУ, ЧТО ОНА ОШИБЛАСЬ.

— Проклятый дракон! — воскликнул Муть. — Огнедышащий к тому же. Я сильно мучился?

— НЕТ. ВСЕ ПРОИЗОШЛО ПРАКТИЧЕСКИ МГНОВЕННО.

— Хорошо. Было бы неприятно думать, что я скончался в муках. — Муть огляделся. — А что дальше-то? — спросил он.

У него за спиной капли дождя вбивали в грязь горстку пепла.

Верховный Старший Наставник открыл глаза. Он лежал на спине. Брат Туговотс собирался делать ему искусственное дыхание «рот в рот». Одной мысли об этом было достаточно, чтобы мгновенно привести в сознание кого угодно.

Наставник медленно сел, пытаясь стряхнуть ощущение, будто весит несколько тысяч тонн и весь покрыт чешуей.

— Мы сделали это, — прошептал он. — Дракон! Он пришел! Я чувствовал его!

Братья недоуменно переглянулись.

— А мы ничего не видели, — высказался за всех брат Штукатур.

— Я вроде как что-то заметил, — брату Сторожевой Башне хотелось быть верным Наставнику.

— Здесь вы и не могли ничего видеть, — отрезал Верховный Старший Наставник. — Вряд ли вам понравилось бы, если бы он материализовался прямо в этой комнате. Нет, он был там, в городе. Появился всего на несколько секунд...

Он вытянул руку:

— Смотрите!

Братья виновато повернулись, ожидая, что на них вот-вот изольется раскаленная лава справедливого возмездия.

Магические предметы, лежащие в центре круга, тихонько рассыпались в пыль. Амулет брата Туговотса раскололся на несколько кусочков.

— Это надо ж! — прошептал брат Палец. — Чтоб мне сквозь землю

провалиться!

— Я целых три доллара за него отдал, — пробормотал брат Туговотс.

— Вот оно, наглядное доказательство нашего успеха, — возвестил Верховный Старший Наставник. — У нас получилось! Мы в самом деле можем вызывать драконов!

— Только это чуть дороговато. В смысле волшебных предметов, — с сомнением в голосе откликнулся брат Палец.

— *...Три доллара, с ума сойти! Целых три, это вам не пустяк какой...*

— Власть, — рыкнул на него Верховный Старший Наставник, — не дается задешево.

— Тут вы в точку попали, — кивнул брат Сторожевая Башня. — Дорого она нам обошлась, эта власть. В самую что ни на есть точку. — Он вновь посмотрел на горстку пепла, оставшуюся от магических предметов. — Однако мы ведь сделали это, правда? Первая попытка — и все у нас получилось!

— Видите? — сказал брат Палец. — Я же говорил вам, ничего страшного в этом нет.

— Вы все действовали исключительно хорошо, — ободряюще заметил Верховный Старший Наставник.

— *...Просил за него все шесть, а потом сказал, мол, себя режу без ножа, но ладно, так уж и быть, пусть будет три...*

— Да-а, — протянул брат Сторожевая Башня. — Теперь-то до нас дошло! И нисколечки это не больно и не опасно. Мы тут настоящее волшебство сотворили! И никаких тебе демонов, брат Штукатур, что бы ты там ни обещал. Видишь, нас никто никуда не утащил!

Прочие братья закивали. Настоящее волшебство. Никакой опасности. Просто осторожненько надо, вот и весь секрет.

— Постойте-ка, — прервал всеобщее ликование брат Штукатур. — А куда этот дракон подевался? Ну, мы ведь взаправду его вызвали? Или нет?

— Вечно ты задаешь всякие глупые вопросы... — с сомнением в голосе отозвался брат Сторожевая Башня.

Верховный Старший Наставник отряхнул со своего мистического одеяния пыль и торжественно возвестил:

— Мы призвали его, и он пришел. Но оставался здесь только до тех пор, пока действовало волшебство. А потом вернулся обратно. Если мы хотим, чтобы он оставался дольше, потребуется большее количество магии. Понятно? Именно ее получением нам и следует заняться.

— *...Три доллара... Были да сплыли...*

— Эй, там, заткнись, а?!!

«Дорогой отец, — (писал Моркоу), — вот я и в Анк-Морпорке. Здесь все не как дома. Видно, город немного изменился с тех пор, как здесь был прапрадедушка господина Лосняги. Мне лично кажется, что местные жители не умеют отличать Добро от Зла.

Я нашел капитана Ваймса в обыкновенном трактире. Я помню, ты говорил мне, что хороший гном не ходит в такие места, но поскольку капитан Ваймс никак не выходил наружу, то я вошел внутрь. Он сидел там, положив голову на стол. Когда я заговорил с ним, он сказал, Выбери кого-нибудь другого, сынок, у меня в голове и так звон страшный. Думаю, это потому, что он был здорово набравшись. Он велел мне найти место, где остановиться, а вечером зайти в штаб и доложить о своем прибытии сержанту Колону. Он сказал, Тот, кто добровольно вступает в Городскую Стражу, должен провериться, все ли у него в порядке с головой.

Об этом господин Лосняга не упоминал. Может, здесь преследуются соображения той самой богини, о которой ты мне рассказывал, ну, Гиены-Ги. Но ты ведь постриг меня прямо перед отъездом.

В общем, я пошел прогуляться. Людей здесь очень много. Я забрел в одно место, оно называется Тени. А потом я увидел, как несколько мужчин пытаются ограбить юную Даму. Я занялся ими. Они совсем не умели драться, и один из них попытался ударить меня в Жизненно-Важные Органы, но я, как мне было велено, ношу Защитное Приспособление, и он только ушибся. После этого Дама подошла ко мне и спросила, Не хочу ли я в Постельку. Я ответил, да, хочу. И она отвела меня к себе домой. Ее дом почему-то называется „бардель“ — видимо, это от слова „бардак“, там все время суета, поскольку живут сплошные Дамы. Этот дом содержит госпожа Лада. Та юная Дама, чей кошелек я спас, ее зовут Рит, сказала, Это надо было видеть, их было трое, просто поразительно. А госпожа Лада сказала, За счет заведения. А еще сказала, Какое большое Защитное Приспособление. Так что я пошел наверх и заснул, хоть место и очень шумное. Рит пару раз будила меня и спрашивала, Хочешь ли ты чего-нибудь, но яблок у них не оказалось. Так что я С Луны Свалился, как они здесь выражаются, только я не понимаю, как это возможно, ведь, чтобы откуда-то свалиться, надо туда сначала забраться, а кто же может забраться на луну? Это называется Здравый Смысл.

Работы здесь непочатый край, это точно. По пути к сержанту Колону я увидел здание с вывеской „Гильдия Воров“, представляешь! Я спросил об этой гильдии у госпожи Лады, и она ответила, Все нормально. И добавила, Там встречаются главные воры в городе. В общем, я пошел в

штаб-квартиру Ночной Стражи и познакомился там с сержантом Колоном, очень толстым человеком, и когда я рассказал ему о Гильдии Воров, он сказал, Не будь идиотом. Хотя вряд ли он говорил всерьез. Он сказал, Гильдия Воров не должна волновать тебя, Все, что тебе надо делать, это ходить по Улицам Ночью и кричать, Двенадцать Часов и Все Спокойно. Я спросил, А что, если не все на улице будет спокойно, и он ответил, Ты поступишь чертовски умно, если найдешь другую улицу. Это не Правильное Руководство. Мне выдали кольчугу. Она ржавая и плохо выкована.

За работу стражником платят деньги. 20 долларов в месяц, вот сколько. Когда я получу их, то сразу пошлю вам.

Надеюсь, у вас все хорошо и Ствол номер 5 открыли. Сегодня днем еще раз навещу Гильдию Воров. Это позор. Я должен что-то предпринять, и это деяние будет достойным началом моей Службы.

Я уже начинаю Всасывать, как здесь разговаривают.

Ваш любящий сын, Моркоу.

P.S. Пожалуйста, передайте Мятке, что я люблю ее всем сердцем. И очень скучаю по ней».

Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, прикрыл глаза рукой.

— ЧТО он сделал?

— Меня ПРОВЕЛИ по улицам! — воскликнул Урдо ван Пью, в данный момент президент Гильдии Воров, Карманников, Взломщиков и Прочих Работников Ножа и Топора. — Среди бела дня! Со связанными руками!

Потрясая гневно вздетым пальцем, он сделал несколько шагов в направлении изысканного кресла патриция.

— Вам прекрасно известно, что за рамки Бюджета мы не выходили, — продолжал ван Пью. — И подвергнуться такому УНИЖЕНИЮ! Как будто я обычный преступник! Я требую извинений по всей форме, — добавил он, — иначе вам придется иметь дело с очередной забастовкой. Мы будем вынуждены прибегнуть к ней, несмотря на наше врожденное чувство гражданской ответственности.

Палец. Вот с пальцем он дал маху. Патриций холодно взирал на палец ван Пью. Президент Гильдии Воров проследил за его взглядом и быстро опустил руку. Патриций не тот человек, которому можно грозить перстом, если только он у тебя не лишний.

— Так ты утверждаешь, это был один-единственный стражник? — произнес лорд Витинари.

— Да! И... — Ван Пью заколебался.

Это действительно звучало странно — теперь, когда он описывал происшествие другому человеку.

— Но вас же там сотни, — спокойно заметил патриций. — Полным-полно, как, прости за выражение, собак нерезанных.

Рот ван Пью несколько раз открылся и закрылся. Честный ответ звучал бы так: да, и если кому вздумается красться по нашим коридорам, высматривая и вынюхивая, то тем хуже для него. Но этот умник ввел всех в заблуждение именно тем, что вошел так, как будто он здесь хозяин. Этим и еще тем, что укладывал всех встречных вдоль стен и велел им Не Препятствовать.

Патриций кивнул.

— Я займусь этим, не откладывая в долгий ящик, — сказал он.

Хорошее выражение. Собеседник, услышав его, начинает теряться в догадках. Так сразу и не определишь, что патриций имел в виду: то ли он займется делом *ПРЯМО СЕЙЧАС*, то ли займется им *ВСКОРЕ*. Но уточнять никто не решался.

Ван Пью расслабился.

— Прошу заметить, мне требуется официальное извинение. Нужно держать марку, — добавил он.

— Да, да, конечно. А то вместе с маркой может упасть и голова, — ответил патриций, в очередной раз играя словами на собственный, оригинальный манер.

— Верно. Хорошо. Спасибо. Очень хорошо, — забеспокоился вор.

— В конце концов, у тебя столько работы, — продолжал лорд Витинари.

— Да, конечно, это так.

Вор заколебался. Последнее замечание патриция содержало в себе скрытый яд. Оно заставляло настроиться в ожидании нападения.

— Э-э... — произнес он, надеясь услышать ключ к разгадке.

— Когда проворачивается такое количество дел, вот что я хочу сказать.

На лице вора явственно отобразилась паника. По сознанию лихорадочно заскакало чувство вины. Вопрос не в делах — вопрос в том, о каком из «дел» патриций пронюхал. У этого человека глаза повсюду, и ни одни из них не ужасают так, как эти, настоящие, — синие и льдистые, вперившиеся в него сейчас.

— Я, э-э, не вполне улавливаю... — начал он.

— Занятный выбор мишеней. — Патриций взял в руки лист бумаги. — К примеру, хрустальный шар, принадлежащий гадалке с Чистой Воды

улицы. Небольшое украшение из храма Бога-Крокодила Оффлера. И тому подобное. Безделушки.

— Боюсь, я и в самом деле не в курсе, — почесал в затылке главный вор.

Патриций наклонился вперед.

— Надеюсь, здесь не замешано нелегализованное воровство? — спросил он^[6].

— Я лично разберусь с этим вопросом! — заикаясь, пробормотал ван Пью. — Положитесь на меня.

Патриций улыбнулся ему сладкой улыбкой.

— Именно так я и поступлю, — промолвил он. — Спасибо, что заглянул. Не смею больше задерживать.

Вор попятился. Вечно так с патрицием, с горечью подумал он. Приходишь к нему с абсолютно оправданной жалобой. Но вскоре ты уже пятишься к дверям, кланяясь и расшаркиваясь, пребывая на седьмом небе от счастья просто от того, что тебя отсюда выпустили. Да уж, тут надо отдать патрицию должное, с неохотой признал ван Пью. Иначе он пошлет своих людей и возьмет это должное сам.

Когда вор ушел, лорд Витинари позвонил в бронзовый колокольчик, предназначенный для вызова секретаря. Последнего, несмотря на уже упоминавшуюся загадочную подпись в конце письма, звали Волч Воунз. Воунз появился незамедлительно, с ручкой наготове.

Волч Воунз целиком и полностью соответствовал своей должности. Он был воплощением аккуратности. Его облик неизменно создавал впечатление завершенности. Даже волосы его были так прилизаны, настолько густо смазаны маслом, что казалось, их просто нарисовали на обтянутом кожей черепе.

— Похоже, у стражи возникли какие-то проблемы с Гильдией Воров, — начал патриций. — Здесь побывал ван Пью, и он заявил, что его посмел арестовать кто-то из наших стражников.

— За что, ваша милость?

— Очевидно, за то, что он вор.

— Кто-то из наших стражников? — переспросил секретарь.

— Да, да, я тебя прекрасно понимаю. А теперь иди и разберись.

Патриций улыбнулся собственным мыслям.

Своеобразное чувство юмора патриция нелегко было понять, но образ краснолицего, разгневанного президента Гильдии Воров возвращался к нему снова и снова.

Одним из величайших вкладов патриция в надежность

функционирования гигантской машины под названием Анк-Морпорк стала легализация древней Гильдии Воров. Причем сделано это было сразу, как только патриций вступил во власть. Он рассуждал совершенно логично: преступность всегда сопровождала нас, и если от этого никуда не деться, то пусть она, по крайней мере, будет *ОРГАНИЗОВАННОЙ*.

Исходя из этого, к гильдии обратились с призывом выйти из подполья и построить свой Дом Гильдии, занять законное место на городских банкетах и открыть собственный колледж с краткосрочными курсами, дипломами, всеми необходимыми официальными печатями и так далее. В обмен на сокращение численности Городской Стражи воры, честно глядя в глаза патрицию, пообещали не превышать устанавливаемый ежегодно уровень преступности. При такой постановке вопроса, счел лорд Витинари, все смогут прогнозировать ситуацию, и хаос жизни лишится значительной части своей неопределенности.

Затем, короткое время спустя, патриций вновь собрал ведущих воров и сказал: о, кстати, имеет место еще кое-что. В чем проблема? Ну, понимаете...

Мне теперь известно, кто вы такие, сказал он. Я знаю, где вы живете. Знаю, на каких лошадях ездите. Знаю, где ваши жены делают прическу. Знаю, где ваши прелестные детишки, а сколько им сейчас, о, как быстро летит время — итак, я даже знаю, где они играют. Так что, надеюсь, вы не забудете, о чем мы договорились? В конце своей речи он улыбнулся.

Ворам тоже пришлось улыбнуться.

В итоге все остались довольны и никто не ушел обиженным. Главным ворам потребовалось на удивление мало времени, чтобы отрастить брюшко, нашить себе одеяний с гербами и начать проводить сборища в приличных банкетных залах, вместо того чтобы собираться в душных и прокуренных вертепах, которые никто особо не любил. Сложная система квитанций и товарных чеков гарантировала, что хотя в качестве объекта внимания гильдии мог быть выбран любой из жителей Анк-Морпорка, все же передозировка никому не грозила, и многих это устраивало — по крайней мере, ту часть граждан, которые были достаточно богаты, чтобы позволить себе выплату гильдии вполне умеренных премий за возможность спокойно жить. Эту систему обозвали странным заморским словом «страхи-в-ванне». Никто не мог сказать точно, что оно значило изначально, но Анк-Морпорк вложил в него собственное значение.

Стражники, конечно, в восторг не пришли, однако очевидная реальность заключалась в том, что воры контролировали преступность значительно лучше, чем это когда-либо получалось у Городской Стражи.

Теперь стражникам приходилось лезть из кожи вон, работая вдвое больше, чтобы хоть чуть-чуть сократить уровень преступности, в то время как все, что требовалось от Гильдии Воров, это чуточку меньше работать.

И вот город процветал, а стража тем временем тихо чахла, словно бесполезный придаток, покуда не превратилась в горстку жалких безработных неудачников, которым идти было совсем некуда, разве что в Городскую Стражу, и к которым ни один здравомыслящий человек не стал бы относиться серьезно.

Наоборот, теперь стражникам всячески намекали, чтобы они выбросили из головы эту дурь — бороться с преступностью. Но пусть главный вор еще немного поволнуется — такая игра стоит свеч, решил патриций.

Капитан Ваймс постучал — очень неуверенно, поскольку каждый удар эхом отдавался у него в черепе.

— Войдите.

Ваймс снял шлем, запихал его в сгиб локтя и толкнул дверь. Она отворилась со скрипом, распилившим его мозг напополам тупой пилой.

В присутствии Волча Воунза он всегда чувствовал себя неловко. Если уж на то пошло, в присутствии патриция он тоже ощущал неловкость — но то совсем другое, там вступали в действие природные инстинкты. Ну и обыкновенный страх, конечно. В то время как Воунза он знал с раннего детства, которое протекало в Тенях. Уже тогда этот пацан подавал большие надежды. Нет, в главарях банды он не ходил. Силенок не хватало, кишка была тонка. Да и, в конце концов, что толку быть главарем банды? Каждому главарю банды дышит в спину пара каких-нибудь молодых да ранних «лейтенантов», жаждущих занять его место. Главарь банды — здесь долгосрочных перспектив нет. Но в каждой банде имеется свой бледный малыш, которого держат потому, что именно от него исходят все умные идеи, связанные, как правило, с пожилыми женщинами и незапертыми магазинами. Естественно, что в мироздании Теней эту нишу занимал Воунз.

Тогда как Ваймс был одним из «средних чинов», этаким мальчиком на подпевках, чья роль ограничивается только одним: в нужный момент пропеть «да». В его памяти Воунз остался костлявым пацаненком, вечно волочащимся где-то позади, в потрепанных, доставшихся от многочисленных старших братьев штанах. А передвигался Воунз забавным «подпрыгом», который он выработал, чтобы не отставать от прочих мальчишек. Однако идеи он выдавал одну за другой — так он отвлекал

вышестоящее руководство от ленивого и не всегда для Воунза приятного «прикалывания» над ним, их любимого времяпрепровождения в те промежутки, когда что-либо более захватывающее отсутствовало. В преддверии зрелости это была идеальная тренировка, и Воунз воистину достиг высот.

Да, жизненный путь обоих мальчишек начался в канаве. Но Воунз всеми силами выкарабкивался оттуда, в то время как Ваймс, чего он и не отрицал, всего лишь *плыл по течению*. Иной раз казалось, вот-вот — и он поднимется на ступеньку повыше, так нет ведь — то выскажется начистоту, то ляпнет что-нибудь не то. Обычно и то и другое одновременно.

Вот что заставляло его испытывать неловкость в присутствии Воунза. Оглушительное тиканье начищенного будильника честолюбия.

Ваймс так и не овладел азами честолюбия. Честолюбивые намерения испытывал кто угодно, только не он.

— А, Ваймс.

— Так точно, — деревянным голосом откликнулся Ваймс.

Он даже не стал пытаться отдать честь — во избежание стремительного падения. Жаль, не нашлось времени выпить ужин.

Воунз порылся в грудях бумаг на столе.

— Странные вещи творятся, Ваймс. Боюсь, на вас поступила серьезная жалоба.

Воунз наконец оторвался от своих бумаг. Очков он не носил. Но если бы носил, то непременно воззрился бы на Ваймса поверх них.

— Господин?

— Один из солдат Ночной Стражи. Похоже, он арестовал главу Гильдии Воров.

Ваймс слегка покачнулся и постарался сосредоточиться. К такому обороту он не был готов.

— Прошу прощения, господин, — выдавил он. — Я, по-моему, что-то не так понял.

— Я сказал, Ваймс, что один из твоих людей арестовал главу Гильдии Воров.

— Один из моих людей?

— Да.

Рассеявшиеся мозговые клетки Ваймса отважно пытались перегруппироваться.

— Солдат **НОЧНОЙ СТРАЖИ!** — выговорил наконец он.

Воунз невесело улыбнулся.

— Связал его и оставил перед дворцом. Это дело слегка попахивает.

Тут был еще документ... а... вот он... «Согласно статье 14 (пункты г, д, е) Гражданского Уголовного Кодекса от 1678 года сей человек обвиняется в участии в Преступном Сговоре. Подпись: Моркоу Железобетонссон».

Ваймс напряженно покосился на Воунза.

— Четырнадцать «где»?

— Понятия не имею.

— И что это означает?

— Кабы я знал, — сухо ответил Воунз. — Так что насчет этого, как его, Моркоу?

— Но мы не делаем ничего такого! — воскликнул Ваймс. — Нельзя просто так взять и арестовать члена Воровской Гильдии. Я хочу сказать, если б можно было, мы бы день и ночь этим занимались, но ведь нельзя!

— Очевидно, этот твой Моркоу считает иначе.

Капитан затряс головой и поморщился от боли.

— Моркоу? Первый раз слышу.

Перед мутной убежденностью, с которой были произнесены эти слова, даже Воунз отступил.

— Но он... — Тут секретарь вдруг что-то вспомнил. — Моркоу, Моркоу... — проговорил он. — Это имя я раньше слышал. Нет, видел его написанным. — Его лицо утратило всякое выражение. — Доброволец, вот кто он такой! Помнишь, я показывал тебе письмо?

Ваймс уставился на него:

— То самое? От какого-то там, как его, гнома?

— Точно. Там еще упоминалось служение обществу и создание безопасных условий на улицах. Он просил, чтобы его сына сочли достойным и приняли в Городскую Стражу.

Секретарь зарылся в свою картотеку.

— А что он натворил?

— Ничего. В этом-то все и дело. Ничегошеньки. Чист как младенец.

Бровь Ваймса напряженно изогнулась, отражая отчаянные мозговые усилия вспомнить крайне редкое, почти неупотребляемое слово.

— **ДОБРОВОЛЕЦ!** — выговорил он.

— Да.

— И он вовсе не обязан был поступать на службу?

— Он *ХОТЕЛ* поступить на службу. Ты еще тогда сказал, это, мол, шутка, а я сказал, можно попробовать, надо чаще принимать в Городскую Стражу представителей этнических меньшинств. Припоминаешь?

Ваймс попытался. Припоминать было нелегко. Правда, он смутно помнил, что пил он именно для того, чтобы забыть. И допился до такой

степени, что не помнил, что же ему все-таки нужно забыть. В конце концов он принялся пить, чтобы забыть о том, сколько он пьет.

Мешанина обрывочных картин — он уже и не пытался удостоить ее гордым именем Память — безмолвствовала.

— Помню ли я? — беспомощно сказал он. Воунз сложил руки на столе и наклонился вперед.

— Послушай, капитан, — сказал он. — Наш с тобой повелитель и господин желает разъяснений. Мне очень не хочется объяснять ему, что капитан Ночной Стражи не имеет ни малейшего представления о том, что происходит среди людей, находящихся, с позволения сказать, под его командованием. Такие вещи приводят только к неприятностям, начинают задаваться ненужные вопросы и так далее. Мы ведь не хотим этого, не правда ли? Хотим или нет?

— Нет, — пробормотал Ваймс.

Его подсознание упорно буравило некое смутное воспоминание — кто-то что-то упорно втолковывал ему в «Виноградной Горсти». Точно, втолковывал. Но гном ли это был? Нет — разве что за последние несколько часов облик среднего гнома ни с того ни с сего разительно переменялся.

— Правильно, мы этого не хотим, — одобрительно кивнул Воунз. — Старые добрые времена, уж столько лет мы вместе и тому подобное. В общем, я подумаю, что сказать патрицию, а ты, капитан, поставь себе целью выяснить, что происходит, и положить этому конец. Преподайте этому гному краткий урок на тему, что такое быть настоящим стражником, хорошо?

— Ха-ха, — дежурно откликнулся Ваймс.

— Не понял? — нахмурился Воунз.

— О. Прошу прощения. Гному — краткий урок. Я было решил, что это своего рода этническая шутка. Господин.

— Слушай, Ваймс, я отношусь к тебе с большим пониманием. Учитывая обстоятельства. Но теперь я хочу, чтобы ты взял ноги в руки и побыстрее разобрался с этим делом. **ПОНЯТНО?**

Ваймс отдал честь. Мрачная депрессия, которая всегда подстерегала за углом, готовая воспользоваться моментом неожиданной трезвости, овладела его языком.

— Так точно, господин секретарь! — рявкнул он. — Я непременно прослежу, чтобы он твердо усвоил: арестовывать воров — это незаконно.

Сказал и тут же пожалел об этом. Вот если бы он не говорил таких вещей, то и жилось бы ему куда лучше. Был бы большим человеком, капитаном дворцовых стражников. Но в свое время патриций удачно

пошутил — отдал под его начало Ночную Стражу.

Впрочем, Воунз уже не слышал его — читал новый документ, вытасченный из огромной кучи лежащих у него на столе бумаг. Если он и уловил сарказм, то никак этого не показал.

— Проследи, проследи, — только и сказал секретарь патриция.

«Дражайшая матушка, — (писал Моркоу). — Сегодня было гораздо лучше. Я пришел в Гильдию Воров, арестовал там главного Злодея и волоком притащил его во дворец патриция. Больше он не сможет творить свои злодеяния. По крайней мере, я так думаю. И госпожа Лада говорит, что я могу оставаться жить на чердаке, мол, всегда полезно иметь поблизости мужчину. Это было потому, что прошлой ночью пришли Здорово Набравшиеся Мужики, они стали Буянить в одной из Комнат Девушек, и мне пришлось поговорить с ними, но они были Настроены на Драку, и один из них попытался ударить меня коленом, но на мне было Защитное Приспособление, и госпожа Лада говорит, что он сломал себе Коленную Чашечку, но за новую платить не надо.

Некоторых обязанностей Стражи я не понимаю. У меня есть напарник, его зовут Шнобби. Он говорит, что я слишком умный. А еще он говорит, что мне нужно многому научиться. Наверное, это правда, потому что я дошел только до Страницы 326 „Законов и Постановлений Городов Анка и Морпорка“.

Большой привет всем, Твой Сын, Моркоу.

P. S. Большой привет Мятке».

Дело не только в одиночестве, дело в перевернутом с ног на голову образе жизни. Вот в чем дело, думал Ваймс.

Ночная Стража выходила на дежурство, когда весь остальной мир укладывался в постельку, и ложилась спать, когда над Дисксом начинали плыть волны рассвета. Всю свою жизнь вы проводите на мокрых темных улицах, в мире теней. Ночная Стража привлекала тот тип людей, которые по той или иной причине имели склонность к такой жизни.

Он приближался к штаб-квартире Ночной Стражи. Это здание было древним и удивительно большим; с одной стороны его подпирала кожевенная мастерская, а с другой — магазинчик портного, изготовлявшего подозрительного вида кожаные изделия. Когда-то давно здание, должно быть, производило впечатление, но сейчас большей частью оно пустовало, и некоторые этажи посещались лишь совами и крысами. Выбитый над входной дверью девиз на древнем языке города почти истерся от времени,

въевшейся грязи и плесени, однако еще можно было разобрать следующие буквы:

FABRICATI DIEM, PVNC

В переводе это значило «Защищать и Служить» — со слов сержанта Колона, который служил в иностранных частях и считал себя немалым специалистом в языках.

Да, в прежние времена служить в Городской Страже было честью.

Ох уж этот сержант Колон, подумал Ваймс, на ощупь пробираясь по сумрачному помещению со спертым воздухом. Самый что ни на есть любитель темноты. Тридцатью годами счастливого брака сержант Колон был обязан именно тому факту, что госпожа Колон работала весь день, а сам сержант Колон — всю ночь. Общались они с помощью записок. Прежде чем уйти в ночное, он готовил ей чай, а она по утрам оставляла ему в печке вкусно приготовленный и горячий завтрак. У них было трое взрослых детей, рожденных, как предполагал Ваймс, в результате использования чернил с повышенной проникаемостью.

А уж касаясь капрала Шноббса... в общем, любой человек, смахивающий на Шнобби, имеет более чем достаточно причин прятаться от глаз людских. Как раз тут вопросов не возникает. Сказать, что Шнобби обладает звериной внешностью, означало бы нанести смертельное оскорбление всему животному миру.

Ну и сам капитан Ваймс. Костлявая, небритая коллекция дурных привычек, маринованных в алкоголе. И вот эта компания составляет Ночную Стражу. Всего трое. Когда-то их были десятки, сотни. А теперь — только трое.

Ощупывая руками стены, Ваймс поднялся по лестнице, проковылял в кабинет, рухнул в первобытное, давным-давно продавленное кожаное кресло, пошарил в верхнем ящике, вытащил оттуда бутылку, вцепился зубами в пробку, потянул, выплюнул пробку, отпил. Рабочий день начался.

Мир перед глазами медленно обрел очертания.

Жизнь не более чем химия. Капля здесь, капелька там, глядишь, все и изменилось. Немного забродившего сока — и внезапно оказывается, что ты можешь протянуть еще несколько часов.

Когда-то в стародавние времена, когда этот район считался приличным, некий полный надежд хозяин расположенного по соседству трактира заплатил одному волшебнику значительную сумму, чтобы тот сделал ему светящуюся надпись, каждую букву своим цветом. Теперь надпись включалась, когда ей заблагорассудится, и периодически замыкалась от влаги. На данный момент буква «И» была кричаще-розовой

и время от времени беспорядочно вспыхивала.

Ваймс привык к этому. Это стало вроде как частью жизни. Некоторое время он не отрываясь созерцал мерцающую игру света на осыпавшейся штукатурке, а затем поднял обутую в сандалию ногу и тяжело постучал по деревянному полу, дважды.

Раздавшийся через несколько минут отдаленный прерывистый хрип послужил верным признаком того, что сержант Колон добрался до лестницы.

Ваймс начал считать про себя. На верхней лестничной площадке Колон неизменно притормаживал и ровно шесть секунд восстанавливал дыхание.

На седьмой секунде дверь отворилась. В проеме, подобное полной луне, возникло лицо сержанта.

Наиболее точным описанием сержанта Колона будет следующее: он принадлежал к той категории людей, которые, выбрав военную карьеру, навсегда остаются в должности сержанта. Их абсолютно невозможно представить капралами. Или, если уж на то пошло, капитанами. Если же такой человек изберет иное поприще, то окажется, что он словно скроен для профессии, скажем, мясника или колбасника — одним словом, для той работы, для которой требуются большое красное лицо и способность истекать потом даже в самый лютый мороз.

Он отдал честь и бережно положил на стол Ваймса истрепанный лист бумаги.

— Добрый вечер, капитан, — поприветствовал он. — Доклад о вчерашних происшествиях и все такое. А еще ты задолжал четыре пенса «Чайному Клубу».

— Что там с этим гномом, сержант? — резко оборвал его Ваймс.

Бровь Колона дрогнула.

— С каким-таким гномом?

— Который только что вступил в Ночную Стражу. Его зовут... — Ваймс поколебался, — Моркоу или что-то в этом роде.

— Моркоу? — у Колона отвалилась челюсть. — Так он ГНОМ? Я всегда говорил, нельзя верить этим мелким негодьям на слово! Вот подлец, мелюзга паршивая! Он надул меня, капитан, наврал насчет своего роста! — Сержант Колон слыл закоренелым «размеристом» — он искренне считал, что не стоит верить тому, кто ниже тебя ростом.

— Тебе известно, что сегодня утром он арестовал президента Воровской Гильдии?

— За что?

— Видно, за то, что он президент Гильдии Воров.

Физиономия сержанта приняла озадаченное выражение.

— А в чем тут преступление-то?

— Пожалуй, лучше мне поговорить с самим Моркоу, — вздохнул Ваймс.

— А разве ты его не видел? — удивился Колон. — Он говорил, что докладывался тебе.

— Ах да, совсем забыл. Закрутился. Масса дел, знаешь ли, — тон у Ваймса стал озабоченным.

— Да, сэр, — вежливо сказал Колон.

У Ваймса хватило совести отвести глаза и начать рыться в кипах бумаг, высящихся на столе.

— Надо как можно скорее убрать его с улиц, — пробормотал он. — Иначе следующей новостью станет арест главы Гильдии Убийц — за то, что он чертовски хорошо управляется с ножом и прочими инструментами! Где Моркоу?

— Я послал его в патруль, на пару с капралом Шноббсом, капитан. Подумал, пускай Шнобби покажет мальчишке все ходы и выходы, вроде того.

— Ты послал новобранца в паре со Шноббсом?! — Ваймс утомленно закатил глаза.

Колон замялся.

— Да, сэр, я так подумал, капрал человек опытный, может многому его научить...

— Остается только надеяться, что пацан плохо поддается учебе, — пробурчал Ваймс, нахлобучивая на голову бурый от ржавчины металлический шлем. — Пошли.

Когда они вышли из штаба, их взорам предстала прислоненная к стене таверны лестница. Грузный мужчина на верхней перекладине изрыгал под нос проклятия и сражался со светящейся вывеской.

— «И» плохо работает, — окликнул Ваймс.

— Что?

— «И». А «Т» шипит, когда идет дождь. Самое время чинить.

— Чинить? О. Ну да. Чинить. Спасибо большое. Обязательно починю. Собственно, уже чиню.

Стражники зашлепали по лужам прочь. Брат Сторожевая Башня медленно покачал головой, а затем вновь устался на отвертку.

Людей, подобных капралу Шноббсу, можно встретить в рядах любых

вооруженных сил. Несмотря на энциклопедические знания всяческих Законов и Постановлений, они всеми правдами и неправдами умудряются не продвинуться дальше, скажем, капрала. Разговаривал Шноббс, едва открывая рот. И не переставая курил, но странная особенность, заметил Моркоу, заключалась в том, что любая выкуриваемая Шноббсом сигарета превращалась в бычок почти мгновенно — она так и торчала в уголке его рта, пока капрал не засовывал ее за ухо, напомиравшее собой никотиновый вариант слоновьего кладбища. В тех редких случаях, когда капрал извлекал-таки бычок изо рта, он держал его большим и указательным пальцами, пряча в ладони.

Шноббс был кривоногим коротышкой, несколько смахивающим на шимпанзе — только этого шимпанзе на съемки для календарей никогда не приглашали и не пригласят.

Относительно возраста капрала трудно было сказать что-то определенное. Но судя по его цинизму и общей усталости от мира — качеств, кислотой разъедающих человеческую личность, — Шноббсу было не меньше семи тысяч лет.

— На этом маршруте можно хорошо пожить, — ухмыльнулся он, когда оба стражника повернули на мокрую улицу в торговом квартале.

Он дернул за ручку двери. Дверь оказалась запертой.

— Держись меня, — добавил Шноббс, — и я прослежу, чтобы дела у тебя шли как надо. А теперь начинай дергать за все ручки на другой стороне улицы.

— А. Понятно, капрал Шноббс. Мы должны проверить, все ли владельцы магазинов и лавок заперли свои заведения.

— Схватываешь на лету, сынок.

— Надеюсь, что вскоре схвачу на месте преступления какого-нибудь злодея, — с жаром воскликнул Моркоу.

— Э-э, да, — неуверенно протянул капрал.

— А если мы обнаружим незапертую дверь, то немедленно позовем хозяина, — продолжал Моркоу. — Но один из нас должен будет остаться в доме, чтобы охранять товар, верно?

— Да? — Шноббс просиял. — Я возьму это на себя, — радостно заявил он. — Не тревожься. Твое дело разыскать жертву. Я хотел сказать, хозяина.

Он попробовал очередную ручку. Та повернулась.

— У нас в горах, — продолжал рассуждать Моркоу, — вора, пойманного на месте преступления, подвешивали за... вздергивали на...

Он сделал паузу, мечтательно дергая за ручку. Рука Шноббса, уже

собиравшаяся открыть дверь, застыла.

— Подвешивали? Вздергивали? — зачарованный жуткой картиной, переспросил он.

— Никак не могу вспомнить, что именно с ними делали, — ответил Моркоу. — Но моя мама говорила, что негодьям досталось по заслугам. Красть — это Плохо.

Шноббс пережил множество кровавых стычек. У него был один особый прием, который всегда выручал его: Шноббс просто никогда не участвовал в такого рода стычках. Капрал отпустил дверную ручку и любовно ее похлопал.

— Ага! — воскликнул Моркоу.

Шноббс подпрыгнул.

— Что? — заорал он.

— Вспомнил, что мы с ними делали, — сообщил Моркоу.

— О, — утомленно вздохнул Шноббс. — И что же?

— Мы подвешивали их на центральной площади, — с готовностью разъяснил Моркоу. — Иной раз оставляли там на несколько дней. И больше они за старое не брались. Вот и все, дело в каске, как говорится.

Шноббс прислонил пику к стене и выудил из заушных хранилищ бычок. Так, про себя решил он, надо бы кое-что прояснить.

— Слушай, парень, а как тебя угораздило стать стражником? — задумчиво спросил он.

— Все без конца меня об этом спрашивают, — пожал плечами Моркоу. — И вовсе меня не угораздило. Я сам этого захотел. Служба в Городской Страже сделает из меня Мужчину.

Шноббс никогда не смотрел собеседнику прямо в глаза. На этот раз он едва не изменил своей привычке, но, вовремя совладав с собой, в изумлении уставился на ухо Моркоу.

— Ты хочешь сказать, что у тебя нет никаких причин скрываться? — недоверчиво уточнил он.

— А с какой стати мне от кого-то скрываться?

Шноббс замолк, подыскивая слова.

— Ну... — наконец пробормотал он. — Всякое бывает. Может... может, на тебя возвели напраслину или что-то в этом роде. Например, — он ухмыльнулся, — может, товар какой вдруг непонятно куда подевался, и тебя несправедливо обвинили. А может, наоборот, кое-какой товар нашли у тебя в подушке, а тебе и невдомек, как он туда попал. Понимаешь, о чем я? Не бойсь, старина Шноббс тебя не выдаст. Или, — он подпихнул Моркоу локтем, — в другом месте собака порылась? Шурши, мля, дам, а? У

девушки из-за тебя неприятности?

— Я... — начал было Моркоу, но тут же вспомнил что таки да, следует говорить правду, даже чудакам вроде Шноббса, которые, похоже, понятия не имеют, что такое правда.

А правда заключается в том, что у Мятки из-за него действительно были неприятности, но почему — этого он так и не понял. Практически каждый раз, как он навещал Мятку в пещере Скалшмакеров, уходя, он слышал, как отец с матерью кричат на нее. С ним они были неизменно вежливы, но почему-то стоило им увидеть их с Мяткой вместе, как неприятности ей были обеспечены.

— Из-за девушки, — наконец признался он.

— А! Такое частенько случается, — мудро заметил Шноббс.

— Всю дорогу, — продолжал Моркоу. — Почти каждый вечер.

— Ух ты! — вырвалось у восхищенного Шноббса. Его взгляд скользнул вниз, на Защитное Приспособление. — Так, значит, вот почему ты носишь эту штуковину?

— Это как?

— Ладно, забудем, — предпочел не вдаваться в подробности Шноббс. — У каждого есть свой маленький секрет. Или большой, так тоже бывает. Даже у капитана. Он ведь с нами только потому, что его Понизила Женщина. Как он говорит. Взяла и понизила.

— О боги! — охнул Моркоу. В голосе его прозвучало искреннее сострадание.

— Но я считаю, это потому, что он всегда говорит прямо, ничего не скрывая. Иногда высказывает все прямо в лицо патрицию, я лично слышал. Однажды заявил, что Воровская Гильдия не более чем куча воров или что-то в том же духе. Вот он и валандается с нами. Но, в общем, не знаю.

Шноббс задумчиво посмотрел на мостовую, а затем осведомился:

— А где ты остановился?

— Здесь неподалеку живет одна дама. Ладой ее зовут, — пустился в объяснения Моркоу.

Шноббс подавился попавшим не в то горло дымом.

— Это в Тенях, что ли? — просипел он. — И ты там ночуешь?

— Ну да.

— Каждую ночь?

— Ну, вообще-то, выходит вроде как каждый день. Да.

— И ты явился сюда, чтобы из тебя сделали мужчину?

— Да!

— Сомневаюсь, что мне понравилось бы жить там, откуда ты

пришел, — вывел заключение Шноббс.

— Слушай, — с пылом воззвал вконец растерявшийся Моркоу. — Я пришел в город, потому что господин Лосняга сказал, что стоять на страже Законов и Постановлений — это лучшая профессия в мире. Это ведь правда?

— Ну... — замялся Шноббс. — Насчет этого... То есть насчет Законов и Постановлений... Я хочу сказать, *КОГДА-ТО*, до того как появились все эти гильдии и прочее... В наши дни закона вроде как и нет уже, все стало более... просто, что ли. В основном ты ходишь по улицам, звонишь в свой колокольчик и не высываешься.

Шноббс вздохнул. Потом издал сдавленное мычание, выхватил закрепленные на поясе песочные часы и уставился на песчинки, быстро скользящие из верхней колбы в нижнюю. Засунул часы обратно, вытащил из кожаной кобуры большой колокольчик и слегка потряс им.

— Двенадцать часов, — пробормотал он. — И все спокойно.

— Что, и это все наши обязанности? — спросил Моркоу, когда звонкое эхо замерло в отдалении.

— Более или менее. Более или менее. — Шноббс торопливо затянулся.

— Правда? Ни тебе ночных погонь по крышам? Ни тебе раскачивания на люстрах? Ничего такого? — разочарованно протянул Моркоу.

— Выбрось из головы эту чушь, — принялся с жаром убеждать его Шноббс. — Я в жизни не делал ничего подобного. И ни о чем таком мне даже не рассказывали. — Он выпустил огромный клуб дыма. — А гоняясь по крышам, можно подхватить простуду и умереть. С меня хватит колокольчика. Того же и тебе советую.

— А можно я попробую? — сгорая от любопытства, Моркоу потянулся к кожаной кобуре.

После разговора Шноббс был слегка не в себе. Только этим можно объяснить, почему он совершил ошибку — не говоря ни слова, вручил колокольчик Моркоу.

Несколько секунд Моркоу внимательно изучал загадочный предмет. Затем принялся рьяно размахивать им над головой.

— *Двенадцать часов!* — заорал он. — *И все спокооооо-о-йнаааа!!*

Эхо, отпрыгивая от стен, заметалось по улице, но было быстро подавлено жуткой, плотной тишиной. Лишь в ночной дали разгавкались собаки. Заплакал ребенок.

— Ш-ш-ш-ш! — зашипел Шноббс.

— Но ведь все и вправду спокойно? — доверчиво уточнил Моркоу.

— Если ты не уймешься, все очень быстро изменится! Дай сюда этот

чертов колокольчик.

— Я не понимаю! — воскликнул Моркоу. — Слушай, у меня с собой эта книга, которую мне дал господин Лосняга, и...

Порывшись в карманах, он продемонстрировал капралу «Законы и Пастановления». Шноббс лишь пожал плечами.

— Никогда ни о чем подобном не слышал, — заявил он. — А теперь умолкни. Ни к чему поднимать такой шум. А то привлечешь сюда всяких разных. Давай быстрее за мной.

Схватив Моркоу за руку, он быстро потащил его по улице.

— Каких разных? — воскликнул Моркоу, сопротивляясь решительному натиску Шноббса.

— Плохих парней, — пробормотал тот сквозь зубы.

— Но мы же стражники!

— В самую точку! И нам ни к чему связываться со всякой швалью! Вспомни, что случилось с Гаскином!

— Но я не помню, что случилось с Гаскином, — растерянно признался Моркоу. — Кто такой Гаскин?

— А, это было еще до тебя, — промычал Шноббс. Он немного подуспокоился. — Бедолага. Но такое может случиться с каждым из нас. — Он оторвал взгляд от мостовой и уставился на Моркоу. — Все, хватит, ясно? Ты действуешь мне на нервы. Ночные погони, этого еще не хватало!

Он решительно зашагал прочь по улице. Обычно Шноббс передвигался несколько бочком, и сейчас сочетание решительной ходьбы с движением бочком создавало любопытный эффект, как будто по мостовой прыгает краб.

— Но, но, — не унимался Моркоу, — в книжке сказано...

— Знать не знаю никаких книжек, — прорычал Шноббс.

Вид у Моркоу стал совершенно удрученный.

— Но есть Законы и... — попробовал робко возразить он.

Его слова — повезло, что не жизнь, — прервал огромный топор, со свистом вылетевший из-за ближайшей двери. Пугающего вида лезвие, вращаясь, рассекло воздух, врезалось в противоположную стену и отскочило. До слуха стражников донеслись звуки расщепляемого дерева и бьющегося стекла.

— Эй, Шноббс! — загорелся Моркоу. — Да тут драка!

Шноббс быстро заглянул в дверь.

— Ясное дело, — тоном знатока отозвался он. — Это же гномий бар. Причем из самых худших. Не лезь туда, парень. Эти недорослики нечестно дерутся — подставят подножку, а потом потрошат тебе нутро. Ты Шноббса

держись, уж он-то...

Он схватил Моркоу за стволообразную руку. Это было все равно как попытаться взять на буксир Статую Свободы.

Моркоу побледнел как мел.

— Гномы *ПЬЯНСТВУЮТ! И ДЕРУТСЯ?* — он не верил своим ушам.

— За милую душу, — подтвердил Шноббс. — И говорят такие слова, которые я не рискну произнести даже при моей дорогой матушке. С ними компанию лучше не водить, это свора ядовитых... *ТЫ КУДА?*

Никто не знает, почему у себя дома, в горах, гномы ведут тихую, упорядоченную жизнь, но, попадая в большой город, начисто о ней забывают. Что-то находит даже на самого что ни на есть невинного, словно выкованного из чистой железной руды шахтера. Переехав в город и немедленно поменяв имя на что-нибудь вроде Загорлохвать Пинайног, гном ходит все время в боевой кольчуге, носит не менее боевой топор и каждый вечер напивается до мрачного бесчувствия.

Вероятно, это происходит *ИМЕННО* потому, что у себя дома гномы ведут такую тихую, упорядоченную жизнь. Таким образом, первое, что хочет сделать внезапно очутившийся в большом городе юный гном, лет этак семьдесят вкалывавший на папашу в глубокой сырой шахте, — это хорошенько набраться и набить кому-нибудь морду.

Описываемая драка была одной из тех смачных гномьих драк, которые насчитывают около сотни участников и не менее ста пятидесяти болельщиков. Крики, проклятия и звон от ударов топоров о металлические шлемы смешивались с пением пьяной компании у камина, которая — еще один гномий обычай — распевала о любимом золоте. Шноббс с размаху врезался в спину Моркоу. Резко остановившись, юноша с нарастающим ужасом разглядывал кабак.

— Слушай, здесь так каждую ночь, — предупредил Шноббс. — Не вмешивайся, вот что говорит сержант. Это их этнические обычаи или что-то в этом роде. А в этнические разборки лучше не вступать.

— Но, но, — запинаясь, возразил Моркоу, — это ведь *МОЙ НАРОД*. Стыд и позор так себя вести. Что же люди-то подумают?

— Люди уже думают о них как о мелких злобных педиках, — оборвал Шноббс. — А теперь *ПОШЛИ ОТСЮДА!*

Но Моркоу уже прокладывал себе путь через кучу малу. Сложив ладони чашечкой вокруг рта, он проревел что-то на неизвестном Шноббсу языке. Так можно было бы сказать о практически любом языке, включая родной язык капрала, — но в данном случае речь идет о гномьем.

— Гр'дузк! Гр'дузк! ааг' эт езем ки бур'к тзе тзим?^[7]

Дерущиеся замерли на месте. Пара сотен разъяренных глаз, глядящих с сотни круглых лиц, с досадой и удивлением воззрились на ссутулившуюся фигуру Моркоу.

Надтреснутая пивная кружка, ударившись о грудные латы Моркоу, отскочила куда-то в угол. Моркоу наклонился и без видимых усилий поднял в воздух отчаянно сопротивляющуюся и размахивающую руками фигуру.

— И 'ук, идруз-т 'руд-естуза, худр 'зд дезек дрез 'хук, хузурук 'т б 'тдуз г 'ке 'к ме 'к б 'тдуз т 'би 'тк ксе 'дратк ке 'хкт 'д. Аадб 'сук?^[8]

Ни одному из гномов в жизни не доводилось слышать такого количества слов Старого Языка из уст кого-то выше четырех футов ростом. Они были поражены до глубины души.

Отпала сотня твердых, словно высеченных из камня челюстей.

— Вы на себя посмотрите! — Моркоу покачал головой. — Можете ли вы себе представить, что ваша бедная седобородая старушка мать, работающая не покладая рук в своей крохотной норке там, на родине, думающая, как там сегодня ее сын, — можете ли вы себе представить, что она подумает, увидь она вас сейчас? Ваши любящие матери, ведь именно они подарили вам первую кирку и научили вас пользоваться ею...

Стоящий у двери Шноббс наблюдал за происходящим с ужасом и изумлением. До его ушей донесся нарастающий хор сморканий и приглушенных всхлипываний. А Моркоу тем временем продолжал:

— ...Она-то, верно, думает, что ее сынок коротает тихие вечерние часы за игрой в домино или чем-нибудь этаким...

Близидящий гном в шлеме, покрытом, точно еж, шипами длиной в шесть дюймов, тихонько заплакал, роняя горькие слезы в свое пиво.

— И бьюсь об заклад, прошло немало времени с тех пор, как кто-то из вас послал старушке матери последнее письмо, а ведь обещали писать каждую неделю...

Шноббс машинально вытащил засаленный носовой платок и передал его припавшему к стенке гному. Гномье тельце сотрясалось от рыданий.

— Ну а теперь, — добродушно заключил Моркоу, — я не хочу никого запугивать, но предупреждаю: отныне я намерен проверять это место каждую ночь и в дальнейшем рассчитываю видеть здесь поведение, достойное гордых гномов. Я знаю, что такое быть далеко от дома, однако таким безобразиям оправдания нет. — Он коснулся рукой шлема. — Г'хрук, т'ук^[9].

Одарив всех ослепительной улыбкой, он полувышел, полувыполз из

гномьего бара. Когда Моркоу наконец показался на улице, Шноббс похлопал его по руке.

— Никогда больше так не поступай, — предупредил он. — Ты ведь служишь в Городской Страже! Законом я уже сыт по горло.

— Но ведь это очень важно... — возразил Моркоу, на рысях поспешая за Шноббсом, который сворачивал в переулок.

— Куда важнее остаться целым, — перебил Шноббс. — Гномьи бары! Если у тебя осталось хоть немного мозгов, парень, ты зайдешь со мной сюда. И держи свою пасть на замке.

Моркоу устался на здание, к которому они приближались. Оно стояло немного на отшибе от того моря грязи, которое в Анк-Морпорке зовется улицей. Изнутри доносились звуки, наводящие на мысли о крупной пьянке. Над дверью висела потрескавшаяся и заляпанная вывеска. Надпись сопровождалась изображением барабана.

— Это ведь таверна? — глубокомысленно заметил Моркоу. — И в этот час она открыта?

— Не вижу, с чего бы ей быть закрытой. — Шноббс толчком распахнул дверь. — Чертовски хорошее заведение. «Залатанный Барабан».

— Здесь тоже пьянствуют? — послунявив большой палец, Моркоу торопливо залистал свою книжечку.

— Очень на это надеюсь, — Шноббс кивнул троллю, работающему в «Барабане» в качестве отшибалы^[10]. — Привет, Детрит. Вот, показываю новенькому наши места.

Троль что-то глухо пробурчал и махнул каменистой дланью.

В наше время «Залатанный Барабан» пользуется заслуженной славой самой разнузданной таверны Плоского мира. Весьма характерен тот факт, что после недавнего, вызванного необходимостью ремонта новый хозяин таверны провел не один день за восстановлением оригинальной патины, грязи, копоти и прочих, менее поддающихся идентификации, веществ, что покрывали местные стены. Также он купил у заморских торговцев не меньше тонны предварительно сгноенного камыша, которым и устелил пол. Завсегдатаи «Барабана» представляли собой типичное сборище героев, головорезов, наемников, сорвиголов и негодяев, и лишь очень, очень внимательный наблюдатель смог бы определить, кто здесь к какой категории относится. Толстые кольца дыма плавали в воздухе — видимо, очень не хотели прислоняться к стенам. При появлении стражников разговоры несколько поутихли, но затем вернулись к прежнему уровню громкости. Два закадычных приятеля призывно замахали Шноббсу.

Тут Шноббс заметил, что Моркоу чем-то занят.

— Что это ты там затеваешь? — раздраженно осведомился он. — Никаких разговоров о матерях, ясно?

— Я делаю заметки, — строго ответил Моркоу. — Купил себе записную книжку.

— Держи билет, — Шноббс протянул ему клочок картона. — Тебе здесь понравится. Я сюда каждый вечер заглядываю, чтобы перекусить.

— А как пишется слово «противозаконный»? — спросил Моркоу, переворачивая страницу.

— Таких слов я даже и не слышал никогда, — отозвался Шноббс, прокладывая себе путь сквозь толпу. Редкий случай, словно что-то толкнуло его, и на Шноббса вдруг накатил прилив щедрости. — Что будешь пить?

— По-моему, это не слишком уместно, — поднял брови Моркоу. — И потом, Крепкие Напитки Превращают Человека В Посмешище.

Вдруг Моркоу ощутил на своей шее чей-то пронизывающий взгляд. Он оглянулся — и уставился в большое, ласковое и мягкое лицо орангутана.

Тот сидел за стойкой, перед ним стояли пинтовая кружка и миска с арахисом. Дружелюбно подняв кружку, он поприветствовал Моркоу, а затем сделал глубокий и шумный глоток — нижняя губа его свернулась в нечто вроде обхватывающей воронки и произвела звук, какой бывает при осушении канала.

Моркоу пихнул Шноббса локтем.

— Это же обезья... — начал было он.

— Заткнись! — рявкнул Шноббс. — Забудь это слово! Это же библиотекарь. Работает в Университете. Всегда заходит сюда перед сном, чтобы опрокинуть кружку-другую.

— И посетители не возражают?

— С какой стати? — удивился Шноббс. — Он ничем не хуже остальных, сидит, выпивает, сам в драку не лезет, но если что, спуску не дает.

Моркоу вновь принялся рассматривать человекообразное. Масса вопросов настойчиво требовали ответа, как-то: где эта зверюга держит деньги? Библиотекарь поймал этот взгляд, но истолковал его неверно и мягко подтолкнул в направлении юноши тарелку с арахисом.

Выпрямившись во весь свой внушительный рост, Моркоу сверился с записной книжкой. Всю вторую половину сегодняшнего дня он посвятил чтению «Законов и Постановлений». Время было потрачено не зря.

— Кто собственник, обладатель, арендатор или хозяин этого помещения? — осведомился он у Шноббса.

— Чего? — переспросил коротышка. — Хозяин? Я так думаю, сегодня тут за главного Чарли. А что?

Он указал на крупного, грузного мужчину с лицом, покрытом сетью морщин. Владелец лица прервал свое увлекательное занятие, заключающееся в более равномерном распределении грязи по бокалам с помощью мокрой тряпки, и заговорщицки подмигнул Моркоу.

— Чарли, это Моркоу, — представил Шноббс. — Обитает у Лады.

— Ты и вправду там поселился? — удивленно поднял брови Чарли.

Моркоу прокашлялся.

— Если ты здесь главный, — громко и выразительно произнес он, — то я обязан проинформировать тебя, что ты задержан.

— Задер... что, дружок? — спокойно переспросил Чарли, не прекращая полировать бокалы.

— Задержан, — продолжал Моркоу, — по подозрению в следующих обвинениях: 1) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной Улице, ты а) подавал или б) приказывал подавать крепкие спиртные напитки после 12 (двенадцати) часов ночи вопреки правилам работы Общественных Пивных Заведений, содержащимся в *Акте* от 1678 года; 2) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты подавал или приказывал подавать крепкие спиртные напитки в емкостях, отличных от указанных вышеупомянутым Актом; 3) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты допускал внос посетителями незарегистрированного холодного оружия с длиной лезвия, превышающей 7 (семь) дюймов, что противоречит Разделу Три вышеупомянутого Акта; и 4) 18 грюня или около того в месте под названием «Залатанный Барабан», расположенном на Филигранной улице, ты подавал крепкие спиртные напитки в помещении, очевидно не могущем быть лицензированным как приспособленное для продажи и/или потребления вышеупомянутых напитков, что также противоречит Разделу Три вышеупомянутого Акта.

Воцарилась мертвая тишина, во время которой Моркоу перелистнул страницу и продолжил:

— Также я обязан поставить тебя в известность, что намерен представить Суду Присяжных соответствующие улики, с тем чтобы они рассматривались с точки зрения предъявления обвинения по нарушению Акта об Общественных Собраниях (раздел об Азартных Играх) от 1567 года, а также Актов о Лицензированных Помещениях (Ги-Гиене) от 1433,

1456, 1463, 1465 годов, э-э, и с 1470 по 1690 год, а также... — Он глянул вбок, на библиотекаря, который мгновенно учуял опасность и, давась, торопливо осушил кружку, — Акта о Домашних и Одомашненных Животных (об Уходе и защите Оных) от 1673 года. И да здравствует Справедливость!

Последовавшая за этой тирадой пауза так и звенела от ожидания — собравшиеся затаив дыхание гадали, что произойдет дальше.

Чарли бережно поставил на стойку бокал, пятна на котором были размазаны до зеркального блеска, и посмотрел на Шноббса.

Шноббс пыжился изобразить, что пришел сюда совершенно один и абсолютно никаким образом не связан с личностью, стоящей рядом и по чистой случайности одетой в точно такой же мундир.

— Какой такой Суд Пристяжных? — возрился он на Шноббса. — И вообще, разве суды еще существуют?

Шноббс испуганно поежился.

— Новенький, что ли? — нахмурился Чарли.

— Соппротивление только усугубит твою вину, — предупредил Моркоу.

— Пойми, против тебя я ничего не имею, — объяснил Чарли Шноббсу. — К нам сюда недавно один волшебник заглядывал... И рассказал нам кое о чем. О такой гнутой штуковине, которая отлично мозги вставляет. Ну, как ее... — Лицо Чарли приняло глубокомысленное выражение, словно он что-то вспоминал. — А, вот, вспомнил. Кривая усвояемости. Так вроде. Детрит, ну-ка тащи сюда свою каменную задницу.

Каждую ночь примерно в это самое время в «Залатанном Барабане» о чью-нибудь голову разбивается бутылка. И нынешняя ночь не стала исключением из правил.

Капитан Ваймс сломя голову несся по Короткой улице^[11]. Следом за капитаном, слабо протестуя, ковылял сержант Колон.

Шноббс, прыгая с ноги на ногу, поджидал их возле «Барабана». Капрал Шноббс обладал уникальной способностью — в минуту опасности он мгновенно переносился из одного места в другое без видимого пересечения разделяющего пространства. Даже телепортация не умела работать так быстро.

— Он там дерется! — заикаясь сообщил Шноббс, хватая капитана за рукав.

— Что, один? — не понял капитан.

— Нет, со всеми сразу! — прокричал Шноббс, продолжая скакать с ноги на ногу.

— О!

Совість подсказывает: «Вас трое. Он носит тот же мундир, что и ты. Он один из *ТВОИХ* людей. Вспомни беднягу Гаскина».

Но другая часть мозга, ненавидимая часть, презренная, но именно благодаря ей он прослужил в Городской Страже целых десять лет и был по-прежнему жив, — так вот, эта часть мозга тут же возразила: «Не стоит вмешиваться. Это невежливо. Подождем, пока он закончит, и затем поинтересуемся, не нужна ли ему помощь. Кроме того, политика Городской Стражи не одобряет вмешательство в драки. Гораздо проще появиться в самом конце и арестовать всех валяющихся на полу».

Раздался звон — из ближайшего окна, окруженный блестящими осколками, вылетел оглушенный боец и приземлился на противоположной стороне улицы.

— Думаю, — осторожно заметил капитан, — пора предпринять срочные действия.

— Это точно, — подтвердил Колон. — Стоя здесь, можно серьезно пострадать.

Двигаясь как можно тише, стражники переместились подальше от таверны. В глаза друг другу они старались не смотреть. Звуки расщепляемой древесины и разбиваемого стекла стали менее оглушительными. Периодически из таверны доносился чей-то вопль, а время от времени — загадочный тягучий звон, как будто там лупили коленом по гонгу.

Стражники стояли, погруженные в небольшой водоем неловкого молчания.

— Сержант, ты в этом году отпуск брал? — выдавил наконец капитан Ваймс, раскачиваясь на каблуках.

— Так точно. В прошлом месяце возил жену в Щеботан, повидать тетушку.

— Я слышал, там очень хорошо в это время года.

— Так точно.

— Герании цветут небось...

Из верхнего окна вывалилась фигура и с глухим стуком рухнула на бульжники мостовой.

— У них ведь даже есть особые цветочные часы? — с отчаянием в голосе проговорил капитан.

— Так точно. Замечательная штука. Все сделано из маленьких таких цветочков.

Раздался грохот — такой бывает, когда что-то стучит по чему-то чем-то

тяжелым и деревянным. Ваймса передернуло.

— Вряд ли служба в страже принесет ему *СЧАСТЬЕ*, сэр, — в тоне сержанта прозвучали нотки сочувствия.

Во время дежурных драк дверь «Залатанного Барабана» срывали с петель так часто, что недавно были установлены петли из специальным образом закаленного металла, и тот факт, что следующий сокрушительный удар вырвал дверь вместе с косяком, наглядно свидетельствовал: только что в трубу вылетели изрядные деньги. Фигура, копошащаяся в грудe обломков, попыталась приподняться на локтях, застонала и рухнула обратно.

— Н-да, похоже, это все, — покачал головой капитан.

— Вот проклятье, да это же тролль! — изумился Шноббс.

— Кто? — не понял Ваймс.

— Тролль! Детрит! Ну, который при входе сидит!

Соблюдая все возможные предосторожности, они приблизились к валяющейся на мостовой фигуре.

В самом деле, перед ними лежал отшибала Детрит собственной персоной.

Чрезвычайно трудно нанести вред существу, тело которого во всем смахивает на способную к самостоятельному передвижению скалу. Тем не менее кому-то это удалось. Полузасыпанная щепками фигура издавала стоны, напоминающие скрежет трущихся друг о друга кирпичей.

— Об этой драке напишут в книгах, — туманно произнес сержант.

Все трое разом подняли глаза и уставились на пустой четырехугольник, залитый ярким светом, — вот и все, что осталось от двери.

— А вам не кажется, — высказал общую догадку сержант, — что он **ПОБЕЖДАЕТ?**

Капитан решительно выставил челюсть.

— Мы обязаны это выяснить, — заявил он. — Ради нашего коллеги и сослуживца.

Сзади раздалось приглушенное хныканье. Повернувшись, они увидели Шноббса, тот высоко прыгал на одной ноге, схватившись обеими руками за носок другой.

— Что с тобой, приятель? — осведомился Ваймс.

Шноббс продолжал мучительно стонать.

В голове сержанта Колона смутно забрезжила догадка. Хотя Городская Стража всегда проповедовала осторожное подобострастие, тем не менее среди стражников не было ни одного человека, который бы не испытал на себе крепость кулаков Детрита. И Шноббс, следуя лучшим традициям

полицейских всего мира, только что попытался насладиться долгожданным реваншем — но, видимо, слегка не рассчитал.

— Он подошел и врезал ему по шарам, сэр, — уточнил Колон.

— Позор, — неуверенно заметил капитан. Он поколебался. — А разве у троллей *ЕСТЬ?*.. — любопытствовал он.

— Конечно.

— Ну и ну, — покачал головой Ваймс. — Природа-Мать иногда творит странные вещи, а?

— Так точно, сэр, — послушно согласился сержант.

— А теперь, — провозгласил капитан, извлекая меч, — вперед!

— Так точно, сэр.

— Сержант, это и к тебе относится, — добавил капитан.

— Так точно, сэр.

По всей вероятности, это наступление могло бы прослыть самым осторожным наступлением за всю историю военных маневров. Его можно было бы поставить на самое последнее место того списка, возглавляют который всякие безумные предприятия типа Атаки Легкой Бригады.

Соблюдая все возможные предосторожности, стражники просунули головы в дверной проем и осмотрели место побоища.

Энное количество драчунов растянулись на столах или на остатках оных. Те сражающиеся, кто все еще сохранял сознание, выглядели не слишком довольными этим фактом.

Посреди поля битвы возвышался Моркоу. Ржавая кольчуга была разодрана, шлем отсутствовал, а сам юноша слегка покачивался из стороны в сторону. Один глаз у него уже начал распухать, но Моркоу узнал капитана, уронил слабо протестующего завсегда «Барабана», которого в тот момент держал, и отдал честь.

— Докладываю, сэр: тридцать один случай Нарушения Общественного Спокойствия, сэр, а также пятьдесят шесть случаев Буйного Поведения, сорок один случай Сопrotивления Офицеру Городской Стражи при Исполнении Им Служебных Обязанностей, тринадцать случаев Нападения с Использованием Смертоносного Оружия, шесть случаев Преступного Невмешательства и... и... Капрал Шноббс пока еще не ввел меня в курс дела...

Он опрокинулся, сломав стол.

Капитан Ваймс прокашлялся. Он понятия не имел, что делать дальше. Насколько ему было известно, до сих пор Городская Стража ни разу не оказывалась в подобной ситуации.

— По-моему, следует дать ему выпить, сержант, — распорядился он.

— Так точно, сэр.

— И мне тоже принеси.

— Так точно, сэр.

— И сам выпей, почему бы и нет.

— Так точно, сэр.

— А ты, капрал, не соизволишь ли... чем ты там занимаешься?

— Обыскиваю подозреваемых сэр, — быстро отрапортовал Шноббс, выпрямляясь. — На предмет инкриминирующих улик и все такое.

— Ты ищешь эти улики в их кошельках?

Шноббс быстро спрятал руки за спиной.

— Улики могут быть везде, сэр.

Сержант отыскал в развалинах стойки чудесным образом уцелевшую бутылку и влил значительную часть ее содержимого в рот Моркоу.

— Что будем делать со всей этой оравой, капитан? — спросил он через плечо.

— Не имею ни малейшего понятия, — вздохнул Ваймс, усаживаясь.

Тюрьма Городской Стражи могла вместить в себя максимум шестерых узников — и то они должны были быть небольшого роста и крайне щуплыми — впрочем, именно такие там и оказывались. В то время как эти...

В отчаянии он огляделся. Здесь и Норк Пронзила, валяется под столом и пускает пузыри. И Большой Генри. И Хватала Симмонс, один из свирепейших кабацких громил во всем городе. В общем и целом, когда эти — и прочие — завсегда и очухаются, рядом с ними лучше не находиться.

— Можно перерезать им глотки, сэр, — подал идею Шноббс, ветеран постбатальных наступлений.

Он как раз нашел пребывающего в бессознательном состоянии участника сражения и сосредоточенно стаскивал с него ботинки, на вид совсем новые и подходящего размера.

— По-моему, это будет немножко несправедливо, — покачал головой Ваймс.

Честно говоря, он и не знал, как практически подходить к перерезанию глоток. Прежде такой возможности ему никогда не предоставлялось.

— Нет, — наконец решил он. — Мне кажется, правильнее будет предупредить их и отпустить на все четыре стороны.

Из-под скамьи послышался стон.

— Кроме того, — поторопился добавить Ваймс, — нужно как можно скорее доставить нашего пострадавшего товарища в безопасное место.

— Это верно, — согласился сержант. Чтобы поддержать расшатавшиеся нервы, он сделал подкрепляющий глоток из бутылки.

Они подхватили Моркоу под руки и поволокли вверх по лестнице, ноги героя заплетались и цеплялись за ступеньки. Ваймс, пригибаясь под тяжестью юного тела, окинул взглядом помещение в поисках Шноббса.

— Капрал Шноббс, — задыхаясь, проскрежетал он, — почему ты пинаешь лежачих?

— Так оно безопаснее, — честно ответил Шноббс.

Шноббсу уже давно и не раз говорили, что драться надо честно и побежденного противника не бьют, просто он творчески подходил к вопросам применения этих правил, чему немало способствовали его рост — четыре фута в башмаках на высоком каблуке — и мускулы, смахивающие на тонюсенькие резиночки.

— Кончай, я тебе говорю. В общем, мы пошли, а ты сделай этим уголовникам предупреждение.

— Каким образом, сэр?

— Ну, в общем...

Капитан Ваймс прервался. Провалиться ему сквозь землю, если он знает. Он ведь никогда этого не делал.

— Просто сделай предупреждение, и все, — отрезал он. — Надеюсь, я не должен разъяснять тебе всякие пустяки?

Шноббс остался на лестнице один. Доносившиеся с пола стоны и бормотание служили явным признаком того, что участники потасовки начинают пробуждаться к жизни. Шноббс соображал быстро. Он предостерегающе потряс пухлым, похожим на сардельку пальцем.

— Пусть это послужит вам уроком, — предупредил он. — **НИКОГДА БОЛЬШЕ ТАК НЕ ДЕЛАЙТЕ.**

И со всех ног бросился прочь.

Сидящий в сумраке стропил библиотекарь задумчиво почесался. Жизнь полна неожиданностей, это уж точно. И он будет с интересом следить за развитием событий. Задумчиво расколов ногой орех, библиотекарь исчез во мраке.

Верховный Старший Наставник воздел руки к небу.

— Подвергнуты ли ритуальному наказанию Кадила Рока, дабы изгнать из Освященного Круга Зло и Мысли Праздные?

— Ага.

Верховный Старший Наставник опустил руки.

— Ага? — переспросил он.

— Ага, — счастливым голосом сообщил брат Туговотс. — Я лично их подверг.

— Следует отвечать: «Да, о Верховный», — наставительно поправил Верховный Старший Наставник. — Честно говоря, я повторял это достаточно часто и, если вы, братья, не намерены вникать в дух...

— Прочисти уши и слушай, что тебе толкует Верховный Старший Наставник, — вставил брат Сторожевая Башня, яростно сверкнув взором на заблудшего брата.

— Да я целую ночь не спал, наказывая эти кадила, — обиженно пробормотал брат Туговотс.

— Продолжайте, о Верховный Старший Наставник, — почтительно произнес брат Сторожевая Башня.

— Хорошо, в таком случае я продолжу, — кивнул Наставник. — Сегодня вечером мы еще раз поэкспериментируем с вызовом дракона. Полагаю, вы достали подходящее сырье, братья?

— *...Тер их, тер, и никакой тебе благодарности...*

— Все в порядке, Верховный Старший Наставник, — заверил брат Сторожевая Башня.

На этот раз, признал Верховный Старший Наставник, улов был несколько лучше. Братья, безусловно, постарались. Особо Наставник отметил светящуюся магическую вывеску — какие-то горожане, подумал Наставник, наверняка сейчас радуются исчезновению этой яркой хреновины, которая вечно шипела и не давала спать по ночам. В данный момент буква «И» была призрачно-розового цвета и периодически мерцала.

— Это я ее добыл, — горделиво заявил брат Сторожевая Башня. — Они думали, я вроде как чиню ее, но я взял отвертку и...

— Да, да, отличная работа, — похвалил Верховный Старший Наставник. — Инициатива налицо.

— *Благодарю*, о Верховный Старший Наставник, — просиял брат Сторожевая Башня.

— *...Все костяшки стер до мяса, все красные, даже потрескались. Да и мои три доллара, они ведь тоже пропали, а никто даже не поблагодарит...*

— А теперь, — провозгласил Верховный Старший Наставник, беря в руки книгу, — приступим. Брат Туговотс, пожалуйста, заткнись, а?

В каждом городе множественной вселенной имеется район, напоминающий анк-морпоркские Тени. Как правило, это самый старый район, улочки и закоулки которого верно следуют изначальным путям

бредущих на водопой средневековых коров, а их названия звучат как Убойный тупик, Трущобный переулок, Ухайдачная аллея...

Большая часть Анк-Морпорка устроена именно так. Но Тени переплюнули все прочие кварталы, став чем-то вроде черной дыры возвращенного на жирном навозе беззакония. Скажем проще: даже преступники боялись ходить по этим улицам. Что касается Городской Стражи, то ее нога и вовсе на них не ступала.

Но в данный момент ее нога случайно на них ступила. Правда, не очень уверенно. Ночка выдалась нелегкая, и стражники успокаивали нервы. До Теней они добрались настолько спокойными, что, пересчитав друг друга, дружно решили, что такой толпе ничто не угрожает.

Капитан Ваймс вернул бутылку сержанту.

— Стыд-д... — он поразмыслил, — ...дись, — договорил он. — Пить на глазах у ст... стр... стршего афцера.

Сержант сделал попытку ответить, но сумел выдать лишь серию икающих «ткт-чно».

— Пр... примм... примми н-сбя команодова-ние, — отдал приказ капитан Ваймс, отскакивая от стенки. Он смерил наглуую кладку испепеляющим взором. — Эта стена оскорбила меня, — объявил он. — Ха! Думаш, такая прочная, да? Слуш, я служитель этого, ну этого, как его... Закона, я зставлютбяпнять, мы никогда не спускаем... не пускаем... не отпускаем...

Он медленно заморгал.

— Чего мы никогда не спускаем, с-ржант? — решил уточнить он.

— Воров с лестницы? — пришел на помощь Колон.

— Нет, нет, нет. Другая вещь. Лана, забудь. Короче, мы никогда не спускаем этих... этих... этих *штук* никому.

По его сознанию рысью неслись неясные образы. К примеру, был среди них образ комнаты, полной преступных типов, людей, которые насмехались над ним, людей, само существование которых в течение многих лет было для него оскорблением и издевательством; но сейчас все они валялись на полу и стонали. Он сам не совсем понимал, как все это произошло, но некая почти забытая часть капитана Ночной Стражи, молодой Ваймс в ярких сверкающих латах и с большими надеждами, тот самый Ваймс, который, как он считал, давно утонул в алкоголе, внезапно пробудился к жизни и поднял голову.

— Ск... скз... скзать тебе кое-что, сржант? — разразился он.

— Сэр?

Вся четверка мягко отпружинила от очередной стены и начала

следующий тур своего крабообразного вальса по переулку.

— Эт' город. Эт' город. Эт' город, сержант. Этот город — это, ну, того... Женщина, сержант. Вот так-то. Женщина, сержант. Древняя, пьяная в доску, потасканная красавица, сержант. Красотавкоторуювлюбляешься, а потом, потом, потом онадаеттебепинкавзубы... Или в гортань.

— Как это женщина? — уставился на него Колон.

Истекающее потом лицо сержанта все перекопилось от мозгового усилия.

— Это ж восемь миль в ширину, сэр. Еще и река. Много всего, домов и всякого другого, сэр, — справедливо заметил он.

— Э. Э. Э. — Ваймс помахал дрожащим пальцем перед носом у сержанта. — Никогда, никогда, никогда не утверждал, что это *МАЛЕНЬКАЯ* женщина. Честно, ведь не говорил же?

Он помахал бутылкой. Пена его мыслей взорвалась еще одной неизвестно откуда взявшейся идеей.

— Но мы всрвно им показали! — возбужденно воскликнул он, когда все четверо начали косой откат к противоположной стене. — Мы ведь задали им жару? Научили так, что этот урок они не скоро збудут, э-э?

— Этточно, — согласился сержант, но без особого энтузиазма.

Он по-прежнему размышлял над особенностями личной жизни своего непосредственного начальника.

Но Ваймс пребывал в том настроении, когда в подбадривании не нуждаешься.

— Ха! — проорал он в темноту переулков. — Что, не нравится? Жрите эту вашу, вашу, вашу, как ее там... в общем, что хотите, то и жрите! Прячьтесь по своим домишкам, труссы!

Он запустил в воздух пустую бутылку.

— Два часа! — проорал он. — И все споко-о-о-ойно!

Для нескольких теней, изрядное время молчаливо маячивших неподалеку от четверки, эта новость была весьма поразительной. Только чистое остолбенение помешало им проявить свой интерес в более откровенной форме. Эти люди, сразу видно, стражники, подумали тени, шлемы и все остальное у них на месте, только с какой стати они околачиваются тут, в самом опасном районе Анк-Морпорка? Так что они продолжали наблюдать — с зачарованностью стаи волков, не сводящих глаз с кучки овец, которые мало того что сами притрусили на полянку посреди густого леса, так еще игриво бодаются и блеют. В итоге, разумеется, все равно получится баранина, однако покамест по причинам сильного любопытства расправа откладывалась.

Моркоу одурело поднял голову.

— Где мы? — простонал он.

— Идем домой, — просветил его сержант.

Он перевел взгляд на испещренную дырками от арбалетных стрел, изъеденную червями и исполосованную ножами надпись прямо у них над головами.

— И мы идем прямо, прямо, прямо... — он скосил глаза, — по переулку Нежности.

— Переулок Нежности — это не домой, — кисло пробурчал Шноббс. — В переулке Нежности нам делать нечего, это в Тенях. Если нас застукают, как мы гуляем по переулку Нежности...

Наступил напряженный момент, в течение которого осознание реальности совершило отрезвляющую работу хорошего ночного сна или нескольких пинт черного кофе. Все трое, словно по молчаливой договоренности, сгрудились вокруг Моркоу.

— Что будем *делать*, капитан? — высказал общую мысль Колон.

— Э-э... Позовем на помощь, — неуверенно предложил капитан.

— *ЗДЕСЬ!*

— Согласен, не стоит.

— Как мне кажется, мы, должно быть, с Серебряной улицы повернули налево, а надо было направо, — дрожащим голосом пролепетал Шноббс.

— Что ж, это была ошибка, и теперь главное не торопиться, чтобы не допустить еще одну, — громко отчеканил капитан.

И тут же пожалел об этом.

Послышались звуки шагов. Где-то слева от них захихикали.

— Мы должны образовать квадрат, — отдал распоряжение капитан.

Все попытались образовать точку.

— Эй! Что это было? — нарушил молчание сержант Колон.

— Что?

— Вот, сейчас опять. Какой-то кожаный звук.

Капитан Ваймс попытался отогнать мысли о капюшонах и убийствах посредством удушения.

Насколько ему было известно, существует много богов. У каждого ремесла есть свой бог. Есть бог попрошайек, богиня проституток, бог воров, может, даже бог убийц из-за угла.

Но интересно, существует ли в этом огромном пантеоне бог, который бросил бы милосердный взгляд на преследуемых и вполне невинных слуг закона, явно находящихся на грани гибели?

Наверное, нет такого, с горечью подумал Ваймс. Людишки вроде них

недостаточно *стильны* для богов. Попробуй-ка найти бога, который станет беспокоиться о бедолаге, выбивающемся из сил ради жалкой кучки долларов в месяц. Нет, это не для богов. Они снисходят со своих вершин ради хитрого проныры, шляющегося по храмам и тырящего всякие драгоценности, но не ради лишенного воображения трудяги, который каждую ночь топчет городские мостовые.

— Опять зашуршало. Точно, что-то кожаное... — уточнил сержант, любивший называть вещи своими именами.

А затем раздался звук...

...Похожий на шум от извержения вулкана или кипящего гейзера; так или иначе, это был долгий скрежещущий *РЕВ*, подобный которому издают мехи в кузнице титанов...

...И все же это было лучше, чем последовавший затем свет, белоголубой и такой пронзительный, что рисунок кровеносных сосудов сетчатки отпечатывается на внутренней поверхности затылка.

И свет, и звук длились и длились. Пока внезапно все не закончилось.

Черная пауза заполнилась багровыми образами и легким стеклянным позвякиванием — когда к ушам вернулась способность слышать.

Некоторое время стражники сохраняли абсолютную неподвижность.

— Ну вот, — слабо пробормотал капитан.

После еще одной паузы он приказал — предельно четко и ясно произнося согласные, словно опуская в щель монеты:

— Сержант, возьмите несколько человек и разберитесь.

— Разобраться в чем, сэр? — переспросил Колон, но к этому времени до капитана дошло, что если сержант возьмет несколько человек, то он, капитан Ваймс, останется в полном одиночестве.

— Нет, у меня есть идея получше. Пойдем все вместе, — твердо заявил он.

И они пошли.

Теперь, когда их глаза привыкли к темноте, они различали впереди туманное красное свечение.

Оказалось, что это стена, быстро остывающая. Сжимаясь при охлаждении, от кладки с легким гудением отпадали оплывшие кусочки камня.

Но не это было самое худшее. Самое худшее было на стене.

Они воззрились на это.

Они смотрели долго.

До рассвета оставалось не больше пары часов, и никому даже в голову

не пришло пытаться искать в темноте обратную дорогу. Они ждали около стены. По крайней мере, от нее исходило тепло.

На стену они старались не смотреть.

В конце концов Колон неловко потянулся и произнес:

— Выше нос, капитан. Могло быть и хуже.

Ваймс прикончил бутылку. Это не возымело никакого эффекта. Есть такой тип трезвости, с которым ничего нельзя поделать.

— Да, — отозвался он. — На их месте могли оказаться мы.

Верховный Старший Наставник отверз очи.

— Еще раз, — произнес он, — мы добились определенного успеха.

На братьев напала буйная веселость. Братья Сторожевая Башня и Палец, взявшись за руки, с энтузиазмом отплясывали джигу прямо в магическом круге.

Верховный Старший Наставник набрал в грудь побольше воздуха.

Сначала пряник, подумал он, а потом кнут. Лично он предпочитал работать кнутом.

— Молчать! — рявкнул он.

— Брат Палец, брат Сторожевая Башня, немедленно прекратите это постыдное дерганье, — сурово велел он. — И все остальные, немедленно заткнуться!

Они притихли, как разгалдевшие дети, которые только что заметили вошедшего в класс учителя. Затем они притихли еще больше — дети заметили *выражение лица* учителя.

Верховный Старший Наставник предоставил впечатлению возможность закрепиться, после чего прошествовал вдоль неровных рядов своих приверженцев.

— Насколько я вижу, — произнес он, — мы сочли, будто сделали что-то волшебное, а? *М-м-м*, брат Сторожевая Башня?

Брат Сторожевая Башня судорожно сглотнул.

— Ну, э-э, в общем, господин, вы вроде как *СКАЗАЛИ*, что сделали, господин. То есть, э-э...

— *Вы пока что не сделали НИЧЕГО!*

— Да, Наставник, нет, Наставник, — затрепетал брат Сторожевая Башня.

— Разве *НАСТОЯЩИЕ* волшебники скачут от восторга по поводу каждого крошечного заклинания, восклицая: «Оле, оле, оле!» *М-м-м*, брат Сторожевая Башня?

— Ну, мы были вроде как...

Верховный Старший Наставник круто развернулся на каблуках.

— И разве волшебники рассматривают потом стены, опасаясь, не вылезет ли кто оттуда? А, брат Штукатур?

Брат Штукатур повесил голову. Он думал, никто не заметил.

Когда напряжение достигло удовлетворительного градуса, так что воздух загудел, словно натянутая струна, Верховный Старший Наставник вернулся на прежнее место.

— Зачем я все это делаю? — спросил он, качая головой. — Я имел возможность остановить свой выбор на *КОМ УГОДНО*. Я мог бы выбрать *ЛУЧШИХ*. А вместо этого вожусь с горсткой *МЛАДЕНЦЕВ*.

— Ну, если честно, — осмелился подать голос брат Сторожевая Башня, — мы пытались, я хочу сказать, мы действительно концентрировались. Правда, парни?

— Да, — хором поддержали остальные. Верховный Старший Наставник воззрился на них пылающим взором.

— Каждый брат должен стоять до последнего. Иначе — вон из братства, — предостерег он.

С почти видимым глазу облегчением братья, словно впавшие в панику овцы, увидевшие, что загон наконец открыли, галопом ринулись к выходу.

— Уж об этом-то не беспокойтесь, ваша верховность, — пылко заверил брат Сторожевая Башня.

— Преданность — вот наш лозунг! — сурово произнес Верховный Старший Наставник.

— Лозунг. Ага, — повторил брат Сторожевая Башня.

Он подпихнул локтем брата Штукатура, чьи глаза вновь принялись блуждать по плинтусу.

— Чего? А! Угу. Лозунг. Он самый, — проснулся брат Штукатур.

— А также доверие и братство, — добавил Верховный Старший Наставник.

— Ага. И они тоже, — отозвался брат Палец.

— *ИТАК*, — грозно произнес Верховный Старший Наставник, — если есть здесь кто-то, кто не жаждет, да, тот, кто *НЕ РВЕТСЯ* всей душой продолжать великое дело, пусть такой человек немедленно выйдет вперед.

Ни один из братьев не шевельнулся.

«Они на крючке. О боги, я и вправду хорош, — подумал Верховный Старший Наставник. — Я могу играть на их жалких умишках, точно на ксилофоне. Она поразительна, эта сила низменного. Кто бы мог подумать, что слабость может оказаться большей силой, нежели сама сила? Но ее тоже нужно уметь направлять. И я это умею».

— Что ж, в таком случае, — он обвел собрание величественным взором, — повторим Клятву.

И он повел этот хор запинаящихся, дрожащих от ужаса голосов, с одобрением отметив удушечность, с которой они произнесли загадочное слово «фиггин». А еще он старался не спускать глаз с брата Пальца.

«Этот слегка умнее, чем прочие, — думал он. — Менее доверчив и так далее. Надо взять на заметку, и всегда последним покидать залу. А предложения типа проводить меня до дому сразу отметать».

Чтобы управлять городом, подобным Анк-Морпорку, нужно обладать особым складом ума, и лорд Витинари им обладал. Патриций вообще был выдающейся личностью.

Он неоднократно дурачил и приводил в ярость основных купцов и торговцев Анк-Морпорка, но достиг в этом таких высот, что они уже давным-давно отказались от всяких попыток убить его и теперь занимались тем, что боролись за место под солнцем исключительно друг с другом. И все равно, даже если бы нашелся смельчак, попытавшийся покуситься на жизнь патриция, ему пришлось бы изрядно попотеть, выискивая участок плоти достаточно большой, чтобы туда можно было вонзить кинжал.

Другие господа ублажали себя жаворонками, фаршированными павлиньими языками, но лорд Витинари всегда считал, что стакан кипяченой воды с ломтиком чёрствого хлеба — это элегантно и сытно.

И это отчасти бесило. Казалось, у патриция нет ни одного видимого порока. При взгляде на его бледное лошадиное лицо в голову лезли всякие мысли о склонности к темным делишкам с участием кнутов, иголок и женщин в темницах. Прочая знать только оценила бы это. Нет ничего плохого в кнутах и иголках, главное — умеренность. Но патриций коротал вечера за изучением докладов, иногда позволяя себе такое волнительное переживание, как игра в шахматы.

Ходил он большей частью в черном. Однако это не был тот впечатляющий черный цвет, характерный для одежды наемных убийц; скорее, то был трезвый, слегка потертый черный цвет, выбранный человеком, который не хочет попусту тратить время по утрам, размышляя, что сегодня надеть. И чтобы поймать патриция за завтраком, вам пришлось бы подняться очень рано; фактически лучше было бы и вовсе не ложиться.

Однако лорд Витинари пользовался популярностью, хоть и своеобразной, но популярностью.

Под его правлением, впервые за тысячу лет, Анк-Морпорк **ФУНКЦИОНИРОВАЛ**. Нельзя сказать, что правление это было особо

справедливым или демократичным, зато все работало. Лорд Витинари ухаживал за городом, как ухаживают за кустом в английском парке — там поощряя рост, здесь отстригая лишнюю веточку. Говорили, что патриций терпим абсолютно ко всему, за исключением того, что угрожает городу^[12], и вот она, угроза...

Лорд Витинари долго не отрывал взгляда от полуразрушенной стены; дождевые капли стекали по его подбородку и пропитывали одежду. Сзади нервно витал Воунз.

Затем вперед вытянулась длинная, худая, в голубых венах рука, и кончики пальцев коснулись теней.

Скорее даже не теней — это больше напоминало ряд силуэтов. Очертания были очень отчетливыми. Кое-где виднелась привычная кирпичная кладка. Однако что-то ужасное расплавало стену, превратив кирпич в довольно приятное на вид керамическое вещество и придав поверхности древних камней мягкую зеркалоподобность.

Контуры, отпечатавшиеся на кладке, выразительно изображали шестерых людей, застывших в удивленных позах. Разнообразно воздетые руки сжимали то, что раньше было ножами и абордажными саблями.

Патриций молча перевел взгляд вниз, на кучку пепла под ногами. Капли расплавленного металла вполне могли быть тем самым оружием, очертания которого теперь красовались на стене.

— Гм-м, — произнес он.

Капитан Ваймс почтительно провел его через переулок на аллею Скорой Удачи, где продемонстрировал Вещественное Доказательство № 1.

— Отпечатки ног, — прокомментировал он. — Если можно так выразиться, ваша милость. Потому что это скорее походит на отпечатки лап. А если заглянуть в самую суть, то можно даже сказать, что у этих лап были громаднейшие когти.

Патриций молча разглядывал отпечатавшиеся в грязи следы. Лицо его оставалось практически непроницаемым.

— Понятно, капитан, — наконец произнес он. — И каковы твои мысли по поводу случившегося?

Мыслей у капитана хватало. Часы, остававшиеся до рассвета, тянулись очень долго, и он успел о многом подумать — начать с того, что первую большую ошибку он совершил, когда появился на свет...

Но затем в Тени просочился серый рассвет, а капитан Ваймс все еще оставался живым и незажаренным; он принялся озираясь вокруг с выражением идиотского облегчения — и увидел всего в ярде от себя эти самые отпечатки. И ему ужасно захотелось выпить.

— В общем-то, ваша милость, — начал он, — мне известно, что драконы вымерли тысячу лет назад, но...

— Да? — глаза патриция превратились в щелочки.

Ваймс глубоко вздохнул и нырнул в воду с головой.

— Но, ваша милость, все дело в том... А им самим это известно? Сержант Колон утверждает, что слышал какой-то кожаный звук, и это случилось перед самым, перед самым, перед самым, э... правонарушением.

— Значит, вы считаете, что вымерший, а значит, скорее всего, абсолютно мифический дракон залетел в город, приземлился в узком переулке, кремировал группу преступников и улетел? — осведомился патриций. — Какой сознательный ящер, а?

— Ну, честно говоря...

— Если память мне не изменяет, легендарные драконы предпочитали жить там, где их никто не беспокоил, стало быть, в сельской местности, они избегали людей и обитали в проклятых, труднодоступных местах, — прервал его патриций. — Вряд ли их можно назвать *УРБАНИСТИЧЕСКИМИ* созданиями.

— Конечно, ваша милость, — подтвердил капитан, подавив просившееся на язык замечание насчет того, что характеристика «проклятое, труднодоступное место» как нельзя лучше подходит Теням.

— Кроме того, — продолжал лорд Витинари, — этого дракона кто-нибудь обязательно заметил бы. А, как ты считаешь?

Капитан кивнул в сторону стены и ужасающей фрески на ней.

— Кто-нибудь кроме них, да, ваша милость?

— По-моему, — рассудил лорд Витинари, — мы столкнулись с чем-то вроде военных действий. Вероятно, одна из соперничающих сторон решила нанять какого-нибудь бродячего волшебника. Незначительная, местечковая стычка.

— И прекрасно увязывается со всеми этими загадочными кражами, ваша милость, — ввязался Воунз.

— Но ведь есть следы, — упрямо настаивал Ваймс.

— Мы находимся неподалеку от реки, — возразил патриций. — Это вполне могла быть, скажем, какая-нибудь водоплавающая птица, вылезшая побродить по берегу. Простое совпадение, — добавил он, — но на твоём месте я бы ликвидировал следы. Нам ведь ни к чему, чтобы люди получали ошибочное представление о случившемся и делали всякие глупые выводы? — резко добавил он.

Ваймс сдался.

— Как скажете, ваша милость, — произнес он, разглядывая свои

сандалии.

Патриций похлопал его по плечу.

— Не бери в голову, — совсем по-отечески сказал он. — Продолжай в том же духе. Отличный пример инициативы. К тому же ты патрулируешь Тени. Отличная работа.

Он развернулся, чтобы уходить, и чуть было не врезался в стену кольчуги, которая на самом деле была Моркоу.

Капитан Ваймс с ужасом заметил, что его новобранец вежливо указывает на карету патриция. Экипаж окружали шестеро солдат из Дворцовой Стражи. Заметив жест Моркоу, они выпрямились и выказали настороженный интерес. Ваймсу дворцовые стражники никогда не нравились. На шлемах они носили плюмажи. Он ненавидел плюмажи.

Словно издалека до Ваймса донеслись слова Моркоу:

— Прошу прощения, это ваша карета?

Патриций смерил Моркоу непонимающим взглядом.

— Моя. А ты кто такой, юноша?

Моркоу отдал честь.

— Младший констебль Моркоу, ваша честь.

— Моркоу, Моркоу... Это имя мне чем-то знакомо.

Волч Воунз, все это время порхавший за спиной патриция, принялся что-то шептать ему на ухо. Лицо лорда Витинари просветлело.

— А-а, юный ловец воров. Полагаю, произошла небольшая ошибка, однако усердие похвальное. Ведь перед законом все равны, правда?

— Так точно, ваша милость, — отчеканил Моркоу.

— Похвально, похвально, — завершил беседу патриций. — А теперь, господа...

— Насчет вашей кареты... — гнул свое Моркоу. — Не могу не заметить, что переднее боковое колесо в нарушение...

«Он собирается арестовать патриция, — сказал себе Ваймс. Эта мысль ледяным ручейком заструилась по его мозгу. — Он на полном серьезе намерен арестовать патриция. Верховного правителя. Он собирается арестовать его. Именно это он и собирается сделать. Мальчишке неведом смысл слова „страх“. Жаль, что ему также неведомо значение слова „выживание“...»

А я стою как столб и не могу пошевелить языком.

Мы — покойники. Или хуже того, мы все теперь целиком и полностью зависим от милости патриция. А как известно, его милость — крайне редкое явление...»

Именно в этот момент сержант Колон заслужил свою метафорическую

медаль.

— Младший констебль Моркоу! — выкрикнул он. — Смирно! Младший констебль Моркоу, кру-у-гом! Младший констебль Моркоу, быстрым шагом шагом-арш!

Моркоу вытянулся, подобно амбару, встающему на ноги, и уставился прямо перед собой со свирепым выражением рьяного повиновения.

— Молодец парнишка, — задумчиво прокомментировал патриций, когда Моркоу окостенело зашагал прочь. — Продолжай в том же духе, капитан. И пресекайте на корню любые слухи насчет драконов, понятно?

— Так точно, ваша милость.

— Вот и молодец.

Карета загрохотала прочь, сопровождаемая бегущими по обеим сторонам телохранителями.

Капитан Ваймс остался стоять на мостовой. Словно сквозь пелену он слышал, как сержант Колон орет стремительно удаляющемуся Моркоу, чтобы тот остановился.

Капитан Ваймс думал.

И смотрел на отпечатки в грязи. С помощью своей пики, длина которой, как он знал, равнялась ровно семи футам, он измерил длину следов и расстояние между ними. Тихонько присвистнул. Затем свернул за угол и, двигаясь очень осторожно, прошел в самый конец переулка. Переулок заканчивался низенькой, запертой на висячий замок и облепленной грязью дверцей — черный ход, которым давным-давно никто не пользовался и который вел на склад древесины.

Что-то здесь очень неладно, подумал он.

Следы вели из переулка, однако как попал сюда тот, кто оставил отпечатки? Что же касается водоплавающих птиц, в окрестностях реки Анк таких очень немного, а те, что осмелятся поплавать в этой речке, мигом лишатся своих ног — промышленные отходы, производимые городом, крайне ядовиты. Кроме того, реку Анк было проще перейти, чем переплыть.

Капитан Ваймс поднял глаза к небу. Веревки для сушки белья плотной сетью закрывали узкий голубоватый четырехугольник.

«Итак, — подумал Ваймс, — из этого переулка появилось нечто большое и огнедышащее. Все следы ведут оттуда, но не туда.

И патриция это очень беспокоит.

Мне было велено забыть...»

Сбоку в переулке он заметил кое-что еще. Наклонившись, он поднял пустую арахисовую скорлупку.

Уставившись в пространство, капитан Ваймс принялся перебрасывать ее из руки в руку.

Надо бы выпить. И немедленно. Впрочем, нет, пожалуй, это обождет.

Постукивая костяшками пальцев, библиотекарь торопливо ковылял по длинным проходам между дремлющими книжными полками.

Крыши города были его царством. Ну, не совсем его, временами наемные воры и убийцы тоже ими пользовались, но он давным-давно обнаружил, что лес из каминных труб, водостоков, горгулий и флюгеров представляет собой удобную и куда более спокойную альтернативу улицам.

По крайней мере, так было до сегодняшнего дня.

Библиотекарь последовал за Ночной Стражей в Тени, в эти городские джунгли, — то было забавное и поучительное путешествие; трудно чем-то напугать трехсотфунтовую человекообразную обезьяну. Однако кошмар, который довелось увидеть библиотекарю, заставил бы его, будь он человеком, усомниться в свидетельстве собственных глаз.

Впрочем, будучи орангутаном, он не испытывал никаких сомнений по поводу своих глаз и верил им всегда.

И сейчас он надеялся срочно сфокусировать их на книге, содержащей, возможно, ключ к разгадке. Книга хранилась в отделе, которым никто особо не интересовался; находящиеся там книги не были магическими в полном смысле этого слова. На полу немым упреком лежала пыль.

И в пыли той были следы.

— У-ук? — произнес библиотекарь в теплом рассветном полумраке.

Шаги его стали осторожнее, библиотекарь предчувствовал, что подозрительные следы ведут туда же, куда направляется он.

Он повернул за угол — туда же свернули следы.

Отдел.

Шкаф.

Полка.

Пустое место.

Множественная вселенная содержит в себе немало ужасающих картин. Однако почему-то для души, чьи струны настроены в унисон с тонкими ритмами библиотеки, немного найдется зрелищ более ужасных, нежели пустота на том месте, где должна стоять книга. Кто-то украл книгу.

В уединении Продолговатого кабинета, в своем личном святилище, патриций мерил шагами пол. Секретарь едва успевал записывать инструкции.

— И пошли людей закрасить стену, — наконец заключил лорд Витинари.

Волч Воунз приподнял бровь.

— Разумно ли это, ваша милость? — переспросил он.

— А тебе не кажется, что картина с застывшими на ней призраками обязательно вызовет комментарии и брожение умов? — кисло заметил патриций.

— Но свежая масляная краска в Тенях вызовет куда больше подозрений, — бесстрастно отозвался Воунз.

Какое-то мгновение патриций колебался.

— Хороший довод, — сухо швырнул он. — Тогда пусть эту стену вообще разрушат.

Он достиг конца кабинета, развернулся на каблуках и зашагал обратно. Драконы! Как будто и так мало важных, *РЕАЛЬНЫХ* проблем — нет, надо еще тратить время на подобную мистику.

— Ты в драконов веришь? — осведомился он. Воунз покачал головой.

— Их существование невозможно, ваша милость.

— Примерно то же самое слышал и я, — согласился лорд Витинари.

Он достиг противоположной стены и развернулся.

— Хотите, чтобы я изучил этот вопрос? — спросил Воунз.

— Да. Сделай это.

— И я прослежу, чтобы Ночная Стража не вылезала.

Патриций прекратил вышагивать.

— Стража? Эти-то? Мой дорогой дружище, Ночная Стража — сборище ни на что не способных бездельников, которыми командует беспробудный пьяница. Мне потребовались годы, чтобы достичь такого результата. Так что Ночной Стражи нам меньше всего следует опасаться.

Он задумался.

— Воунз, ты когда-нибудь видел дракона? Ну, большого дракона? Ах да, ты же сам говорил, что драконов не бывает.

— На самом деле драконы не более чем легенда. Предрассудок, — подтвердил Воунз.

— Гм-м, — продолжал рассуждать патриций. — И основная черта легенд — это, разумеется, их легендарность.

— Именно, ваша милость.

— Однако, если это так... — Сделав паузу, патриций некоторое время смотрел на Воунза. — Хотя ладно, — опомнился он. — Ты, в общем, разберись. И слышать не желаю о каких-то там драконах. Такого рода шутики вселяют в людей беспокойство. Разберись и пресеки.

Оставшись один, лорд Витинари встал и сумрачно оглядел из окна двуединый город. Опять начало моросить.

Анк-Морпорк! Кипящий вечными сварами город с населением в сотню с лишним тысяч! Это так говорилось, но реальное население, согласно личным подсчетам патриция, превышало данное число раз в десять. Юный дождик поблескивал на фоне панорамы башен и крыш, в своей свежести понятия не имеющий о том переполненном, кишачем злобными живыми существами мире, куда он ронял свои капли. Дождь поудачливее моросил бы на горные луга с овечками, мягко перешептывался над лесами или топтал, подобно букашкам, по поверхности моря. Однако дождю, выпадающему на Анк-Морпорк, грозили серьезные неприятности. С водой в Анк-Морпорке творили жуткие вещи. Во-первых, ее пили — но это меньшее из зол.

Город действовал, жил, и патриций радовался, окидывая его взглядом. Красотой Анк-Морпорк не блистал, не был он таким уж новым, не мог похвастаться отлаженной системой канализации и уж безусловно не являлся шедевром архитектуры; даже самые горячие приверженцы Анк-Морпорка согласятся, что если поглядеть на этот город с высоты птичьего полета, то создается впечатление, будто кто-то с помощью камня и дерева попытался достичь эффекта, обычно связываемого с тротуаром возле круглосуточно работающей помойки.

Но город действовал. Этот мир жизнерадостно вращался вокруг своей оси, подобно гироскопу, выписывающему последнюю кривую. И это, согласно твердому убеждению патриция, объяснялось тем фактом, что ни одна группировка не обладала достаточным могуществом, чтобы нарушить существующее равновесие. Купцы, воры, убийцы, волшебники — все они изо всех сил боролись за первое место, не отдавая себе отчета, что никакой нужды в гонках нет. Просто они не настолько доверяли друг другу, чтобы остановиться и задуматься, а кто, собственно, разметил маршрут и держит стартовый флаг.

Патрицию не нравилось слово «диктатор». Оно оскорбляло. Он никогда никому ничего не диктовал. Да это было и ни к чему, вот в чем прелесть. Большую часть своей жизни он занимался тем, что изо всех сил поддерживал нынешнее состояние дел.

Разумеется, существуют группировки, жаждущие его ниспровержения, — это правильно и уместно, так и должно быть в живом, функционирующем обществе. И здесь тоже нельзя сказать, что он кого-то там притесняет. Ведь он лично основал большинство таких группировок. И самое прекрасное заключается в том, что почти все свое время они

проводят в междоусобных сварах.

Патриций всегда утверждал, что человеческая природа — это удивительная вещь. Главное — нащупать рычаги.

Но по поводу всех этих драконьих делишек у него было неприятное предчувствие. Если и есть на свете существо, у которого нет рычагов, так это дракон. Да, надо бы побыстрее разобраться...

Ненужной жестокости патриций не одобрял^[13]. И в бессмысленную месть он не верил. Но всегда искренне верил в то, что нужно вовремя со всем разобраться.

Забавно, конечно, но капитан Ваймс думал о том же. Он обнаружил, что идея о превращении граждан, пусть даже обитающих в Тенях, в огнеупорное покрытие ему не больно-то нравится.

И это сделали на глазах у Ночной Стражи. Ну, то есть более или менее на глазах. Как будто присутствие городских стражников ничего не значит, как будто стража всего лишь незначительная часть ландшафта. Вот что оскорбляет.

Вообще-то, это правда. Но от этого только горше.

А еще он не исполнил приказ — и это тоже выводило из равновесия. Разумеется, следы он все уничтожил. Но на самом дне выдвигного ящика древнего письменного стола, согнувшегося под грудой пустых бутылок, лежал гипсовый отпечаток. И присутствие этой улики ощущалось даже сквозь три слоя древесины.

Капитан Ваймс сам не понимал, что на него нашло. А теперь он собирался увязнуть еще глубже.

Он сделал смотр своим, за неимением лучшего слова, войскам. Велел старшим офицерам явиться в гражданской одежде. Это означало, что сержант Колон, всю жизнь не вылезавший из мундира, краснел и чувствовал себя неуютно в костюме, который обычно носил на похоронах. В то время как Шноббс...

— Я по-моему упомянул «гражданскую» одежду. Или у меня что-то не то с дикцией? — осведомился капитан Ваймс.

— Но, начальник, я всегда так одеваюсь, когда не на работе, — укоризненно ответил Шноббс.

— Сэр, — поправил сержант Колон.

— И разговариваю я сейчас тоже по-граждански, — возразил Шноббс. — То есть всячески выражаю инициативу.

Ваймс медленно обошел вокруг капрала.

— И твоя «гражданская» одежда не заставляет старух падать в

обморок, а мальчишек — бежать вслед за тобой по улице? — спросил он.

Шноббс неловко затоптался. С иронией у него было туговато.

— Нет, сэр, начальник, — ответил он. — Это сейчас самое модное, самый стиль.

В общем и целом его слова соответствовали действительности. В ту пору в Анке была мода на большие шляпы с перьями, бриджи, камзолы с разрезами и шитыми золотом петлями, раздутые панталоны и башмаки с вычурными шпорами. Проблема, размышлял Ваймс, заключается в том, что большинство модников имеют между составными частями костюма большее количество тела, в то время как о капрале Шноббсе можно сказать лишь одно: где-то там, внутри, это тело, безусловно, присутствует.

Однако это может сыграть на руку. В конце концов, ни одному человеку, повстречавшему капрала на улице, не придет в голову, что перед ним офицер Ночной Стражи, скрывающий свою личность.

«А ведь я и представления не имею, чем живет Шноббс вне работы, — вдруг подумалось Ваймсу. — И даже не могу вспомнить, где этот человек живет». Все эти годы Ваймс служил рядом с ним, но и не подозревал, что в своей тайной личной жизни капрал Шноббс немного павлин. Да, возможно, несколько низкорослый и периодически ушибаемый тяжелыми предметами, но тем не менее павлин. И вот оно проявилось, а ведь никогда бы и не подумал...

Он вновь переключил внимание на непосредственную работу.

— Я хочу, — обратился он к Шноббсу и Колону, — чтобы сегодня вечером вы оба ненавязчиво или в твоём случае, капрал Шноббс, навязчиво смешались с толпой и попытались выявить, не происходит ли чего необычного.

— Например? — не понял сержант.

Ваймс поколебался. Он сам не был вполне уверен, что хочет найти.

— Ну, чего-нибудь такого, имеющего отношение к делу, — неловко выразился он.

— А, — сержант Колон мудро кивнул. — Имеющее отношение к делу. Понятно.

Воцарилось неловкое молчание.

— Может, люди видели что-то странное, — продолжал капитан Ваймс. — Или стали свидетелями необъяснимых самовозгораний. Или замечали непонятно чьи следы. В общем, — в отчаянии заключил он, — я говорю о признаках присутствия дракона.

— Ты имеешь в виду, вдруг мы наткнемся на те груды золота, на которых обычно спят драконы? — уточнил сержант.

— Или на девственниц, прикованных к скалам? — понимающе дополнил Шноббс.

— Я смотрю, вы специалисты, — вздохнул Ваймс. — Просто сделайте все, что можете.

— А это, ну, как его, смешивание с толпой... — деликатно уточнил сержант Колон. — Оно означает посещение таверн, питье и прочее?

— В некоторой степени, — подтвердил Ваймс.

— А, — довольно отреагировал сержант.

— В умеренной степени.

— Так точно, сэр.

— И на ваши собственные деньги.

— О.

— Но прежде чем вы отправитесь, — остановил их капитан, — хочу спросить, никто из вас случаем не знает такого человека, которому было бы что-нибудь известно о драконах? Что-нибудь, кроме спанья на золоте и забав с девицами.

— Волшебники могут знать, — выдвинул идею Шноббс.

— А кроме? — твердо отклонил идею Ваймс. Волшебникам доверять нельзя. Любому стражнику известно, что волшебникам доверять нельзя. Эти типы похуже гражданских будут.

Колон задумался.

— Ну, есть еще госпожа Овнец, — наконец вспомнил он. — Живет на Лепешечной авеню. И разводит болотных дракончиков. Некоторые придурки держат этих тварей как домашних животных.

— Ах эта, — мрачно отозвался капитан Ваймс. — По-моему, я с ней встречался. Та самая, у которой на карете надпись «Я Без Ума От Дракончиков»?

— Она самая. Чокнутая дамочка, — сообщил сержант Колон.

— А что делать *МНЕ*, сэр? — подал голос Моркоу.

— Э-э. У тебя самая важная работа, — заторопился Ваймс. — Оставайся здесь и следи за кабинетом.

На лице Моркоу медленно расцвела недоверчивая улыбка.

— То есть вы оставляете меня *ДЕЖУРИТЬ*, сэр? — уточнил он.

— В некотором роде, — согласился Ваймс. — Но тебе запрещается кого-либо арестовывать, понятно? — быстро добавил он.

— Даже если будет нарушен закон, сэр?

— Даже если закон будет нарушен. Нельзя, и все. Заруби это себе на носу.

— Тогда я буду читать свою книжку, — сообщил Моркоу. — И

полировать шлем.

— Вот хороший мальчик, — похвалил капитан.

«Так будет безопаснее, — подумал он. — Сюда никто и никогда не приходит, даже с просьбой найти потерянную собаку. Никто никогда не вспоминает о Ночной Страже. Нужно действительно с луны свалиться, чтобы обратиться за помощью к стражникам», — с горечью подумал он.

Лепешечная авеню представляла собой широкую, усаженную деревьями и невероятно престижную часть Анка, расположенную высоко над рекой, дабы избежать всепроникающего аромата знаменитых вод. Живущие на Лепешечной авеню вечно хвастались своими старыми деньгами, которые почему-то считались лучше новых, хотя у капитана Ваймса никогда не было ни тех, ни других, чтобы он сам мог прочувствовать разницу. Люди, живущие на Лепешечной авеню, имели личных телохранителей. О людях с Лепешечной авеню поговаривали, мол, они настолько высокомерны, что не разговаривают даже с богами. Утверждение несколько клеветническое. Они общались с богами, но только с хорошо воспитанными и из хорошей семьи.

Найти дом госпожи Овнец не составило особых трудностей. Он располагался на утесе, с которого открывался величественный вид на город, если рассматривание города с утеса входит в ваше представление о хорошем времяпрепровождении. Воротные столбы украшали каменные драконы, деревья в саду буйно разрослись, а сам сад имел неухоженный вид. В листве маячили статуи давно покинувших этот мир Овнецов. Большинство из них были вооружены мечами и укутаны с головы до пят в плющ.

Насколько мог судить Ваймс, дело здесь было вовсе не в том, что у владельца сада не хватало денег, чтобы придать всему более благопристойный вид. Скорее, местный землевладелец считал, что есть вещи поважнее, чем предки, — довольно необычная точка зрения для аристократа.

Также здесь считали, что есть вещи более важные, нежели ремонт собственности. Когда Ваймс позвонил в колокольчик, висящий у входной двери особняка, древнего и довольно приятного, скрытого в самой середине буйно цветущего рододендрового леса, с фасада упали несколько кусочков штукатурки.

Никакого другого эффекта звонок не произвел, если не считать уханья, раздавшегося из-за дома. *Чьего-то* уханья.

Дождь возобновился. Спустя некоторое время Ваймс вспомнил о

своем звании капитана Ночной Стражи и принялся осторожно огибать особняк, держась подальше от стен на случай, если что-нибудь рухнет.

Он достиг тяжелых деревянных ворот в тяжелой деревянной стене. По сравнению с общей ветхостью всего остального стена и ворота выглядели довольно-таки новыми и очень прочными.

Он постучал. Ответом было усилившееся уханье, к которому теперь добавилось странное посвистывание.

Ворота открылись. Над ним нависло нечто ужасное.

— А, здравствуй, добрый человек. Ты о спаривании что-нибудь знаешь? — прогрохотало оно.

В караульном помещении было тихо и тепло. Моркоу прислушивался к шуршанию песка в песочных часах и сосредоточенно драил грудные пластины кольчуги. Многовековая тусклость сдалась под напором этой жизнерадостной атаки. Пластины сияли.

Эти сияющие пластины вселяли уверенность, они показывали тебе, что ты там, где ты есть. Странность этого города, где полно законов, а жители, словно сговорившись, упорно игнорируют их, подавляла Моркоу. Но сверкающая, начищенная грудная пластина — это сверкающая, хорошо начищенная пластина, и никаких двусмысленностей тут быть не может.

Дверь отворилась. Сидящий за древним столом Моркоу оглянулся на дверной проем. Там никого не было.

Он еще несколько раз усердно потер пластину.

Послышались невнятные звуки — такие звуки обычно издает нетерпеливый посетитель, по горло сытый ожиданием. За край стола ухватились лапы с фиолетовыми ногтями, и в поле зрения медленно всплыла голова библиотекаря, похожая на ранний кокос.

— У-ук, — сказал он.

Моркоу смотрел не отрываясь. Ему было тщательно растолковано, что, несмотря на внешность библиотекаря, законы, применяемые к животному царству, к данному орангутану не применяются. С другой стороны, библиотекарь не особо настаивал, чтобы к нему применяли законы, принятые в царстве людей. Он был одной из тех небольших аномалий, от которых стоит держаться подальше.

— Привет, — неуверенно поздоровался Моркоу.

(«Не называй его „парнем“ и не хлопай по плечу, его это раздражает».)

— У-ук.

Библиотекарь потыкал в стол длинным, с многочисленными суставами пальцем.

— Что?

— У-ук.

— Прости, но я не понял.

Библиотекарь закатил глаза. Ему всегда казалось странным, что так называемые «разумные» собаки, лошади и дельфины не испытывают ни малейших затруднений, передавая людям самые злободневные новости текущего момента, как-то: о трех детях, заблудившихся в пещерах, о поезде, который вот-вот перейдет на ветку, ведущую к недавно смытому мосту, и тому подобное, в то время как он, которому недостает всего лишь жалкой кучки хромосом, чтобы носить одежду, не знает, как убедить среднего человека выйти на улицу под дождь. С некоторыми людьми просто невозможно разговаривать.

— У-ук! — воскликнул он и жестом показал на дверь.

— Да не могу я, — объяснил Моркоу. — У меня Приказ.

Верхняя губа библиотекаря закатилась вверх, словно ставень.

— Это улыбка? — уточнил Моркоу.

Библиотекарь затряс головой.

— Может, кто преступление совершил? — продолжал допытываться Моркоу.

— У-ук.

— Тяжкое преступление?

— У-ук!

— Вроде убийства?

— И-ик!

— Еще хуже?

— И-ик! — Библиотекарь проковылял к двери и нетерпеливо запрыгал.

Моркоу с трудом сдерживал накатившее волнение. Приказ приказом, но здесь дело поважнее. Жители этого города способны на что угодно.

Он закрепил нагрудник, нахлобучил на голову сверкающий шлем и направился к двери.

И в этот самый момент он вдруг вспомнил о своих обязанностях. Моркоу вернулся к столу, нашел клочок бумаги и, мучительно подбирая слова, нацарапал: «Ушел Баротся С Приступлением. Пажалуйста Зайдите Позже. Спасибо».

И только после этого он вышел на улицу, сверкающий и бесстрашный.

Верховный Старший Наставник воздел руки.

— Братья, — начал он, — давайте же начнем...

Это так легко. Все, что надо сделать, — направить в нужный канал

ядовитое содержимое огромного резервуара зависти и сдерживаемого раболепным страхом негодования, которыми братья обладают в таком изобилии, взнудать их потрясающую личную мелкотравчатость, способную стать источником силы более могучей, чем откровенно ревущее зло, а затем открыть собственное сознание и...

...И проникнуть туда, куда ушли драконы.

Ваймс внезапно ощутил, как его хватают за руку и втаскивают внутрь. Тяжелая створка ворот с решительным клацаньем захлопнулась у него за спиной.

— Тебе выпала великая честь. Я сейчас представлю тебя лорду Анкскому, он же Горносмех Чешуйвеселый Когтецап III, — заявило привидение, облаченное в огромную, устрашающего вида кольчугу. — Несмотря на свое имечко, рохла рохлей, решимости — ноль.

— Да что вы говорите? — поддакнул Ваймс, упорно пятясь.

— Так что нам с ним нужна помощь.

— Ну надо же, — прошептал Ваймс, упираясь лопатками в деревянную стену и тщетно пытаясь выдавиться на другую сторону.

— Не мог бы ты оказать нам небольшую услугу? — прогрохотало существо.

— Какую же?

— Слушай, не строй из себя принцессу на горошине. Ты просто держи, а я его того... Знаю, это жестоко, но если сегодня у него опять ничего не получится, то ему одна дорога — вжик, и все. Выживание сильнейшего и все такое, в общем, сам знаешь.

Капитану Ваймсу удалось наконец овладеть собой. Очевидно, он находится рядом с сексуально одержимым маньяком-убийцей — или маньячкой, насколько он мог судить по выступающим из-под странного одеяния комьям. Он искренне надеялся, что перед ним — особь женского пола, иначе упоминание об «я его того» могло послужить искрой для целого пожара внутренних образов, которые будут преследовать его до конца жизни. Он знал, что у богатых свои причуды, но дело зашло слишком далеко...

— Госпожа, — холодно произнес он, — я офицер Ночной Стражи и как таковой должен предупредить вас, что предлагаемый вами план действий оскорбляет город. — «А также нескольких богов пуританского толка», — добавил он про себя. — И я должен посоветовать вам немедленно освободить его светлость, не причинив ему вреда...

Фигура ошарашенно уставилась на него.

— С чего бы это? — не поверила своим ушам она. — Черт побери, это же *мой* дракон!

— Еще по одной, совсем не капрал Шноббс? — заплетающимся языком предложил сержант Колон.

— Я — за, отнюдь не сержант Колон, — согласился Шноббс.

К не-привлеканию-внимания они отнеслись крайне серьезно. И заранее исключили из своего списка те таверны, что располагались с морпоркской стороны реки и где их хорошо знали. Сейчас они находились в весьма элегантном заведении в центре Анка, где с максимальной ненавязчивостью старались смешаться с толпой. Другие пьяницы принимали их за кого-то вроде артистов кабаре.

— Я вот подумал... — задумчиво посмотрел в потолок сержант Колон.

— Ну?

— Можно купить пару бутылок и пойти домой, тогда мы точно не будем выделяться из толпы.

Шноббс поразмыслил над идеей.

— Но он приказал держать ушки на макушке, — возразил он. — Наша задача, сказал он, слушать.

— Мы можем заняться этим у меня дома, — резонно заметил сержант Колон. — Будем слушать всю ночь, изо всех сил.

— Мысль верная, — одобрил Шноббс. Фактически чем больше он размышлял над ней, тем более верной она ему казалась.

— Но сначала, — объявил он, — я должен нанести визит.

— Я тоже, — сказал сержант. — Эти выявления, обнаружения и слушания очень сказываются на организме.

Спотыкаясь, они вывалились на улицу через заднюю дверь. В небе висела яркая полная луна, лишь несколько лохматых облачных ошметков плыли через ее поверхность. Слуги закона, абсолютно не привлекая к себе внимания, столкнулись лбами.

— Это ты, выявитель сержант Колон? — спросил Шноббс.

— Точно! Ну, можешь ли ты выявить, где здесь отхожее место, выявитель капрал Шноббс? Разыскивается невысокий гнусного вида толчок, ха-ха-ха.

С бряцаньем и придушенными ругательствами Шноббс, качаясь, наугад побрел по улице, едва не задавив одного из представителей колоссального анк-морпоркского населения диких котов. Животное едва успело вылететь из-под капральских ног.

— Стоять! Руки на голову! — заорал вслед коту Шноббс.

— Что ж, делать нечего, — пришел к печальному выводу сержант Колон и повернулся к ближайшему углу.

Его размышления наедине с собой были прерваны окликом капрала.

— Эй, сержант, ты здесь?

— Для тебя, Шноббс, *ВЫЯВИТЕЛЬ* сержант, — любезно откликнулся сержант Колон.

Голос Шноббса звучал напряженно, в нем прорезалась внезапная трезвость.

— Заканчивай там, сержант, я только что видел, как над нами пролетел дракон!

— Я видел, как летают мухи, — отозвался сержант Колон, тихо икая. — А еще я видел, как летают птицы. Даже кирпичи — и те порой летают что твой орел. Но я ни разу не видел летающего дракона.

— А ты голову-то подними, — Шноббс говорил настойчиво и встревоженно. — Слушай, я не болтаю! У него такие крылья, как, как... в общем, огромные крылица!

Сержант Колон величественно обернулся. Лицо капрала побледнело настолько, что это было заметно даже во мраке.

— Честно, сержант!

Сержант Колон посмотрел на отсыревшее небо и умытую дождем луну.

— Ну и где твой дракон? — осведомился он. — Показывай давай.

За спиной у него раздался кожистый звук, и откуда-то сверху на мостовую упала пара черепиц. Он обернулся. Там, на крыше, сидел дракон.

— Дракон на крыше, — пискнул он. — Шнобби, тут на крыше — дракон! Что мне делать, Шнобби? Тут дракон на крыше! И смотрит прямо на меня! Эй, Шнобби!

— Для начала ты мог бы подтянуть штаны, — отозвался из-за ближайшего угла Шноббс.

Даже снявшая многочисленные слои защитной одежды, госпожа Сибилла Овнец все равно оставалась устрашающе большой. Ваймс знал, что среди населяющих Пупземелье варварских народов бытуют легенды о больших, облаченных в кольчугу, вооруженных мечами девицах на ломовых лошадях, которые вихрем врываются на поля сражений и увозят мертвых воинов на крупах коней в кипящий буйным весельем мир иной, при этом распевая утешающим слух меццо-сопрано. Госпожа Овнец вполне могла бы сойти за одну из таких девиц. Даже могла бы стать их предводительницей. Она одна могла бы вынести с поля боя *БАТАЛЬОН*.

Когда она говорила, каждое слово напоминало сердечный шлепок по спине и позванивало аристократической самоуверенностью абсолютной чистопородности. Одними только гласными можно было рубить самшит.

Дубоватые предки Ваймса были привыкли к подобным голосам, обычно им доводилось слышать их от вооруженных до зубов людей верхом на боевых конях — такие люди, как правило, объясняли, почему это было бы чертовски хорошей идеей, разве вы не понимаете, ринуться на врага и всыпать ему по первое число. При звуках этого голоса ноги капитана инстинктивно стремились встать по стойке «смирно».

Доисторические люди вполне могли бы поклоняться госпоже Овнец — фактически еще тысячи лет назад они поразительным образом преуспели в вырезании ее статуй. Голову госпожи Овнец венчала копна каштановых волос — парик, как позже узнал Ваймс. Никто, вплотную занимающийся драконами, не сохранял собственные волосы надолго.

Кроме того, на плече у нее сидел дракон. Он был представлен как Цапкоготь Винсент Чудодраг Щеботанский, в обиходе дракончик звался Винни и, по-видимому, вносил немалую лепту в пронизывающий дом необычный химический запах. Запах проникал повсюду. Даже щедрый кусок пирога, который она предложила капитану Ваймсу, пахивал драконятиной.

— Это, э-э, на плече... очень мило, — выдавил Ваймс, предпринимая отчаянную попытку поддержать разговор.

— Вздор, — отрезала ее светлость. — Я таскаю его только потому, что, если они научены сидеть на плече, за них можно вдвое больше содрать.

Ваймс пробормотал, что ему время от времени доводилось видеть дам из высшего общества с маленькими разноцветными дракончиками на плече и ему казалось, это выглядит очень, очень мило.

— О, это на словах мило, — разгорячилась она. — Уж поверь мне. А как доходит до дела, очень скоро выясняется, что тут тебе и коготь, и сожженные волосы, и спина изгаженная. Да и коготки у них врезаются глубоко. А затем дамочки приходят к выводу, что зверушка выросла слишком большой и пахучей, и следующая новость, которую ты узнаешь, — что бедолага либо в Санатории для Тяжело Больных и Потерявшихся Драконов, либо в реке, с веревкой вокруг шеи, бедный доходяга. — Госпожа Овнец уселась, одергивая юбку, которой вполне хватило бы на паруса для небольшого флота. — Итак... **КАПИТАН** Ваймс, если я правильно расслышала?

Ваймс растерялся. Давно ушедшие Овнецы неотрывно смотрели на него из своих резных рам, вздернутых высоко на сумрачные стены. Между

портретами, вокруг и под ними красовалось разнообразное оружие, которым они, как предполагалось, пользовались и, судя по внешнему виду оружия, пользовались умело и часто. Вдоль стен ломаными рядами стояли доспехи. Ваймс не мог не заметить, что изрядную часть доспехов украшают огромные дыры. Потолок представлял собой полинявшее буйство поеденных молью знамен. Не требовалось особо тщательного расследования, чтобы понять: драться предки госпожи Овнец умели и любили.

Даже чашка чая в руке госпожи Овнец выглядела готовым разить клинком.

— Мои предки, — утвердительно кивнула она, следя за его загнипнотизированным взглядом. — За последнюю тысячу лет ни один из Овнецов не умер в своей постели.

— Да что вы говорите?!

— Источник фамильной гордости, вроде того.

— Да, госпожа.

— Само собой, порядочное количество моих предков умерли в кроватях других людей.

Чашка капитана Ваймса застучала о блюдечко.

— Да, госпожа, — пробормотал он.

— Лично мне всегда казалось, «капитан» — это такое *ВОИНСТВЕННОЕ* звание. — Она улыбнулась, нежно и хрупко. — Я хочу сказать, полковники и прочие вечно такие надутые, майоры тоже все время пыжатыся, но, когда смотришь на капитана, всегда чувствуешь, есть в нем что-то этакое, восхитительно *ОПАСНОЕ*. Итак, капитан, что же ты хотел мне показать?

Ваймс вцепился в свою коробку, как в пояс девственности.

— Я лишь хотел узнать, — нерешительно забормотал он, — какого роста достигают болотные... э-э...

Он прервался. В его нижних регионах происходило нечто ужасное.

Госпожа Овнец проследила за взглядом капитана.

— О, не обращай на него внимания, — жизнерадостно ободрила она. — Если будет приставать, просто кинь в него подушкой.

Маленький престарелый дракончик выполз из укрытия под стулом и положил на колени Ваймсу состоящую в основном из челюстей морду. Большими карими глазами он душераздирающе смотрел на Ваймса и тихонько капал ему на ноги чем-то, судя по ощущению, довольно едким. И при этом вонял, как ванна с кислотой.

— Это Яснозор Мабеллин Когтецап Первый, — сообщила ее

светлость. — Чемпион и производитель чемпионов. Но нет больше пороха в его пороховницах, совсем ослонтяился. Любит, когда ему чешут брюшко.

Ваймс принялся как можно незаметнее дергаться, пытаясь сдвинуть старого дракона с места. Тот в ответ скорбно заморгал на него слезящимися глазами и закатил верхнюю губу, демонстрируя забор почерневших от копоти зубов-мотыг.

— Просто спихни его, если надоел, — весело посоветовала госпожа Овнец. — Ну так о чем ты там спрашивал?

— Я хотел узнать, каких размеров достигают болотные драконы? — объяснил Ваймс, пытаясь сменить позу.

Послышалось легкое рычание.

— И ты отправлялся в такую даль, чтобы задать мне этот вопрос? Ну... Если не ошибаюсь, Весельчак Когтецап Анкский достигал в высоту аж четырнадцать ладоней, — задумчиво припомнила госпожа Овнец.

— Э...

— Около трех футов шести дюймов, — любезно расшифровала она.

— И это самый большой? — с надеждой в голосе переспросил Ваймс.

Старый дракон начал тихонько похрапывать у него на коленях.

— О да. Но если честно, тот дракон был немного уродцем. Большинство из них не вырастают больше восьми ладоней.

Губы капитана Ваймса зашевелились в поспешных вычислениях.

— То есть больше двух футов? — рискнул он.

— Молодец. Это кобли, разумеется. Курки немножко меньше.

Капитан Ваймс не намерен был сдаваться.

— Кобль — это дракон-самец? — уточнил он.

— Только после двух лет, — победоносно сообщила госпожа Овнец. — До восьмимесячного возраста он зовется цыплом, затем, до четырнадцати месяцев, он — птушок, потом — топтун...

Капитан Ваймс сидел как в трансе, жуя кошмарный пирог и чувствуя, как его штаны медленно растворяются. Его захлестывал поток информации; как особи мужского пола сражаются, исторгая пламя, но в сезон кладки пламя — продукт окисления сложных кишечных газов — исторгают только курки^[14], дабы создавать необходимую для яиц бешеную температуру, в то время как самцы собирают топливо. Еще он узнал, что стая болотных драконов называется «толпа» или «куча»; женская особь способна ежегодно отложить до двенадцати яиц, три кладки по четыре яйца соответственно, большая часть которых затапывается рассеянными самцами; что драконы обоих полов большей частью безразличны друг к другу, да и вообще они интересуются исключительно топливом — с

единственным исключением раз в два месяца, когда они становятся целеустремленными, как циркулярная пила.

У капитана Ваймса уже не было сил сопротивляться, когда его отвели в лачугу на заднем дворе, запаковали с ног до головы в кожаную, укрепленную металлическими пластинами кольчугу и препроводили в длинное приземистое здание, из которого доносились свист и уханье.

Температура была ужасной, но все же терпимой — по сравнению с коктейлем из запахов. Спотыкаясь, он тупо ходил от одного обитого железом загона к другому, пока хозяйка белых, грушеобразных, жутко орущих маленьких страшилищ с красными глазами представляла своих питомцев как «Лунгрош Герцогиня Маршпайнская, на данный момент в положении» или «Туманлун Цапкоготь III, завоевавший Главный Приз на прошлогодней выставке в Псевдополисе». На уровне пояса плясали струи бледно-голубого пламени.

Многие стойла украшали пришпиленные к ним розетки и удостоверения.

— А это Паинька Биндль Камнешлеп Щеботанский, — без тени сочувствия к обалдевшему гостю сообщила госпожа Овнец.

Ваймс как пьяный устался через обожженный барьер на свернувшееся посреди пола маленькое создание. Оно примерно в той же степени походило на своих братьев, в какой Шноббс походил на среднее человеческое существо. От кого-то из предков ему досталась пара бровей размером почти с крылья-обрубки, явно неспособные поддержать его в воздухе. Голова неправильной формы, как у муравьеда. Ноздри смахивают на всасывающие сопла реактивного двигателя. Если бы бедняге даже удалось подняться в воздух, ноздри бы раздулись до размеров двух парашютов и тащили бы его за собой.

Кроме того, он обратил на капитана Ваймса самый молчаливо-интеллигентный взгляд из всех взглядов, каким на него когда-либо смотрели представители животного мира, включая капрала Шноббса.

— Это бывает, — печально вздохнула госпожа Овнец. — Тут все от генов зависит.

— Действительно? — переспросил Ваймс.

Создавалось впечатление, что создание концентрирует всю энергию, которую его сородичи растрачивали на пламя и шум, и направляет ее во взгляд, напоминающий раскаленную пику. Ваймсу невольно пришло на память, как сильно в детстве он хотел щенка. Но, боги, как они тогда голодали, ели все что угодно, лишь бы на нем было мясо.

До слуха капитана донеслись слова хозяйки драконов:

— Пытаешься разводить ради хорошего пламени, глубины чешуи, правильного цвета и так далее. Но иногда приходится мириться и с таким вот полным «фьюить».

Малыш-дракон снова обратил на Ваймса взор, который обеспечил бы этому созданию высшую награду в конкурсе под названием «Дракон, Которого Эксперты Больше Всего Захотели Бы Взять в Дом и Использовать в качестве Портативной Газовой Зажигалки».

Полный «фьюить», повторил про себя Ваймс. Он не был уверен, что точно понимает значение этого слова, но общий смысл он уловил. Данная характеристика обычно присваивалась тому, что оставалось после извлечения всего, имеющего хоть какую-то ценность. Точь-в-точь как Ночная Стража, подумал он. Полный «фьюить», все до единого. И так похоже на него самого. Сага его жизни.

— Игра природы, — поведала ее светлость. — Разумеется, мне и в голову не придет скрещивать его с кем-нибудь, тем более что он все равно не способен.

— Почему? — не понял Ваймс.

— Потому что драконы спариваются в воздухе, а ему с этими крыльями ни в жизнь не взлететь. Жаль, конечно, терять линию. Он ведь произошел от Трикуса Чешуйблеска, что у Брендды Родли. Ты с Брендой знаком?

— Э-э, нет, — покачал головой Ваймс. Госпожа Овнец принадлежала к разряду людей, предполагающих, что ее знакомых знают все.

— Очень милая жирная дура. Впрочем, его братья и сестры формируются очень хорошо.

Бедная тварюга, подумал Ваймс. Одним словом, вот она, Природа. Так и норовит подсунуть порченный товар.

Ничего удивительного, что ее обычно по матери...

— Ты говорил, что хочешь что-то показать, — подтолкнула его госпожа Овнец.

Ваймс, не говоря ни слова, вручил ей коробку. Стянув плотные перчатки, госпожа Овнец откинула крышку.

— Гипсовый отпечаток следа, — без затей констатировала она. — И что?

— Вам это что-нибудь напоминает?

— Может принадлежать болотной птице.

— О! — у Ваймса упало сердце.

Госпожа Овнец рассмеялась.

— Или действительно большому дракону. Что, в музее каком добыл?

— Нет. На улице, сегодня утром.

— Ха! Кто-то знатно посмеялся над тобой, дружище!

— Э-э... Там еще было, как бы это объяснить, косвенное доказательство...

И он все рассказал. Она с удивлением воззрилась на него.

— Драко нобилис, — прохрипела она.

— Простите, не понял? — переспросил Ваймс.

— Драко нобилис. Дракон благородный. В противоположность этим ребятам, — она махнула рукой в сторону тесных рядов посвистывающих ящериц. — Драко вульгарис, что тут скажешь. Но ведь они, то есть большие драконы, давным-давно вымерли. Говорить о них как о чем-то реальном — бессмыслица. Тут не может быть двух мнений. Они были прекрасны, действительно прекрасны. Весили целые тонны. Из всех когда-либо летавших созданий — самые большие. До сих пор все гадают, как они держались в воздухе.

Только тут они заметили, что происходит что-то неладное.

Внезапно стало очень тихо.

Драконы в своих загонах замолчали. Насторожились. И блестящими глазами неподвижно уставились на крышу.

Моркоу огляделся. Во всех направлениях тянулись полки. На этих полках стояли книги. Он высказал примерное предположение:

— Это ведь библиотека, я прав?

Библиотекарь по-прежнему мягко, но цепко держал юношу за руку и вел его по лабиринту переходов.

— Здесь находится труп? — продолжал гадать Моркоу. — Наверное, да. О, это необычное убийство! Труп в библиотеке. За этим может крыться что угодно.

Наконец орангутан дошлепал до места назначения и остановился перед полкой, ничем на первый взгляд не отличающейся от остальных. Некоторые книги были прикованы цепями. В одном месте ряд книг разрывался зияющей пустотой. Библиотекарь указал пальцем.

— У-ук.

— Да, ну и что? Дыра в месте, где должна быть книга.

— У-ук.

— Книгу унесли. Книгу унесли? И ты вызвал стражников, — Моркоу горделиво выпятил грудь, — потому что кто-то унес *КНИГУ*? Ты считаешь, это хуже убийства?

Библиотекарь посмотрел на него взглядом, который обычно

приберегают для людей, задающих вопросы типа: «Что плохого в геноциде?»

— Фактически ты совершил правонарушение, это называется преступным разбазариванием драгоценного времени Ночной Стражи, — сурово сообщил Моркоу. — Почему ты не сообщил об этом главному волшебнику — или кто там у вас начальник?

— У-ук. — Несколькими удивительно скупыми жестами библиотекарь дал понять, что большинство волшебников не в состоянии найти даже собственную задницу.

— Так или иначе, я не знаю, что мы с этим можем поделать, — сказал Моркоу. — Как называется книга?

Библиотекарь поскреб в затылке. Над этим придется поломать голову. Он повернулся лицом к Моркоу, сложил кожаные, словно одетые в перчатки, руки, затем открыл ладони.

— Я ЗНАЮ, что это книга. Как она называется?

Библиотекарь вздохнул и поднял вверх пальцы.

— Четыре слова? — попытался расшифровать Моркоу. — Первое слово. — Орангутан сдвинул кончики двух сморщенных пальчиков. — Короткое слово? А. О. У...

— У-ук!

— О? О. Второе слово. Как? А-а. Первый слог. Палец? Ты прикасаешься пальцем к пальцу. Сжимаешь кулак.

Орангутан зарычал и театрально потянул себя за большое волосатое ухо.

— А, похоже на ЗВУК. Палец? Рука? Добавление. Прибавление. Отрезание. Более короткое слово... При. Второй слог. Призыв. Третий слог. Короткий. Очень короткий. О. И. Ун. Он. ан. Призыв-ать? Призыв-ан? Призывании. Призывании. О призывании кого-то. А забавно, а! Третье слово. Целое слово...

Он пристально смотрел, как библиотекарь выписывает загадочные круги.

— Что-то большое. Огромное. Огромно большое. Хлопающее крыльями. Огромная, большая, хлопающая крыльями, прыгающая штука. Зубы. Сердится. Фыркает. Дует. Огромная, большая гигантская, дующая, хлопающая крыльями штука. — От добросовестных попыток понять орангутана на лбу Моркоу проступил пот. — Сосущая пальцы. Что-то, сосущее пальцы. Обожжено. Горячо. Огромная, большая, горячая, дующая, хлопающая крыльями штука.

Библиотекарь закатил глаза. Хомо сапиенс, говорите? Спасибо

большое, оставьте это добро себе.

Гигантский дракон плясал и выписывал круги в воздушной стихии над городом. Он был цвета лунного сияния, отраженного от чешуи. Время от времени дракон резко разворачивался и обманчиво медленно скользил над крышами, просто радуясь полету, радуясь жизни.

Но все это неправильно, думал Ваймс. Одна его часть замирала от восторга перед неповторимой красотой зрелища, однако некая настойчивая, настораживающе маленькая группка притаившихся в изнанке синапсов мозговых клеток выводила на стенах восхищения призывные каракули — неразборчиво, но упорно.

Это чертовски большая ящерица, презрительно насмехались они. Небось, весит целые тонны. Ни одно существо такого размера не способно летать, какие бы там крылья у него ни были. И что тут делает эта летающая ящерица со здоровенными чешуйками на спине?

В пятистах футах над головой Ваймса в воздух с ревом вырвалось сине-белое пламя.

Вот это абсолютно невозможно! А как же губы? Они должны в угольки превратиться!

Госпожа Овнец стояла с открытым ртом. Маленькие дракончики, по-прежнему сидящие в своих клетках, громко и настойчиво выли.

Гигантский зверь развернулся и устремился вниз, на крыши. Опять полыхнуло пламя. Внизу занялись желтые язычки пожаров. Все было сделано так спокойно и с таким стилем, что Ваймсу потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: дракон подпалил несколько городских зданий.

— О боги! — воскликнула госпожа Овнец. — Он использует термалы! Вот для чего на самом деле у них огонь! — Она обернулась к Ваймсу, ее безнадежно сумасшедшие глаза светились диким восторгом. — Мы присутствуем при событии, которое никто не видел в течение многих веков! Ты вообще отдаешь себе отчет, что происходит?

— Отдаю. Этот чертов летающий крокодил поджигает мой город! — проорал Ваймс. Но она не слушала.

— Где-то должна быть размножающаяся колония, — лихорадочно продолжала госпожа Овнец. — Столько времени прошло! Как ты думаешь, где эта колония?

Ваймс не знал. Но он поклялся себе, что обязательно это выяснит и задаст колонии несколько очень серьезных вопросов.

— Яйцо, яичко... — выдохнула госпожа Овнец в порыве

скотоводческого энтузиазма. — Прикоснуться бы к нему...

Он уставился на нее, не веря своим ушам. «Наверное, я очень испорченный», — мелькнула шальная мысль.

В расстилающемся под ними городе запылило еще одно здание.

— На какие расстояния способны перемещаться эти существа? — он говорил очень медленно и отчетливо, словно обращаясь к ребенку.

— Они очень территориальные животные, любят одно место и там обитают, — трепетно пробормотала ее светлость. — Согласно легенде, они...

Ваймс вовремя сообразил, что еще чуть-чуть — и придется глотать очередную порцию драконологии.

— Ваша светлость, мне нужны только факты, — нетерпеливо прервал он.

— Не очень далеко, — ответила она, слегка шокированная.

— Большое спасибо, госпожа, вы очень помогли закону, — пробормотал Ваймс и бросился бежать.

Значит, где-то в городе. Вокруг только поля и болота. Эта проклятая скотина обитает где-то в городе.

Хлопая сандалиями по булыжникам, он стремительно преодолевал улицы. Где-то в городе! Что, само собой, абсолютно нелепо! Совершенно нелепо и невозможно.

Он этого не заслужил. «Это чудовище могло появиться в любом из городов Диска, — думал он. Так нет ведь, попало именно в мой...»

К тому времени, как капитан Ваймс достиг реки, дракон исчез. Но над улицами висела завеса дыма, и были организованы несколько человеководерных цепочек, по которым комья реки передавались к горящим зданиям^[15]. Работе существенно препятствовали людские толпы — жители города потоком хлынули на улицы, таща из домов свои пожитки. Большая часть городских зданий была сооружена из дерева и тростника, и люди не хотели рисковать.

На самом деле опасность была на удивление незначительна. Загадочно незначительна, приходили вы к выводу, взвесив все факты.

Именно в те дни Ваймс тайком начал носить с собой записную книжку, тщательно регистрируя нанесенный ущерб, как будто факт регистрации ущерба делал мир более понятным местом:

«Памищение: Каретный Сарай (пренадлижащий ниагрисивному торговцу, который видел, как загорелась ево новая павоска).

Памищение: малинькая авацная лавка (пападание очень точное)».

Ваймс задумался над этой проблемой. Он как-то купил в этой лавчонке несколько яблок. И чем она так не угодила дракону?

Тем не менее какой умный поступок со стороны дракона, думал капитан Ваймс, направляясь к штаб-квартире Ночной Стражи. Стоит вспомнить обо всех дровяных складах, стогах сена, тростниковых крышах и бочонках с маслом, и диву даешься — дракон умудрился напугать весь город, на деле не нанеся никакого вреда.

Лучи утреннего солнца уже пробивались сквозь клубы дыма, когда он толчком отворил дверь караулки. Вот он, дом. Это тебе не каморка с голыми стенами во флигеле свечной мастерской, что в переулке Виксона, — нет, там он только спит, — а безобразная, выкрашенная в коричневый цвет комната, пахнувшая нечищеным камином, трубкой сержанта Колона, загадочной личной проблемой Шноббса и с недавних пор полировочной жидкостью Моркоу. Он чувствовал себя здесь почти как дома.

В комнате никого не было. Это не вызвало в нем особого удивления. Тяжело ступая, он пересек кабинет и плюхнулся в кресло, подушки которого даже не слишком прихотливая собака мгновенно вышвырнула бы из своей конуры. Натянув на глаза шлем, он попытался сосредоточиться.

Нет смысла устраивать беготню. Посреди дыма и суматохи дракон исчез так же неожиданно, как и появился. Устроить беготню всегда успеешь. Вопрос в том, куда бежать...

Он оказался прав. Водоплавающая птица! Теперь ему предстоит разыскать дракона в городе с миллионным населением.

Он почувствовал, как его рука совершенно произвольно выдвинула нижний ящик и три пальца, действуя в точном согласии с приказами спинного мозга, вытащили бутылку. Это была одна из тех бутылок, которые опустошались сами по себе. Логика говорила ему, что время от времени он, должно быть, начинал одну; взламывая печать, видел, как внутри у самого горлышка поблескивает янтарная жидкость... Проблема в том, что он не помнил процесса опустошения бутылок. Словно они уже прибывали на две трети пустыми...

Капитан Ваймс уставился на этикетку. Похоже, это Древнее Отборное Виски «Драконья Кровь», производимое неким Джимкином Пивомесом. Дешевое и крепкое, оно годится, чтобы устроить пожар; оно неплохо чистит ложки. И достаточно нескольких глотков, чтобы почувствовать себя хорошо.

Разбудил его Шноббс, трясая за плечи. Он поведал капитану новости о

том, что в городе объявился дракон и что сержанту Колону пришлось совсем худо. Ваймс сидел и по-совиному моргал, пока новости омывали его, как волны. Очевидно, когда на нижних регионах человека вдруг сосредоточивает свое внимание огнедышащий ящер, такое может подорвать даже самую крепкую конституцию. Подобные переживания могут оставить на человеке долго не проходящий отпечаток.

Ваймс все еще переваривал новости, когда явился Моркоу с вихляющим позади библиотекарем.

— Вы видели его? Вы видели? — восклицал Моркоу.

— Мы все его видели, — мрачно сказал Ваймс.

— Я знаю о нем все! — победоносно сообщил Моркоу. — Кто-то вызвал его с помощью магии. Из библиотеки украли книгу, и угадайте, как она называется?

— Ума не приложу как, — слабым голосом отозвался Ваймс.

— Она называется «О Призывании Драконов»!

— У-ук, — подтвердил библиотекарь.

— Да? И о чем же она? — оживился Ваймс.

Библиотекарь закатил глаза.

— Она о том, как вызывать в наш мир драконов. С помощью волшебства!

— У-ук!

— А это незаконно, вот так! — довольно заявил Моркоу. — Выпускание на Улицы Смертельно Опасных Существ, которые в противоположность Диким Животным (Правила Содержа...)

Ваймс застонал. Это значит — волшебники. Ничего, кроме неприятностей, от волшебников ждать не приходится.

— Я полагаю, — осведомился он, — где-то должен существовать еще один экземпляр этой книги?

— У-ук, — потряс головой библиотекарь.

— А ты, само собой, не знаешь, что в ней, — вздохнул Ваймс. — Что? О. Три слова, — утомленно произнес он. Первое слово. Похоже на... Вопрос. Что. Где. Почему. Как. Значит, как. Второе слово. Вопить. Орать. Звать. Вызывать... Да, это и так ясно, но я имел в виду, может, тебе известны какие-то подробности? Нет. Понятно.

— Что мы теперь будем делать, сэр? — встревожено спросил Моркоу.

— Он там, — монотонно, нараспев произнес Шноббс. — Уполз в глубь земли, как заведено в дневные часы среди драконов. Свернулся кольцами в своей сокрытой от глаз людских берлоге, на кладе большом сплошь из золота, и видит древние сны рептилий касаясь зари времен. Он просто

ждет, пока упадет таинственной ночи полог, дабы наружу вылезти и... — Некоторое время помолчав, он угрюмо осведомился: — А чего это вы на меня так уставились?

— Очень поэтично, — осторожно заметил Моркоу.

— Но ведь всем известно, что настоящие драконы спали на кладах с золотом, — голос Шноббса звучал раздраженно. — Широко известный народный миф.

Ваймс невидящим взором смотрел в ближайшее будущее. При всей испорченности Шноббса его поведение служило показателем того, что происходит сейчас в уме среднего гражданина. Шноббса можно было смело использовать как своего рода лабораторную крысу, чтобы предсказывать, что произойдет дальше.

— Я так думаю, ты был бы не прочь выяснить, где находится этот самый клад? — закинул он пробную удочку.

Вид у Шноббса стал еще более скользким, чем обычно.

— Ну, капитан, честно говоря, я, конечно, подумывал о том, чтобы поразнюхать чуть-чуть... В свободное от дежурств время, конечно, — находчиво добавил он.

— О боги! — только и мог сказать Ваймс.

Он поднял пустую бутылку и с величайшей осторожностью поместил ее обратно в ящик.

Озаренные Братья нервничали. От брата к брату, искрясь и потрескивая, перепрыгивал страх.

Это был страх человека, который, поэкспериментировав с насыпанием пороха и забиванием пыжа, вдруг обнаружил, что спускание затвора приводит к оглушительному выстрелу, и теперь боится, что очень скоро кто-нибудь заявится с вопросом, кто тут, черт побери, так расшумелся.

Однако Верховный Старший Наставник знал, что они у него в руках. Испуганно блеющие овцы, растерявшиеся ягнята. Поскольку они искренне считали, что ничего хуже сделанного уже не сотворишь, братья будут изо всех сил жать на педали, проклинать мир и притворяться, будто именно такого результата они и добивались. О, наслаждение властью...

И только брат Штукатур радовался абсолютно искренне.

— Пусть это послужит уроком для всех угнетающих торговцев овощами, — твердил он.

— О да, — согласился брат Привратник. — Только такой вот вопрос, дракон ведь не может взять и объявиться прямо здесь, среди нас?

— Я — то есть я хотел сказать — *МЫ* контролируем ситуацию, —

успокоил Верховный Старший Наставник. — Власть в наших руках. Смею вас уверить.

Братья чуть повеселели.

— А теперь, — продолжал Верховный Старший Наставник, — пора решать вопрос с королем.

Братья, за исключением брата Штукатура, приняли торжественный вид.

— Так мы его уже нашли? — спросил брат Штукатур. — Вот повезло-то.

— Ты что, вообще никогда не слушаешь? — отрезал брат Сторожевая Башня. — Все это объяснялось на прошлой неделе, никакого короля искать не надо, мы сами его сделаем.

— А мне казалось, он должен появиться. Следуя своему предназначению.

Брат Сторожевая Башня хихикнул:

— Вот мы и поможем этому самому Предназначению.

Надежно скрытый плотным капюшоном Верховный Старший Наставник улыбнулся. Этот таинственный процесс, нет, просто поразительно... Ты преподносишь им ложь, а потом, когда потребность в ней отпадает, врешь еще что-нибудь и сообщаем, что они победоносно движутся по пути мудрости. И они, вместо того чтобы рассмеяться тебе в лицо, покорно следуют за тобой, надеясь, что на дне всей этой лжи найдут правду. И мало-помалу принимают неприемлемое. Поразительно.

— Черт побери, а ведь умно, — заявил брат Привратник. — Но как мы это сделаем?

— Верховный Старший Наставник все рассказывал, неужели вы ничегошеньки не помните? Мы находим видного парня, который умеет слушаться, он убивает дракона, и дело в шляпе. Все очень просто. Это куда разумнее, чем дожидаться так называемого настоящего короля.

— Но, — по-видимому, брат Штукатур всерьез увлекся размышлениями, — если мы управляем драконом, а мы *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО* управляем им, так? Так. Тогда нам не нужно, чтобы кто-то убивал его, мы просто прекратим вызывать эту тварь, и все будут счастливы, я прав?

— Ну как же, так я себе все и представил, — злобно отозвался брат Сторожевая Башня. — Мы, значит, появляемся, говорим: «Привет, больше мы ваши дома не поджигаем, правда мы хорошие?» Толпа придет в восторг. Нет, весь смысл затеи с королем состоит в том, что он станет вроде как...

— Неотразимо убедительным и романтическим символом абсолютной власти, — мелодично подсказал Верховный Старший Наставник.

— Точно, — подтвердил брат Сторожевая Башня. — Убедительная власть. Именно так.

— О, я понял! — воскликнул брат Штукатур. — Правильно. Хорошо. Именно этим король и будет.

— Именно этим, — подтвердил брат Сторожевая Башня.

— Никто ведь не возражает против убедительной власти.

— И правильно делает, — мрачно заявил брат Сторожевая Башня.

— Это было бы прямо подарком с неба, найти истинного короля прямо сейчас, — кивнул брат Штукатур. — Шанс — один на миллион.

— Мы *НЕ НАШЛИ* настоящего короля. Нам *НЕ НАДО* его искать, — принялся утомленно растолковывать Верховный Старший Наставник. — Объясняю в последний раз! Я только что подыскал подходящего парня, он хорошо смотрится в короне, может взойти на престол и умеет размахивать мечом. А теперь просто молчите и *СЛУШАЙТЕ*...

Умение размахивать мечом — крайне важная деталь. Владеть мечом и размахивать им — абсолютно разные вещи. Согласно мнению Верховного Старшего Наставника, владение мечом скорее имеет отношение к запутанной династической хирургии. Оно больше похоже на «выпад-удар». В то время как король должен уметь размахивать мечом. Причем при взмахе меч должен правильно отразить свет, так чтобы у зрителей не оставалось сомнений: перед ними избранник Судьбы. Наставник потратил массу времени на изготовление меча и щита. Это стоило ему кучу денег. Щит сиял подобно новенькому доллару в руке трубочиста, а меч, меч был величествен...

Он был длинный и сияющий. Он выглядел как предмет, который сотворил некий гений работы по металлу — один из тех щупленьких зен-мастеров, которые работают только на заре и способны превратить бесформенный сэндвич из сложенных металлических листов в нечто, обладающее разящей остротой скальпеля и победоносной мощью сексуально обезумевших, накачанных допингом носорогов, — сотворил и затем в слезах ушел на пенсию, потому что ему больше никогда, никогда в жизни не сделать ничего подобного. На рукояти искрилось такое количество драгоценных камней, что ее приходилось оборачивать в бархат, иначе смотреть на нее можно было только через закопченное стекло. Простого прикосновения к ней уже было достаточно, чтобы пережить ощущение королевской власти.

А что касается парня... это был троюродный брат Наставника, сообразительный и тщеславный, а также по-аристократически глуповатый. На данный момент он находится под стражей в отдаленной деревенской

усадеб, снабженный соответствующим количеством вина и молодых Дамочек — хотя всем женщинам он предпочитал свое отражение в зеркале. Очень вероятный кандидат в герои — хмуро прокомментировал про себя Верховный Старший Наставник.

— То есть, — сказал брат Сторожевая Башня, — он *НЕ НАСТОЯЩИЙ* последник престола?

— Что ты имеешь в виду? — переспросил Верховный Старший Наставник.

— Ну, сами знаете, как это бывает. Судьба играет забавные шутки. Ха-ха. Вот будет забавно, а, — брат Сторожевая Башня подмигнул, — если парнишка возьмет да окажется настоящим королем. После всей этой суматохи...

— *НАСТОЯЩИХ КОРОЛЕЙ БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ!* — рявкнул Верховный Старший Наставник. — Вы что себе воображаете? Что кто-то там веками болтается по лесам, терпеливо передавая из поколения в поколение меч и родимое пятно? И вы верите в эти *ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ!* — последние слова он буквально выплюнул.

Да, он прибегнул к волшебству как к средству достижения цели; цель, конечно, оправдывает средства и тому подобное, но верить во все это, верить так, как будто эта сказка обладает силой и в ней есть логика... Его буквально передернуло.

— О небо, будьте же вы логичны! Будьте наконец рациональны. Даже если кто-то из королевской семьи выжил, кровь потомков, дошедшая до наших времен, должна быть настолько разбавлена, что уже тысячи людей могли бы заявить свое право на престол. Даже, — он сделал паузу, подыскивая наименее вероятного претендента, — даже кто-нибудь вроде брата Туговотса. — Он воззрился на внимавшее собрание. — Кстати, что-то я не вижу его сегодня.

— Забавная штука случилась, — задумчиво произнес брат Сторожевая Башня. — Вы не слышали?

— О чем?

— Вчера вечером, когда он возвращался домой, его укусил крокодил. Вот бедалага.

— *ЧТО?*

— Один шанс на миллион. Животное сбежало из зверинца, или что-то в этом роде, и лежало себе тихонько у Туговотса на заднем дворе. Тот шел через двор, собираясь нащупать под ковриком ключ и открыть дверь, тут-то крокодил его и цапнул, прямо у фьонцев^[16]. — Покопавшись в рясе, брат

Сторожевая Башня вытащил засаленный коричневый конверт. — Мы собираем пожертвования, чтобы купить ему винограда и каких-нибудь фруктов, не знаю, согласитесь ли вы принять участие, э-э...

— Запишите на меня три доллара, — сказал Верховный Старший Наставник.

Брат Сторожевая Башня кивнул.

— Забавная штука, — словно размышляя вслух, произнес он, — именно столько я и записал.

«Осталось всего несколько ночей, — думал Верховный Старший Наставник. — К завтрашнему дню люди впадут в такое отчаяние, что коронуют даже одноногого тролля, если это поможет избавиться от дракона. А у нас уже будет наготове король, а у короля — советник, надежный человек, разумеется, и все это отребье можно будет послать подальше. И тогда конец переодеваниям, конец ритуалам...

Конец дракону.

Я могу бросить это, — убеждал себя он. — Брошу в любой момент».

Улицы рядом с дворцом патриция были запружены народом. Кругом царила маниакальная атмосфера карнавала. Наметанный глаз Ваймса мгновенно оценил имеющийся ассортимент. Типичный случай анк-морпоркской толпы в момент кризиса: половина пришла повозмущаться и пожаловаться, четверть — посмотреть на первую половину, а остальные — чтобы грабить всех прочих, приставать к ним и продавать горячие сосиски в тесте. Присутствовали, однако, и несколько новых личностей. Толпу рассекали мужчины свирепого вида, с переброшенными через плечо большими мечами и свисающими с поясов плетями.

— Новости распространяются быстро, — прокомментировал капитану в ухо знакомый голос. — Доброе утро, капитан.

Ваймс взглянул в ухмыляющееся, бледное как смерть лицо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля. Достабль специализировался на товарах, которые можно по-быстрому спихнуть на шумном уличном углу, а поставщиками его товаров были, как правило, уличные повозки, возницы которых слишком редко оглядывались за спину.

— Привет, Себя-Режу, — рассеянно поприветствовал Ваймс. — Чем торгуешь?

— Штука самая что ни на есть реальная, капитан. — Достабль наклонился чуть ближе. Он принадлежал к тому типу людей, в устах которых обычное пожелание доброго утра звучит как уникальное-случающееся-раз-в-жизни-только-сегодня предложение. Глазные яблоки

Достабля возвращались в глазницах туда-сюда, точно два грызуна, ищущие, как бы выбраться. — Сейчас без этого никуда. Антидраконий крем. Гарантия качества — если дракон вас сжигает, деньги за товар возвращаются, нет вопросов.

— То есть ты хочешь сказать, — неторопливо ответил Ваймс, — в случае, если меня заживо поджарят, ты сразу вернешь деньги?

— Разумеется. Лично в руки покупателю, — разъяснил Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. Открутив крышку у банки с ярко-зеленой мазью, он сунул товар под нос Ваймсу. — Приготовлено из более чем пятидесяти различных специй и трав по рецепту, известному только кучке древних монахов, которые живут на какой-то горе где-то там. Доллар банка, и поверь, себя без ножа режу. Все на благо общества, — пылко добавил он.

— Отдай своим древним монахам. Быстро же они это состряпали.

— Шустрые, засранцы, — согласился Достабль. — А все медитация и яковый йогурт.

— Слушай, Себя-Режу, что происходит? — сменил тему Ваймс. — Кто эти ребята с большими мечами?

— Охотники на драконов, капитан. Патриций объявил награду в пятьдесят тысяч долларов всякому, кто принесет ему драконью голову. Отдельно от дракона; он не дурак, этот парень.

— Что?

— Так он сказал. И то же самое написано на плакатах.

— Пятьдесят тысяч долларов?!

— Кто-то от души заработает, а?

— Это скорее дракон от души наестся, — обеспокоено заметил Ваймс. Ох, будут от этого неприятности, попомнят еще его слова. — Но ты-то что? Почему ты не хватаешь меч и не присоединяешься к этой компании?

— Я скорее по части обслуживания, капитан.

Достабль таинственно зыркнул по сторонам и сунул Ваймсу кусок пергамента. Объявление гласило:

«Антидраконьи зеркальные щиты — 500 анкских долларов

Портативные определители лежбища — 250 анкских долларов

Противодраконьи стрелы — 100 анкских долларов штука

Лопаты — 5 анкских долларов

Пики — 5 анкских долларов

Мешки — 1 анкский доллар»

Ваймс вернул пергамент.

— А мешки зачем? — поинтересовался он.

— В расчете на драконьи сокровища, — объяснил Достабль.

— Ах да, — мрачно кивнул головой Ваймс, — разумеется.

— Скажу тебе знаешь что, — продолжал Достабль, — скажу тебе вот что. Для вас, наших защитников, десять процентов скидка.

— Но ты себя без ножа режешь, да?

— Для офицеров — целых пятнадцать процентов! — принялся горячо убеждать Достабль уходящего Ваймса.

Причина легкой паники в его голосе вскоре прояснилась. Кругом кишмя кишели конкуренты.

Жители Анк-Морпорка не были от природы героями, зато были прирожденными торгашами.

В радиусе нескольких футов Ваймс мог приобрести неограниченное количество единиц магического оружия с этикеткой «Сертификат подлинности» на каждом предмете, плащ-невидимку — здорово, подумал он, полюбовавшись на хитрюгу-продавца, который крайне ловко пользовался пустой рамой от зеркала, — и в качестве разрядки драконьи бисквиты, воздушные шарики и трещотки на палочках. Медные браслеты, гарантирующие защиту от драконов, также были неплохой задумкой.

Мешков и лопат было не меньше, чем мечей.

Золото, вот в чем все дело. Драконьи сокровища. Ха!

Пятьдесят тысяч долларов! Офицер Ночной Стражи зарабатывает тридцать долларов в месяц, и за эти гроши ему выбивают зубы...

Чего только не купишь на пятьдесят тысяч долларов...

Некоторое время Ваймс размышлял на эту тему, а затем принялся перебирать то, что *МОЖНО* купить на пятьдесят тысяч долларов. Второй список получился намного больше первого.

Он чуть не налетел на группу мужчин, столпившихся у прибитого к стене объявления. Объявление действительно гласило, что за голову терроризирующего город дракона полагается пятьдесят тысяч и что эти деньги будут немедленно выплачены отважному герою, доставившему драконью голову во дворец.

Один из собравшихся — главный герой, судя по размерам, вооружению и тому, как медленно он водил пальцем по буквам, — читал вслух для остальных.

— ...В, ва, ва два, ва дваретс, — в конце концов завершил он.

— Пятьдесят тысяч, — задумчиво произнес один из второстепенных героев, потирая подбородок.

— Дешевка, — прокомментировал местный специалист. — Существенно ниже общепринятой цены. Положены рука дочери и полкоролевства в придачу.

— Да, но он ведь не король. Он патриций.

— Ну, тогда половина патрицианства, или что там у патрициев. Кстати, дочка-то у него симпатичная?

Этого охотники за удачей не знали.

— Он не женат, — подал голос Ваймс. — И дочери у него нет.

Собравшиеся дружно обернулись на капитана. В их глазах явственно читалось презрение. Не исключено, что каждый день они просто в качестве разминки убивали пару десятков таких, как он.

— Нет дочери? — наконец произнес один из героев. — Хочет, чтобы люди сражались с драконами, а у самого даже дочери нет?

Почему-то Ваймс почувствовал себя обязанным выступить в защиту правителя города.

— Зато у него есть собачка, которую он очень любит, — объяснил Ваймс.

— Вот гад, даже дочери у него нет, — с чувством произнес какой-то охотник на драконов. — И что такое в наше время пятьдесят тысяч? Да на одни только сети больше истратишь.

— Эт' точно, — подтвердил другой. — Люди думают, это все удача, но они не учитывают, что, во-первых, никакой пенсии нам не полагается, а потом еще медицинские расходы, снаряжение тоже покупаешь сам, сети, трос...

— ...И от девственниц большой износ, — кивнул толстенький охотник-коротышка.

— Ага, да что там гово... от девственниц?

— Моя специализация — единороги, — смущенно улыбаясь, объяснил охотник.

— Неужели? — Первый из принимавших участие в разговоре имел вид человека, которого хлебом не корми дай задать уточняющий вопросик. — А я думал, в наше время они уже и не встречаются...

— Здесь ты прав. Единороги тоже перевелись, — согласился охотник на единорогов.

У Ваймса сложилось впечатление, что это была единственная шутка охотника за всю жизнь — только сам охотник этого не понял.

— М-да... Тяжелые времена, — отрывисто заключил первый.

— С чудовищами тоже сплошные проблемы, — вставил другой. — Я слышал историю, как один парень, в общем, он убил чудище одно из озера, но потом прибил трофейную лапу над дверью и...

— Дабы другим неповадно было, — поддержал один из слушавших.

— Точно, и что бы вы думали? Его мамаша такой хай подняла.

Абсолютно честно вам говорю, вломилась на следующий день к нему в комнату и давай парня облаивать, что он, мол, всякую дрянь в дом тащит. Вот оно, уважение!

— С женщинами всегда труднее, — мрачно согласился один из охотников. — Я знавал как-то одну косоглазую горгону, о, это был чистый кошмар. Без конца превращала собственный нос в камень.

— В общем, каждый раз мы рискуем собственными задницами, — подвел итог специалист. — Если бы я получал по доллару за каждую лошадь, которую сожрало прямым из-под меня какое-нибудь чудище...

— Правильно говоришь. Пятьдесят тысяч долларов? Пусть подавится ими.

— Ага.

— Верно. Дешевка.

— Пошли, опрокинем по стаканчику.

— Идем отсюда.

Они закивали, согласные в праведном возмущении, и зашагали в сторону «Залатанного Барабана» — все, кроме специалиста, который остановился и неловко, бочком вернулся к Ваймсу.

— А какой породы собака? — спросил он.

— Что? — не понял Ваймс.

— Я спросил, какой породы у него собака?

— По-моему, маленький жесткошерстный терьер, — подумав, ответил Ваймс.

Охотник некоторое время раздумывал над полученными сведениями.

— Не-а, — в конце концов сказал он и заторопился за остальными.

— У него еще, кажется, тетушка в Псевдополисе, — крикнул вслед ему Ваймс.

Ответа не последовало. Капитан Ночной Стражи пожал плечами и продолжил путь сквозь толпу, прокладывая себе дорогу к дворцу патриция...

...Где патрицию в это время приходилось несладко.

— Господа! — рявкнул он. — Я действительно ума не приложу, что делать дальше.

Собравшиеся руководители гражданских ведомств забормотали.

— Согласно традиции, в трудные минуты, подобные этой, в городе должен появиться герой, — высказался президент Гильдии Убийц. — Победитель драконов. Где он, хочу я спросить? Почему наши учебные заведения не выпускают молодых людей, обладающих нужными для

общества навыками?

— Пятьдесят тысяч долларов не такие уж и деньги, — заявил председатель Гильдии Воров.

— Возможно, что для вас, господа, это не такие уж и деньги, но это все, что может выделить город, — отрезал патриций.

— Если город не может выделить больше, недолго ж еще этому городу осталось, — пожал плечами вор.

— А что насчет торговли? — выступил представитель Гильдии Купцов и Торговцев. — Никто ведь не повезет по морю деликатесы только для того, чтобы их здесь превратили в пепел. По-моему, я прав.

— Господа! Господа! — Патриций воздел руки в примирительном жесте. — Мне кажется, — воспользовавшись краткой паузой, продолжил он, — что здесь мы имеем дело с чисто магическим явлением. По этому вопросу я хотел бы выслушать мнение нашего ученого друга. Гм-м?

Кто-то пихнул в бок аркканцлера Незримого Университета, который как раз начал клевать носом.

— А? Что? — забормотал волшебник, неожиданно приведенный в состояние бодрствования.

— Мы вот тут задавались вопросом, — громко осведомился патриций, — что вы, волшебники, намерены делать с этим вашим драконом?

Аркканцлер был стар, но жизнь, проведенная в условиях жесткой конкурентной борьбы с товарищами по профессии, в атмосфере древнего интриганства Незримого Университета, выработала в нем способность мгновенно находить кучу доводов в свою защиту. Аркканцлеры, пропускающие мимо ушей подобные «невинные» замечания, долго не заживаются.

— С нашим драконом? — уточнил он.

— Всем хорошо известно, что большие драконы вымерли, — резко ответил патриций. — Кроме того, их естественной средой обитания была сельская местность. Поэтому мне кажется, что данный экземпляр был, вероятно, призван сюда посредством волш...

— Со всем уважением, лорд Витинари, — прервал его аркканцлер, — позволю себе заметить: раньше действительно считалось, что драконы вымерли, однако новые данные, осмелюсь заметить, заставляют несколько усомниться в этой теории. Что же касается среды обитания, то данный случай является очередным примером изменения поведенческого образца, что было вызвано расширением городских территорий и распространением их на сельскую местность, в результате чего многие доселе дикие существа

перешли, более того, во многих случаях прямо-таки рванулись к более цивилизованному образу жизни, и многие из них процветают благодаря новым, открывшимся перед ними возможностям. Например, с недавних пор в университетские мусорные баки повадились лазать лисы...

Аркканцлер сиял. Он ухитрился выдать все это, практически не задействовав мозги.

— То есть ты утверждаешь, — медленно переспросил убийца, — что мы имеем дело с первым *ЦИВИЛИЗОВАННЫМ* драконом?

— Такова эволюция, — довольно ответил волшебник. — И судя по всему, эволюция опять победит, — добавил он. — Есть где вить гнезда, и еды более чем достаточно.

Высказывание было встречено гробовым молчанием. Наконец, паузу нарушил торговец:

— А чем питаются эти драконы?

Вор пожал плечами.

— Лично мне припоминаются истории о прикованных к скалам девственницах, — высказался он.

— Тогда у нас эти драконы подохнут с голоду, — хмыкнул убийца. — Тут скал отродясь не бывало. Равнина.

— Также они совершали налеты на близлежащие селения, — высказался вор. — Не знаю, поможет ли это...

— Так или иначе, лорд Витинари, — заключил предводитель купцов и торговцев, — это ваша проблема.

Пять минут спустя патриций, кипя от раздражения, мерил шагами продолговатый кабинет.

— Они смеялись надо мной, — воскликнул патриций. — Я читал это в их глазах!

— А вы предлагали организовать специальную комиссию по драконам? — спросил Воунз.

— Разумеется, предлагал! На этот раз фокус не сработал. Знаешь, я действительно склоняюсь к увеличению суммы вознаграждения.

— Вряд ли *это* поможет, ваша милость. Любой мало-мальски опытный убийца драконов знает цену своей работе. Эта цена всегда была твердой.

— Ха! Полкоролевства, — пробормотал патриций.

— И рука вашей дочери в придачу, — закончил Воунз.

— Насколько я понимаю, тетушка здесь не подойдет? — с надеждой в голосе спросил патриций.

— Традиция настаивает на кандидатуре дочери, ваша милость.

Патриций мрачно кивнул.

— А может, удастся подкупить эту тварь? — воскликнул он. — Драконы разумны?

— Насколько я знаю, традиционно их называют «коварными», ваша милость, — пожал плечами Воунз. — И они любят золото.

— В самом деле? А на что они его тратят?

— Они на нем спят, ваша милость.

— Ты хочешь сказать, они держат золото в матрасах?

— Нет, ваша милость. Они спят прямо на нем.

Патриций покрутил этот факт у себя в голове.

— А им не жестко? — осведомился он.

— Видимо, нет. Но сомневаюсь, что когда-нибудь им задавали этот вопрос.

— Гм-м. А говорить они умеют?

— Очевидно, это у них хорошо получается, ваша милость.

— А! Интересно.

Патриций размышлял так: если дракон умеет говорить, значит, с ним можно вести переговоры. Если с ним можно вести переговоры, значит, драконов можно взять за... в общем, за что-нибудь да взять.

— А еще говорят, что у них серебряные языки, — сообщил Воунз.

Патриций откинулся на спинку кресла.

— Всего-навсего серебряные? — переспросил он.

За дверью кабинета, в коридоре, послышались звуки приглушенных голосов, после чего в кабинет впустили Ваймса.

— А, капитан, — поприветствовал патриций. — Есть новости?

— Насчет чего, ваша милость? — переспросил Ваймс. С плаща у него капала вода.

— Насчет поимки дракона, — отчеканил патриций.

— Вы имеете в виду ту водоплавающую птицу?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, — отрезал патриций.

— Расследование движется, — механическим голосом доложил Ваймс.

Патриций фыркнул.

— Все, что нужно, это найти его лежбище, — сказал он. — Как только вы нашли лежбище, дракон в ваших руках. Это очевидно. По-моему, полгорода только и делает, что ищет лежбище.

— Если это лежбище существует, — заметил Ваймс.

Воунз резко поднял взгляд.

— То есть?

— Мы рассматриваем целый ряд возможностей, — деревянно отрапортовал Ваймс.

— Если у него нет какой-нибудь там пещеры, то где он прячется днем? — осведомился патриций.

— Расследование ведется, — ответил Ваймс.

— Так веди его побыстрее. И найди это лежбище, — раздраженно приказал патриций.

— Слушаюсь, ваша милость. Разрешите идти?

— Иди. Я жду от тебя известий к сегодняшнему вечеру, понятно?

«Почему я сомневаюсь насчет того, есть ли у дракона лежбище? — думал Ваймс, вновь оказавшись на запруженной народом и озаренной солнцем площади. — Потому что он выглядел ненастоящим, вот почему. Ненастоящий дракон будет действовать по-своему, а не так, как мы ожидаем. Но каким образом этот дракон вышел из переулка, в который не входил?»

Как только исключаешь невозможное, то оставшееся, каким бы невероятным оно ни казалось, становится правдой. Разумеется, проблема заключается в том, чтобы очертить границы этого невозможного. Вот и весь фокус. Так-то.

А еще этот орангутан со своей книгой...»

Днем библиотека гудела от бурной деятельности. Ваймс чувствовал себя здесь несколько неуверенно. Строго говоря, как капитан стражников, он имел право ходить где угодно и заходить куда угодно. Но волшебники всегда заявляли, что Университет живет по своим, чудесным законам. Крайне неблагоразумно наживать себе врагов среди тех людей, в результате общения с которыми можешь считать себя счастливым, если в итоге сохранишь прежнюю температуру, не говоря уже о форме.

Библиотекаря он нашел сгорбившимся над столом. Орангутан выжидающе посмотрел на Ваймса.

— К сожалению, ее еще не нашли, — сообщил Ваймс. — Поиски продолжаются. Однако есть один момент, и ты можешь поспособствовать поискам.

— У-ук?

— Это ведь магическая библиотека? Я хочу сказать, эти книги вроде как разумные? Вот что я подумал: держу пари, если я заявлюсь сюда среди ночи, они сразу поднимут шум. Потому что не знают меня. Но если бы они меня знали, то, наверное, не возражали бы против моего присутствия в столь неурочное время. Значит, тот, кто взял книгу, должен быть

волшебником, верно? Во всяком случае, кем-то, кто работает в Университете.

Библиотекарь огляделся, схватил Ваймса за руку и отвел его в уединенный уголок между двумя книжными полками. Только оказавшись там, он кивнул головой.

— Это кто-то, кого они знают?

Библиотекарь пожал плечами, затем опять кивнул.

— Поэтому ты и обратился к нам?

— У-ук.

— Он из университетского совета?

— У-ук.

— Есть идеи, кто бы это мог быть?

Библиотекарь пожал плечами — жест, исполненный глубокой выразительности для существа, чье тело, по сути, представляет собой висящий на лопатках мешок.

— Ладно, это уже что-то. Дай мне знать, если случится еще что-нибудь странное. — Ваймс оглянулся на книжные шкафы. — Ну, более странное, чем обычно.

— У-ук.

— Благодарю. Приятно встретить гражданина, который считает своей обязанностью помогать страже.

Библиотекарь дал ему банан.

Выходя на бурлящую улицу, Ваймс испытывал весьма необычный подъем. Определенно, он начал кое-что выявлять. Находить кусочки мозаики. Ни один из этих кусочков в отдельности ничего не значит, но каждый содержит в себе намек на целую картину. Все, что нужно, — это найти уголок или кусочек края...

Он был вполне уверен, что это не волшебник — что бы там ни думал библиотекарь. Во всяком случае, не из тех, что пасутся в Университете. Такие вещи не в их стиле.

Да, это драконье лежбище... Надо ведь что-то предпринимать. Самой разумной политикой было бы подождать и посмотреть, появится ли дракон сегодня вечером, а потом постараться выследить, куда он денется. Значит, надо наблюдать с высокого места. А есть ли какой-то способ обнаружить присутствие дракона? Впрочем, с определителем драконов Ваймс сегодня уже сталкивался. Творение Себя-Режу-Без-Ножа состояло из обычного металлического стержня с куском дерева в качестве рукоятки. Если металл расплавлялся до рукоятки, значит, вы нашли дракона. Подобно

большинству приспособлений Достабля, определитель отличался абсолютной, хоть и своеобразной, эффективностью, оставаясь в то же самое время совершенно бесполезным.

Должен быть лучший способ обнаружить чудовище, нежели ходить с железной палкой и ждать, пока у тебя сгорят пальцы.

Клонящееся к закату солнце расплущилось по горизонту, как сваренное всмятку яйцо.

Анк-морпоркские крыши и в обычное время топорщились рядами горгулий, но теперь они прямо-таки расцвели жуткими физиономиями, которые можно увидеть разве что на деревянных гравюрах, посвященных вреду пьянства и продающихся среди вообще не покупающих гравюр классов. Многие морды шли в комплекте с телами. В лапах горгульи сжимали не менее жуткое оружие, которое в течение многих веков передавалось из поколения в поколение, зачастую несколько насильно.

Со своего наблюдательного пункта, расположенного на крыше штаб-квартиры стражи, капитан Ваймс хорошо видел высыпавших на университетские крыши волшебников. Улицы были заполнены искателями сокровищ, у каждого в руке по лопате. Если дракон действительно устроил себе постель где-то в городе, то завтра ему придется спать на полу.

Откуда-то снизу донесся зазывный клич Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, а может, кого-то из его коллег. Они торговали горячими сосисками. Внезапно Ваймс почувствовал прилив гражданской гордости. Есть что-то правильное в гражданском населении, которое, оказавшись перед лицом катастрофы, думает о продаже горячих сосисок участникам сопротивления.

Город ждал. Показались звезды.

Моркоу, Шноббс и Колон тоже ждали на крыше. Колон дулся, потому что Ваймс запретил ему пользоваться арбалетом и стрелами.

Этот вид оружия в городе не поощрялся, поскольку при всей своей мощи арбалет имел одну неприятную особенность, а именно: стреляющий из него попадал в какого-нибудь невинного прохожего ровно в ста ярдах от того невинного прохожего, в которого целился.

— Все правильно, — рассудительно заметил Моркоу, — Закон о Метательном Оружии (Общественная Безопасность) от 1634 года.

— Хватит цитировать эту муру, — рявкнул Колон. — Ни один из этих законов больше не действует! Это все старье! Теперь все стало, как его там... Во, прагматичным!

— Закон или не закон, — отрезал Ваймс. — Я велел немедленно убрать эту штуковину.

— Но, капитан, я был в этом деле мастером! — запротестовал Колон. — К тому же, — сварливо добавил он, — ты по сторонам оглянись. Не я один здесь с арбалетом.

И это соответствовало действительности. Соседние крыши щетинились, как дикобразы. Покажись сейчас несчастный дракон, в воздух взвилось бы столько стрел, что бедной зверюге показалось бы, будто она внезапно застряла в куче мелких деревянных планок. Мысль об этом почти вызывала сочувствие.

— Я сказал, убери, — повторил Ваймс. — Мы, Ночная Стража, не палим по обычным горожанам.

— И это очень правильно, — одобрил Моркоу. — Мы здесь, чтобы защищать и служить, верно ведь, капитан?

Ваймс искоса посмотрел на него.

— Э-э... — протянул он. — Ну да. Так. Это правильно.

На крыше своего дома на холме госпожа Овнец устроилась в довольно легкомысленном шезлонге, разложив на парапете подзорную трубу, фляжку с кофе и сэндвичи. На коленях у нее покоилась записная книжка.

Прошло полчаса. За это время града стрел удостоились по очереди проплывающее облако, несколько невезучих летучих мышей и восходящая луна.

— Чтоб она провалилась, эта игра в войнушку, — сплюнул наконец Шноббс. — Зверюга испугалась.

Сержант Колон опустил пику.

— Похоже на то, — согласился он.

— И становится холодно, — отметил Моркоу. Он вежливо подтолкнул капитана Ваймса. Тот, привалившись к каминной трубе, зачарованно смотрел в одну точку.

— Может, пойдём отсюда, сэр? — спросил Моркоу. — Люди уже расходятся.

— Гм-м? — отреагировал Ваймс, по-прежнему таращась в пустоту.

— Да и дождь, похоже, вот-вот начнется, — сообщил Моркоу.

Ваймс не проронил ни слова. В течение нескольких минут он смотрел на Башню Искусства, центр Незримого Университета и, по слухам, старейшее здание в городе. Что оно самое высокое, *это* уж точно. Время, погода и циничные ремонтные рабочие придали формам башни оскаленность — так щерится дерево, повидавшее на своем веку слишком много гроз.

Он пытался припомнить форму башни. Обычно люди не замечают того, мимо чего каждый день ходят. Вот и капитан Ваймс уже долгие годы не разглядывал Башню Искусства. И теперь он пытался убедить себя, что этот лес башенок и зубчатых выступов, венчающий башню, выглядит сегодня точно так же, как и вчера.

Убедить себя никак не удавалось.

Не отрывая глаз от башни, он ухватил сержанта Колона за плечо и тихонько повернул его в нужном направлении.

— Взгляни туда. По-моему, башня выглядит как-то странновато, тебе не кажется? — спросил он.

Некоторое время сержант молча разглядывал цель, после чего нервно рассмеялся.

— Похоже, там сидит дракон, а?

— Да. И я о том же подумал.

— Только... только... только если вроде как взглядеться, то сразу различишь, что это просто тени, заросли плюща и все такое. А если прикрыть один глаз, то покажется, будто на башню взобрались две старухи с тачкой.

Ваймс попробовал.

— Не работает, — покачал головой он. — Все равно похоже на дракона. Он вроде как сгорбился и смотрит вниз. Видишь, вон у него крылья сложены.

— Прошу прощения, сэр, но это сломанная башенка создает такой эффект.

Оба наблюдали за башней еще некоторое время. А затем Ваймс произнес:

— Скажи мне, сержант, я интересуюсь из чистого любопытства, а что, по-твоему, создает эффект, будто над башней сейчас расправились два огромных крыла?

Сержант сглотнул.

— По-моему, его создают два огромных расправившихся крыла, — признал он.

— Внимание, сержант.

Дракон упал. Он не спикировал. Просто оттолкнулся от вершины башни и наполовину упал, наполовину полетел прямо вниз, быстро скрывшись за университетскими зданиями.

Ваймс поймал себя на том, что прислушивается, стараясь уловить звук упавшей драконьей туши.

Потом дракон вновь показался в поле зрения, летя как стрела, летя как

шутиха, летя как нечто такое, что неведомым способом сумело превратить падение со скоростью тридцать два фута в секунду в неостановимое вертикальное пикирование. Дракон скользнул над крышами, едва не касаясь черепицы, — зрелище еще более ужасающее из-за сопровождающего движение звука. Словно воздух медленно и тщательно разрывали напополам.

Стража бросилась на землю. Ваймс успел краем глаза уловить черты огромной, смутно напоминающей лошадиную морды.

— Задницы поганые, — раздался из водосточной трубы голос Шноббса.

Покрепче ухватившись за каминную трубу, Ваймс вновь принял вертикальное положение.

— Ты в мундире, капрал Шноббс, — сказал он почти не дрожащим голосом.

— Виноват, капитан. Поганые задницы, СЭР.

— Где сержант Колон?

— Внизу, сэр. Забился в водосток.

— О боги. Моркоу, помоги ему выбраться.

— Тихо, — в предостерегающем жесте поднял руку Моркоу. — Смотрите, как он *ДВИЖЕТСЯ!*

Местонахождение дракона без труда определялось по свистевшим в воздухе стрелам, а также по вскрикам и бульканью горожан, в которых эти самые стрелы попадали.

— Он еще ни разу не взмахнул крыльями! — воскликнул Моркоу, пытаясь устоять на каминной трубе. — Смотрите, как он движется!

— Он не должен быть настолько *БОЛЬШИМ*, — пробормотал себе под нос Ваймс, наблюдая, как гигантская тень пронесется над рекой. — Он ведь длиной с целую улицу!

Над доками полыхнуло пламя, и на какое-то мгновение тело животного закрыло собой луну. Только после этого дракон взмахнул крыльями — один раз, с влажным звуком, который издало бы стадо породистых овец, если бы разом бросилось с откоса в реку.

Описав небольшую дугу, дракон развернулся, несколько раз ударил крыльями воздух, набирая высоту, и вернулся.

Пролетая над штаб-квартирой стражи, он исторг столб плюющегося брызгами белого пламени. Черепица не просто расплавилась, она взорвалась раскаленными докрасна каплями. Каминная труба лопнула, на мостовую дождем посыпались кирпичи.

Казалось, кто-то бьет по воздуху молотом — такой звук издавали

крылья дракона, когда он парил над горящим зданием, осыпая своими огненными копьями строение, которое быстро превращалось в груды раскаленных докрасна обломков. Затем, когда от здания осталась лишь расплывающаяся лужа с интересными полосками и бурлящими пузырьками, дракон, презрительно взмахнув крыльями, устремился прочь, в пространство над городом.

Госпожа Овнец опустила подзорную трубу и медленно покачала головой.

— Это неправильно, — прошептала она. — *СОВСЕМ* неправильно. Не может быть, чтобы он был способен на *ТАКОЕ*.

Еще раз поднеся подзорную трубу к глазам, она прищурилась, пытаясь разглядеть, что горит. Внизу, в загонах, выли болотные дракончики.

Согласно традиции, очнувшись от блаженно бессобытийного бесчувствия, вы первым делом спрашиваете: «Где я?» Наверное, это из области расового подсознательного или чего-то в том же роде.

И Ваймс произнес именно эти слова.

Касательно второй реплики традиция предлагает несколько вариантов. В процессе их отбора ключевой момент — убедиться, что тело имеет все те части, которые, как ему помнится, оно имело накануне.

Ваймс проверил свои части.

Затем наступает мучительный момент. Теперь, когда снежный ком сознания начинает катиться, герою предстоит обнаружить, что он находится внутри тела, лежащего в канаве рядом с чем-то, напоминающим... Какое существительное последует дальше, не играет роли, ничего хорошего последовать не может — или кто-то думает, что это будут хрустящие простыни, успокаивающая ладонь и деловитая фигура в белом, отодвигающая занавес, за которым открывается сверкающий новый день? Все позади, и самое худшее, что может вас ждать, это жидкий чай, питательная овсяная болтушка, непродолжительные укрепляющие прогулки по садику и, если повезет, краткая платоническая любовь с обслуживающим вас ангелом. Или все это лишь мгновенное затмение, и какой-нибудь нависший над вами тип вот-вот займется вашей обработкой посредством тяжелой мотыжной рукоятки? Принесет ли кто-нибудь апельсинов? Вот что хочет знать сознание.

В этот момент хорошим подспорьем служат внешние стимулы. Наибольшей популярностью пользуется фраза «Все будет в порядке», в то время как «Кто-нибудь, позвоните в больницу» — определенно дурной признак. Оба высказывания, однако, лучше, чем «По-моему, стоит позвать

священника».

В данном случае чей-то голос произнес: «Ты едва выжил, капитан».

Болезненные ощущения, воспользовавшиеся бессознательным состоянием Ваймса, чтобы отлучиться на метафорическую пару затяжек, ринулись обратно.

— Ар-ргх... — выдавил Ваймс. А затем открыл глаза.

Потолок. Это зрелище исключило один весьма конкретный набор неприятных вариантов, а потому сознание встретило его в высшей мере благожелательно. Сквозь пелену проступили черты капрала Шноббса, что было встречено с меньшей благожелательностью. Присутствие капрала Шноббса ни о чем не говорило; можно *УМЕРЕТЬ* и увидеть перед собой что-то вроде капрала Шноббса.

Анк-Морпорк не мог похвастаться избытком врачей. Каждая Гильдия содержала собственный госпиталь, и существовали еще несколько больниц для простой публики — на средства наиболее старых религиозных организаций, вроде Балансирующих Монахов, но крупномасштабная система медицинской помощи отсутствовала, так что люди умирали сами по себе, без помощи докторов. Многие не без основания считали, что как раз лекарства и порождают всякие болезни, уж во всяком случае, их применение идет вразрез с намерениями Природы.

— Я уже спрашивал: «Где я»? — слабым голосом поинтересовался Ваймс.

— Да.

— А мне ответили?

— Я понятия не имею, что это за место, капитан. Принадлежит какой-то богатой штучке. Она велела тащить тебя сюда, наверх.

Несмотря на то что в сознании Ваймса затейливо переплетались розовые струйки, оно все-таки сумело схватить два кусочка мозаики и с трудом соединить их. Комбинация двух слов — «богатая» и «наверх» — что-то означала. Так же как и странный запах в помещении, забивавший даже обыденные ароматы Шноббса.

— А речь случайно не о госпоже Овнец? — осторожно поинтересовался Ваймс.

— Может, это она самая и есть. Здоровущая такая. С ума сходит по драконам. — Похожее на мордочку грызуна лицо Шноббса расцвело самой кошмарной понимающей улыбкой, которую Ваймс когда-либо видел. — И ты в ее постели, капитан, — добавил он.

Ваймс осмотрелся, на него накатили первые волны смутной паники. Потому что теперь, частично сфокусировавшись, он определил в своем

новом окружении определенную нехватку холостяцкой носковости. Ощущался легкий аромат талька.

— Этот, как его, будвар, — с видом знатока сообщил Шноббс.

— Минутку, минутку, — прервал его Ваймс. — Я помню дракона. Он летал прямо над нами...

Воспоминание шарахнуло его, как злобный зомби.

— Эй, капитан, с тобой все в порядке?

...Когтистая лапа в ширину раскинутых рук человека; когти надвигаются; гром и грохотание крыльев, напоминающих огромные паруса; вонь, одни боги знают, что может так вонять...

Дракон был настолько близко, что Ваймс различал крохотные чешуйки на лапах и красноватые искорки в глазах. Это были не просто глаза рептилии. В этих глазах можно было утонуть.

И дыхание, такое горячее, что уже совершенно не походило на пламя, скорее — на что-то почти монолитное, не сжигающее предметы, а разлагающее их на составные части...

С другой стороны, он здесь и жив. Левый бок ныл, как будто по нему ударили металлическим прутом, но тело действует. Значит, он жив.

— Что случилось? — спросил Ваймс.

— Это все молодой Моркоу, — объяснил Шноббс. — Он ухватил вас с сержантом и прыгнул с крыши буквально за мгновение до того, как дракон принялся поливать огнем.

— У меня бок болит. Наверное, дракон задел меня.

— Нет, я так думаю, это ты об сортир отшиб его, — покачал головой Шноббс. — А потом ты скатился и ударился головой о трубу.

— А что с Колоном? Он ранен?

— С ним все в порядке. Почти все. Вы с Колоном упали на крышу сортира, но сержант приземлился вроде как помягче. Он ведь тяжелющий, так прямиком и пролетел сквозь доски. Рассказывает о коротком освежающем душе из...

— А потом?

— Ну, мы вроде как уложили тебя в сторонке и отправились на поиски сержанта. Тыкались во все углы и орали. Ясное дело, стояли прямо над ним и орали, пока не поняли, где он. А потом появилась эта женщина, она бежала и вопила.

— Это ты о госпоже Овнец? — холодно отозвался Ваймс.

Его ребра застонали с новой силой.

— Ага. Здоровущая такая, толстая, — подтвердил не отличающийся чуткостью Шноббс. — Начальник, с какой стати она тут из себя чуть ли не

главного строит! «О, мой бедный дорогой друг, эй, люди, немедленно отнесите его ко мне наверх!» Что мы и сделали. Конечно, лучше места даже не найти. В городе черт знает что творится — все носятся не разбирая дороги, будто курицы с отрубленными головами.

— Какой ущерб нанес дракон?

— Ну, после того как тебя унесли, волшебники атаковали его огненными шарами. Это ему совсем не понравилось. Скорее, похоже, наоборот, он еще больше обозлился и стал сильнее. Снес подчистую одно крыло Университета.

— А потом?

— Вот тут-то вся и загвоздка. Он спалил еще несколько домов, а затем вроде как пропал в облаке дыма.

— И никто не видел, куда он делся?

— Если и видели, то не рассказывают. — Шноббс откинулся на спинку стула и хмуро покосился по сторонам. — Противно, гадко просто, как она может жить в такой комнате? Сержант сказал, у нее денег куры не клюют — какое право она имеет жить в обыкновенной комнате? Зачем надрываться, вылезать из бедности, если богатым позволено жить в самых обыкновенных комнатках? Все должно быть отделано мрамором. — Он засопел. — В общем, она велела немедленно позвать ее, когда ты проснешься. И ушла кормить драконов. Странные уродцы, а? Удивительно, и как ей разрешают их держать?

— То есть?

— Сам понимаешь. Они ведь одного поля ягоды, ну, с большими драконами.

Когда Шноббс, волоча ноги, покинул комнату, Ваймс еще раз огляделся. Здесь действительно ощущалась нехватка золотых листьев и мрамора, обязательных, по мнению Шноббса, для домов, которые занимают на социальной лестнице соответствующее положение. Вся мебель была старой, а картины на стене, хоть и наверняка ценные, выглядели как картины, которые хозяева вешают на стены только потому, что не могут найти им лучшего применения. Ваймс заметил несколько любительских акварелек с изображением драконов. В общем и целом создавалось впечатление, что хозяйка этого «будвара» живет здесь одна и давным-давно и что комната как-то рассеянно облегает свою обитательницу, с годами принимая точные очертания ее тела, словно старый костюм, только с потолком.

С первого взгляда бросалось в глаза, что комната принадлежит женщине, но такой женщине, которая живет в свое удовольствие, без

глупой хандры, в то время как всякая мыльная романтическая чепуха происходит с другими людьми и в других местах.

Обнаруженная при беглом осмотре женская одежда показывала, что при ее выборе руководствовались разумным подходом, отдавая предпочтение носкости (и делали это, судя по всему, еще представители предыдущего поколения), а не возможностям ее использования в качестве легкой артиллерии на полях сексуальных битв. На туалетном столике аккуратными рядами выстроились бутылки и кувшины, но определенная суровость форм наводила на мысль, что этикетки гласят скорее что-то вроде «Втирать ежедневно перед сном», а не «Нанесите легким мазком за ушами». Легко можно было представить, что обитательница комнаты спит в этой кровати всю свою жизнь и что отец перестал называть ее «моя малышка», только когда «малышке» исполнилось сорок.

За дверью висел большой, выбранный опять же с позиций разумности, голубой халат. Даже не глядя, Ваймс уже знал, что на кармане у него кролик.

Одним словом, эта комната принадлежала женщине, которая никогда бы не подумала, что внутреннее убранство ее покоев увидит мужчина.

Столик у кровати был завален бумагами. Испытывая смутное чувство вины, Ваймс прищурился, пытаясь получше разглядеть некоторые из них.

Речь везде шла о драконах. Здесь были письма из Комитета Выставок Пещерного Клуба, а также из Лиги Дружелюбных Огнеметателей. Здесь были памфлеты и обращения из Санатория Для Тяжело Больных Драконов «Солнечный Свет»: «Пламя бедного малыша Винни почти погасло после пятилетнего жестокого использования дракончика для сдирания краски, но теперь...» Далее следовали просьбы о пожертвованиях, убеждения и все такое прочее, чей целью было подействовать на сердце, способное испытывать жалость к этому миру, во всяком случае к той его части, которая обладает хвостами и дышит пламенем.

Если вы позволите сознанию надолго задержаться в комнате вроде этой, то вскоре испытаете непонятную печаль и исполнитесь необычного, не направленного ни на что конкретно сострадания, которое приведет вас к убеждению, что неплохо было бы вообще стереть человеческий род с лица земли и вновь начать с амёб.

Рядом с бумажным сугробом лежала книга. Болезненно изогнувшись, Ваймс посмотрел на корешок. Заглавие гласило: «Балезни Драконов». Автор — Сибилла Дейдра Ольгивианна Овнец.

Словно загипнотизированный, капитан Ваймс перевернул несколько страниц. Они открывали дверь в другой мир, мир изрядно озадачивающих

проблем. Застревание в горле. Беспорядочное спаривание. Сухое легкое. Вертячка, рвота, слезотечение, камни. Поразительно, что такое нежное существо, как дракон, вообще доживает до своего второго рассвета, заключил капитан Ваймс по прочтении нескольких страниц. Даже простую прогулку по комнате следует рассматривать как биологическую победу.

Вглядевшись в старательно, но коряво нарисованные иллюстрации, он тут же отвел взгляд. Внутренностей у драконов было ужасно много.

И тут раздался стук в дверь.

— Эй, там! Ты одет? — жизнерадостно пророкотала госпожа Овнец.

— Э...

— Я принесла кое-что чертовски питательное.

Ваймс почему-то думал, что это будет суп. Вместо этого он получил огромную тарелку с горкой жареной картошки, беконом и яйцами. При одном взгляде на такое количество еды его желудок пережил легкую истерику.

— А еще я приготовила хлебный пудинг, — немного робко похвасталась госпожа Овнец. — Обычно-то я не много готовлю, так, только для себя. Сам знаешь, каково это, когда заботаешься только о себе.

Ваймс вспомнил одинокие трапезы в собственном обиталище. Почему-то мясо всегда было серым, с кучей таинственных прожилок и трубочек.

— Э-э, — неловко начал он, не привыкший обращаться к знатым дамам, лежа в их собственной постели. — Капрал Шноббс рассказал...

— И что за колоритный человечек этот Шноббс! — воскликнула госпожа Овнец.

Данное заявление Ваймс переварить не смог.

— Колоритный? — слабо переспросил он.

— Действительно своеобразный. Мы замечательно с ним поладили.

— В самом деле?

— О да. Анекдотами так и сыплет, как будто их у него целый склад.

— Ну, с этим у капрала все в порядке.

Ваймса неизменно поражало умение Шноббса ладить практически со всеми людьми. Наверное, решил он, это как-то связано с общим знаменателем. Во всем математическом мире не найдется знаменателя настолько общего, как Шноббс.

— Э-э... — протянул он. Тема капрала Шноббса оказалась странно подходящей для беседы. — А вам не кажется, что его речь немного, скажем, э-э, грубовата?

— Солоновата, — весело поправила госпожа Овнец. — Послушал бы

ты моего отца, когда его что-то раздражало. Так или иначе, оказалось, у нас много общего. Поразительное совпадение, но когда-то мой дед приказал выпороть его деда.

Почти родственная связь, подумал Ваймс. Очередной кинжальный удар боли, пронзившей раненый бок, заставил его передернуться.

— У тебя несколько очень тяжелых ушибов и, вероятно, сломана пара ребер, — сообщила госпожа Овнец. — Повернись, и я наложу на больные места вот это.

Госпожа Овнец сунула ему под нос кувшин с желтой мазью.

По лицу Ваймса пробежала тень паники. Он инстинктивно натянул простыни до самого носа.

— Не валяй дурака, дружок, — спокойно отреагировала она. — Я не увижу ничего такого, чего не видела раньше. Задницы не слишком отличаются одна от другой. Просто те, которые я вижу обычно, как правило, заканчиваются хвостом. А теперь задирай-ка рубашку, да поживее. Эту рубаху еще мой дедушка нашивал, — с оттенком фамильной гордости добавила она.

Когда с тобой говорят таким тоном, сопротивление бесполезно. У Ваймса мелькнула было идея позвать в качестве «гувернантки» Шноббса, но потом он решил, что так будет еще хуже.

Мазь обожгла как лед.

— Что это *ТАКОЕ*?

— О, тут много чего намешано. Она заживляет ушибы и способствует росту здоровой чешуи.

— Росту чего?!

— Извиняюсь. Наверное, все-таки не чешуи. И не надо делать такие большие глаза. Я почти уверена, мазь поможет. Итак, все в порядке.

Она шлепнула его по крестцу.

— Мадам, я все ж капитан Ночной Стражи, — попытался «сохранить лицо» Ваймс, заранее зная, что его слова прозвучат чертовски глупо.

— Полуголый и к тому же валяющийся в дамской постели, — ничуть не тронутая этим заявлением, парировала госпожа Овнец. — А теперь садись и принимайся за чай. Надо поставить тебя на ноги как можно скорее.

Глаза Ваймса панически расширились.

— Зачем? — осторожно переспросил он.

Госпожа Овнец сунула руку в карман засаленной кофты.

— Я тут вчера набросала кое-какие заметки, — сообщила она. — Касательно дракона.

— Ах дракон... — Ваймс слегка расслабился. В данный момент дракон показался ему сравнительно безопасной перспективой.

— И кое-что вычислила. Вот что я тебе скажу: это очень странный зверь. Судя по всему, он не должен летать.

— Тут вы правы.

— Если анатомически он устроен так же, как болотные драконы, то должен весить около двадцати тонн. Двадцать тонн! Это немыслимо. Чтобы поднять такой вес, нужен невероятный размах крыльев.

— Я видел, как он сиганул с башни. Будто ласточка.

— Я тоже видела. Во время исполнения этого трюка ему должно было оторвать крылья, после чего от него осталось бы только чертовски глубокое мокрое место, — в голосе госпожи Овнец звучала твердая убежденность. — Никто не может просто так взять и наплевать на законы аэродинамики. Нельзя увеличиться в размерах и надеяться, что все будет, как было. Дело тут в мускульной силе и подъемных плоскостях.

— Я ЗНАЛ, что здесь какая-то неувязка, — просиял Ваймс. — И с пламенем тоже. Никакое животное не может разгуливать с таким жаром внутри. Как это устроено у болотных драконов?

— О, вот тут все очень просто объясняется, — покачала головой госпожа Овнец. — Обычное взаимодействие химических веществ. Что бы они ни ели, всю еду драконы перегоняют в особое самовозгорающееся вещество. И оно возгорается точно в тот момент, когда достигает выводных протоков. На самом деле внутри у драконов огня никогда не бывает, если только они не заболевают обратной тягой.

— И что тогда?

— Можешь помахать зверюге лапкой, — жизнерадостно объяснила госпожа Овнец. — Природа-мать их малость обидела, этих драконов. Не слишком-то удачно они устроены.

Как зачарованный, Ваймс слушал дальнейший рассказ госпожи Овнец.

Как выяснилось, этим беднягам бы и вовсе не выжить, не обитай они в болотах. Просто их родные болота располагались на отшибе, и хищников там не водилось. А если вдруг кто и забредал, то быстро понимал, что поживиться тут особо и нечем. Не такой уж лакомый кусочек этот болотный дракон — кожистая шкура да огромные летательные мышцы. А как прогрызешь все это, то обнаружишь, что кусаешь какой-нибудь никуда не годный химический заводик или вечно ломающийся самогонный аппарат. В общем, ничего удивительного, что драконы вечно болели. По сути, непрекращающееся желудочное расстройство было необходимым элементом выработки топлива. Большая часть мозга дракона занималась

контролированием сложного пищеварительного процесса, способного вырабатывать воспламеняющуюся смесь из самых немислимых ингредиентов. Дело доходило до того, что, если попадался какой-нибудь «трудноперегоняемый» кусочек, дракон за несколько часов полностью перестраивал свою пищеварительную систему. Вся жизнь дракона протекала на тонком химическом лезвии ножа. Одна неудачная отрыжка — и от дракоши оставалась лишь добрая память.

Что же касается гнезд и спаривания, то средняя самка дракона обладала материнским инстинктом и здравым смыслом кирпича обыкновенного.

Ваймсу оставалось только диву даваться — почему в прежние времена люди так боялись драконов. Судя по всему, если в пещере неподалеку от вас вдруг объявится дракон, то все, что надо делать, это спокойно ждать, пока он самовозгорится, взорвется или скончается от острого несварения.

— А вы их здорово изучили, — уважительно отметил он.

— Кому-то же надо этим заниматься.

— И про больших драконов вы тоже все знаете?

— Как же, сейчас. Большие драконы — большая загадка, — лицо госпожи Овнец приняло чрезвычайно серьезное выражение.

— Да, вы говорили.

— Они стали легендой. Создается впечатление, что какой-то один вид драконов все увеличивался и увеличивался в размерах, а потом... взял и просто исчез.

— Вы хотите сказать, вымер?

— Нет... Большие драконы появлялись — время от времени. Неизвестно откуда. Исполненные энергии и мощи. Ну а потом настал день, когда они ушли навсегда. — Она бросила на Ваймса победоносный взгляд. — Лично я считаю, они нашли место, где могут действительно *быть*.

— Действительно быть чем?

— Самими собой, драконами. Они нашли место, где могут полностью реализовать свой потенциал. Где сила тяжести не так велика. Какое-нибудь иное измерение или нечто вроде.

— Когда я увидел того дракона, то подумал, — задумчиво произнес Ваймс, — невозможно одновременно летать и иметь такую чешую.

Их взгляды встретились.

— Мы должны найти его логово, — нарушила молчание госпожа Овнец.

— Я не допущу, чтобы какой-то летающий тритон безнаказанно жег

мой город.

— Подумать только, какой замечательный вклад мы сможем внести в науку о драконах, — глаза госпожи Овнец затуманились.

— Если кто-нибудь когда-нибудь и подожжет этот город, то это буду я.

— Какая исключительная, редкостная возможность. Столько вопросов ждут своих ответов.

— Здесь вы абсолютно правы, — в голове Ваймса мелькнула одна из характерных фраз Моркоу. — Если мы найдем его логово, наше расследование существенно продвинется, — рискнул он.

— Но продвигаться оно начнет только со следующего утра, — не допускающим возражений тоном отчеканила госпожа Овнец.

Выражение горькой решимости на лице Ваймса разом поблекло.

— Я буду спать внизу, на кухне, — бодро сообщила госпожа Овнец. — Обычно во время кладки яиц я там устраиваю походную постель. Кому-то из самок обязательно требуется помощь.

— Вы мне так помогли, — пробормотал Ваймс.

— Я послала Шноббса в город. Он и остальные стражники обустроивают штаб-квартиру, — сказала госпожа Овнец.

Капитан Ваймс совсем позабыл о том, какая судьба постигла штаб-квартиру Ночной Стражи.

— Наше здание, наверное, здорово пострадало, — осторожно высказал догадку он.

— От него камня на камне не осталось, — просветила его госпожа Овнец. — Кусок расплавленного цемента. Так что я предоставляю в ваше распоряжение одно место в квартале под названием Псевдополис-Ярд.

— Не понял?

— О, собственность моего отца раскидана по всему городу, — объяснила она. — А мне от нее, по правде сказать, толку все равно никакого. Так что я приказала своему агенту передать сержанту Колону ключи от старого дома в Псевдополис-Ярде. Эту избушку неплохо слегка проветрить.

— Но этот район... то есть... там ведь улицы вымощены настоящим булыжником... одна арендная плата... Я хочу сказать, лорд Витинари никогда не пойдет на...

— Не бери в голову, — она дружески похлопала его по плечу. — А теперь тебе и в самом деле пора спать.

Ваймс лежал в постели и думал. Мысли его скакали. Псевдополис-Ярд располагается на той стороне реки, которая относится к Анку, в довольно дорогом районе. Вид Шноббса или сержанта Колона, среди бела дня

вышагивающих по шикарным улицам, произведет на обитателей квартала такое же впечатление, как открытие по соседству чумной больницы.

Он заскользил по волнам сна, то погружаясь в темную бездну, то вновь выныривая из страны сновидений, где гигантские драконы гонялись за ним, размахивая кувшинами с мазью...

Капитан Ваймс был разбужен криками толпы.

Зрелище внушительно и надменно приосанившейся госпожи Овнец было не из тех, которые забываются, хотя, конечно, можно пробовать. Это было все равно как стать зрителем фильма о континентальном сдвиге, показанном наоборот, когда различные субконтиненты и острова стягиваются вместе, образуя одну массивную, разгневанную протоженщину.

Взломанная дверь драконьего загона болталась на петлях. Его обитатели, смахивающие на нажравшихся амфетаминов носорогов, шумно буйствовали. Рассерженными бенгальскими огнями они носились взад-вперед по загонам, обрушивая на металлические пластины шипящие брызги и сгустки пламени.

— Эт-то что еще такое? — величественно осведомилась ее светлость.

Обладая госпожа Овнец склонностью к ретроспективным размышлениям, она сама признала бы, что реплика эта оригинальностью не отличалась. Причина, по которой клише становятся Клише, заключается в том, что они являются молотками и отвертками в наборе «сделай сам», предназначенном для общения.

Место снесенной двери заполнила толпа. Некоторые из ее представителей размахивали вверх-вниз разнообразными наточенными орудиями труда, стремясь сойти за настоящих бунтовщиков.

— Эй, дамочка, — бросил вызов главный заводила, — это ведь дракон, верно?

Хор разгневанных крестьян пропел (точнее, пробормотал) согласие и поддержку.

— И что? — вздернула подбородок госпожа Овнец.

— А того. Он сжигает город. Они ведь далеко не летают. У вас тут дома драконы. Ведь запросто может стать, что это один из них, а?

— Точняк.

— Правду-матку режет.

— QED^[17].

— В общем, мы сейчас того, это, поставим наглецов на место.

— Верно.

— Ага.

— Pro bono publico.

Грудь госпожи Овнец вздымалась и опадала, как империя. Мощным движением госпожа Овнец сняла с крюка навозные вилы.

— Предупреждаю, один шаг, и вы пожалеете, — грозно предостерегла она.

Предводитель уставился через ее плечо на драконов.

— Да что ты? — мерзким тоном ответил он. — И что же это ты сделаешь, интересно?

Она пару раз открыла и захлопнула рот.

— Я позову стражу! — наконец ответила она. Госпожу Овнец никогда не интересовали те участки городка, где не встречались драконы.

Ожидаемого эффекта угроза не возымела.

— Ах вот оно что, ну это я понимаю, — ядовито продолжал предводитель. — Есть из-за чего беспокоиться. Не знаю, как у других, а у меня так ноги подкашиваются от страха, во как пробирает!

Он извлек из-за пояса огромный мясной нож.

— А теперь, дамочка, отойди-ка в сторонку, потому как...

Из-под навеса, откуда-то из самой глубины, полыхнуло зеленое пламя. Огненная сабля пронеслась в футах над головами бунтовщиков и выжгла на верхней перекладине обуглившуюся розетку.

А затем раздался ласково-медовый голос — именно таким тоном и произносятся все смертельные угрозы:

— Это вы познакомились с лордом Горносветом Быстроцапом Бураном Четвертым, самым горячим драконом города. Превратить вас в головешки ему раз плюнуть.

Из теней стремительно вынырнула фигура капитана Ваймса.

Под мышкой он держал маленького и чрезвычайно испуганного золотистого дракончика. Другой рукой капитан придерживал героя за хвост.

Бунтовщики застыли, не в силах оторвать глаз от диковинного зрелища.

— Я знаю, что у вас сейчас на уме, — в наступившей тишине было отчетливо слышно каждое произнесенное намеренно тихим голосом слово Ваймса. — Вы, должно быть, гадаете, а осталось ли в этой штуковине пламя? По правде сказать, я и сам не так уж в этом уверен...

Он чуть поднял дракончика, посмотрел меж драконьих ушей на бунтовщиков и добавил:

— Но лучше бы вам задаться другим вопросом. Кому сегодня больше повезет? Вам или мне? — Теперь его голос вибрировал, словно лезвие

ножа, которое пробуют пальцем.

Он продвинулся вперед, и толпа отшатнулась.

— Ну так как? — продолжил он. — Кому из нас сегодня повезет?

В течение нескольких секунд тишину нарушало лишь злое жужжание желудочное урчание лорда Горносвета Быстроцапа Бурана Четвертого, это в его воспалительные камеры неровными толчками забрасывались порции топлива.

— Ладно, слушай, — запинаясь и не отрывая загнипнотизированного взгляда от драконьей головы, проговорил предводитель, — зачем так перегибать...

— Вообще-то, никто не знает, что может взбрыгнуть в эту драконью голову. Вот захочет и изрыгнет пламя. Они это делают время от времени, иначе в животе накапливается слишком много газа. А особенно много газа вырабатывается, когда драконы нервничают или сердятся. И честно сказать, этот дракончик порядком взвинчен.

Предводитель сделал неопределенно-примирительный жест — рукой, по-прежнему сжимающей нож.

— Брось нож, — процедил Ваймс. — Или тебе крышка.

Нож со звоном ударился о камень. В задних рядах агрессивно зашебурились; очевидно, кое-кто из стоящих позади бунтовщиков был еще не в курсе, что концепция резко изменилась.

— Но, прежде чем все вы, добрые граждане, тихо разойдетесь по домам и займетесь своими делами, — многозначительно предостерег Ваймс, — советую вам хорошенько рассмотреть этих драконов. Похоже, чтобы кто-нибудь из них был шестидесяти футов в длину? Можете ли вы утверждать, что размах крыльев у них восемьдесят футов? И насколько горячо, по вашему мнению, их пламя?

— А фиг его знает, — с сомнением в голосе произнес предводитель.

Ваймс слегка приподнял дракону голову. Предводитель закатил глаза.

— Не знаю, сэр, — быстро поправился он.

— Хочешь узнать?

Заводила энергично затряс головой. Но все-таки нашел в себе силы подать еще одну реплику:

— А ты сам-то кто такой?

Ваймс надул грудь.

— Капитан Ваймс, Городская Стража.

Фраза была встречена почти гробовым молчанием. Если не считать веселого писклявого голосочка откуда-то из задних рядов:

— Ночная смена, да?

Ваймс перевел взгляд вниз, на свою ночную рубашку. Выскакивая из постели, он второпях сунул ноги в шлепанцы госпожи Овнец. Только сейчас он заметил украшающие их розовые помпоны.

Именно в этот самый момент лорд Горносвет Быстроцап Буран Четвертый решил срыгнуть.

Нет, это не было еще одним сполохом ревущего огненного языка. Полупрозрачный шарик приглушенно-темноватого пламени прокатился над толпой, спалив несколько бровей. Но этот шарик определенно произвел впечатление.

Ваймс величественно приосанился. Тот краткий миг, когда он испытывал неподдельный ужас, миновал, и никто ничего не заметил.

— Таким образом я привлек ваше внимание, — бесстрастно промолвил Ваймс. — Следующий шарик будет пущен немного ниже.

— Э-э... — протянул заводила. — Ну да, в общем, ты прав. Какие проблемы. Мы и так собирались по домам. Больших драконов здесь нет, чего еще надо? Извиняйте за беспокойство.

— Ну уж нет! — победоносно воскликнула госпожа Овнец. — Так легко вам не отделаться!

Она достала с полки жестянку с прорезью в крышке. В жестянке позвякивало. По боковой стороне шла надпись: «Санаторий Для Тяжело Больных Драконов „Солнечный Свет“».

Первый обход принес четыре доллара и тридцать один пенс. После того как капитан Ваймс демонстративно повертел драконом из стороны в сторону, чудесным образом добавились еще двадцать пять долларов и шестнадцать пенсов. После этого толпа разбежалась.

— По крайней мере, что-то заработали, — заметил Ваймс, когда они опять остались одни.

— Это было чертовски смело с твоей стороны!

— Будем надеяться, у малыша это не войдет в привычку.

Ваймс осторожно водрузил изможденного дракончика обратно на насест. Капитана стражи слегка покачивало.

Он вновь ощутил устремленный на него пристальный взгляд и посмотрел краем глаза на длинную, остроконечную морду Паиньки Биндля Камнешлепа Щеботанского. Дракончик тянулся вверх, и в целом его позу можно было описать как «Последний Щенок В Лавочке».

К собственному изумлению, Ваймс протянул руку и почесал существо за ушами — или, по крайней мере, за теми остроконечными штуками, что располагались по бокам головы и, предположительно, выступали в роли ушей. Дракон отреагировал загадочным звуком, вызывавшим в памяти

образ наглухо закупоренной цистерны с пивом, в которой эта закупоренность вызывает сложные и небезопасные процессы. Ваймс поторопился отдернуть руку.

— Все нормально, — успокоила госпожа Овнец. — Это у него в животе бурчит. Ты ему понравился.

Опять же к собственному изумлению, Ваймс почувствовал, что это ему довольно приятно. Насколько он помнил, никто и ничто в жизни не считали его достойным хоть какого-то проявления симпатии, пусть даже в форме отрывки.

— По-моему, вы собираетесь вроде как, э-э, избавиться от него, — голос его звучал вопросительно.

— Надо бы, — пожала плечами госпожа Овнец. — Но знаешь, как получается. Они начинают смотреть на тебя такими большими проникновенными глазами...

Воцарилась краткая взаимно-неловкая пауза.

— А как бы вы отнеслись, если бы я...

— Ты хочешь сказать, что был бы не прочь...

Опять молчание.

— Это самое малое, что я могу для тебя сделать, — промолвила госпожа Овнец.

— Но вы ведь уже дали нам помещение под штаб-квартиру. Ну, и все остальное!..

— Это был мой гражданский долг, — возразила госпожа Овнец. — Пожалуйста, прими Паиньку как, как... как дар ДРУГА.

— Но я даже не знаю, что они едят.

— Фактически они всеядны, — успокоила его госпожа Овнец. — Едят все, кроме металла и вулканических пород. Когда твоя эволюция протекает в болоте, не очень-то повыпендриваешься.

— А как насчет прогулок или там «пролетов» — его не надо выводить?

— Ну, по большей части он спит, — она почесала макушку чешуйчатой головы уродца. — Честно говоря, он самый спокойный дракон, что у меня когда-либо был.

— А как с этим... ну, вы понимаете? — Ваймс жестами изобразил навозные вилы.

— Ах это?.. По большей части газ. Просто держи его в хорошо проветриваемом помещении. У тебя ведь нет особо ценных ковров? И лучше сразу приучать, чтобы они не лизали тебя в лицо, но, вообще-то, их можно научить контролировать пламя. Драконы очень полезны, если надо разжечь костер или вообще что-нибудь зажечь.

Паинька Биндль Камнешлеп Щеботанский произвел на свет целую серию разнообразных водопроводных звуков.

У них восемь желудков, вспомнил Ваймс; иллюстрации в той книге были очень подробными. И еще масса всякого другого, вроде дистилляционных трубок и прочих безумных алхимических устройств.

Ни один болотный дракон не в состоянии терроризировать королевство, разве что по случайности. Интересно, подумал Ваймс, сколько таких дракончиков было убито героями-любителями? Какая чудовищная жестокость убивать столь невинных существ... Их единственное преступление состоит в том, что они по собственной рассеянности могут вдруг взять и подорвать себя в воздухе, — вряд ли такая привычка способствует процветанию твоего вида. Подумав об этом, капитан Ваймс даже разозлился. Раса... **ПОРАЖЕНЦЕВ**, вот что такое эти драконы. Рождены, чтобы проигрывать. Живи быстро, умри красиво. Всеядные они или нет, но вся их жизнь — это сплошная нервотрепка. Охваченные смертельным страхом перед собственной пищеварительной системой, они летают по миру, хлопая крыльями так, словно извиняясь за собственное существование. Не успеет семейство оправиться после взрыва отца, как откуда ни возьмись какой-нибудь придурок в латах уже шлепает через болота — торопится воткнуть копьё в другой мешок с кишками, которого и так уже не больше минуты отделяет от самовозгорания.

Ха. Интересно было бы посмотреть, как эти великие победители драконов прошлого справились бы с настоящим, большим драконом. Латы? Лучше даже не надевать. Результат все равно тот же самый, но, по крайней мере, твои останки не подаются упакованными в фольгу.

Он все смотрел и смотрел на маленького уродца. Наконец, идее, которая упорно стучалась в дверь последние несколько минут, было разрешено войти. Жители Анк-Морпорка жаждут отыскать лежбище дракона. По крайней мере, пустое. Железка с куском дерева тут не поможет, в этом Ваймс не сомневался. Но, как говорится, «Чтобы поймать вора, нужен вор...»^[18]

— А может один дракон унюхать другого? — спросил вдруг капитан Ваймс. — Сумеет он, так сказать, взять след?

«Дражайшая матушка, — (писал Моркоу). — Хочу рассказать о Повороте Событий с Книгами. Вчера вечером дракон спалил нашу Штаб-Квартиру, но, о Чудо Из Чудес, нам дали другую, прямо напротив Оперы, в квартале под названием Псевдополис-Ярд. Сержант Колон говорит, что это мы Поднимаемся По Социальной Лестнице, а еще он велел Шноббсу

даже и не думать продавать мебель. Подниматься По Социальной Лестнице — новая для меня метафора, я еще не совсем понял ее смысл, это вроде как Врать, только более красиво сказанное. Здесь даже постелены специальные ковры, чтобы о них вытирали ноги. Сегодня уже два раза к нам приходили люди, рвались в погреба искать там Дракона, просто диву даешься. Суют нос повсюду, копаются в шкафах, заглядывают на чердаки, и так по всему городу, прямо Лихорадка какая. Хотя, конечно, люди хоть чем-то заняты, так у них будет меньше времени на всякие Правонарушения, но, с другой стороны, как говорит сержант Колон, когда отправляешься на Обход и кричишь Двенадцать Часов, И Все Спокойно, а дракон тем временем сжигает какую-нибудь улицу, то чувствуешь себя как-то неуютно, словно Неправду Говоришь.

Я съехал от госпожи Лады и переехал сюда, потому что спален здесь хоть отбавляй. Когда я уходил, было грустно, и девушки испекли для меня торт, но, по-моему, это к лучшему, что я уехал, хотя госпожа Лада ни разу не брала с меня за проживание, что очень мило с ее стороны, она ведь вдова и у нее так много прекрасных дочерей, все на выданье, их надо ставить на ноги, плюс приданое всем готовь.

А еще я подружился с орангутаном — он постоянно ходит к нам, чтобы узнать, нашли мы его книгу или нет. Шноббс называет его Блохастым Придурком — но это потому, что проиграл ему восемнадцать партий в дуркера, это такая азартная карточная игра, я в нее не играю, я говорил Шноббсу про Акты об Азартных Играх, но он сказал, А не пошел бы ты, что, по-моему, уже есть нарушение Постановлений о Приличиях от 1389 года, но я решил проявить Сдержанность.

Капитан Ваймс заболел, и за ним присматривает госпожа. Шноббс говорит, что у нее Не Все Дома, но сержант Колон возражает, мол, это все оттого, что она живет одна в таком домине с кучей драконов, а на самом деле она — Чистое Золото, и капитан должен быть ей по гроб жизни благодарен, поскольку она Поставит его На Ноги. Лично я никак не возьму в толк, по-моему, капитан вполне прилично держался на ногах, за исключением тех случаев, когда был немного Навеселе. Сегодня утром я ходил прогуляться с Рит и показал ей много интересных образчиков чугунного литья, разбросанных по городу. Она сказала, Жуть как интересно, а потом сказала, что я ничуть не похож на парней, которых она встречала до сих пор. Ваш любящий сын, Моркоу.

P.S. Надеюсь, у Мятки все хорошо».

Он тщательно сложил листок и засунул его в конверт.

— Солнце садится, — заметил сержант Колон.

Моркоу, который как раз в этот момент ставил восковую печать, поднял глаза.

— Значит, скоро ночь, — уточнил Колон.

— Да, сержант.

Колон пробежался пальцами вдоль воротничка. Кожа у него была впечатляюще и похвально розовой. Все утро сержант усердно мылся, но люди по-прежнему предпочитали держаться от него на внушительном расстоянии.

Некоторые рождены, чтобы приказывать. Другие сами добиваются этой возможности. А на третьих необходимость приказывать обрушивается как гром среди ясного неба. Сержант принадлежал к последней категории и был не в восторге от свалившихся на него обязанностей.

Вот-вот должен был наступить момент, когда ему придется сказать, что пора выходить патрулировать улицы. Он не хотел патрулировать. Все, чего ему хотелось, это найти подвальчик поглубже и окопаться там. Но, как говорится, положение обвязывает — если он сейчас за главного, ему придется это сделать.

Нет, его угнетало вовсе не одиночество власти. Перспектива стать зажатой живьем властью — вот что составляло проблему и угнетало.

Кроме того, он прекрасно понимал, что если в ближайшем будущем они не разузнают что-нибудь о драконе, то патриций будет крайне недоволен.

А патриций бывал весьма демократичным в своем недовольстве. Он находил массу изысканных и довольно-таки болезненных способов, чтобы охватить своим недовольством максимально большое число окружающих его подчиненных. Ответственность, думал сержант, ужасная вещь. И пытки — тоже ужасная штука. Насколько он мог видеть, два эти понятия с угрожающей скоростью двигались в направлении друг друга.

Поэтому он испытал чрезвычайное облегчение, когда к Псевдополис-Ярду подкатил скромный экипаж. Очень старый и видавший виды. Дверцу украшал облезлый герб. На задней дверце масляной краской было выведено краткое и куда более современное изречение: «Я Люблю Драконов».

Из экипажа, передернувшись от боли, вышел капитан Ваймс. Вслед за ним выплыла женщина, известная сержанту под именем Безумная Сибилла Овнец. А замыкал шествие, послушно подпрыгивая на поводке, миниатюрный...

Сержант слишком разнервничался, чтобы отдавать себе отчет в

истинных размерах существа.

— Чтоб мне пусто было! Другие в лепешку расшибаются, а этим стоило только из дому выйти, как они тут же его изловили!

Шноббс наконец-то оторвал глаза от карт — капрал все никак не мог понять, что невозможно блефовать с противником, который непрерывно улыбается. Библиотекарь воспользовался моментом, чтобы выудить с низа колоды пару нужных карт.

— Не будь идиотом. Это всего лишь болотный дракончик, — просветил его Шноббс. — А она хороша, эта госпожа Сибилла. Настоящая дамочка.

Колон с Моркоу медленно повернулись к нему. Но объяснять Шноббсу правила приличия было бесполезным занятием.

— И нечего так на меня пялиться, — разгорячился Шноббс. — Настоящую даму я с первого взгляда могу распознать. Она угостила меня чаем, и чашечка была тонюсенькая, точно лист бумажный, а в ней настоящая серебряная ложка, — продолжал он тоном человека, которому посчастливилось перекинуть шаткий мосток через гигантскую социальную пропасть. — И я *ВЕРНУЛ* ложку, так что хватит на меня таращиться!

— Ага, вот, значит, как ты проводишь свободное от службы время, — хмыкнул Колон.

— Не твоего ума дело, как я его провожу!

— Ты что, в самом деле вернул ложку? — недоверчиво переспросил Моркоу.

— Да, черт побери, вернул! — окончательно раскипятился Шноббс.

— Смирно, ребята, — отдал приказ сержант. При виде капитана Ваймса на него накатила волна облегчения.

Госпожа Овнец и капитан вошли в комнату. С привычным отвращением Ваймс оглядел своих людей.

— Мой взвод, — неразборчиво промямлил он.

— Отличная команда, — похвалила госпожа Овнец. — Строй и дисциплина, все как в старые добрые времена!

— Строй, по крайней мере, есть, — пробормотал Ваймс.

Госпожа Овнец ободряюще улыбнулась. Это вызвало странные телодвижения и шарканье в рядах. Сержант Колон посредством невероятных усилий ухитрился выпятить грудь дальше живота. Моркоу, вопреки вечной привычке сутулиться, приосанился. Шноббс принялся бравировать военной выправкой: руки к бокам, носки вперед, куриная грудь раздута — казалось, капрал вот-вот оторвется от земли и взлетит.

— Я всегда считала, что мы можем мирно спать в моей постели, зная,

что эти мужественные люди стоят на страже нашей безопасности, — произнесла госпожа Овнец, с царственным спокойствием прохаживаясь вдоль строя, словно груженный сокровищами корабль, гонимый легким морским ветерком. — А это кто?

Нелегко орангутану стоять по стойке «смирно». Если тело еще в состоянии кое-как схватить общую идею, то коже это не удастся. Однако библиотекарь старался изо всех сил: бесформенный, но исполненный почтения, он замыкал строй, салютуя сложным жестом, выполнимым только в том случае, если у вас рука четырех футов длиной.

— Вольнонаемный, — быстро сориентировался Шноббс. — Морпоркские Человекообразные Силы.

— Весьма ценная инициатива, — одобрила госпожа Овнец. — И давно ты в человекообразных, дружок?

— У-ук.

— Прекрасно, — она повернулась к Ваймсу, который смотрел и не верил своим глазам.

— Это все твоя заслуга, — сказала она. — Отличная команда, прекрасные люди...

— У-ук.

— ...И антропоиды, — даже бровью не поведя, добавила госпожа Овнец.

Несколько незабываемых мгновений прекрасные люди и антропоиды чувствовали себя так, как будто только что вернулись из похода, в ходе которого без всякой посторонней помощи завоевали отдаленную провинцию. Они гордо расправили чешуйки, а в зобах у них что-то клочкотало — как бы выразилась госпожа Овнец, описывая их состояние, которое, честно говоря, было прямо противоположно типичному для них самочувствию. Даже библиотекарь был польщен и ради такого случая пропустил вольное «дружок» мимо ушей.

Громкий звук чего-то сочащегося и сильный запах заставили всех оглянуться.

Паинька Биндль Камнешлеп с видом глуповатой невинности растопырил крылья над тем, что было не столько пятном на ковре, сколько дырой в полу. Обожженные края курились.

Госпожа Овнец вздохнула.

— Не беспокойтесь, госпожа, — бодрым тоном успокоил ее Шноббс. — Сейчас это уберут.

— Видите ли, с ними такое иной раз случается. От радости, — объяснила она.

— Отличный образчик. Вам очень повезло, госпожа, — продолжал Шноббс, упиваясь новой ролью светского льва.

— Повезло не мне, — ответила она. — Теперь этот дракон принадлежит капитану. Или, может, всем вам. Он будет служить вам в качестве талисмана. Его зовут Паинька Биндль Камнешлеп Щеботанский.

Паинька Биндль Камнешлеп Щеботанский, нимало не смущаясь своего звучного имени, принялся обнюхивать ножку стола.

— Очень смахивает на моего брата Эррола, — сообщил Шноббс, ставя все на козырную карту этакого душки, развеселого городского воробушка. — Такой же востроносый — простите за фамильярность, госпожа.

Ваймс смотрел на дракончика, увлеченно исследующего новое окружение, и знал: теперь он, отныне и навсегда, Эррол. Дракончик попробовал стол на вкус, пожевал образчик, выплюнул, свернулся клубочком и погрузился в сон.

— А он ничего тут не подожжет? — встревоженно спросил сержант.

— Вряд ли. По-моему, он так до сих пор и не сообразил, для чего предназначены пламявыводящие железы, — успокоила его госпожа Овнец.

— Но все равно осторожность не помешает, — возразил Ваймс. — Короче, ребята...

— У-ук.

— Я не к тебе обращаюсь. Что *это* здесь делает?

— Э-э-э, — засуетился в поисках оправданий Колон. — Я, ну, в общем... Пока тебя здесь не было и все такое, нехватка людей, сам понимаешь... Моркоу вот сказал, что закону это не противоречит, в общем... Я привел его к присяге, сэр. Настоящий орангутан, сэр.

— И какое же у него звание?

— Особый констебль, сэр, — покраснел Колон. — Ну, вроде добровольной гражданской стражи.

Ваймс всплеснул руками.

— Особый констебль? Черт побери, это не особый, это прямо-таки уникальный констебль!

Библиотекарь одарил Ваймса широкой улыбкой.

— Это только временно, сэр. На чуть-чуть, так сказать, — умоляюще продолжал Колон. — Мы нуждаемся в помощи и... короче, он вроде как единственный, кому мы нравимся...

— По-моему, крайне ценная инициатива, — похвалила госпожа Овнец. — Здорово у вас это получилось, с орангутаном.

Ваймс лишь пожал плечами. Мир достаточно сошел с ума, хуже уже не

будет...

— Ну, хорошо, — сказал он. — Хорошо. Сдаюсь. Выдай ему значок, хотя будь я проклят, если знаю, где он будет его носить. Прекрасно! Лучше не придумаешь! Почему бы и нет?

— Капитан, ты хорошо себя чувствуешь? — осведомился Колон, воплощение заботы.

— Отлично! Замечательно! Добро пожаловать в новую Ночную Стражу! — восклицал Ваймс, бесцельно расхаживая по комнате. — Превосходно! В конце концов, платят-то нам гроши, так почему бы не нанять каких-нибудь обезь...

Рука сержанта вежливо заткнула рот Ваймса.

— Э-э-э, один момент, капитан, — взволнованно обратился Колон к остолбеневшему Ваймсу. — Это слово произносить нельзя, ну, то самое, которое на букву «о». Услышав его, он прямо-таки взвизгивает, сэр. Ничего не может с этим поделать, полностью утрачивает самообладание. Как красная тряпка для этого, как его там... В общем, орангутан пойдет, сэр, но только не слово на букву «о». Потому что, сэр, обидевшись, он не станет дуться и забиваться в уголок — понятно, куда я клоню? А кроме этого, с ним никаких проблем. Хорошо? Главное, не называть его обезьяной. О черт...

Братья нервничали.

Наставник слышал, о чем они перешептываются. Он задал слишком большую скорость, нет, это не для них. Он планировал вводить их в суть заговора постепенно, выдавая истину по капле, чтобы их крохотные умишки успевали все переварить. И то просчитался. Сейчас нужна твердая рука. Твердая, но справедливая.

— Братья, — спросил Верховный Старший Наставник, — заведены ли должным образом Жернова Правдивости?

— Чего? — неопределенно переспросил брат Сторожевая Башня. — А. Жернова. Угу. Заведены. Само собой.

— А Ласточки Знамения, отвлечены ли они?

Брат Штукатур виновато уставился на Верховного Старшего Наставника.

— Чего? Я? А-а. Да, прекрасно, все в порядке. Отвлечены. Да.

Верховный Старший Наставник сделал паузу.

— Братья, — его голос звучал тихо и проникновенно. — Мы так **БЛИЗКИ К ЦЕЛИ**. Остался всего **ОДИН РАЗ**. Всего лишь несколько часов. Всего один раз, и мир — **НАШ**. Братья, вы меня **ПОНИМАЕТЕ?**

Брат Штукатур заерзал.

— Как сказать, — покачал головой он. — То есть, разумеется. Да. Насчет этого никаких страхов. За ваш успех все сто десять процентов...

«Сейчас он скажет *ТОЛЬКО*», — подумал Верховный Старший Наставник.

— ...Только...

«Ну точно».

— Только мы, то есть каждый из нас, нам было так... странно, нет, в самом деле, после того как вызовешь дракона, чувствуешь себя совсем иначе, вроде как...

— Очищенным, — пришел на помощь брат Штукатур.

— ...Да, а еще это похоже на... — некоторое время брат Сторожевая Башня боролся с узами косноязычия, — как будто из тебя что-то вынимают...

— Высасывают, — подсказал брат Штукатур.

— Да, да он верно сказал, и мы... в общем, мы беспокоимся, может, это все-таки немного рискованно...

— Как будто у тебя, из твоего самого что ни на есть настоящего, живого мозга, жуткие Твари из Подземельных Измерений что-то высасывают, — завершил брат Штукатур.

— А я себя чувствую, будто голова очень болит. Очень-очень, аж до тошноты, — голос брата Сторожевой Башни прозвучал беспомощно. — И вот мы думали-думали, ну, насчет всех этих дел с космическим равновесием и прочим, потому как, ну, в общем, посмотрите, что случилось с беднягой Туговотсом. Вроде как суд. Вот.

— Ну спрятался у него в огороде какой-то обезумевший крокодил — что с того? — возразил Верховный Старший Наставник. — То же самое могло произойти с кем угодно. Однако я понимаю ваши чувства.

— Правда понимаете? — поднял брови брат Сторожевая Башня.

— О да, конечно. Они ведь так естественны. Все великие волшебники испытывают некоторую тревогу, перед тем как подступиться к великому делу — к такому, например, как наше. — Братья приосанились. Великие волшебники. Ага. Это мы. Собственной персоной. — Но через несколько часов все будет кончено, и я убежден: король вознаградит вас со всей щедростью. Вас ждет славное будущее.

Обычно это срабатывало. Однако в данном случае номер не прошел.

— А как же дракон... — начал брат Сторожевая Башня.

— *НЕ БУДЕТ* никаких драконов! Надобность в драконе отпадет. Слушайте, — принялся убеждать Верховный Старший Наставник, — это

ведь так просто. Явится некий паренек с чудесным мечом. *Всем* известно, что у королей всегда при себе чудесные мечи...

— Это будет тот самый чудесный меч, о котором вы нам рассказывали, верно? — спросил брат Штукатур.

— И когда он коснется им дракона, — продолжал Верховный Старший Наставник, — дракон... *пуфф!*

— Ваша правда, они это умеют, — согласился брат Привратник. — С моим дядей было дело, он раз пнул ногой болотного дракона. Застукал его, когда тот жрал тыквы на огороде. Чертова зверюга чуть ногу ему не отхватила.

Верховный Старший Наставник вздохнул. Еще несколько часов терпения, совсем немного, и с этим будет покончено. Единственное, с чем он еще не определился, это отпустить ли их на все четыре стороны — кто им поверит-то, в конце концов? — или прислать стражников, чтобы всех братьев арестовали за беспредельный идиотизм.

— Нет, — терпеливо объяснил он. — Я имел в виду, что дракон испарится. В этот момент мы отошлем его восвояси. Конец дракону.

— А разве люди не станут испытывать некоторые подозрения? — спросил брат Штукатур. — Разве они не подумают, а почему от дракона ничегошеньки не осталось?

— Нет, — победоносно отрубил Верховный Старший Наставник, — потому что одного прикосновения Меча Справедливости и Истины будет достаточно, чтобы навеки уничтожить это Исчадье Зла!

Братья ошеломленно уставились на него.

— Или, по крайней мере, так подумают люди, — добавил он. — В нужный момент можно будет подпустить мистического дымка.

— Мистический дымок... Как все, оказывается, просто, — восхищенно пробормотал брат Палец.

— Значит, никаких останков? — с некоторым разочарованием уточнил брат Штукатур.

Брат Сторожевая Башня прокашлялся.

— Не знаю, примут ли это люди, — недоверчиво рассудил он. — Больно уж аккуратно все получается. Вроде как наводит на мысли.

— Значит, так, — решил поставить точку Верховный Старший Наставник. — Они примут все. Это произойдет *У НИХ НА ГЛАЗАХ!* Люди будут так жаждать победы нашего мальчика, что и задумываться особо не станут. Будьте уверены. А теперь... Давайте приступим...

Он сосредоточился.

Да, сегодня прошло еще легче. Легче с каждым разом. Он ощутил

чешую, почувствовал ярость дракона, когда проник в *ТУДА, КУДА УШЛИ ДРАКОНЫ*, потом навязал зверю свою волю...

Это власть, и она принадлежит ему.

Сержант Колон поморщился от боли.

— Ох.

— Не будь неженкой, — бодро произнесла госпожа Овнец, закрепляя повязку с отточенным навыком сиделки, который передавался от матери к дочке по женской линии рода Овнец. — Он едва дотронулся до тебя.

— И *ОЧЕНЬ* извиняется, — резко добавил Моркоу. — А ну-ка, еще раз извинись перед сержантом. Ну!

— У-ук, — с глуповатой готовностью отозвался библиотекарь.

— Не позволяйте ему целовать меня! — взвизгнул Колон.

— Как ты считаешь, хватание человека за ноги и битье его головой об пол подпадает под статью об Оскорблении Старшего По Званию? — задумчиво осведомился Моркоу.

— Я, то есть лично я, никаких обвинений не выдвигаю, — поторопился заверить сержант.

— Может, наконец продолжить? — нетерпеливо вмешался капитан Ваймс. — Наша задача проверить, сумеет ли Эррол по запаху найти лежбище дракона. Госпожа Овнец считает, что попробовать стоит.

— Это ты о той поговорке, да, капитан? Дабы поймать вора, нужна замаскированная яма с кольями на дне, выкидными ножами, битым стеклом и ядовитыми скорпионами — правильно? — с сомнением в голосе спросил сержант. — Ой!

— Да, но если мы будем тянуть еще дольше, то от запаха ничего не останется, — сказала госпожа Овнец. — Хватит строить из себя большого младенца, сержант.

— Идея насчет использования Эррола просто блестяща, да будет мне позволено высказаться, госпожа, — вставил Шноббс, предоставив сержанту краснеть под своими бинтами.

Ваймс не был уверен, что сможет долго выносить Шноббса в роли социального карьериста.

Моркоу не проронил ни слова. Юноша постепенно привыкал к той мысли, что гномом он, скорее всего, не является, но в соответствии со знаменитым принципом морфогенетического резонанса у него в жилах текла гномья кровь, и его заимствованные гены говорили ему, что все не так просто. Искать сокровища, даже в отсутствие дракона, предприятие весьма рискованное. Так или иначе, он был уверен: окажись сокровища

поблизости, он ощутил бы это немедленно. Присутствие большого количества золота неизменно вызывает в ладонях гнома зуд, а у Моркоу нигде ничего не зудело.

— Начнем с той стены в Тенях, — сказал капитан.

Сержант Колон покосился на госпожу Овнец, которая так и полыхала моральной поддержкой. Так что трусить нельзя. Поэтому он ограничился кратким:

— А это разумно, капитан?

— Разумеется, нет! Если бы мы были разумными, то не служили бы в Ночной Страже.

— Я в восторге! Все это чрезвычайно необыкновенно! — воскликнула госпожа Овнец.

— Госпожа, по-моему, вам не следует идти с нами... — начал было Ваймс.

— Зови меня Сибиллой!

— ...Этот район пользуется очень дурной репутацией и...

— Но я уверена, что рядом с твоими людьми я буду в полной безопасности, — с пылом возразила она. — Наверняка все бродяги при виде вас просто испаряются.

Это при виде дракона они испаряются, подумал Ваймс. И все, что от них остается, это тени на стене. Каждый раз, когда он чувствовал, что боевой настрой покидает его или что ему хочется выбросить эту историю из головы, он напоминал себе об отпечатавшихся на стене силуэтах, и это действовало как прикосновение каленым железом к хребту. Такого нельзя допускать. Капитан Ваймс не позволит.

Фактически на данный момент Тени особой проблемы не представляли. Многие из обитателей квартала занимались сейчас поисками драконьих сокровищ, а оставшиеся лишились охоты маячить по ночам в темных аллеях и переулках. Тогда как наиболее чуткие сразу уловили, что госпожа Овнец, если устроить на нее засаду, запросто может посоветовать им использовать чулки по назначению и не дурачиться, причем таким командирским голосом, что они, скорее всего, последуют ее совету.

Стену еще не сломали, она по-прежнему являла всем желающим свою леденящую кровь фреску. Эррол обнюхал камни, пару раз прошелся по улице взад-вперед и заснул.

— Не вышло, — прокомментировал сержант Колон.

— Но идея все равно хорошая, — Шноббс решил, что куда выгоднее поддерживать идеи начальства независимо от их эффективности.

— Полагаю, запах мог смыть дождь. Кроме того, здесь столько народу

перебывало, — заметила госпожа Овнец.

Ваймс взял дракончика на руки. С самого начала было ясно, что затея пустая. Но лучше делать хоть что-то, чем не делать вообще ничего.

— Пора возвращаться, — произнес он. — Солнце зашло.

Обратный путь они проделали в молчании. Даже Тени дракон приструнил, думал Ваймс. Город постепенно подчиняется ему. Не сегодня завтра люди добудут откуда-нибудь скалы и начнут привязывать к ним девственниц.

Вот она, метафора для проклятого человеческого существования. Одно слово — дракон. А если этого слова недостаточно, то он еще и чокнутая, полыхающая огнем, летучая тварь.

Капитан Ваймс вытащил из кармана ключи от новой штаб-квартиры. Пока он возился с замком, Эррол проснулся и принялся скулить.

— Только не ной, — отозвался Ваймс.

Ходьбой он растравил рану, и теперь она болела. Ночь только-только началась, а он уже валится с ног.

С крыши соскользнул кусок шифера и разбился о булыжник у него за спиной.

— Капитан, — сдавленно прохрипел сержант Колон.

— Что?

— На крыше, капитан.

Что-то в голосе сержанта заставило Ваймса насторожиться. В нем не было волнения. В нем не было страха. В нем был лишь тупой, заледенелый ужас.

Ваймс посмотрел вверх. Эррол у него под мышкой судорожно вздрогнул.

Дракон — *НАСТОЯЩИЙ* дракон — с интересом смотрел вниз из-за водосточной трубы. Одна его морда была больше человеческого роста. Глаза — размером с очень большие глаза, цвета тлеющего пламени и полные разума, не имеющего ничего общего с разумом человеческих существ. Начать с того, что этот разум гораздо старше. Кучка полуобезьян только-только начала решать, будет ли прямохождение удачной задумкой с точки зрения эволюционной карьеры, а этот разум успел уже изрядно вывыалиться в вероломстве и помариноваться в коварстве. И этот разум не был искушен в искусстве дипломатии — дипломатия никогда его не интересовала.

Он *НЕ* станет играть с тобой в игры или загадывать загадки. Но он прекрасно понимает, что такое высокомерие, что такое сила и жестокость. Эта зверюга спалит тебя при первой возможности. Просто потому, что ей

так захотелось.

Сегодня дракон был зол сильнее обычного. Он ощущал что-то у себя за глазами. Крошечное, слабое, *ЧУЖЕРОДНОЕ* сознание, раздувающееся от самодовольства. Его присутствие приводило дракона в ярость, это был зуд, когда зудящее место невозможно почесать. Оно заставляло дракона делать то, что он не хотел делать и... и мешало ему делать то, что он очень хотел делать.

Где-то с мгновение ужасные глазищи изучали Эррола, который задрожал еще сильнее. Ваймс вдруг осознал, что от миллионоградусного драконьего пламени его отделяет лишь смутный интерес этой тварюги к маленькому дракончику, зажатому у него под мышкой.

— Только не делай резких движений, — раздался у него за спиной голос госпожи Овнец. — И не выказывай страха. Они чувствуют, когда ты боишься.

— А больше никаких советов вы дать не можете? — тихо поинтересовался Ваймс, стараясь шевелить губами как можно незаметнее.

— Ну, можно почесать у него за ушком. Как правило, это срабатывает.

— О, — слабо откликнулся Ваймс.

— Старое доброе «фу» тоже неплохо действует. Или берешь и лишаешь его ужина.

— Неужели?

— А в самых экстремальных случаях я несколько раз бью их по морде прутиком.

В том медленно двигающемся, ярко очерченном мире отчаяния, в котором ныне обитал Ваймс и который целиком сосредоточился вокруг огромных ноздрей, глядящих с крыши, — в этом самом мире вдруг раздался тихий шипящий звук.

Это дракон медленно вбирал воздух в легкие.

Потом движение воздуха остановилось. Ваймс глядел в темноту пламявыводящих проходов и думал о том, успеет ли он что-нибудь увидеть, какое-нибудь крохотное белое сияние или нечто вроде, прежде чем его закружит в вихре яростное забвение.

И тут тишину рассек звук рога.

Дракон поднял голову, с интересом поглядел куда-то вдаль и издал некий вопрошающий рык.

Снова раздался зов рога. По улицам принялось гулять эхо — пение рога вдруг зажило своей, независимой жизнью. И в этом пении ясно слышался вызов. Если же владелец рога имел в виду нечто другое, то ему грозили крупные неприятности, ибо дракон смерил Ваймса еще одним

презрительным взглядом, расправил свои громаднейшие крылья, оттолкнулся от крыши, тяжело поднялся в воздух, опровергнув тем самым все законы аэродинамики, и медленно полетел туда, откуда доносилось зазывное пение.

Никто и ничто в мире не было способно так летать. Крылья величественно опускались и поднимались, рождая на свет негромкие раскаты грома. Дракон перемещался по воздуху с этакой неохотой, ленцией — так, будто это ему ничего не стоит. Весь вид его говорил о том, что, даже если он перестанет махать крыльями, то никуда не упадет, вопреки всяким досужим сплетням, а просто зависнет в воздухе.

Дракон скорее не летел, он плыл. Для существа размером в сарай, да еще со шкурой из металлических пластин, это был неслабый акробатический трюк.

Огромной летучей баржей он пролетел мимо них, направляясь к Площади Разбитых Лун.

— За ним! — крикнула госпожа Овнец.

— Это неправильно, так летать. Почти наверняка на этот счет есть какой-нибудь закон из Раздела о Волшебстве. — Моркоу вытащил заветную книжку. — К тому же он повредил крышу. Так и нарывается на неприятности, за ним уже числится целая куча нарушений.

— Эй, капитан, ты в порядке? — забеспокоился сержант Колон.

— Я видел, что у него в носу, — словно во сне ответил Ваймс. Его взгляд наконец сфокусировался на встревоженном лице сержанта. — Куда он подевался? — осведомился капитан.

Колон сделал жест в направлении улицы. Ваймс отыскал взглядом быстро уменьшающийся силуэт над крышами.

— За ним, — приказал он.

Рог пропел еще раз.

К площади толпами стекался народ. Дракон планировал над мелкими людишками, словно акула, целеустремленно преследующая игриво подпрыгивающий на волнах надувной матрац, хвост хищницы неторопливо качается — туда-сюда.

— Смотрите, какой-то псих собирается с ним сражаться! — воскликнул Шноббс.

— Так я и думал, что кто-нибудь непременно найдется, — ответил Колон. — Бедолага, его запекут в собственной кольчуге!

Это высказывание выразило общее мнение горожан, скопившихся на площади. Для населения Анк-Морпорка характерен простой, немудрящий, лишенный новомодных изысков подход к развлечениям: они, конечно,

оценили бы победу над драконом, но за неимением таковой вполне удовлетворятся зрелищем того, как кого-то запекут в собственных латах. Не каждый день доводится увидеть, как человека запекают в собственных латах. Будет о чем порассказать детишкам на сон грядущий.

Толпа напирала, Ваймса начали задевать и толкать.

Рог в очередной раз пропел свой вызов.

— Это рог-ракушка, — высказал свое компетентное суждение Колон. — Самый обычный, только глубже.

— Ты уверен? — переспросил Шноббс.

— Поверь моему слову.

— Наверное, чертовски большой слизняк жил в этой ракушке.

— Арахис! Фиггины! Горячие сосиски! — донесся до них тонкий призывный голос. — Здорово, ребята. Наше вам, капитан Ваймс! Что, головушка побаливает? Бери сосиску. За счет заведения.

— Что тут происходит, Себя-Режу? — напиральная толпа прижала Ваймса почти вплотную к лотку.

— Какой-то парень въехал на белом коне в город и заявил, что прикончит дракона, — сообщил Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. — Говорит, у него волшебный меч.

— А кожа у него случаем не волшебная?

— Ни капли в тебе романтики, капитан, — Достабль взял с маленькой жаровни здоровущую вилку и бережно ткнул ею в ягодицу большой женщины прямо перед ними. — Чуть-чуть в сторонку, мадам, коммерция и в самом деле двигатель городской жизни, благодарю, благодарю. Конечно, — продолжал он, — по всем правилам положено, чтобы была прикованная к скале девица. Да только тетушка сказала «нет». В этом некоторые совсем ничего не понимают. Начисто отсутствует чувство традиции. А еще этот парень говорит, что он, мол, королевский отпрыск и, мол, в своем праве.

Ваймс покачал головой. Мир вокруг определенно сходит с ума.

— Ты меня совсем запутал, — сдался он.

— Ну отпрыск. Наследник, то есть, — принялся терпеливо растолковывать Достабль. — Ну, сам понимаешь. Наследник престола.

— Какого еще престола?

— Анкского.

— *КАКОГО АНКСКОГО ПРЕСТОЛА?*

— Ну, это... Короли и все такое прочее. — Лицо Достабля приняло задумчивое выражение. — Жалко, напрочь вылетело из головы его имя, будь оно неладно, — поскреб он в затылке. — Я заказал у тролля Вулкана,

в его круглосуточной оптовой керамической лавке, три партии юбилейных коронационных кружек, их распишут как положено, а имена потом можно вставить, какие понадобятся. Возьмешь парочку, капитан? За девяносто пенсов, и это только для тебя, честно говоря, себя без ножа режу.

Не желая тратить силы на сопротивление напору рекламы, Ваймс принялся пробиваться сквозь толпу, используя в качестве маяка Моркоу. Мощная фигура младшего констебля возвышалась над толпой, а остальное воинство капитана цеплялось за него как за якорь.

— Все с ума посходили, — прокричал Ваймс. — Что там творится, Моркоу?

— Посреди площади парень на лошади, — отвечал тот. — Со сверкающим мечом. Пока ничего не делает, просто вертит головой по сторонам, и все.

Ваймс пробился под защиту госпожи Овнец.

— Короли, — он тяжело дышал. — Анкские. Престолы. Есть такие?

— Кто? Ах да. Раньше были, — ответила госпожа Овнец. — Сотни лет назад. А почему ты спрашиваешь?

— Этот пацан утверждает, что он наследник престола!

— Утверждает, — подтвердил Достабль, все это время следовавший за Ваймсом в надежде заключить сделку. — Он толкнул длинную речь, мол, собирается убить дракона, свергнуть узурпаторов и исправить всю неправду. Была бурная радость. Горячие сосиски, пара за доллар, сделаны из настоящей свиньи, почему бы не угостить госпожу?

— А вы уверены, что это свинина, сэр? — осторожно осведомился Моркоу, пристально изучая поблескивающие жиром трубочки.

— Абсолютно уверен, — подтвердил Достабль. — Самые настоящие свиные продукты. Из самой что ни на есть подлинной свиньи.

— В этом городе бурно радуются любой речи, — проворчал Ваймс. — Это еще ничего не значит!

— Купите свиные сосиски, пять за два доллара, — прервал его Достабль, никогда не допускавший, чтобы разговор становился на пути торговли. — А что, для бизнеса это хорошо, я имею в виду монархию. Свиные сосиски! Свиные сосиски! Запеченные в тесте! И восстановление справедливости тоже. По мне — так вполне здравая идея. С луком!

— Могу я осмелиться предложить вам горячую сосиску, госпожа? — любезно спросил Шноббс, все более входящий в роль любезного кавалера.

Госпожа Овнец посмотрела на лоток, который висел на шее у Достабля. На помощь ей пришли тысячелетия хорошего воспитания, и лишь самый легчайший, почти незаметный оттенок ужаса послышался в ее

голосе, когда она ответила:

— Выглядят весьма аппетитно. Да это просто роскошная еда.

— А их случайно не монахи приготовили, ну те, с таинственной горы? — спросил Моркоу.

Достабль смерил его непонимающим взглядом.

— Нет, — терпеливо разъяснил он. — Их приготовили свиньи.

— Какую еще неправду он там исправит? — взволнованно спросил Ваймс. — Давай, выкладывай. Какую именно неправду он намерен исправлять?

— Ну-у, — начал Достабль, — к примеру, налоги. Хотя, на мой взгляд, чего их исправлять?

У него даже достало такта слегка смутиться. Налоги имели отношение к другим людям, в мире Достабля такой штуки просто не существовало.

— Правильно, — согласилась оказавшаяся поблизости женщина. — Но возьмите водосточную трубу у меня в доме, она страшно течет, а хозяин пальцем о палец не ударяет. Это же неправильно.

— А преждевременное облысение, — поддержал мужчина напротив. — Это ведь тоже неправильно.

У Ваймса отвисла челюсть.

— О да. Короли все могут исправить, — со знанием дела согласился еще один промонархист.

— Кстати, — вмешался Достабль, роясь в мешке. — У меня, по счастью, завалилась бутылочка поразительной мази, приготовленной, — он зыркнул на Моркоу, — древними монахами, живущими в горах...

— А еще они вам не хамят, — гнул свое монархист. — Так и распознается особа королевской крови. Она, особа, просто не способна хамить. А все из-за врожденного благородства.

— Забавно, — отметила женщина с протекающей водосточной трубой.

— И по деньгам их можно узнать, — монархист купался в лучах внимания. — Они ведь деньги с собой не носят. Самый верный способ распознать короля.

— Почему? Неужели кошелек — такая тяжесть? — удивился мужчина, редущие волосы которого рассыпались по куполу его головы подобно остаткам потерпевшей поражение армии. — Лично я могу таскать с собой сотни долларов, серьезно, никаких проблем.

— Наверное, когда становишься королем, разом слабеешь. И руки тоже становятся слабыми, — мудро заметила водосточная женщина. — От махания, наверное, — король ведь все время машет людям рукой.

— Я всегда придерживался мнения, — заявил монархист, вытаскивая

трубку и набивая ее с высокопарным видом человека, намеревающегося прочесть лекцию, — что одна из основных проблем королевского сана заключается в опасности, что ваша дочь чрезмерно увлечется веретеном, ну, будет играть с ним там... А потом последствия.

Последовала глубокомысленная пауза. Каждый думал о своем.

— Уколется и заснет на сто лет, — флегматично завершил монархист.

— А-а! — выдохнули остальные с безграничным облегчением.

— А затем начинается вся эта муть с горошиной, — добавил он.

— Конечно, куда ж без этого, — с некоторой долей неуверенности прокомментировала водосточная женщина.

— Поспи-ка на ней всю дорогу, — сказал монархист.

— Не говоря уже о сотне матрасов.

— Совершенно верно.

— Это что, правда так? Пожалуй, я могу уступить сотню-другую матрасов. По оптовой цене, — вмешался Достабль. Он повернулся к Ваймсу, лицо которого оледенело от ярости. — Как тебе это нравится, капитан? А ты, наверное, станешь *КОРОЛЕВСКИМ* стражником. Будешь ходить в плюмаже.

— О да, все обставляется очень пышно, — сделав жест трубкой, словно указкой, заявил монархист. — Это важный момент. Ведь тебе за это дают очки.

— Что, бесплатно? — оживился Достабль.

— Ну, я думаю, за оправу придется-таки заплатить... — разъяснил монархист.

— Да вы с ума посходили! — взорвался Ваймс. — Вы же понятия не имеете, что это за тип. Не говоря о том, что он еще никого не победил!

— О, это чистая формальность, — возразила женщина.

— Вы туда посмотрите! В городе изрыгающий пламя дракон! — завопил Ваймс, вспоминая ужасные раздувающиеся ноздри. — А этот выскочка, ради всего святого, да ведь он же просто мальчишка верхом на лошади!

Достабль тихонько похлопал Ваймса по грудной пластине.

— Не будь таким бездушным, капитан, — сказал он. — Когда в город, находящийся под гнетом дракона, приходит чужеземец и своим сверкающим мечом бросает чудищу вызов, результат тут может быть только один. Наверное, тут замешано предназначение.

— И это ты говоришь о каком-то гнете? — заорал Ваймс. — Ах ты торгаш, еще вчера ты толкал на улице плюшевых игрушечных дракончиков!

— Всего лишь бизнес, капитан. И ни к чему так заводиться, — любезно ответил Достабль.

Охваченный мрачной яростью, Ваймс ретировался. Что там ни говори о жителях Анк-Морпорка, но чего у них не отнять, так это стойкой приверженности к независимости. Они никому не уступят своего права грабить, вымогать, присваивать и убивать на основе всеобщего равенства. С точки зрения Ваймса, это казалось абсолютно справедливым. Богач и самый последний уличный попрошайка ничем не отличаются друг от друга, разве что у первого есть куча денег, еда, власть, добротная одежда и хорошее здоровье. Но он ничем *не ЛУЧШЕ*. Разве что богаче, толще, имеет больше власти, более здоров и лучше одет. И такое положение дел длилось веками.

— Стоило им увидеть краешек дурностаевой мантии, как они готовы пузыри пускать от обожания, — пробормотал он.

Дракон медленно и осторожно, словно прицеливаясь, кружил над площадью. Ваймс встал на цыпочки, заглядывая через головы вперёдистоящих.

Должно быть, так же как у хищников в генную программу встроен силуэт жертвы, заставляя их охотиться именно на нее, — так образ человека верхом на лошади и с мечом в руке задействовал некие механизмы в мозгу у дракона. Зверюга проявляла острый, но настороженный интерес.

Теснимый со всех сторон зеваками, Ваймс пожал плечами.

— Я и знать не знал, что мы, оказывается, королевство.

— Многие века мы таковым не были, — объяснила госпожа Овнец. — Королей упразднили, а вместе с ними и чертовски неплохие должности. Ну и правильно. Короли — жалкое зрелище.

— Но ведь вы, вы ведь из богат... я хотел сказать, высокого рода, — ответил Ваймс. — Глядя на вас, я бы сказал, кто-кто, а вы горой должны стоять за монархию.

— Некоторые короли были ужасными самодурами, — беззаботно пожала плечами она. — Жен пруд пруди, рубят головы почем зря, затевают бессмысленные войны, едят с ножа, швыряют через плечо недоеденные куриные ноги и все такое прочее. Это не мой тип мужчин.

Народ притих. Тяжело качаясь, дракон не торопясь отлетел в дальний конец площади и завис почти неподвижно, если не считать редких взмахов крыльями, призванных поддержать чудовище в воздухе.

Ваймс ощутил, как что-то тихонько ползет по его спине. И вот уже на плече у него, цепко держась задними лапами, сидит Эррол. Крылышки-

обрубки взмахивают в унисон с крыльями более крупного сородича. Дракончик издавал свист. И не отрывал глаз от вибрирующей в воздухе громады.

Лошадь юноши нервно заплясала по булыжникам площади. Герой спешил, обнажил меч и повернулся лицом к маячащему в отдалении противнику.

А паренек-то не слишком в себе уверен, подумал Ваймс. Однако, возвращаясь к предыдущей теме, что общего способность убивать драконов имеет со способностью править королевством?

Но меч его сверкал от души. С этим было не поспорить.

Следующая ночь, два часа. И все, как говорится, спокойно, не считая дождя. Он опять моросит.

В множественной вселенной есть такие города, которые считают себя специалистами по приятному времяпрепровождению. Места вроде Нового Орлеана или Рио вечно хвастаются, мол, умеем мы веселиться так, что гуляй душа и гори оно все ярким пламенем, но по сравнению с Анком и его сиамским близнецом Морпорком они просто захолустные уэльские деревушки в дождливый воскресный день.

Во влажном воздухе над завихряющимися хлябями реки Анк вспыхивали и разбрасывали искры многочисленные фейерверки. На улицах жарили всевозможных домашних и одомашненных животных. Между домами теснились танцующие, по ходу дела отдирая от зданий плохо укрепленные украшения. Бесперывно осушались кружки. Люди, в обычных обстоятельствах вовсе не склонные к таким вещам, вопили во всю глотку «ура!».

Ваймс мрачно вышагивал по запруженным толпой улицам, чувствуя себя маринованной луковицей во фруктовом салате. Рядовой состав он на этот вечер распустил.

Ваймс совершенно не ощущал себя роялистом или монархистом. Не то чтобы он имел что-то против королей как таковых, но зрелище *АНК-МОРПОРКЦЕВ*, в верноподданническом порыве размахивающих флагами, почему-то выводило его из равновесия. До сих пор для него это было нечто, чем занимаются только глупые люди, к тому же рабы, в других странах. Кроме того, до тошноты отталкивал образ плюмажей, грозящих его шлему. По отношению к плюмажам он всегда испытывал недобрые чувства. Плюмажи, они вроде как показывают, что тебя купили, что ты себе не принадлежишь. И вообще, в них он будет чувствовать себя попугаем. Это станет последней каплей.

Погруженный в собственные мысли, он не заметил, как ноги сами привели его в Псевдополис-Ярд. В конце концов, куда ему еще идти? Его конура действует угнетающе, а хозяйка устраивает скандалы из-за дыр, которые Эррол, невзирая на крики и угрозы, упорно проделывает в ковре. Не говоря уже о запахе. Напиться бы в таверне, но картины, которые он увидит там сегодня, расстроят его намного сильнее, чем те вещи, свидетелем которых он становился обычно, сидя там и напиваясь.

А здесь тихо и спокойно, хотя отдаленные звуки народного веселья доносятся даже сюда, слышные сквозь закрытое окно.

Цепляясь когтями, Эррол слез с плеча Ваймса и принялся грызть кусок угля в камине.

Ваймс откинулся на спинку кресла и задрал ноги на стол.

Что за день! Что за схватка! Восторженные крики толпы, бурная торговля, размахивание руками, юноша на огромной площади, такой крохотный и беззащитный, дракон, глубоко втягивающий ноздрями воздух...

Но пламени не появилось. Это удивило Ваймса. Это удивило толпу. И это безусловно удивило самого дракона — он скосил глаза на собственный нос и несколько раз отчаянно царапнул по пламявыводящим протокам. Дракон продолжал пребывать в удивлении до самого последнего момента, когда парень прошмыгнул под его когтем и вонзил меч ему в брюхо.

А затем — оглушающий громовой раскат.

Оставалось только гадать, куда же, собственно, подевались драконьи останки.

Вытащив из кипы клочок бумаги, Ваймс разложил его перед собой. Просмотрел заметки, которые сделал вчера.

«Падумать: дракон тижелый, но литает харашо;

Падумать: пламя горячее, а иго испускает живое существо;

Падумать: балотные драконы настоящие Бидалаги, а эта чудовищная Форма Жизни сильная и могучая;

Падумать: аткуда он приходит, никто ни знает, и куда уходит тоже, и где абитаает в прамижутке;

Падумать: как палучилось, что он так акуратно сгарел!»

Пододвинув чернильницу, он обмакнул перо и медленно, округлым почерком, вывел:

«Можна ли уничтожить дракона, чтобы от него ни осталась савсем ничто?»

Поразмыслив еще немного, он добавил:

«Падумать: как он мог Взрватъся, ни оставив посли сибя ни клачка

(сколько ни искали, ни нашли ничего)?»

Да уж, головомочка. Госпожа Овнец рассказывала, что когда болотный дракон взрывается, то потом — куда ни глянь — везде болотный дракон. А этот, он ведь чертовски здоровый. Предположительно, его внутренности — сплошной алхимический кошмар, и жители Анк-Морпорка должны были провести эту ночь за отскабливанием дракона с улиц. Ничуть не бывало. Хотя нельзя отрицать, фиолетовый дымок смотрелся весьма впечатляюще.

Эррол покончил с коксом и переключился на каминную решетку. За этот вечер он расправился с тремя булыжниками, одним дверным молотком, не поддающимся определению предметом, найденным в сточной канаве и, ко всеобщему изумлению, с тремя сосисками Себя-Режу-Без-Ножа Достабля, приготовленными из подлинных внутренних органов свиньи. Сейчас похрустывание на глазах укорачивающейся кочерги сливалось с перестуком дождевых капель.

Ваймс в задумчивости посмотрел на бумагу и написал:

«Вопрос: разве могут Карали появляться из пустова места!»

Ему не удалось даже рассмотреть паренька. Но в целом тот выглядел достаточно презентабельно: не великий мыслитель, но определенно того типа, чей профиль вас вполне удовлетворил бы, будь он отчеканен на мелкой монете. Да что там говорить, прикончив дракона, этот парень мог позволить себе быть кем угодно, хоть косоглазым гоблином. После сражения толпа триумфально внесла его на руках во дворец патриция.

Лорда Витинари посадили под замок в одной из его собственных темниц. По слухам, он не сильно сопротивлялся. Просто улыбнулся и спокойно пошел.

Какое счастливое совпадение для города: только понадобилось убить дракона — отважный рыцарь тут как тут.

Некоторое время Ваймс прокручивал в голове эту мысль, поворачивал ее то так, то этак. Потом перевернул задом наперед. Затем взялся за перо и написал:

«Падумать: Наверное, это большая удача для будущего Карая, что падварачивается дракон, катарого можно убить и этим подтвердить са всей очевиднастю свае право на пристал».

Это гораздо эффективнее наследственных мечей и родимых пятен, тут уж нет никаких сомнений.

Некоторое время капитан в задумчивости грыз перо, а потом, брызгая чернилами, приписал:

«Абдумать: дракон был ни миханический, а вить ни один валшебник ни

способин создать зверя таких калас... каласса... калассальных размеров.

Абдумать: почему, в самый Ответственный мамент, он ни изрыгал пламя!

Абдумать: аткуда он явился!

Абдумать: куда он патом падивался?»

Дождь забарабанил в окно с новой силой. Он заметно заглушил шум праздника, а вскоре тот и вовсе затих. Послышалось бормотание надвигающегося грома.

Ваймс несколько раз подчеркнул слово «падивался». Затем, по зрелом размышлении, присовокупил к этому еще два вопросительных знака: «??»

Поизучав некоторое время получившийся результат, он скатал бумажку в шарик и швырнул в камин. Бумажка немедленно сгнула в пасти Эррола.

Совершенно преступление. Шестое чувство — Ваймс и не подозревал, что оно у него имеется, — чутье полицейского, такое древнее, что стало почти инстинктом, заставляло волосы на его голове шевелиться и подсказывало, что дело пахнет самым настоящим преступлением. Возможно, необычным преступлением — настолько необычным, что в книжке Моркоу его описания не найдешь, — однако совершенным в лучших традициях и со знанием дела. Термическая обработка горстки убийц — всего лишь начало. Он разберется в этом преступлении и даст ему имя. Встав, Ваймс снял с крючка за дверью кожаный плащ и вышел в нагой город.

Вот куда ушли все драконы.

Они лежат...

Но о них не скажешь, что они умерли или спят. Можно счесть, будто они затаились в ожидании, но нет, ведь ожидание подразумевает под собой надежду. Возможно, самым удачным определением здесь будет...

...ОНИ РАЗГНЕВАНЫ.

Он как сейчас помнил ощущение тугого воздуха под крыльями, упоение пламенем. Вверху — пустынные небеса, внизу — интересный мир, полный странных суесящихся существ. В этот момент у существования была иная фактура. Лучше.

Он только начал входить во вкус, как его стреножили, помешали исторгнуть пламя и загнали обратно, как будто какое-то ничтожное волосатое млекопитающее, жалкую собаку.

У него отняли мир.

В синапсах мозговых переплетений рептилии затлела мысль — пока лишь предположение, — что мир можно вернуть. Его вызвали, извлекли из

небытия, а потом презрительно зашвырнули обратно. Но, может, существует след, запах, какая-то ниточка, по которой он найдет путь в небо...

А может, этой тропкой станет сама мысль...

Он вспомнил чуждое сознание. Этот наглый сварливый голос, полный унижительного для дракона ощущения собственной значимости, исходил из сознания почти такого же, как его собственное, только уменьшенного в тысячи, миллионы раз...

АГА.

Он расправил крылья.

Госпожа Овнец сидела в кресле, попивая горячий шоколад и прислушиваясь к грохоту бурлящей в сточных канавах воды.

Наконец-то можно сбросить ненавистные бальные туфли, которые, даже она сама не стала бы отрицать, больше смахивали на пару розовых каню. Но, согласно выражению забавного коротышки-сержанта, *положение обязывает*, и она, как последняя представительница одного из старейших аристократических родов Анк-Морпорка, должна была — в знак доброй воли — присутствовать на празднестве, устроенном в честь победы над драконом.

Лорд Витинари редко когда устраивал праздники. На эту тему была даже сложена песенка, ставшая весьма популярной в народе. Но теперь впереди ожидались одни сплошные праздники.

Она терпеть не могла балы и приемы. В смысле удовольствия это в подметки не годилось разведению драконов. Возясь с драконами, чувствуешь себя на своем месте. Не приходится краснеть и потеть, поедая эти дурацкие штуки на палочках, или натягивать платье, в котором выглядишь, как облако с херувимами. Драконы плевать хотели на то, что на тебе надето и как ты выглядишь, если в руках у тебя миска с кормежкой.

А забавно все-таки. Она всегда считала: чтобы организовать бал или празднество, требуются недели, *МЕСЯЦЫ*. Приглашения, украшения, колбаски на палочках, гнусная цыплячья смесь, которую надо запихивать в печенье розеточки. А тут все устроилось за несколько часов — будто кто-то только и ждал этого момента и приготовил все заранее. Очевидно, одно из интендантских чудес. Она даже протанцевала раз с этим, за неимением лучшего слова, новоиспеченным королем, и тот вел себя как настоящий кавалер, сказал ей что-то вежливо — хотя, надо признать, слегка придушенно.

Завтра — коронация. Но ведь чтобы подготовить настоящую

коронацию, нужны месяцы...

Она продолжала размышлять над этим даже тогда, когда готовила вечернюю кормежку для драконов (каменная крошка с нефтью, приправленная серой). Не затрудняясь переодеванием, она набросила поверх платья тяжелый фартук, натянула перчатки и шлем, опустила на глаза защитный экран и, крепко держа ведра с кормом, побежала под хлещущим ливнем к загону.

Она ощутила это сразу, как только открыла дверь. Обычно прибытие кормежки приветствовалось ревом, свистом и краткими выбросами пламени.

Но сейчас драконы, каждый в своем загоне, сидели молча и внимательно глядели на крышу.

Это ее слегка встревожило. Она погремела ведрами.

— Нечего бояться, мерзкого чудовища больше нет! — ободряюще воскликнула она. — Никак не можете забыть, что ли?

Один или два дракончика бегло скользнули по ней взглядом и вернулись к своему...

К чему? Напуганными они не выглядели. Только очень, очень внимательными. Как будто стояли на страже. Как будто ждали того, что вот-вот должно произойти.

Опять забормотал гром.

Не прошло и двух минут, как госпожа Овнец быстрым шагом направилась в пропитанный влагой город.

Бывают песни, которые никогда не исполняются в трезвом виде. «Нелли Дин» — одна из них.

А еще те, которые начинаются типа «Когда я домой возвращался с войны...» Излюбленная пьяная песня жителей Анк-Морпорка и окрестностей — «На волшебном посохе нехилый набалдашник».

Рядовой состав был пьян в доску. По крайней мере, двое или трое из рядового состава. Моркоу убедили попробовать шенди, но ему не очень понравилось. Слова он тоже не все знал, а те, которые знал, не понимал.

— А, я *ПОНЯЛ*, — наконец сказал он. — Это что-то вроде юмористической игры слов, правильно?

— Знаешь, — с тоской проговорил Колон, глядя вдаль, словно пытаясь увидеть что-то за все уплотняющейся пеленой тумана, окутывающей Анк, — иной раз жалеешь, что с нами нет старика...

— Ты не должен так говорить, — Шноббс чуть-чуть раскачивался. — Мы же договорились, ты молчишь, нехорошо об этом говорить.

— Это была его любимая песня, — грустно объяснил Колон. — У него был неплохой тенор.

— Слушай, серж...

— Он был справедливый, наш Гаскин, — продолжал Колон.

— Мы ничего не могли поделать, — насупился Шноббс.

— Почему же, — возразил Колон. — Мы могли бежать быстрее.

— Да что случилось, наконец? — не выдержал Моркоу.

— Он погиб, — слова Шноббса звучали торжественно, — при исполнении служебных обязанностей.

— А я ГОВОРИЛ ему, — качнул головой Колон, глотнув из бутылки, призванной озарять им путь этой ночью, — я предупреждал. Полегче на поворотах, говорил я ему. Не доведет это до добра, говорил я. Не знаю, что на него нашло, чего он так рванул.

— А все Гильдия Воров виновата, — заявил Шноббс. — Позволять людям прямо вот так, на улицах...

— Как-то ночью в одном квартале на наших глазах произошло ограбление, — несчастным тоном сказал Колон. — Перед самым нашим носом! И капитан Ваймс, он воскликнул: «Вперед!», ну мы и побежали, да только весь фокус тут в том, чтобы не бежать чересчур быстро. А то, того и гляди, поспеешь. Поймаешь их, потом хлопот не оберешься...

— Не по нутру им это, — объяснил Шноббс. Забормотал гром, разразился ливень.

— Не по нутру, точно, — согласился Колон. — Но Гаскин забыл об этом, он все бежал и бежал, забежал за угол, там-то эта парочка и караулила...

— За отвагу свою и пострадал, — рассудил Шноббс.

— Как сказать. Все равно. Отбегал свое, — подвел итог Колон. — Капитан Ваймс очень горевал. Если служишь в страже, парень, не следует бегать слишком быстро, — торжественно обратился он к Моркоу. — Можно быть быстрым стражником или старым стражником, но быть и быстрым и старым одновременно не получится. Эх, старина Гаскин, бедняга...

— Так не должно быть, — сурово сказал Моркоу.

Колон глотнул из бутылки.

— Должно или нет, но так оно есть.

Дождевые капли барабанили по шлему сержанта, струйками стекали по лицу.

— Но это неправильно, — ровным голосом произнес Моркоу.

— Но это так, — повторил Колон.

Был в это время в городе еще кое-кто, кто также чувствовал себя не в своей тарелке. Речь идет о библиотекаре.

Сержант Колон выдал ему значок. Большими мягкими руками библиотекарь покрутил значок и так и этак, попробовал на зуб.

Дело не в том, что город внезапно обрел короля. Орангутаны по духу своему традиционалисты, а трудно найти что-то более традиционное, чем король. Но орангутаны также любят ясность, а тут как раз ясности не было. Или, точнее, ее было *СЛИШКОМ* много. Правда и реальность никогда не бывают настолько ясными. Внезапные наследники престолов на деревьях не растут, уж он-то это знает.

Кроме того, никто больше не искал его книгу. Ну как же, разве им теперь до этого?

Книга — ключ к разгадке. Он в этом уверен. И существует лишь один способ выяснить, что в ней. Рискованный способ, но библиотекарь теперь только тем и занимался, что лавировал между опасностями.

В тишине спящей библиотеки он выдвинул ящик стола и из самого дальнего его уголка извлек карманную лампу, создатель которой приложил все усилия, чтобы избежать появления открытого пламени. Когда кругом сплошная бумага, никакая предосторожность не является излишней...

Кроме того, он запасся арахисом и, по некотором размышлении, большим клубком шнура. Откусил короткий отрезок шнура и, просунув его в значок, подвесил знак Ночной Стражи на шею, как талисман. Затем привязал свободный конец шнура к столу и после краткой задумчивой паузы заковылял между книжными полками, разматывая на ходу клубок.

Знание равняется силе...

Шнур тут очень важен. Спустя некоторое время библиотекарь остановился. Собрал в единый комок всю силу своего библиотекарства.

Сила равняется энергии...

Люди иной раз бывают глупы. Они считают библиотеку опасным местом — из-за собранных здесь магических книг. И это в достаточной мере соответствует действительности, однако на самом деле опасной ее делает тот простой факт, что это — библиотека.

Энергия равняется материи...

Он свернул в проход между полками, на вид не больше нескольких футов в длину, и проворно двигался по нему в течение получаса.

Материя равняется массе.

А масса искажает пространство. Она превращает его в полифракционное Б-пространство.

Так что при всех положительных сторонах системы Дьюи, отправляясь на поиски в многомерные складки Б-пространства, лучше прихватить с собой шнур подлиннее.

Дождь старался, как мог. Посверкивал лунным светом на мокрых плитках Площади Разбитых Лун, скакал по рваной парусине праздничных флагов, осколкам битых бутылок и периодически встречающимся по пути извергнутым ужинам. Грома по-прежнему было в изобилии, в воздухе стоял свежий запах зелени. Над булыжниками лениво тащились лохмотья порожденного Анком тумана. Не за горами рассвет. Ваймс, обходя препятствия, осторожно пробирался по площади, сопровождаемый влажным эхом от окрестных домов. Юноша стоял *тут*.

Он напряг зрение, стараясь разглядеть сквозь клочья тумана окружающие здания и сориентироваться в обстановке. А дракон завис — он сделал шаг вперед — *ЗДЕСЬ*.

— А, вот здесь, — добавил Ваймс, — здесь он был убит.

Он порылся в карманах. Чего в них только не было — ключи, обрывки веревки, пробки. После непродолжительного поиска пальцы остановились на сточенном мелке.

Он опустил на одно колено. Эррол соскочил с плеча Ваймса и вперевалку заковылял прочь, в поисках постпраздничных трофеев. Ваймс заметил про себя, что, прежде чем что-нибудь съесть, дракончик неизменно обнюхивает предмет. Оставалось загадкой, зачем он это делает, поскольку объект был съедателю независимо от результатов экспертизы.

Голова чудовища находилась примерно *ЗДЕСЬ*.

Ваймс двинулся назад, проводя мелком по камням, черепашьям шагом пересекая влажную пустынную площадь, подобно древнему богомольцу, ищущему дорогу в переходах лабиринта. Вот здесь было крыло, загибающееся к хвосту, который тянулся вот *ДОСЮДА*, так, а сейчас сменим руку и направимся к другому крылу...

Закончив работу, он присел в центре контура и пробежался пальцами по булыжникам. Найдя их холодными, он испытал удивление — оказывается, какой-то частью сознания он ожидал почувствовать тепло.

Но что-то же должно остаться. Трудно сказать, что — может, что-то маслянистое или пара похрустывающих жареных драконьих конечностей.

Эррол приступил к поеданию разбитой бутылки, выказывая при этом все возможные признаки удовольствия.

— Знаешь, что я думаю? — обратился к нему Ваймс. — По-моему, он просто куда-то ушел.

Раздался новый раскат грома.

— Ладно, ладно, — пробормотал Ваймс. — Это было только предположение. Не надо так драматизировать.

На полпути за новой добычей Эррол замер.

Очень медленно, словно на хорошо смазанных шарикоподшипниках, морда дракончика обратилась вверх.

Предметом его столь пристального внимания оказался клочок самого обычного, пустого неба.

Ваймс поежился под плащом. Дракончик, видно, умишком тронулся.

— Да успокойся ты, — сказал Ваймс. — Нет там ничего.

Эррол задрожал мелкой дрожью.

— Это всего лишь дождь, — продолжал Ваймс. — Давай, займись-ка лучше своей бутылкой. Какая *ХОРОШАЯ* бутылка.

Из пасти дракончика вырвался тонкий, тревожный и пронзительный взвизг.

— Ладно, сейчас сам убедишься, — сказал Ваймс. Поискав глазами, он увидел одну из сосисок Достабля, выброшенную голодным гулякой, который, очевидно, решил, что *НАСТОЛЬКО* голодным он не будет никогда. Ваймс подобрал сосиску.

— Смотри, — с этими словами он подбросил сосиску.

В соответствии с заданной траекторией она должна была упасть на землю. Она не должна была отлететь *В СТОРОНУ*, как будто он прицелился и бросил ее прямехонько в некий туннель в небе. Кроме того, туннелям не полагается таращиться на вас.

С пустого неба хлестнула ослепительная фиолетовая молния, ударила в дома поблизости от площади, пометалась по стенам, мигнула и исчезла так внезапно, как будто вдруг решила начисто отрицать свое появление.

Затем ударила опять, на сей раз в стену у самого края площади. В точке удара молния расщепилась, образовав быстро распространяющуюся по камням узорчатую сеть шевелящихся, ищущих усиков.

Целью третьей попытки стало само небо. Молния образовала лучистый столб, который медленно поднялся на высоту футов в пятьдесят-шестьдесят над землей, принял устойчивые очертания и начал медленно вращаться.

Ваймс почувствовал, что пора как-то откомментировать события. Он сумел выдавить лишь:

— Аргх.

По мере вращения световой столб испускал тонкие зигзагообразные струйки света. Они скакали по крышам, порой ныряя вниз, порой

отскакивая назад. Они *ИСКАЛИ*.

Шквалом когтей Эррол вскарабкался по спине Ваймса и мертвой хваткой вцепился капитану в плечо. Вызванная этим мучительная боль навела Ваймса на мысль, что надо как-то отреагировать. Может, пора еще раз крикнуть? Он попробовал еще одно «Аргх». Нет, пожалуй, обстоятельства требуют чего-то другого.

Воздух запах плавящейся жельею.

Карета госпожи Овнец вкатила на площадь с шумом, напоминающим звук вращающегося колеса рулетки. Грохоча копытами, лошади устремились прямо на Ваймса и встали так резко, что экипаж, подпрыгивая, изогнулся полукругом, и не развернись лошади в противоположную сторону, то переломали бы себе ноги. Разъяренный коллаж из кожаных подушек, фехтовальных рукавиц, тиары и тридцати ярдов мокрого розового тюля наклонился к Ваймсу и прокричал:

— Лезь сюда, идиот несчастный!

Одна рукавица подхватила капитана под обмякшее плечо и, словно куль с мукой, закинула в экипаж.

— И хватит вопить, — приказал призрак, вкладывая в эти три слова целые поколения наследственной власти.

Еще один выкрик вывел лошадей из состояния растерянности и заставил их, минуя стадию разгона, сразу перейти на полный галоп.

Карета, вихляя и подскакивая на мостовой, понеслась прочь. Мерцающий усик-разведчик прошелся, словно кисточкой мазнул, по удилам, после чего утратил всякий интерес к беглецам.

— Полагаю, вы понятия не имеете, что происходит? — прокричал Ваймс, стараясь перекрыть треск вращающегося пламени.

— Ни малейшего!

Ползучие огненные линии распространялись по городу подобно сети, бледнея на расстоянии. Ваймс представил, как они вползают в окна, подныривают под двери.

— Похоже, эта штука что-то ищет! — прокричал он.

— Тогда первоклассной идеей будет смыться отсюда до того, как она найдет искомое!

Язык пламени ударился о темную Башню Искусства, слепо соскользнул по ее увитым плющом бокам и растворился в куполе библиотеки Незримого Университета.

Остальные линии замерцали и погасли.

Госпожа Овнец остановила экипаж на окраине площади.

— При чем тут библиотека? — нахмурилась она.

— Может, эта штука ищет какие-нибудь сведения?

— Не пори ерунду, — отмахнулась она. — Там нет ничего, кроме книг. Что там будет читать молния?

— Может, что-то очень короткое?

— Послушай, я размышляю, и ты тоже мог бы задействовать некоторое количество своих мозгов.

Молния взорвалась, образовав арку между куполом библиотеки и центром площади, и зависла в воздухе — сверкающая лента в несколько футов шириной.

А затем, внезапно и стремительно, лента начала расширяться, образуя огненную сферу, которая все росла и росла, пока не обхватила собой всю площадь, — но потом вдруг исчезла, оставив после себя ночь, полную звенящих багровых теней.

И площадь, полную драконом.

Кто бы мог подумать? Такая огромная власть — и под самым боком. Дракон чувствовал, как магия втекает в него, обновляя, делая, вопреки нудным законам физики, моложе и могущественнее с каждой секундой. Разве это сравнится с той жалкой участью, что была уготована ему прежде? А сейчас — вот она, настоящая жизнь. Нет предела его могуществу. Он может исполнить любое свое желание. Но сначала надо воздать кое-кому по заслугам...

Он втянул носом рассветный воздух, пытаясь ощутить вонь сознаний.

У благородных драконов нет друзей. Понятие, самое близкое, с точки зрения дракона, к понятию друга, — это враг, который все еще жив.

Воздух стал неподвижным, таким неподвижным, что казалось — напряги слух и услышишь медленное падение пылинок. Библиотекарь, постукивая костяшками, все поворачивал и поворачивал среди бесконечных книжных полок. Купол библиотеки по-прежнему возвышался над головой, но ведь он всегда был там.

Библиотекарю казалось вполне логичным, что если существуют проходы, в которых полки оказываются снаружи, то должны иметься и другие проходы, в пространстве между самими книгами, создаваемые из-за микросмещения квантов, на которые давит вес слов. С обратной стороны некоторых полок определенно доносились странные звуки, и библиотекарь знал, что если вытянуть пару томов, то заглянешь в другую библиотеку, под иными небесами.

Книги искривляют пространство и время. Одна из причин, почему собственники убогих, разваливающихся на глазах букинистических магазинов имеют слегка неземной вид, заключается в том, что многие из них *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ОТСЮДА*. Они просто заблудились, повернули не туда, блуждая по своему магазину в том мире, в котором считается похвальным носить вечные музейные тапочки и открывать магазин только тогда, когда вам этого захочется. В Б-пространство всегда вступаешь на собственный страх и риск.

Однако самых заслуженных библиотекарей, совершивших отважные деяния библиотекарства и тем самым подтвердивших свою квалификацию, принимают в некий тайный орден и обучают основам искусства выживания за пределами Полок, Которые Мы Знаем. Библиотекарь достиг вершин этого искусства, однако его нынешние действия были чреватые не только изгнанием из ордена, но не исключено, что из самой жизни тоже.

Все библиотеки по всему миру связаны с Б-пространством. Все библиотеки. Повсюду. И прокладывающий себе путь библиотекарь, руководствуясь то надписью, что была нацарапана на книжной полке неведомым предшественником, то запахом, а то и смутными нашептываниями ностальгии, целенаправленно двигался к основной библиотеке — единственной и неповторимой. Одно утешало. Если он ошибется, то никогда об этом не узнает.

По каким-то непонятным причинам на земле дракон смотрелся хуже. В воздухе он был стихией, он казался изящным даже тогда, когда пытался оставить от вас дымящиеся подметки. А на земле он превращался всего-навсего в чертовски большую ящерицу.

Гигантская голова, четко вырисовываясь на сером фоне рассвета, медленно поворачивалась.

Госпожа Овнец и Ваймс осторожно выглянули из-за бочки, стоящей под водосточной трубой. Ваймс рукой зажимал морду Эрролу. Дракончик отчаянно вырывался и скулил, как щенок, которого пнули ногой.

— Изумительное животное, — произнесла госпожа Овнец тем, что у нее считалось за шепот.

— Ничего изумительного не вижу, — не поддержал ее восторгов Ваймс.

Дракон со скребущим звуком потащился по камням.

— Я *ЗНАЛ*, что он жив, — буркнул Ваймс. — Ведь ни клочка не осталось. Все было слишком чисто. Держу пари, его просто услали куда-то с помощью волшебства. Только посмотрите на него. Это немыслимо! Он

наверняка волшебный, иначе как в нем держится жизнь?

— Что ты хочешь сказать? — вопросительно нахмурилась госпожа Овнец, не отрывая взгляда от пластинчатых боков чудовища.

Что он хотел сказать? А в самом деле, что он хотел сказать? Он быстренько поразмыслил над ответом.

— Это просто физически невозможно, вот что, — ответил Ваймс. — Ни одно существо такого веса не может летать или исторгать пламя так, как это делает он. И я об этом уже говорил.

— Но он выглядит достаточно реальным. Я о том, что волшебное существо должно быть слегка, как бы это сказать... призрачным.

— О, он совершенно реален. С реальностью у него все в порядке, — с горечью произнес Ваймс. — Но предположим, он нуждается в магии, как мы нуждаемся в... солнечном свете? Или в еде.

— То есть он чудоядный?

— Я просто думаю, что он питается магией, вот и все, — ответил Ваймс, у которого не было классического образования. — Я к тому, взять этих болотных дракончиков, вечно они на грани вымирания, а предположим, в один прекрасный день, еще в доисторические времена, они нашли способ употреблять в пищу магию и тем самым поддерживать в себе жизнь?

— Когда-то кругом было полным-полно сырой магии, — задумчиво промолвила госпожа Овнец.

— Ну вот. В конце концов, все живые существа пользуются воздухом или водой. Я к тому, что, если имеются какие-то природные ресурсы, обязательно найдется тот, кто отыщет способ их использовать. И тогда все проблемы с плохим пищеварением, весом, размахом крыльев и прочим снимаются, потому что магия обо всем позаботится. Ура!

Но ее понадобится *МНОГО*, подумал Ваймс. Он не мог с уверенностью сказать, сколько именно магии требуется, чтобы изменить мир настолько, чтобы многотонные бронированные туши порхали по воздуху, как ласточки, но мог поклясться, что много, очень много.

Кто-то подкармливал этого дракона.

Он перевел взгляд на громаду библиотеки Незримого Университета, величайшее на всем Плоском мире собрание концентрированной магической силы.

А теперь дракон научился питаться самостоятельно.

С тревожным чувством он вдруг ощутил, что госпожи Овнец больше нет рядом. Повернув голову, он, к своему ужасу, увидел, что в данный момент она величественно вышагивает к дракону, выпятив вперед твердый,

как наковальня, подбородок.

— Какого черта вы собираетесь делать? — громким шепотом спросил он.

— Если он произошел от болотных драконов, то я, пожалуй, сумею с ним управиться, — ответила она. — Надо смотреть им прямо в глаза и разговаривать не терпящим возражений голосом. Они не в состоянии противиться суровому человеческому голосу. Силы воли им недостает. По сути, всякий дракон — это просто размазня.

К своему стыду, Ваймс осознал, что его ноги не желают иметь ничего общего с марш-броском по грязи, необходимым, чтобы оттащить госпожу Овнец обратно. Его гордости это не понравилось, но тело в ответ указало, что отнюдь не гордость подвергается вполне реальной опасности вплавления тонким слоем в ближайшую стену. Горящими от неловкости ушами он услышал, как госпожа Овнец прогремела:

— Скверный мальчишка!

Эхо этого сурового окрика звонко прокатилось по площади.

О боги, подумал он, неужели именно так воспитывают драконов? Тыкают носом в расплавленное место на полу, угрожая растереть этот самый нос об это самое место?

Он рискнул высунуться над краем бочки.

Голова дракона медленно вращалась из стороны в сторону, подобно стреле крана. Ему с трудом удавалось сфокусировать взгляд на стоящей прямо под ним госпоже Овнец. Ваймс увидел, как огромные красные глазищи сузились до щелочек — скашивая глаза к собственному носу, чудовище делало попытки прищуриться. Дракон выглядел озадаченным. Но не удивленным.

— Сидеть! — проревела госпожа Овнец тоном столь категорическим, исключая самую возможность возражения, что даже ноги Ваймса невольно подкосились. — Вот хороший мальчик! Думаю, у меня найдется для тебя кусочек кокса...

Она похлопала себя по карманам.

Зрительный контакт. Это крайне важно. Зачем, подумал Ваймс, она допустила эту ошибку и посмотрела вниз?

Дракон небрежно приподнял коготь и пришил к земле госпожу Овнец к земле.

Ваймс, охваченный ужасом, приподнялся. Но в тот же самый миг Эррол, воспользовавшись моментом, вырвался и одним прыжком перемахнул через бочку. То подскакивая, то приземляясь, он крошечным вихрем выписывал над площадью арки, судорожно хватая пастью воздух и

со свистом отрывивая, пытаясь исторгнуть пламя.

Ответом ему стал язык бело-голубого пламени, который оставил полосу пузырящегося от жара камня в несколько ярдов длиной, но так и не попал в нападающего дракончика. Нелегкой мишенью был летящий Эррол, и немудрено: по всей видимости, дракончик и сам не знал, где окажется в следующее мгновение и куда направится после. Сейчас его единственной надеждой было движение, и он выписывал сальто-мортале, крутился волчком среди с каждым разом все более яростных языков пламени, подобно испуганной, но исполненной решимости вероятностной частице.

С тяжким скрежетом, напоминающим звук от дюжины одновременно выбираемых якорей, громадный дракон встал на дыбы и попытался сбить досадного овода на лету.

Тут ноги Ваймса наконец поддались уговорам совести и решили, что могут себе позволить некоторое время походить в героях. Выхватив меч и таким образом подготовившись к совершению любого необходимого подвига, он бегом преодолел отделяющее его от госпожи Овнец пространство, сгреб ее за руку и за кусок измазанного бального платья и взвалил на плечо.

Только через несколько ярдов его осенило, какую фундаментальную ошибку он совершил.

Он издал хриплое «Гхрн-н». Казалось, еще чуть-чуть — и позвоночник капитана навеки сроднится с коленными чашечками. Перед глазами плясали багровые пятна. И как последняя капля какой-то непонятный, но явно сделанный из китового уса предмет норовил проткнуть ему шею.

Капитан Ваймс сделал еще несколько шагов вперед, движимый одной только инерцией и зная, что если остановится, то его раздавит в лепешку. Овнецов разводят не из-за красоты, их разводят за здоровую жизнестойкость и крупную кость, и за истекшие столетия они здорово продвинулись в этом направлении.

Плитки в нескольких футах от него взорвались брызгами синевато-багрового пламени.

Впоследствии он не раз задавался вопросом, могло ли ему хотя бы прийти в голову, что он сумеет подпрыгнуть на несколько футов вверх, после чего с порядочной скоростью покрыть оставшееся расстояние до бочки. Возможно, в крайних ситуациях любой человек способен освоить тот вид мгновенного перемещения в пространстве, который стал настолько естественным для Шноббса, что превратился в его вторую натуру. Так или иначе, теперь бочка была за спиной, а госпожа Овнец, если можно так

сказать, у него в руках, хотя вообще-то она прижимала его руки к земле. Не без труда высвободившись, он попытался посредством массажа вернуть в кисти жизнь. Что в таких случаях полагается делать дальше? Не было никаких признаков того, что она ранена. Он припомнил что-то насчет расстегивания пуговиц и так далее, но в случае госпожи Овнец это могло оказаться опасным, то есть без специальных инструментов он бы ни за что не справился.

Однако госпожа Овнец самостоятельно разрешила проблему скорой помощи. Ухватившись за край бочки, она рывком села.

— *АХ ТАК*, — рывкнула она, — получай же шлепанцем!

Ее глаза впервые сфокусировались на Ваймсе.

— Что здесь происходит, черт побери... — начала было она, но тут в поле ее зрения попала сцена у него за спиной.

— *ОТ ДЕРЬМО*, — выразилась она. — Прости мой дурной клатчский.

У Эррола кончался запас энергии. Крылья-обрубки и в самом деле были не приспособлены к настоящему полету, и он не падал исключительно потому, что не переставая хлопал крыльями, как цыпленок. Гигантские когти свистели в воздухе. Один из них зацепился за устроенный на площади фонтан и разнес его в мелкую крошку.

Следующий удар пришелся точно по Эрролу.

Дракончик просвистел над головой Ваймса, врезался в крышу и упал.

— Слава богам, — с облегчением промолвила госпожа Овнец, с трудом поднимаясь на ноги. — Они ведь чуть что взрываются. Это могло оказаться очень опасным.

И тут они вспомнили о другом драконе. Не из взрывающихся. Из вида людеубивающих. Они повернулись, очень медленно.

Чудовище нависло над ними, принялось, но затем, как будто они не представляли для него абсолютно никакого интереса, равнодушно отвернулось. После чего грузно подпрыгнуло в воздух и, лишь единожды неторопливо взмахнув крыльями, лениво, словно покачивающаяся на волнах огромная лодка, заскользило прочь — сначала пролетев над площадью, а затем поднимаясь все выше и выше, в катящиеся над городом волны туманов.

Однако Ваймса на данный момент больше беспокоил меньший представитель драконьего племени. Он взял дракончика на руки и с тревогой прислушался к угрожающему рокоту в желудке бедняги. Сейчас он очень жалел о том, что не рассмотрел драконью книгу более тщательно. Является ли желудочный шум признаком скорого взрыва, или же главное — не пропустить момент, когда рокотание прекращается?

— Мы должны догнать его! — госпожа Овнец была сама решимость. — Где экипаж? Что с ним произошло?

Ваймс сделал туманный жест в направлении, куда, насколько он помнил, понеслись охваченные паникой лошади.

Эррол чихнул облаком теплого газа, который пахнул еще хуже, чем нечто, давным-давно замурованное в подвале, слабо поскреб лапой воздух, лизнул лицо Ваймса похжим на горячую терку языком, с усилием слез с его рук и затрусил прочь.

— Куда это он? — прогрохотала госпожа Овнец, появляясь из тумана и волоча за собой лошадей.

Они упирались, копыта царапали по булыжнику и высекали искры, но их игра была проиграна заранее.

— Он все еще рвется в бой! — сказал, не веря собственным глазам, Ваймс. — А я думал, он уже признал свое поражение!

— Они дерутся как черти, — объяснила госпожа Овнец, пока капитан взбирался на сиденье. — Задача, понимаешь ли, в том, чтобы заставить противника взорваться.

— М-да, а я-то считал, что обычно побежденное животное валится на спину, демонстрируя покорность, и на этом все заканчивается, — задумчиво сказал Ваймс, когда карета тронулась и загромыхала вслед за быстро исчезающим из вида болотным драконом.

— С драконами такой номер не проходит, — усмехнулась госпожа Овнец. — Если какой-нибудь идиот вдруг сам валится на спину — отчего ж его не выпотрошить? Они так на это смотрят. Почти как люди.

Облака над Анк-Морпорком сгустились. Медленный свет Плоского мира неторопливо разматывался с клубка солнца.

Дракон, сверкая в рассветных лучах, исполнял в воздухе радостный танец, делая невероятные повороты и выписывая кренделя — просто от упоения жизнью. А потом он вдруг вспомнил про сегодняшнее дело.

Они имели *НАГЛОСТЬ* вызвать его...

Тем временем далеко внизу боевой состав, мягко отскакивая от стены к стене, продвигался по улице Мелких Богов. Несмотря на густой туман, на улице уже начиналась деловая суета.

— Как называются такие штуки, эти, ну, как складные лестницы? — спросил сержант Колон.

— Стремянки, — ответил Моркоу.

— Что-то они тут повсюду, — заметил Шноббс.

Он потянулся к ближайшей и пнул ногой.

— Ой! — фигура рухнула на землю, полупогребенная под вереницей флагов.

— Что тут у вас происходит? — осведомился Шноббс.

Человек с лестницы смерил его взглядом.

— А кому это надо знать, умник?

— Прошу прощения, но это надо знать нам, — фигура Моркоу прорисовалась из тумана, как айсберг.

Собеседник болезненно улыбнулся.

— Ну, сейчас ведь будет коронация, правильно? Нужно все приготовить. Развесить флаги. Обновить старые праздничные транспаранты, это ведь надо сделать?

Шноббс критически окинул взглядом сочащееся водой убранство.

— Как по мне, вид у них не слишком старый, — заметил он. — Скорее, самый что ни на есть новый. А что это за штуки на щите — жирные, все в складках?

— Это благородные гиппопотамы, покровители Анка, — гордо объяснил человек с лестницы. — Они напоминают нам о нашем благородном наследии.

— И давно у нас это благородное наследие? — осведомился Шноббс.

— Со вчерашнего дня, ясное дело.

— Нельзя получить наследие за один день, — задумчиво покачал головой Моркоу. — Оно должно длиться долгое время.

— Если мы его еще не заполучили, — вставил сержант Колон, — то бьюсь об заклад, скоро заполучим. Жена мне написала записку. Столько лет живем, знать не знал и ведать не ведал, а она оказалась монархисткой. — Он яростно пнул ногой мостовую. — Ха! Тридцать лет расшибаешься в лепешку, чтобы было что поставить на стол, а в ответ? Только и разговоров, что о каком-то мальчишке. Пацан поработал пять минут и тут же сподобился стать королем! Знаете, что вчера было на ужин? Бутерброды с говяжьим рагу!

Но он разговаривал с двумя холостяками, поэтому ожидаемой реакции не последовало.

— Вот это да! — восторженно протянул Шноббс.

— С *НАСТОЯЩИМ* говяжьим рагу? — оживился Моркоу. — С хрустящими крошками сверху? И с блестящими пузырьками жира?

— Уже и не вспомню, когда я в последний раз имел дело с рагу, — Шноббс мечтательно закатил глаза, представляя гастрономические небеса. — Капелька соли и перца — и получаешь еду, достойную кор...

— Не произноси этого слова, — предостерег Колон.

— А самый лучший момент, это когда втыкаешь нож, жир трескается и коричневато-золотистый сок пузырится, вырывается наружу... — мечтательно произнес Моркоу. — Такое блюдо поистине достойно кор...

— Заткнитесь вы! Заткнитесь! — заорал Колон. — Вы... Вы... Да вы просто... *ЧТО ЭТО ТАКОЕ БЫЛО, ЧЕРТ ПОБЕРИ?*

С неба внезапно потянуло сквозняком, туман у них над головами стал сворачиваться кольцами и разбиваться о стены домов. По улице пронесся порыв холодного воздуха — и все затихло.

— Как будто что-то пролетело мимо нас, где-то там, наверху, — прокомментировал сержант. И застыл. — Эй, а вам не кажется, что...

— Его ведь убили. Прямо на наших глазах, — встревожено отозвался Шноббс.

— На наших глазах он *ИСЧЕЗ*, — уточнил Моркоу.

Они переглянулись. Стражники остались одни на мокрой, окутанной туманом улице. Там, наверху, могло прятаться что угодно. Воображение населило влажный воздух кошмарными призраками. Еще хуже было знание, что Мать-Природа вполне в состоянии населить этот самый воздух чем-нибудь и почище.

— Н-да... — почесал в затылке Колон. — Это, наверное, была просто... просто большая водоплавающая птица. Или что-нибудь в том же духе.

— Есть что-то, что в этих обстоятельствах повелевает нам долг? — спросил Моркоу.

— Есть, — решительно ответил Шноббс. — Долг повелевает нам побыстрее убраться. Вспомни Гаскина.

— Может быть, это еще один дракон, — предположил Моркоу. — Мы должны предостеречь население и...

— Нет, — с жаром возразил сержант Колон, — потому что, а население нам не поверит и, бэ, отныне у нас есть король. Теперь это его дело, разбираться с драконами.

— Верно говоришь, — одобрил Шноббс. — Его величество, наверное, сильно разгневется. Драконы, они ведь это, как его, благородные животные. Вроде оленей. Да тебе тридцать ^[19] проткнут за одну только мысль убить царственное животное. Э-э, нет, на это есть король!

— Приятно все-таки, что мы не короли.

— Люди из народа, — уточнил Шноббс.

— Это крайне безответственная гражданская позиция и... — начал Моркоу.

Но тираду констебля Ночной Стражи прервал Эррол.

Дракончик трусил посреди улицы, задрал хвост-обрубок и неотрывно глядя на облака. Он проследовал мимо рядового состава, не уделив последнему ни малейшего внимания.

— Что это с ним такое? — поразился Шноббс. Оглушающий грохот у них за спиной известил о прибытии экипажа госпожи Овнец.

— Вы? — Ваймс неуверенно вглядывался в туман.

— Определенно, — кивнул сержант Колон.

— Вы дракона видели? Не считая Эррола?

— Ну-у, сэр, — сержант посмотрел на остальных двоих. — Вроде как да, сэр. Возможно. Это вполне мог быть дракон.

— Нечего им тут торчать как болванам, — вмешалась госпожа Овнец. — Залезайте внутрь! Внутри полно места!

Это и в самом деле было так. Когда карету только поставили на колеса, она, наверное, выступала гвоздем придворной программы — кругом плюш, позолота и драпировки в кисточках. Время, отсутствие надлежащего ухода и частое вынимание сидений с их мест (последнее требовалось для транспортировки драконов на презентации) сделали свое черное дело, но от кареты по-прежнему разило привилегированным классом, стилем и, разумеется, драконами.

— Ты что там делаешь? — спросил Колон, когда они загромыхали сквозь туман.

— Машу смотрящим на нас людям, — отвечал Шноббс, картинно взмахивая рукой в направлении катящихся навстречу волн тумана.

— Мерзкие это дела, — сержанта Колона охватила глубокая задумчивость. — Мы катаемся в таких каретах, а у кого-то тем временем даже крыши над головой нет.

— Это карета госпожи Овнец, — весело ответил Шноббс. — Она настоящая придворная дама.

— Она сама, может, и ничего, а вот что делали ее предки? На дворцы и кареты не заработаешь, если не будешь ходить по головам бедняков.

— Ты, наверное, злишься потому, что твоя мамочка вышивала короны на ее нижнем белье, — съязвил Шноббс.

— Это не имеет никакого отношения к делу! — с негодованием отверг дерзкое предположение Колон. — Просто я всегда считал и считаю: права человека прежде всего.

— И гнома, — вставил Моркоу.

— Ну да, разумеется, — неуверенно согласился сержант. — Так вот, все эти дела с королями и лордами, они противоречат принципу

человеческого достоинства. Мы все рождаемся равными. Ненавижу, когда попирают человеческие права!

— Первый раз от тебя такое слышу, Фредерик, — заметил Шноббс.

— Для тебя, Шноббс, сержант Колон.

— Прошу прощения, сержант.

Сам туман постепенно принимал форму самого настоящего анкморпоркского осеннего гамбо^[20]. Ваймс высунулся в окно и, прищурившись, взгляделся в туманную дымку. Вскоре он промок до костей.

— По-моему, я вижу его! — наконец воскликнул он. — Поворачивайте налево!

— Кто-нибудь знает, где мы находимся? — осведомилась госпожа Овнец.

— Какой-нибудь деловой квартал, — не стал вдаваться в подробности Ваймс.

Передвижение Эррола несколько замедлилось. Дракончик по-прежнему тарачился в небо и повизгивал.

— В этом тумане ничего не разглядишь! — сказал Ваймс. — Интересно, что он там...

Словно в ответ на его слова, туман начал светиться. Потом он распустился, словно хризантема, и издал что-то похожее на «ву-у-у-умф».

— О, нет! — простонал Ваймс. — Только не это!

— Чаши Непорочности, сбрызнуты ли они должным образом? — начал речитатив брат Сторожевая Башня.

— Угу, сбрызнуты что надо.

— А Воды Мира, свершено ли отречение от них?

— Свершено на полную катушку.

— А Демоны Безграничности, прикованы ли они многими цепями?

— Вот черт, — брат Штукатур даже прищелкнул языком от досады, — вечно что-нибудь да забудешь.

Брат Сторожевая Башня закатил глаза.

— Хотя бы раз, для разнообразия, можно было бы совершить все древние и неподвластные времени ритуалы правильно. Искренне советую тебе заняться Демонами, да побыстрее.

— А может, будет проще, если я в следующую нашу встречу прикую их два раза — за ту неделю и за эту?

Насупившийся брат Сторожевая Башня повертел это рационализаторское предложение в голове. Звучало вполне логично.

— Ну ладно, — уступил он. — Можешь возвращаться к круг. И все

запомните: вы должны называть меня «Исполняющий Обязанности Верховного Старшего Наставника», понятно?

Это было встречено реакцией, которую он вряд ли мог назвать подобающей или достойной сделанного заявления.

— А мы и не знали, что ты теперь Исполняющий Обязанности Верховного Старшего Наставника, — пробормотал брат Привратник.

— А вам ничего и не полагается знать. Ваше дело — слушать, что вам говорят. Я — Исполняющий Обязанности, потому что Верховный Старший Наставник попросил меня сегодня открыть Ложу — сам он задерживается из-за работы, связанной с коронацией, — надменно отрезал брат Сторожевая Башня. — И если это не делает меня Исполняющим Обязанности Верховного Старшего, черт его дери, Наставника, то хотелось бы знать, что же тогда делает?

— Я все равно не понимаю, с чего бы это, — пробормотал брат Привратник. — К чему такой громкий титул? Пусть было бы что-нибудь вроде... ну, например, Соблюдатель Ритуалов.

— Верно, — поддержал брат Штукатур. — Я тоже не понимаю, с какой стати напускать на себя такую важность. Тебя ведь никаким древним и мистическим тайнам отродясь не учили — ни монахи, ни кто другой.

— К тому же нам пришлось ждать тебя несколько часов, — добавил брат Привратник. — Это неправильно. Я думал, нас вознаградят...

Брат Сторожевая Башня почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. И решил прибегнуть к дипломатии лести.

— Я уверен, Верховный Старший Наставник придет сразу, как только освободится, — начал он. — Давайте не будем все портить, а? Ребята? Мы устроили битву с драконом и все остальное, сделали так, чтобы все прошло без сучка без задоринки, — это ведь не простое дело, а? Но у нас все получилось, правильно? Мы столько всего претерпели. Давайте подождем еще чуточку, это ведь стоит того!

Фигуры в длинных одеяниях и капюшонах завозились, нехотя выражая согласие.

— Ладно.

— Вполне логично.

— Ага.

— КОНЕЧНО.

— Согласен.

— Ну, если ты так говоришь...

В сознание брата Сторожевой Башни закралось странное ощущение, что происходит что-то нехорошее, но он никак не мог понять, что именно.

— Э-э, — он настороженно зыркнул по сторонам. — Братья?

Они зашевелились, в их движениях тоже ощущалась неловкость. В комнате явно что-то назревало. Атмосфера накалялась.

— Братья, — повторил брат Сторожевая Башня, пытаюсь успокоить сам себя, — мы ведь *все* здесь, правильно?

Ответом ему был встревоженный хор согласия.

— Ясное дело, все.

— Конечно, а в чем дело?

— Да!

— ДА.

— Да.

Вот опять, некая неуловимая неправильность, на которую никак не получается показать пальцем, потому что палец слишком сильно трясется. В этот момент тревожные мысли брата Сторожевой Башни прервал скребущий звук, исходящий откуда-то сверху. На сгрудившихся братьев упали несколько кусков штукатурки.

— Братья? — нервно повторил брат Сторожевая Башня.

Настал миг одного из молчаливых звуков — воцарилось долгое наэлектризованное молчание крайней концентрации, на фоне которого Озаренные Братья услышали, как втягивают воздух легкие размером с парашют. Последние крысы самоуверенности брата Сторожевой Башни стремительно покинули корабль его мужества.

— Брат Привратник, не мог бы ты отпереть жуткий портал и... — заплетающимся языком начал он.

А затем был свет.

Боли не было. На боль просто не хватило времени.

Иллюзии тоже подвластны Смерти. Он сметает на своем пути все — в особенности когда температура прибытия Смерти достаточно высока, чтобы заставить испариться металлические предметы. Бессмертная душа брата Сторожевой Башни проследила взглядом за драконом, который, хлопая крыльями, растворялся в тумане, а потом перевела глаза вниз, на застывающую лужу из камня, металла и разнообразных остаточных пород — вот и все, что осталось от тайной штаб-квартиры Ложи. И от ее обитателей, подумал он с бесстрастностью, характерной для мертвого состояния. Живешь-живешь, а кончается все тем, что превращаешься во что-то вроде сливок в чашке кофе, и какая-то сила размешивает тебя, затягивает вглубь, пока не останется и следа. В какие бы игры ни играли боги, они играют чертовски непонятным способом.

Брат Сторожевая Башня поднял глаза на возвышающуюся над ним фигуру в капюшоне.

— Мы не знали, что так получится, — слабым голосом произнес он. — Честно. Мы никого не хотели обидеть. Просто хотели получить то, что полагается нам по праву.

Рука скелета не без дружелюбия похлопала его по плечу.

— МОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ, — ответил Смерть. — ВЫ СВОЕГО ДОБИЛИСЬ.

Не считая Верховного Старшего Наставника, единственным из Озаренных Братьев, отсутствовавшим на момент появления дракона, оказался брат Палец. Его послали за пиццей. Его всегда посылали за едой. Так получалось дешевле. Брат Палец никогда не платил за покупки — это ему даже в голову не приходило.

Вернувшись к братьям, брат Палец замер на месте, держа нагроможденные друг на друга коробки и разинув рот. На месте Ложи плескалась теплая, состоящая из различных субстанций, расплавленная лужица.

И тут как раз из-за угла выкатила преследующая Эррола карета со стражниками.

— О боги, — только и смогла выговорить госпожа Овнец.

Ваймс выскочил из экипажа и похлопал оставшегося брата по плечу.

— Прошу прощения, — начал он, — ты случаем не видел, что здесь прои...

Когда брат Палец повернулся, его лицо было лицом человека, который только что пролетел в свободном падении над преисподней. Он открывал и закрывал рот, но оттуда не выходило ни звука.

Ваймс заметил неприкрытый ужас, застывший на лице человечка, и насторожился.

— ТАК, придется тебе проследовать с нами в Псевдополис-Ярд, — сказал капитан. — У меня есть основания считать, что...

Здесь он сделал паузу. Капитан Ваймс затруднялся сформулировать, — даже для себя, — что именно у него есть основания считать. Но этот человек явно был виновен. Это было видно с первого взгляда. Возможно, не в чем-то конкретном. Но в общем смысле этого слова — точно.

— М-м-м-м-м-м-м-м-м, — промычал брат Палец.

Сержант Колон осторожно снял крышку с верхней коробки.

— Ну что там, сержант? — на всякий случай Ваймс попятился.

— Э-э... Клатчская с анчоусами, сэр, — со знанием дела сообщил сержант Колон.

— Я имею в виду человека, — вздохнул Ваймс.

— Н-н-н-н-н-н-н-н-н, — продолжил брат Палец.

Колон заглянул под капюшон.

— Я его знаю, сэр! — воскликнул он. — Это же Бенджи Боггис по прозвищу Легкоступ. Из Гильдии Воров. Давнишний знакомец, сэр. Старая продувная бестия. Раньше работал в Университете.

— Волшебником, что ли? — не понял Ваймс.

— Разнорабочим, сэр. Там кусты подрезать, здесь ковер скатать.

— А-а! В самом деле?

— Можем ли мы как-то помочь бедняге? — подала голос госпожа Овнец.

Шноббс браво отдал честь.

— Если хотите, госпожа, я могу врезать ему пониже пояса, мигом в чувство придет.

— Д-д-д-д-р-р-р-р-р, — произнес брат Палец, начиная неконтролируемо трястись.

Госпожа Овнец улыбнулась твердокаменной, ничего не выражающей улыбкой высокородной госпожи, твердо решившей не показывать, что слышала только что произнесенные слова.

— Эй, вы двое, усадите-ка его в экипаж, — приказал Ваймс. — Если вы, конечно, не возражаете, госпожа Овнец...

— Сибилла, — поправила госпожа Овнец.

Ваймс покраснел и продолжил:

— Его стоит забрать. И предъявить ему обвинение в краже некоей книги, а именно «О Призывании Драконов».

— Абсолютно согласен, сэр, — вставил сержант Колон. — Да и пицца стынет. А этого совсем нельзя допускать. Остывший сыр, он ведь невкусный.

— Только никакого мордобоя, — предостерег Ваймс. — Даже тогда, когда никто не видит. Моркоу, пойдешь со мной.

— Д-д-д-д-д-д-р-р-р-р-р-р-р-р-а, — подал голос брат Палец.

— И прихвати Эррола, — добавил Ваймс. — Пока он здесь совсем не чокнулся. Но смелый дьяволенок, отдаю ему должное.

— А ведь никогда не подумаешь, правда? — подхватил Колон.

Эррол, поскуливая от волнения, трусил взад-вперед перед расплавленным зданием.

— Только посмотрите на него! — поразился Ваймс. — Так и лезет в

драку.

Тут капитан ощутил, что какая-то сила словно канатами тянет его посмотреть вверх, на катящиеся облака тумана.

Дракон где-то там, подумал он.

— А что мы будем делать? — спросил Моркоу, когда колеса уезжающего экипажа загремели по мостовой.

— Страшно, да? — спросил Ваймс.

— Никак нет, сэр.

То, как он это сказал, пробудило в сознании Ваймса некую мысль.

— Нет, говоришь? — продолжил он. — Не страшно, значит? Наверное, это оттого, что тебя вырастили гномы. У тебя нет ни капли воображения.

— Я стараюсь, как могу, сэр, — твердо ответил Моркоу.

— Ты по-прежнему отсылаешь все жалованье домой матери?

— Так точно, сэр.

— Ты хороший парень.

— Так точно, сэр. Так что мы будем делать, капитан Ваймс? — повторил свой вопрос Моркоу.

Ваймс огляделся. Пребывая в душевном раздрае, сделал несколько бесцельных шагов. Развел руками и хлопнул себя по бокам.

— Откуда мне знать? — наконец ответил он. — Наверное, надо предупредить людей. Добраться до дворца патриция. А потом...

Из тумана послышался звук шагов. Ваймс замер, приложил палец к губам и увлек Моркоу в тень, под козырек ближайшего подъезда.

В волнах тумана замаячил силуэт.

Еще один из этих, подумал Ваймс. Но ведь, в конце концов, нет закона, который запрещал бы носить длинные черные мантии с глубокими капюшонами. Есть десятки совершенно невинных причин, чтобы стоять в длинном черном одеянии и глубоком капюшоне перед расплавленным зданием.

Наверное, стоит попросить его назвать хотя бы одну такую причину.

Ваймс вышел из укрытия.

— Прошу прощения, сэр... — начал было он.

Капюшон резко повернулся в его сторону. Послышался свист глубокого вдоха.

— Я просто хотел узнать, не возражаете ли вы... **МЛАДШИЙ КОНСТЕБЛЬ, ЗА НИМ!**

Фигура взяла хороший старт. Она стремительно рванула по улице и, не успев Ваймс пробежать даже половину дистанции, достигла угла и исчезла за поворотом. Когда Ваймс, оскальзываясь, свернул за угол, то увидел лишь

быстро исчезающий в тумане темный силуэт.

Вдруг до Ваймса дошло, что все это время он бежал один. Задыхаясь, он остановился и оглянулся. Из-за угла показалась фигура Моркоу — младший констебль шел прогулочным шагом и никуда, по всей видимости, не торопился.

— В чем дело? — тяжело дыша, осведомился Ваймс.

— Сержант Колон сказал, что я не должен бегать, — объяснил Моркоу.

Ваймс ответил непонимающим взором. Но затем его озарило.

— О! — воскликнул он. — Э-э, понятно. Но вряд ли он имел в виду такие обстоятельства, парень. — Он вновь уставился в туман. — М-да, вряд ли мы сумеем поймать его в таком тумане и на этих улицах.

— Он мог оказаться ни в чем не повинным прохожим, сэр, — высказался Моркоу.

— Что, в Анк-Морпорке?

— Да, сэр.

— Тогда тем более надо было ловить, просто чтобы полюбоваться на такую диковинку, — Ваймс криво улыбнулся.

Он похлопал Моркоу по плечу.

— Ладно, пошли. Нам надо побыстрее попасть во дворец патриция.

— В королевский дворец, — поправил Моркоу.

— Что? — от этого заявления поезд мысли Ваймса временно сошел с рельсов.

— Это ведь теперь дворец короля, — напомнил Моркоу.

Прищурившись, Ваймс искоса посмотрел на младшего констебля.

Коротко, без веселья, хохотнул.

— Ну да, верно, — согласился он. — Нашего короля, победителя драконов. Здорово у него получилось. — Он вздохнул. — Им это ой как не понравится.

Им это действительно не понравилось.

Проблемой номер один стала Дворцовая Стража.

Ваймс всегда их недолюбливал. А дворцовые стражники недолюбливали его. Он согласен, быть может, его рядовой состав представлял собой горстку ничтожеств, не брезгующих легкой наживой. Однако, на его профессиональный взгляд, Дворцовая Стража состояла сплошь из самых худших криминальных отбросов, которые город когда-либо порождал за все время своего существования. Чуточку реорганизации, другое название, и они вполне могли претендовать на включение в десятку Самых Опасных Банд Анк-Морпорка.

Они были грубыми. Они были жесткими. О нет, они не были тем, что вычищают из сточной канавы, — они были тем, что все еще остается в этой самой канаве, после того как все золотари упадут от изнеможения. Их услуги чрезвычайно высоко оплачивались патрицием, а сейчас чрезвычайно высоко оплачивались кем-то еще. Это было сразу видно. Когда Ваймс вошел в ворота, двое из стражников оторвались от стенок, которые до сих пор подпирали, и слегка приосанились, в то же время сохраняя ровно ту дозу психологического «разваливания», которая требовалась, чтобы максимально оскорбить вошедшего.

— Капитан Ваймс, — представился Ваймс, глядя прямо перед собой. — На встречу с королем. Вопрос крайней важности.

— Н-н-да? Надеюсь, так оно и есть. Тебе же будет лучше, — лениво протянул стражник. — Капитан Воньс, да?

— Ваймс, — бесстрастным голосом поправил Ваймс.

Один из стражников кивнул своему товарищу.

— Его Ваймсом зовут, — осклабился он.

— И каких только имен не придумают, — ответил тот.

— Дело не терпит отлагательства, — Ваймс упорно сохранял деревянное выражение лица.

Он сделал попытку пройти вперед. Первый стражник мгновенно, перегородил ему дорогу и резко толкнул в грудь.

— Никто ни с кем не встречается, — сказал он. — Приказ короля, ясно? Так что можешь катиться восвояси, капитан Ваймс.

Вовсе не это подтолкнуло Ваймса к решительным действиям. К решительным действиям его подтолкнуло то, как второй стражник захихикал.

— А ну-ка, в сторону, — насупился он.

Стражник слегка наклонился.

— И кто это тут повышает голос? — он постучал по шлему Ваймса. — Полицейская крыса?

Иногда так приятно наконец взорвать бомбу, которую до сих пор носил в кармане.

— Младший констебль Моркоу, предъяви обвинение этим правонарушителям и возьми их под арест, — приказал Ваймс.

Моркоу отдал честь.

— Слушаюсь, сэр, — ответил он, повернулся и затрусил обратно, с похвальной точностью повторяя маршрут, по которому они прибыли.

— Эй! — прокричал Ваймс, когда тот исчез за углом.

— Вот это мне нравится, — первый стражник оперся о пику. —

Юноша проявляет инициативу. Сообразительный паренек. Не хочет, чтобы ему открутили уши. Далеко пойдет, если продолжит в том же духе.

— Большой умница, — согласился второй стражник.

Он прислонил пику к стене.

— От вас, городских стражников, меня тошнит, — поделился своими впечатлениями он. — Болтаетесь без дела, повсюду на вас натыкаешься, а толку от вас никакого. Сравниваете себя с нами, как будто тут вообще можно сравнивать. Так что сейчас мы с Кларенсом покажем тебе, как работают *НАСТОЯЩИЕ* стражники. Верно, Кларенс?

«Ну, с одним бы я справился, — подумал Ваймс, пятась. — Если бы он смотрел в другую сторону».

Кларенс прислонил пику к воротам и поплевал на руки.

Раздался долгий, леденящий кровь вопль. Ваймс с удивлением осознал, что этот звук исходит не от него.

Из-за угла показался Моркоу. Он бежал что было сил, сжимая в каждой руке по огромному топору.

Его огромные кожаные сандалии громко хлопали по булыжнику, Моркоу, все набирая скорость, с грохотом приближался. И не умолкая звучал этот вопль, «бейбейбейбей», как будто вопило что-то огромное, угодившее на самое дно каньона с двухтонным эхом.

Дворцовые стражники замерли как вкопанные.

— Я бы на вашем месте пригнулся, — посоветовал Ваймс со своего крайне близкого к земле уровня.

Оба топора, словно пущенные из лука, вылетели из рук Моркоу и закурлыкали в воздухе, подобно стае куропаток. Один из них ушел по самую рукоять в дворцовые ворота. Второй попал в эту рукоять, расцепив ее пополам. Следом прибыл Моркоу.

Ваймс встал, присел на ближайшую скамейку, не торопясь скрутил папироску. И наконец, сказал:

— Пожалуй, на этом можно закончить, констебль. Вряд ли они *еще* будут шуметь.

— Да, сэр. А в чем они обвиняются, сэр? — осведомился Моркоу, на каждой руке которого висело по обмякшему телу.

— Оскорбление офицера стражи при исполнении им служебных обязанностей и... ах да, конечно. Соппротивление при задержании.

— В соответствии с разделами г, д и е Указа об Общественном Порядке от 1457 года? — уточнил Моркоу.

— Ага, — торжественно ответил Ваймс. — Именно в этом самом соответствии.

— Но они не очень-то и сопротивлялись, — указал Моркоу.

— Но попытка сопротивления все же была. Можно оставить их здесь, около стенки, пусть полежат, пока мы не вернемся. Сомневаюсь, что они куда-то захотят пойти.

— Это верно, сэр, — Моркоу всегда отличался добросовестной точностью. — Заключение, которым предъявлено Обвинение, имеют Права, сэр. Так сказано в соответствующем разделе Указа о Человеческом Достоинстве (Гражданские Права) от 1341 года. Я без конца твержу об этом капралу Шноббсу. У всех ведь есть Права. Это значит: не стоит пускать в ход руки.

— Хорошее объяснение, констебль.

Моркоу отыскал в книжке нужное место.

— У вас есть право хранить молчание, — начал он. — У вас есть право не наносить себе вреда, падая на лестнице по пути в камеру. У вас есть право не выпрыгивать из окон. Вы не обязаны ничего говорить, ребята, — но все, что вы скажете, в общем, я должен это записать, и потом оно может быть использовано как свидетельство против вас.

Он извлек из кармана блокнот и полизал карандаш, после чего принялся усердно выводить буквы.

— Прошу прощения, сэр? — обратился он к Ваймсу. — Как пишется «стонать», сэр?

— С-Т-А-Н-А-Т-Ь. Так, наверное.

— Спасибо, сэр.

— Э-э, констебль, у меня есть вопрос...

— Да, сэр?

— А зачем топоры?

— Стражники были вооружены, сэр. Я сбегал на Рыночную улицу к кузнецу и одолжил там топоры, сэр. Сказал, вы позже подойдете и заплатите.

— А вопль? — слабым голосом спросил Ваймс.

— Гномский боевой клич, сэр, — гордо объяснил Моркоу.

— *ХОРОШИЙ* клич, — Ваймс тщательно выбирал слова. — Но я буду крайне тебе благодарен, если в следующий раз ты предупредишь меня заранее, хорошо?

— Само собой, сэр.

— И в письменном виде.

Библиотекарь продвигался вперед. Медленно, потому что не слишком поднаторел в обращении с некоторыми существами, которые попадались

ему на пути. Честно говоря, он предпочел бы вообще их не встречать. Эволюция живых существ заполняет абсолютно все ниши в окружающей среде — и некоторым из продуктов этой эволюции, угнездившимся в пыльной безмерности Б-пространства, лучше не попадаться на глаза. Они были гораздо более необычными, чем большинство необычных существ.

Как правило, признаком приближения опасности служило изменение поведения настенных крабиков. Надо было только внимательно следить за ними. Если они мирно пасутся в пыли, значит, все в порядке. Если же вид у них делается испуганный — стало быть, пора прятаться. Несколько раз пришлось прижиматься к полкам, когда мимо, громыхая, проходил какой-нибудь огромный словарь-тезаурус. Однажды мимо библиотекаря проползла стая зубастиков — эти странные существа паслись на страницах с содержанием и оставляли позади себя след из тонких брошюрок литературной критики. Были другие твари — такие, от которых лучше держаться подальше и не рассматривать слишком внимательно...

А особо следовало опасаться всяческих клише.

Забравшись на складную лестницу, которая бездумно паслась возле высоких полок, библиотекарь доел последний орех и осмотрелся.

Этот участок местности определенно отдавал чем-то знакомым. По крайней мере, у библиотекаря возникло чувство, что вскоре он станет знакомым. В Б-пространстве время имеет свои особенности.

Очертания некоторых полок... Где-то он такое уже видел. Названия книг, хотя и по-прежнему нечитаемые, выглядели все же очень четкими — и это противоречие вызывало мучительное чувство. Даже в затхлом воздухе витал какой-то призрачно-знакомый запах.

Он быстро проковылял по боковому переходу, повернул за угол и после краткого мгновения дезориентации оказался в комплексе измерений, который люди, за недостатком информации, называют нормальным.

Библиотекарю стало необыкновенно жарко. Энергия времени постепенно рассеивалась, отчего шерсть у него стояла дыбом.

Со всех сторон его окружал мрак.

Осторожно вытянув руку, библиотекарь ощупал корешки книг на полке справа от себя. Ах вот оно что. Теперь он понял, куда попал.

Он попал домой.

Только неделей раньше.

Теперь главное не оставить следов. Но для него это не составляло проблемы. Он вскарабкался на ближайшую этажерку и, освещаемый струящимся с купола звездным сиянием, заторопился к своей цели.

Волч Воунз зыркнул красными от усталости глазами из-за груды громоздящихся на столе бумаг. Ни один человек в городе не имел ни малейшего понятия о коронациях. Приходилось импровизировать на ходу. Одно он знал точно: должно быть много предметов, которыми размахивают.

— Да? — отрывисто произнес он.

— Э-э, тут пришел капитан Ваймс, — ответствовал слуга.

— Ваймс из Ночной Стражи?

— Да, ваша милость. Говорит, вопрос чрезвычайной важности.

Воунз пробежал глазами список других вопросов не менее чрезвычайной важности. Во-первых, помазание. На эту честь претендовали первосвященники пятидесяти трех религий. Ну и свалка будет. А потом еще эти фамильные драгоценности на короне...

Точнее, их отсутствие. Похоже, фамильные драгоценности завалились в какую-то щель между предшествующими поколениями. И сейчас один ювелир с улицы Искусных Умельцев трудился не разгибая спины, чтобы успеть вовремя с позолотой и яркими стекляшками.

Ваймс может подождать.

— Скажите ему, пусть придет в другой день, — приказал Воунз.

— Как любезно с твоей стороны, что ты согласился уделить нам чуточку времени, — раздался голос показавшегося в дверях Ваймса.

Воунз разъяренно воззрился на него.

— Что ж, раз ты уже здесь... — сказал он.

Ваймс — в оскорбительной, как показалось секретарю, манере — швырнул шлем на стол Воунза и уселся в кресло.

— Тогда присаживайся, — закончился Воунз.

— Ты уже завтракал? — осведомился Ваймс.

— Ну, не то чтобы... — начал было Воунз.

— Не беспокойся, — весело произнес Ваймс. — Констебль Моркоу пойдет посмотрит по кухням, что у вас там есть. Этот, — он ткнул пальцем в слугу, — покажет ему дорогу.

Когда Моркоу с лакеем вышли, Воунз перегнулся через дюны бумаг.

— Я надеюсь, — тихо сказал он, — у тебя есть веское основание для того, чтобы...

— Дракон вернулся, — оглоушил его Ваймс.

Воунз некоторое время таращился на своего бывшего приятеля.

Ваймс в ответ таращился на Воунза.

Наконец, чувства секретаря вылезли из тех дальних углов, по которым в ужасе разбежались.

— Ты опять напился? — осторожно поинтересовался он.

— Нет. Дракон *ВЕРНУЛСЯ*.

— Слушай... — начал было Воунз.

— Что мне слушать, я его видел, — спокойно ответил Ваймс.

— Дракона? Ты уверен?

Ваймс перегнулся через стол.

— Нет! Я могу чертовски ошибаться! — прокричал он. — Это, наверное, было что-то другое — только когтищи у него были такие же огромные и так же прорывали в земле борозды, и крылища такие же кожистые, и дышал он точно так же — огнем! Да мало ли на свете таких тварей, что же — все они обязательно драконы?

— Но мы все видели, как его убили! — воскликнул Воунз.

— Я не знаю, что видели *МЫ*, — отпарировал Ваймс, — но знаю, что видел *Я*!

Он откинулся на спинку кресла. Его трясло. Внезапно он почувствовал глубокую усталость.

— В общем, — теперь его голос звучал более нормально, — он спалил здание на улице Обмылков. Все выглядит так же, как и в остальных случаях.

— Кто-нибудь уцелел?

Ваймс сжал голову руками. Задумался о том, когда в последний раз спал — нормально, на простынях. Или ел, если уж на то пошло. Вчера вечером или позавчера? Кстати, если подумать, он вообще когда-нибудь, за всю свою жизнь, спал? Очень непохоже. Морфей, засучив рукава, взбивал изнанку его мозга, как подушку, но мозг пока держал оборону. Кто-нибудь уцелел?..

— Кто-нибудь — это ты о ком? — спросил он.

— О тех, кто был в доме, разумеется, — ответил Воунз. — Там ведь были люди. Ночью, как правило, люди сидят по домам.

— А? А-а. Да. То был не просто дом. По-моему, в нем собиралось нечто вроде тайного общества.

Соображать было очень трудно. Какой-то маячок в мозгу подавал Ваймсу сигналы, но капитан слишком устал, чтобы разбираться.

— Что-то связанное с магией?

— Кто его знает, — устало сказал Ваймс. — Носили длинные мантии.

«Сейчас он скажет, что я переработал, — подумал Ваймс. — И будет прав».

— Послушай, — доброжелательным тоном произнес Воунз. — Люди, которые суют нос в магию, толком в ней не разобравшись, — такие типы

вполне могут сами себя подорвать, и...

— Сами себя подорвать?

— ...И ты, похоже, сильно переутомился за последние дни, — успокаивающе добавил Воунз. — Могу себе представить, если бы меня дракон сбил с ног и почти сжег, мне бы тоже везде чудились всякие чудовища.

Ваймс уставился на него, открыв рот. Он не знал, что и сказать. Все то эластичное, что было в нем и, натянутое до предела, поддерживало его все эти дни, теперь полностью обмякло.

— Тебе не кажется, что ты слегка переработал? — закончил Воунз.

«Ага, вот оно, — подумал Ваймс. — Я угадал».

И рухнул головой на стол.

Библиотекарь осторожно перегнулся над книжным шкафом и протянул руку во мрак.

Вот оно.

Толстые ногти ухватились за корешок книги, мягким движением извлекли ее и подняли в воздух. Он осторожно поднес светильник к книге.

Сомнений нет. «О Призывании Драконов». Единственный экземпляр, первое издание, слегка погрызенное мышами. Или драконами, кто его знает.

Он поставил лампу рядом с собой, открыл книгу и принялся за чтение.

— М-м-м? — промычал Ваймс, просыпаясь.

— Вот, принес тебе чашечку кофе, капитан, — отозвался сержант Колон. — С фиггином!

Ваймс смотрел на него ничего не понимающими глазами.

— Ты спал, — подсказал Колон. — Был в полной отключке, когда Моркоу принес тебя сюда.

Ваймс осмотрелся, постепенно узнавая обстановку Псевдополис-Ярда.

— Ох, — только и смог выдавить он.

— А мы с Шноббсом занимались выявлением, — сообщил Колон. — Так вот, насчет этого дома, который расплавился. Оказалось, там никто не жил. Помещение сдавалось под съем. И мы выяснили, кто его снимал. Там работает сторож, он приходит каждый вечер, чтобы поставить на место стулья и запереть дверь. Кстати, он и бровью не повел, когда узнал, что дом сожгли дотла. Тот еще фрукт.

Он слегка закинул голову, ожидая аплодисментов.

— Хорошая работа, — дежурно откликнулся Ваймс, макая фиггин в

чай.

— Помещением пользуются три общества. — Колон справился в записной книжке. — Анк-Морпоркское Общество Ценителей, кхе, кхе, Изящных Искусств, Анк-Морпоркский Клуб Народного Танца и Песни и Озаренные Братья Непроницаемой Ночи.

— А почему «кхе, кхе»? — поднял бровь Ваймс.

— Ну, сам знаешь. Изящные *ИСКУССТВА*. Когда рисуют картины, а на картинах сплошь бабы голые. То есть совсем без ничего! — добавил Колон, входя в роль знатока изящных искусств. — Мне сторож сказал. До того дошли, у некоторых и краски на кистях никакой нет! Стыд и позор.

«Наверное, миллион историй происходят в эту минуту в этом нагом городе, — подумал Ваймс. — Почему я вечно должен выслушивать именно такие?»

— Когда они собираются? — спросил он.

— По понедельникам в полвосьмого, десять пенсов за вход, — с готовностью отрапортовал Колон. — А что касается этих, с народными танцами, — тут вообще никаких проблем. Кстати, ты сам интересовался, чем капрал Шноббс занимается по выходным, помнишь?

Лицо Колона расколола широченная арбузная улыбка.

— О нет! — не поверил своим ушам Ваймс. — Не может быть, чтобы Шноббс...

— Именно! — завершил Колон, пребывая в полном восторге от произведенного эффекта.

— Что, прыгает, звеня колокольчиками и размахивая носовым платком?

— Он говорит, это очень важно, ну, народное наследие сохранять.

— Так говорит Шноббс? Этот Господин-Врежу-Ему-Сапогом-По-Шарам и Я-Только-Проверял-Дверь-А-Она-Открылась-Сама-Собой?

— Ага! Забавное место, этот старый мир, а? Он очень стеснялся, когда я все узнал.

— О боги, — вздохнул Ваймс.

— Это только еще раз доказывает: никогда не суди о человеке с первого взгляда, — Колон потянуло на философию. — Так или иначе, сторож сказал, что Озаренные Братья вечно мусорили. Мол, оставляли на полу полустертые надписи мелом. Никогда не ставили стулья на место и не споласкивали заварочный чайник. А в последнее время, как сторож говорит, они собирались чаще обычного. На прошлой неделе тем, с голыми бабами, пришлось даже искать себе другое помещение.

— А как там наш подозреваемый? — спросил капитан.

— Подозреваемый? Э-э, он ударился в бега, капитан, — лицо сержанта виновато вытянулось.

— Да? Странно. Когда мы его брали, он явно не стремился никуда бежать.

— В общем, всю дорогу сюда его колотило. Трясся мелкой дрожью не переставая. Вернувшись, мы усадили его возле камина, завернули в одеяло... — принялся объяснять сержант Колон, пока Ваймс нахлобучивал доспехи.

— Надеюсь, вы не съели его пиццу?

— Ее съел Эррол. Сыр, остывая, он становится...

— Продолжай.

— Ну, — неловко продолжил Колон, — он все трясся, да, трясся и стонал — что-то все про драконов молот. Сказать по правде, нам его даже жалко стало. И вдруг он как подпрыгнет, совершенно без причины, клянусь, как выскочит за дверь...

Ваймс посмотрел сержанту в его большое, открытое, нечестное лицо.

— Что, совсем-совсем без причины?

— Ну, в общем, мы решили перекусить, и я послал Шноббса в булочную и, ну, мы, понимаешь, подумали, что заключенному тоже надо дать поесть...

— Так... — поощрил Ваймс.

— Ну и, когда Шноббс спросил его, может, ему фиггин поджарить, парень вдруг завопил как резаный и бросился вон...

— И все? И вы ему никак не угрожали, ничего такого?

— Скажу как на духу, капитан. Тут какая-то тайна, вот что я думаю. Он без конца твердил о каком-то типе по имени Верховный Старший Наставник.

— Гм-м... — Ваймс бросил взгляд за окно. Серый туман завернул мир в тусклое сияние. — Который сейчас час?

— Пять часов, сэр.

— Отлично. Пока еще не стемнело...

Колон кашлянул.

— Утра, сэр. Сегодня уже завтра, сэр.

— И ты позволил мне проспать целый день?

— Не посмел будить, сэр. И драконьей активности не наблюдалось.

Кругом тишь да гладь.

Ваймс ответил разъяренным взглядом и распахнул окно.

В комнату, подобно медленному, желтоватому по краям водопаду, полился туман.

— Мы уж решили, что он улетел, — раздался у него за спиной голос Колона.

Ваймс не отрываясь смотрел на тяжелые облака.

— Надеюсь, к коронации небо очистится, — встревоженным голосом продолжал Колон. — Э-э, сэр, все в порядке?

«Никуда он не улетел, — подумал Ваймс. — С какой стати ему улетать? Мы ему ничего сделать не можем, а все, что нужно, дракон получает прямо в городе. Э-э, нет, он где-то рядом».

— Капитан, как ты себя чувствуешь? — повторил Колон.

Он должен быть где-то там, в тумане. В Анк-Морпорке полно всяких башен, среди которых он может устроить себе лежбище.

— Во сколько начинается коронация, сержант? — спросил он.

— В полдень, сэр. И господин Воунз прислал соответствующее извещение, там говорится, что тебя тоже туда вызывают. В парадных латах, сэр.

— Что, правда?

— А сержант Гаммак со своим дневным взводом будет охранять маршрут следования, сэр.

— Интересно, как? — непонятно произнес Ваймс, рассматривая небо.

— Не понял, сэр?

Ваймс прищурился, чтобы получше разглядеть крышу.

— М-м-м? — промычал он.

— Я сказал, они будут охранять маршрут следования, сэр, — повторил сержант Колон.

— Он там, сержант, — сказал Ваймс. — Я практически чувствую его запах.

— Так точно, сэр, — послушно ответил Колон.

— Решает, что делать дальше.

— Да, сэр?

— Они ведь не лишены разума. Просто думают не так, как мы.

— Так точно, сэр.

— В общем, охрану маршрута можно послать к черту. Вы трое будете на крыше, ясно?

— В общем, сэ... Что?!

— Вы залезете на крышу. Высоко. Мы должны первыми увидеть, когда он начнет наступление. Я так хочу.

Колон попытался продемонстрировать, что как раз он этого очень не хочет.

— Думаешь, это хорошая идея? — рискнул он.

Ваймс посмотрел на него ничего не выражающим взглядом.

— Да, сержант. Я так решил, — холодно промолвил он. — А теперь иди и выполняй.

Оставшись один, Ваймс умылся холодной водой и побрился, после чего принялся рыться в дорожном сундуке. Рылся он довольно долго, пока не выудил оттуда церемониальный нагрудник и алый плащ. Точнее, плащ, НЕКОГДА бывший алым, — кое-где он по-прежнему оставался таковым, хотя большая часть его поверхности напоминала скорее мелкую сеть, которую долго и успешно использовали для ловли моли. Имелся также шлем, вызывающе бесплюмажный; его золотое покрытие толщиной в молекулу облезло так давно, что о нем можно было бы и не упоминать.

Однажды Ваймс начал откладывать деньги на новый плащ. Но они куда-то подевались.

Штаб Ночной Стражи был пуст. Эррол лежал на обломках ящика из-под фруктов, который Шноббс стащил специально для него. Остальное было съедено или растворилось.

В теплой тишине непрекращающееся бурчание драконьего желудка звучало особенно громко. Время от времени дракончик начинал скулить.

Ваймс задумчиво почесал Эррола за ушами.

— Что с тобой, малыш? — спросил он.

Дверь со скрипом распахнулась. Вошел Моркоу, увидел Ваймса, стоящего на корточках рядом с поверженным ящиком, и отдал честь.

— Мы тут забеспокоились, — начал он. — Уголь совсем не ест. Все время лежит, подергивается и скулит. Как вы думаете, сэр, может, с ним что-то не в порядке?

— Вполне возможно, — кивнул Ваймс. — Но для дракона подобное состояние вполне нормально. С ними всегда так. Не из-за одного, так из-за другого.

Эррол смерил Ваймса скорбным взглядом и опять закрыл глаза. Ваймс набросил на дракончика кусок одеяла.

Что-то запищало. Ваймс пошарил около трясущегося дракончика, вытащил маленького резинового бегемота, некоторое время удивленно разглядывал игрушку, а затем пару раз сдавил.

— Я решил, может, хоть это его развеселит, — слегка смущенно объяснил Моркоу.

— Ты купил ему игрушку?

— Да, сэр.

— Какая добрая мысль.

Ваймс искренне надеялся, что Моркоу не заметил валяющийся в углу

ящичка пушистый мячик. Этот был гораздо дороже.

Оставив Моркоу с Эрролом, он вышел во внешний мир.

Флагов и транспарантов заметно прибавилось. Несмотря на то что до коронации оставалось еще несколько часов, на главных улицах уже начали собираться люди, занимая места вдоль маршрута следования. И все равно общее впечатление было крайне угнетающим.

Внезапно Ваймс почувствовал голод — такой, который парой глотков не удовлетворишь. Широким шагом он зашагал к «Реберному дому Харги». Это заведение он посещал уже много лет, но сегодня его ждал еще один неприятный сюрприз. Обычно единственным украшением «Реберного дома» был жилет Шэма Харги, а пища представляла собой добротное, надежное топливо — в самый раз для холодного утра, сплошь калории, жир и белок, да еще, быть может, тихо плачущий от одиночества витамин. Сегодня комнату пересекали сделанные вручную бумажные гирлянды, а на стол перед капитаном положили раскрашенное цветными карандашами меню, в котором на всех неизменно кривых строчках фигурировали слова «Коронасьон» и «Рояль».

Ваймс устало ткнул пальцем в верхнюю строчку.

— Что это такое?

Харга уставился в меню. Кроме них, в заведении никого не было.

— Здесь сказано: «Купите Рояль Заказ», капитан, — гордо объяснил Харга.

— А что это значит?

Харга почесал затылок половником.

— Это значит, — сказал он, — что если сюда зайдет король, то ему понравится.

— А ничего менее аристократического у тебя нет? — кисло осведомился Ваймс, после чего согласился на плебейские гренки и пролетарский бифштекс, приготовленный настолько «с кровью», что мясо до сих пор судорожно подергивалось.

Ваймс ел у стойки. Вдруг течение его мыслей нарушил странный скребущий звук.

— Чем это ты там занимаешься? — он поднял голову от тарелки.

Харга, высунувшись из-за стойки, ответил ему виноватым взглядом.

— Да так, ничем особенным, капитан, — пожал плечами он.

Когда Ваймс устремил орлиный взор за изрезанную ножами стойку, Харга сделал попытку скрыть порочащую улику за спиной.

— Ладно тебе, Шэм. Уж мне-то можешь показать.

Харга с неохотой поднял в воздух мясистые лапы.

— Я всего лишь соскребал со сковородки старый жир, — неловко пробормотал он.

— Ясно. Кстати, Шэм, как давно мы друг друга знаем? — убийственно-дружелюбно спросил Ваймс.

— Много лет, капитан, — сказал Харга. — Ты сюда почитай каждый день приходишь. Один из лучших клиентов.

Ваймс перегнулся через стойку так, что его нос оказался на одном уровне с расплюснутым розовым предметом посередине лица Харги.

— И за все это время ты хотя бы раз пытался отскрести со сковородки старый жир?

Харга сделал попытку увильнуть от ответа.

— Ну-у-у...

— Он был мне как друг, этот жир, — продолжал Ваймс. — И эти черные кусочки в нем, я их полюбил, мы чуть ли не здоровались при встрече. Этот жир — сам по себе еда. Наверное, кофейник ты тоже вычистил, да? Сразу чувствуется. В жизни не пробовал более мерзкого пойла. В том, прежнем, кофе — в нем был АРОМАТ.

— Ну, я подумал, вроде бы уже пора...

— А ПОЧЕМУ ты так подумал?

Пухлые пальцы Харги вырвали сковородку.

— Ведь ко мне может заглянуть сам король и...

— Да вы все чокнулись!

— Но, капитан...

Обвиняющий палец Ваймса уперся в обширный жилет Харги.

— Ты хоть имя-то его знаешь, этого короля? — проревел он.

— А вот и знаю! — обиделся Харга. — Ясное дело, знаю. Оно ж везде написано, на транспарантах и так далее. Его зовут, э-э, Виват Король!

В отчаянии покачав головой и скорбя в сердце над низкопоклонством человеческого рода, Ваймс оставил трактирщика в покое.

Библиотекарь, пребывающий в совсем другом времени и в совершенно ином месте, завершил чтение. Он добрался до конца текста. Но не до конца книги — потому что книги оставалось еще много. Однако оставшаяся часть обуглилась и скукожилась до нечитаемого состояния.

Последние несколько оставшихся страниц дались крайне нелегко. Рука автора дрожала, он писал быстро, то и дело ставил кляксы. Но библиотекарь имел огромный опыт чтения кошмарных текстов, самых худших из когда-либо переплетавшихся памятников письменности, — ему доводилось читать те слова, которые в то же самое время пытались читать

его, и слова, которые корчились и бегали взад-вперед по странице. Здесь, по крайней мере, было не так тяжело. Просто человек, писавший данный текст, был крайне напуган. Он из последних сил стремился запечатлеть предупреждение — предупреждение о смертельной опасности.

Одна страница — следом за которой начиналась сожженная часть книги — привлекла особое внимание библиотекаря. Некоторое время он сидел, тупо уставившись на нее.

Затем посмотрел в темноту.

Это была *ЕГО* темнота. Где-то здесь, в этом мраке, он безмятежно спал. Тем временем сюда крался вор, вознамерившийся похитить книгу. А потом кто-то прочтет эту книгу, эти слова — и все равно сделает по-своему.

Ладони библиотекаря зачесались.

Надо срочно спрятать книгу — вот и все. Или сбросить ее на голову вора, а потом отвинтить эту самую голову за уши.

Он вновь устремил взгляд во тьму...

Но это ведь будет вмешательством в ход истории. Последствия могут быть ужасными. О таких вещах библиотекарь знал все, это знание было частью того, что ты должен узнать, прежде чем тебя допустят в Б-пространство. Он видел иллюстрации в древних книгах. Время может раздвоиться — на манер брючных штанов. И дело может кончиться тем, что окажешься не в своей штанине, оставишь жизнь, которая фактически происходит в *ДРУГОЙ* штанине, начнешь разговаривать с людьми, находящимися в другой штанине и наткаться на стены, которых нет ни там, ни здесь. В иной штанине Времени жизнь может превратиться в кошмар.

Кроме того, подобное вмешательство — против правил^[21]. Участники Общего Собрания Библиотекарей Времени и Пространства не поглядят его по головке, начни он заигрывать с причинностью.

Осторожно закрыв книгу, он поставил ее на прежнее место. Затем, цепляясь за верхушки шкафов как за лианы, достиг двери. На короткое время прервал движение, чтобы посмотреть на собственное спящее тело. Быть может, на какой-то краткий миг им завладело искушение: не разбудить ли себя, не поболтать ли, не сказать ли себе, что, мол, у тебя есть друзья и беспокоиться не о чем. Если это искушение и было, то библиотекарь на него не поддался. Так можно навлечь на себя уйму неприятностей.

Вместо этого он выскользнул из дверей, нырнул в тени и последовал за вором в капюшоне, когда тот показался из библиотеки, сжимая в руках похищенную книгу. После чего долго ждал возле жуткого портала, мок под

дождем все время, пока продолжалось собрание Озаренных Братьев. Когда же из дверей вышел последний член общества, библиотекарь проследил его до самого дома...

А затем, что-то бормоча под нос, охваченный неизбывным антропоидным изумлением, он кинулся обратно, в библиотеку и в лабиринты Б-пространства.

К середине утра улицы были запружены народом. Ваймс лишил Шноббса дневного жалованья за размахивание флагом, и в Псевдополис-Ярде воцарилась атмосфера колючей мрачности, словно большое черное облако с изредка вспыхивающими в нем молниями нависло над штаб-квартирой Ночной Стражи.

— Заберитесь на крышу! — пробормотал Шноббс. — Хорошо ему говорить.

— А мне так хотелось охранять путь следования, — поддержал Колон. — Оттуда все так хорошо видно.

— По-моему, ты давеча распространялся насчет несправедливо раздаваемых привилегий и прав человека, — подковырнул Шноббс.

— Да. Каждый человек имеет право и привилегию наблюдать за происходящим оттуда, откуда все видно, — парировал сержант. — Я по-прежнему придерживаюсь данного мнения.

— Ни разу не видел капитана в таком гнусном настроении, — заметил Шноббс. — Мне больше нравится, когда он поддавши. Бьюсь об заклад, капитан...

— Знаете, мне кажется, Эррол серьезно заболел, — вмешался в разговор Моркоу.

Все стражники повернулись к корзине из-под фруктов.

— Он очень горячий. И шкура блестит.

— А какая температура для дракона нормальная? — спросил Колон.

— Вот именно. И как ее измерить? — поддержал Шноббс.

— Наверное, надо попросить госпожу Овнец посмотреть его, — сказал Моркоу. — Она в этих вещах разбирается.

— Не получится, она сейчас готовится к коронации. Нам не следует ее беспокоить, — Колон протянул руку к лихорадочно вздрагивающему боку Эррола. — У меня раньше была собака, так у нее... ар-р-р-р! Он не просто горячий, он кипит!

— Я ему много раз предлагал воду, а он даже не дотронулся до нее. Что ты *ДЕЛАЕШЬ* с чайником, Шноббс?

Шноббс ответил невинным взором.

— Я подумал, не помешает перед выходом выпить чашечку чаю. Глупо разбазаривать добро...

— Немедленноними с него чайник!

Настал полдень. Туман не исчез, но немного истончился, так что теперь на месте солнца просматривалось бледное желтоватое пятно.

Хотя с течением лет должность капитана стражи превратилась в нечто довольно убогое, все же она по-прежнему означала, что Ваймс имеет право сидя наблюдать официальные церемонии. Однако распределение мест претерпело существенные изменения, так что теперь он сидел в самом нижнем ярусе шаткой открытой трибуны — между главами Гильдии Попрошаек и Гильдии Учителей. Однако это было все лучше, чем сидеть в первом ряду — среди убийц, воров, торговцев и прочего другого, что всплывает в верхний слой общества. Ваймс никогда не умел поддерживать беседу с соседями по трибуне. Однако учитель представлял собой спокойную компанию, потому что не делал ничего, кроме как периодически сжимал и разжимал кулаки и всхлипывал.

— У тебя что-то с шеей, капитан? — вежливо осведомился главный попрошайка, пока они ждали приближения шествия.

— Что? — рассеянно переспросил Ваймс.

— Ты все время задираешь голову, — объяснил попрошайка.

— М-м-м? А, это... Нет. Ничего, все в порядке, — ответил Ваймс.

Попрошайка поглубже закутался в бархатный плащ.

— Слушай, у тебя случайно не найдется, — попрошайка сделал паузу, высчитывая сумму, которая соответствовала бы его должностному статусу, — долларов примерно так триста на банкет с двенадцатью сменами блюд?

— Нет, — отрезал Ваймс.

— Ну и ладно. И ни чуточки не жаль, — дружелюбно ответил главный попрошайка.

Потом вздохнул. Какая неблагоприятная работа — быть главным попрошкой. Против тебя работает количество нулей. Попрошки низшего уровня неплохо зарабатывают, выпрашивая пенни, но стоит попросить — всего лишь на один вечер! — поместье в шестнадцать спален, как люди начинают отводить глаза.

Ваймс возобновил изучение неба.

Высоко на помосте суетился, завершая последние приготовления, верховный жрец Слепого Ио, который накануне на общем собрании жрецов с помощью изощренных богословских доводов, а в конечном итоге —

посредством дубины с шипами завоевал право помазания короля. К жертвенному алтарю был привязан козел. Он мирно жевал жвачку и, наверное, думал на своем козлином языке: «Какой я везучий козел, отсюда мне так хорошо видно, что происходит. Будет о чем рассказать внукам-козлятам».

Ваймс вгляделся в расплывающиеся очертания ближайших зданий.

Отдаленные приветственные крики засвидетельствовали, что церемониальное шествие началось.

На помосте лихорадочно зашебуршились — это Волч Воунз принялся понукать слуг, раскатывающих по ступенькам пурпурный ковер.

На противоположной стороне площади, среди облезшей анк-морпоркской аристократии, лицо госпожи Овнец обратилось к небу.

Вокруг трона, наспех сооруженного из досок и золотой фольги, заняли свои места жрецы рангом пониже (некоторые — с легкими ранениями головы).

Ваймс заерзал на своем месте, чувствуя биение собственного сердца и не отрывая взгляда от нависшего над рекой янтарного пятна.

...И тут он увидел крылья.

«Дорогие мама и папа, — (писал Моркоу, сидя на посту и периодически вглядываясь в туман). — Похоже на то, что город Обречен на коронацию. Здесь она гораздо сложнее, чем у нас дома, и теперь я несу Дневное Дежурство. Это очень жаль, потому что я собирался смотреть Коронацию вместе с Рит, но жаловаться стражнику не к лицу. Сейчас мне пора идти, потому что мы с минуты на минуту ожидаем появления дракона, хоть на самом деле он не существует. Ваш любящий сын, Моркоу.

P.S. Есть ли какие-нибудь известия о Мятке?»

— Идиот!

— Прошу прощения, — оправдывался Ваймс. — Извините.

Зрители вновь взбирались на трибуны, многие бросали на Ваймса взбешенные взгляды. Воунз от ярости побелел.

— Ты вел себя, как последний дурак! — брызгал пеной он.

Ваймс уставился на свои руки.

— Мне показалось, что я вижу... — начал было он.

— Это была **ВОРОНА!** Ты знаешь, что такое ворона? В городе их целые стаи!

— Понимаешь, в тумане не так-то легко определить размер, — бормотал Ваймс.

— И бедный наставник Здравлинг, ты ведь наверняка знал, что он очень плохо переносит, когда вокруг шумят!

К тому времени главу Гильдии Учителей увели под руки какие-то добрые люди.

— Так вопить! — продолжал кипятиться Воунз.

— Но я же сказал — извиняюсь! Это было честное заблуждение!

— Мне пришлось остановить процессию!

Ваймс промолчал. Он чувствовал на себе сотни взглядов — кое-кто откровенно веселился, но сочувствием даже не пахло.

— Ну, — промямлил он, — пожалуй, я пойду обратно, в Псевдополис-Ярд...

Глаза Воунза сузились.

— Нет, — отрезал он. — Ты можешь отправляться домой. Или в любое другое место, куда тебе заблагорассудится. На работу ты больше не выйдешь. Давай сюда свой значок.

— Что?

— Значок, я сказал.

— Значок?

— Да, именно это я и сказал. И чтобы глаза мои тебя больше не видели.

Ваймс изумленно смотрел на Воунза.

— Но это ведь *МОЙ ЗНАЧОК!*

— И сейчас ты отдашь его мне, — мрачно отрезал Воунз. — Согласно приказу короля.

— Что ты хочешь сказать? Он ведь даже ни о чем не знает! — Ваймс с удивлением осознал, что в его голосе прорвались предательские рыдающие нотки.

Воунз нахмурился.

— Ничего, скоро узнает, — ответил он. — И не думаю, что он станет назначать тебе замену.

Ваймс медленно отстегнул красноватый медный диск, подбросил его на руке и, не говоря ни слова, кинул Воунзу.

Какое-то краткое мгновение он думал извиниться, попросить прощения, но что-то внутри него взбунтовалось против этой мысли. Резко повернувшись, он зашагал сквозь толпу.

Значит, конец.

Так просто. После того как он отдал городу половину жизни. Нет больше Ночной Стражи. Ха. Ваймс ткнул носком сапога мостовую. Теперь будет какая-нибудь Королевская Стража.

С плюмажами на шлемах, демоны их раздери.

Ну и ладно, с него хватит. Все равно это была не жизнь. Общение всегда было несколько односторонним — с людьми знакомишься только в специфических обстоятельствах. Есть, наверное, сотни других занятий, которым он мог бы посвятить время. И если думать достаточно долго, то, наверное, некоторые из них удастся вспомнить.

Псевдополис-Ярд располагался несколько в стороне от маршрута королевской процессии. Когда Ваймс ввалился в штаб-квартиру стражи, до него донеслись отдаленные выкрики. Там, далеко, за зданиями и крышами, толпа встречала нового короля. Над городом гудели храмовые гонги.

Сейчас они бьют в гонги, подумал Ваймс, но скоро они... они... они... скоро они не будут бить в гонги. Не слишком блестящий афоризм, подумал он, правда, над ним можно поработать. Время есть, *ТЕПЕРЬ* время есть.

Ваймс обратил внимание на царящий кругом беспорядок.

К Эрролу вернулся аппетит. Он уничтожил почти весь стол, каминную решетку, ведро для угля, несколько ламп и резинового бегемота. И вернулся обратно в ящик, где сейчас спал, постанывая и всхлипывая.

— Молодец, хорошо постарался, — загадочно произнес Ваймс.

По крайней мере, порядок наводить не ему.

Капитан выдвинул ящик стола.

Содержимым ящика тоже пообедали. Остались лишь несколько стеклянных осколков.

Сержант Колон с трудом взобрался на парапет, опоясывающий Храм Мелких Богов. Стар он стал для таких номеров. Вот ударить в гонг — это было бы в самый раз. А сидеть на крыше и дожидаться, когда тебя найдет дракон, — к этому у него душа никак не лежит.

Отдышавшись, он вперил взгляд в туман.

— Эй, есть здесь кто-нибудь живой? Ну, из людей? — прошептал он.

В насыщенном туманом воздухе голос Моркоу прозвучал глухо и безжизненно:

— Я тут, сержант.

— Я просто проверял, на месте ли ты, — объяснил Колон.

— Я все еще здесь, сержант, — послушно повторил Моркоу.

Колон присоединился к нему.

— Хотел узнать, может, тебя уже съели, — он попытался ухмыльнуться.

— Меня не съели, — ответил Моркоу.

— О! Тогда хорошо.

Колон побарабанил пальцами по влажному камню. Он почувствовал, что надо внести в ситуацию полную ясность.

— Просто решил проверить, — еще раз уточнил он. — Это, видишь ли, входит в мои обязанности. Не то чтобы я боюсь в одиночку ходить по крышам. Хотя ни зги не видно, правда?

— Так точно, сержант.

— Все в порядке? — сквозь густой воздух пробился приглушенный голос Шноббса, а вслед за ним явился и сам обладатель голоса.

— Так точно, капрал, — отрапортовал Моркоу.

— Ты что тут делаешь? — строго осведомился сержант.

— Просто пришел проверить, в порядке ли младший констебль Моркоу, — Шноббс был сама невинность. — Ну а *ты* что здесь делаешь, сержант?

— У нас у всех все в порядке, — просиял Моркоу. — Здорово, правда?

Двое представителей сержантского состава неловко заерзали, избегая смотреть друг другу в глаза. До их постов далеко, а все по мокрым, укутанным в туман и, что хуже всего, *открытым* всем ветрам крышам.

Колон принял подлежащее немедленному исполнению решение.

— А пошли они *все*, — подвел он итог своим колебаниям и пристроился на куске поваленной статуи.

Шноббс прислонился к парапету и сунул в рот мокрый окурок, вытащенный из целой коллекции бычков, что бережно хранились в невыразимо безобразной заушной пепельнице.

— Процессия уже прошла, я слышал, — сообщил он.

Колон набил трубку и чиркнул спичкой о камень у себя за спиной.

— Если этот дракон жив, — он выдул клуб дыма, превратив клочок тумана в смог, — то он уберется отсюда подальше, вот что я вам скажу. Город — неподходящее место для дракона, — добавил он тоном человека, отчаянно пытающегося убедить самого себя. — Помяните мои слова, ему придется податься куда-нибудь туда, где есть высокие насесты и много еды.

— Вроде как в большой город? — спросил Моркоу.

— Заткнись, — хором отозвались двое его товарищей.

— Дай огоньку, сержант, — попросил Шноббс.

Колон перебрал ему связку угрожающе выглядящих желтоголовых спичек. Шноббс чиркнул одной, и она сразу же вспыхнула. Ключья тумана проплывали мимо.

— Ветерок подул, — заметил он.

— Хорошо. Терпеть не могу этот туман, — отозвался Колон. — Так о чем бишь я говорил?

— Ты говорил, что дракон уберется отсюда куда подальше, — подсказал Шноббс.

— Ах да. Точно. Это ведь вполне логично, правда? Взять, например, меня — лично я, если б умел летать, ни за что не стал бы тут болтаться. Умей я летать, то не сидел бы сейчас где-нибудь на крыше, на какой-нибудь облезлой статуе. О да, если б я мог летать, я бы...

— На какой, ты сказал, статуе? — бычок Шноббса замер на полпути ко рту.

— На этой, — Колон похлопал по камню. — И не пытайся меня запутать, Шноббс. Ты не хуже меня знаешь, что на этом храме старых замшелых статуй хоть отбавляй.

— Да нет, я и не думал тебя путать. Просто я знаю, что все статуи сняли еще в прошлом месяце, когда крышу перестилали. Остался лишь купол, и большее ничего. Нужно замечать такие вещи, — добавил он, — когда занимаешься выявлением.

В последовавшей затем влажной тишине сержант Колон перевел взгляд на камень, на котором сидел. Один конец камня заострился, он был чешуйчатый и чем-то неуловимо напоминал хвост. Затем Колон проследил продолжение камня — «статуя» уходила вверх, в быстро истончающийся туман.

Дракон, сидевший на куполе Храма Мелких Богов, поднял голову, зевнул и расправил крылья.

Впрочем, расправить крылья оказалось не так просто. Потребовалось некоторое время, чтобы сложная, состоящая из ребер и складок биологическая машина грудной клетки расступилась и дала им раскрыться. Затем, с уже расправленными крыльями, дракон еще раз зевнул, сделал несколько шагов к краю крыши и ринулся в воздух.

Некоторое время спустя над парашютом появилась рука. Лишь после нескольких секунд судорожных поисков ей удалось за что-то ухватиться.

Раздалось мычание. Моркоу упал на крышу и вытянул за собой напуганных соратников. Все стражники тяжело дышали. Моркоу бросились в глаза глубокие борозды, прорытые в металле драконьими когтями. На такие вещи невольно обращаешь внимание.

— Может, стоит, — задыхаясь, выдавил он, — предупредить людей?

Колон подтянулся к краю крыши, откуда был виден город.

— По-моему, можно не утруждаться, — сказал он. — Думаю, они скоро сами все узнают.

Верховный жрец Слепого Ио с трудом подыскивал слова. В исторических анналах Анк-Морпорка не удалось найти каких-либо упоминаний об официальных церемониях помазания. Короли прошлого вполне обходились парой строчек, чем-нибудь вроде: «Мы получили эту корону, слава богам, и прибьем любого сукина сына, который попытается ее у нас оттяпать. Подпись: король Гарри». Слишком уж коротко — не считая всего остального. Верховный жрец потратил массу времени, пытаясь сочинить что-нибудь подлиннее и более соответствующее духу времени, и теперь с трудом припоминал текст.

Кроме того, его страшно раздражал козел, с наглым видом внимавший речи.

— Быстрее давай! — прошипел Воунз со своего суфлерского места за тронном.

— Все в свое время, — прошипел в ответ верховный жрец. — Это все-таки коронация, если ты забыл. Попытайся проявить хоть немного уважения.

— Я пока его проявляю! Но скоро оно закончится и...

Откуда-то с правой стороны трибун донесся внезапный крик. Воунз перевел горящий взор на толпу.

— Это та женщина из Овнецов, — сказал он. — Что с ней такое?

Зрители вокруг госпожи Овнец что-то громко и оживленно говорили. Все пальцы указывали в одном направлении, напоминая небольшой лесок. Еще несколько человек истерично завизжали, а потом толпа всколыхнулась подобно морскому приливу.

Воунз посмотрел на улицу Мелких Богов.

И увидел там отнюдь не ворону. На этот раз нет.

Дракон медленно скользил в воздухе, всего в нескольких футах над землей, грациозно и неторопливо загребая крыльями воздух.

Флаги и транспаранты, развешанные поперек улицы, лопались под напором его тела словно паутина. Накапливались на спинных пластинах животного и, хлопая на ветру, сползали к хвосту.

Он летел, вытянув шею и голову, как будто влекомый гигантской баржой. Прохожие вопили и дрались за возможность укрыться за ближайшей дверью. Но дракон не обращал на них никакого внимания.

Его появление должно было сопровождаться ревом — вместо этого тишину нарушали лишь поскрипывание крыльев да время от времени хлопки разрываемых флагов.

Появившись, он *ДОЛЖЕН* был реветь. Но лететь так, как сейчас, — медленно и рассчитанно, давая ужасу время созреть... Нет, он должен был явиться, угрожая. А не обещая.

Он должен был реветь, вместо этого дракон мягко плыл под тихое «хрусть-хлоп» погибающих праздничных транспарантов.

Ваймс выдвинул другой ящик и уставился на бумаги и документы... не густо. Особенно не густо тех, которые он мог бы назвать своими собственными. Клочок пакета из-под сахара напомнил ему, что он должен шесть пенсов хозяйке чайной.

Странно. Он все еще не чувствовал гнева. Но чуть позже гнев придет. К вечеру он будет в ярости. В ярости и пьян в стельку. Но не сейчас. Пока нет. Все случилось так быстро, что он просто ничего еще не понял. Сейчас Ваймс совершал привычные телодвижения, целью которых было не дать себе задуматься.

Эррол вяло завозился в ящике, поднял голову и захныкал.

— Что такое, малыш? — Ваймс протянул руку к дракончику. — Желудок расстроился?

Кожа дракончика вздымалась, как будто внутри вовсю работал небольшой объект тяжелой индустрии. В «Балезнях Драконов» о таком явлении не говорилось ни слова. Из раздутого живота доносились звуки, подобные которым можно услышать, находясь неподалеку от района сложных боевых действий, происходящих к тому же в зоне землетрясения.

Плохо дело. Сибилла Овнец говорила, что за питанием дракона нужно очень внимательно следить, поскольку даже небольшое желудочное расстройство может привести к тому, что потолок и стены украсятся жалкими ошметками чешуйчатой кожи. Однако за последние несколько дней чего только не было — и холодные пиццы, и останки страшных окурков Шноббса... Да и вообще, надо признать, Эррол ел более или менее все, что ему заблагорассудится. То есть ел все, что попадалось на пути, — судя по состоянию помещения. Не говоря уже о содержании нижнего ящика.

— Не очень-то хорошо мы за тобой смотрим... — Ваймс почесал в затылке. — Обращаемся с тобой, как с собакой.

Он задумался над тем, какое воздействие резиновые бегемоты-пищалки оказывают на пищеварение.

До Ваймса вдруг дошло, что отдаленные аплодисменты перешли в вопли ужаса.

Он странно посмотрел на Эррола, улыбнулся невероятно зловещей

улыбкой и поднялся.

До его слуха доносились звуки, которые обычно издает охваченная паникой, бегущая толпа.

Ваймс нахлобучил выдавший виды шлем и залихватски хлопнул по нему. Затем, напевая безумную мелодию, прогулочным шагом вышел на улицу.

Некоторое время Эррол лежал не шевелясь. Затем, приложив невероятные усилия, полувывполз, полувыкатился из ящика. Из наиболее массивной части его мозга, той самой части, которая контролировала пищеварительную систему, поступали странные сигналы. Мозг требовал чего-то... чего-то неизвестного. К счастью, он с успехом и в мельчайших подробностях растолковал свои требования сложным рецепторам, расположенным на огромных ноздрях дракончика. Они раздувались, подвергая содержимое комнаты тщательному анализу. Голова Эррола повернулась и чуть наклонилась.

Дракончик прополз в угол и, выказывая явные признаки удовольствия, принялся поедать жестянку Моркоу, в которой тот держал полировочную жидкость для лат.

Ваймс шагал по улице Мелких Богов. Навстречу ему сломя голову неслись потоки людей. От Площади Разбитых Лун валил дым.

Чудовище устроилось посреди площади — прямо на останках церемониального помоста. Судя по морде, дракон был вполне доволен собой.

От трона не осталось даже следа. Как и от того, кто его занимал, — хотя не исключено, что тщательная судебная экспертиза горстки древесного угля помогла бы найти ключ к разгадке этой тайны.

Чтобы устоять под напором панически бегущей толпы, Ваймс уцепился за лепной фонтан. Все отходящие от площади улицы были забиты телами. Молчаливыми телами. Люди больше не тратили сил на крик. Их вела вперед непоколебимая смертельная решимость оказаться где угодно, только не здесь.

Дракон распростер крылья и вальяжно захлопал ими. Люди в задней части толпы восприняли это как сигнал карабкаться по спинам вперёдистоящих и спасаться, перепрыгивая с головы на голову.

Не прошло и нескольких секунд, как площадь полностью опустела. Остались только самые глупые и те, кто окаменел от ужаса. Даже сбитые с ног и затоптанные толпой предпринимали отважные попытки ползти к

ближайшей улице, ведущей прочь от площади.

Ваймс огляделся. Кругом валялись сорванные флаги — пару гирлянд с аппетитом жевал престарелый козел. Жевал и все не мог поверить своей удаче. В некотором отдалении угадывался силуэт Себя-Режу-Без-Ножа Достабля. Стоя на четвереньках, тот пытался восстановить содержимое своего лотка.

Сбоку от Ваймса маленький мальчик неуверенно помахал флажком и прокричал «Ура!»

Затем воцарилась тишина.

Ваймс наклонился к ребенку.

— Пожалуй, тебе лучше будет пойти домой, — сказал он.

Мальчик, прищурившись, покосился на него.

— Ты стражник? — осведомился он.

— Нет, — Ваймс слегка оторопел. — И да.

— Слушай, стражник, а что случилось с королем?

— Э-э. Наверное, отправился отдохнуть.

— Моя тетя говорит, от стражников лучше держаться подальше.

— Тогда, может, тебе лучше отправиться домой и рассказать ей, как послушно ты себя вел?

— А еще моя тетя говорит, что если я буду плохо себя вести, то она посадит меня на крышу и позовет дракона, — мальчик был явно настроен поговорить. — И он съест меня, начиная с ног, так чтобы я все время видел, что он делает.

— Почему бы тебе не пойти домой и не сказать своей тетушке, что она воспитывает тебя в соответствии с лучшими анк-морпоркскими традициями? — предложил Ваймс. — Давай, беги.

— Тетя говорит, что он будет пожирать меня и я буду слышать, как хрустят мои косточки, — радостно сообщило дитя. — А когда он дойдет до головы, то...

— Так вот же он! — закричал Ваймс. — Тот самый огромный дракон, который будет с хрустом тебя пожирать! А теперь спасайся быстрее!

Ребенок посмотрел на чудовище, что сидело на поваленном помосте.

— Я еще не видел, чтобы он кого-нибудь схрумкал, — пожаловался мальчишка.

— Значит так, либо ты сейчас уберешься отсюда, либо узнаешь, что такое получить от меня подзатыльник.

По-видимому, это послужило достаточно веским доводом. Мальчик понимающе кивнул.

— Ладно. А можно еще раз крикнуть «ура»?

— Можно. Но только один раз, — разрешил Ваймс.

— Ура.

«Ох уж это мне наблюдение за общественным порядком...» — подумал Ваймс. И высунул голову из-за фонтана, чтобы повнимательнее рассмотреть дракона.

— Что бы ты там ни говорил, а я все равно считаю, это великолепный экземпляр, — пророкотал откуда-то сверху знакомый голос.

Ваймс задирает голову, пока его взгляд не остановился на фигуре, пристроившейся на краю верхней чаши фонтана.

— Ты обратил внимание, — заметила Сибилла Овнец, сползая по древней статуе и обрушиваясь на землю прямо перед Ваймсом, — каждый раз, когда мы встречаемся, тут же появляется дракон? — Она лукаво улыбнулась. — словно дивная мелодия, сопровождающая наши встречи. Или что-нибудь в том же роде.

— Он просто сидит, — торопливо прервал ее поэтические восторги Ваймс. — Сидит и смотрит по сторонам. Как будто чего-то дожидается.

Дракон сморгнул — неторопливо, с доисторическим терпением.

Все улицы, ведущие от площади, были забиты народом. Вот он, анк-морпоркский инстинкт, подумал Ваймс. Убежать, а потом стоять и ждать, не произойдет ли с твоим ближним что-нибудь интересное.

В гряде обломков рядом с когтем дракона что-то зашевелилось. Покачиваясь, из обломков показалась фигура верховного жреца Слепого Ио. С его мантии дождем сыпались пыль и щепки. В одной руке он все еще сжимал эрзац-корону.

Ваймс не отрываясь смотрел, как взгляд старика встретился с взглядом пары огненно-красных глаз.

— А драконы умеют читать мысли? — шепотом спросил Ваймс.

— Мои драконы понимают каждое мое слово, — прошипела в ответ госпожа Овнец. — О нет! Старый безмозглый дурак протягивает ему корону!

— По-моему, очень мудрый ход, — возразил Ваймс. — Драконы ведь любят золото. Это все равно как бросить палку собаке, или я ошибаюсь?

— О, мой милый! — воскликнула Сибилла Овнец. — Ты и в самом деле ошибаешься. У драконов очень чувствительная пасть.

Громадный дракон при виде крошечного золотого кружочка растерянно заморгал. Затем чрезвычайно осторожно выставил метровый коготь и подцепил предмет, протягиваемый дрожащими руками жреца.

— В каком смысле чувствительная? — не понял Ваймс.

Коготь двигался в направлении длинной лошадиной морды.

— Невероятно развитые вкусовые сосочки. Они, как бы это сказать, химически ориентированные!

— Вы имеете в виду, что драконы могут распознавать золото на вкус? — прошептал Ваймс, наблюдая, как дракон осторожно облизывает корону.

— Ну да, конечно. И на запах тоже.

Ваймс попытался просчитать, насколько велика вероятность того, что корона сделана из настоящего золота. Не слишком, решил он. Скорее всего, это медь, обклеенная золотой фольгой. Затем он представил себе, какова будет реакция человека, которому предложили сахар, и он, положив в кофе три ложки, вдруг обнаружил, что на самом деле это соль.

Одним грациозным движением дракон вынул коготь из пасти и нанес жрецу, который как раз пытался улизнуть, удар, подбросивший того высоко в воздух. Достигнув верхней точки параболы, верховный жрец завопил. Огромная пасть втянула воздух и...

— У-у-ух! — прокомментировала госпожа Овнец.

Со стороны наблюдателей последовал дружный стон.

— Ну и температурка! — заметил Ваймс. — Ничего ведь не осталось! Только клочок дыма.

Среди щебенки опять что-то зашевелилось. Еще одна фигура, покачиваясь, поднялась на ноги и, с трудом фокусируя взгляд, оперлась о сломанный брус.

Это был Волч Воунз, весь покрытый слоем сажи.

Довольно скоро Воунз обнаружил неподалеку от себя пару ноздрей, каждая размером с канализационный люк. И тогда он бросился бежать.

Ваймс попытался представить себе, каково это — убегать от подобного чудища и каждую секунду ожидать, что температура твоего старого доброго хребта вот-вот достигнет точки кипения железа. Не позавидуешь.

Воунз одолел ровно половину площади, когда дракон сделал выпад — с поразительной для такой туши поворотливостью — и подцепил секретаря патриция на коготь. Огромная лапа вознеслась вверх, поднося корчащуюся фигурку к драконьей морде.

Некоторое время дракон словно бы изучал Воунза, поворачивая его в воздухе то так, то этак.

Затем, передвигаясь на трех свободных лапах и время от времени, для поддержания равновесия, хлопая крыльями, чудовище затрусило по площади, направляясь к... к тому, что некогда было дворцом патриция.

Зрителей, испуганно прижимающихся к стенам зданий, дракон полностью игнорировал. Венчающая центральный вход арка была снесена

легким — удручающе легким — движением драконьего плеча. Сами двери, высокие, заключенные в стальные рамы и прочные, держались на диво долго — целых десять секунд, прежде чем рухнуть кучкой тлеющих углей.

Дракон вступил на территорию дворца.

Госпожа Овнец всплеснула руками. Ваймс начал смеяться.

Это был безумный смех, смех до слез, но все равно, это был смех. Он все хохотал и хохотал, медленно сползая вдоль бортика фонтана, пока не оказался на земле.

— Ура, ура, ура! — прохихикал он, почти захлебываясь.

— Что с тобой? Чего смешного? — нахмурилась, ничего не понимая, госпожа Овнец.

— Давайте, вешайте еще флаги! Дуйте в кимвалы, жарьте в набаты! Мы короновали его! Наконец-то у нас есть король! Вот это да!

— Ты что, напился? — госпожа Овнец сурово свела брови.

— Еще нет! — изнемогал Ваймс. — Еще нет! Но скоро обязательно напьюсь!

Он все хохотал и хохотал — зная, что стоит ему остановиться, и черная депрессия, как свинцовое суфле, погребет его под собой. Но он четко видел его — простирающееся перед всеми ними «светлое» будущее...

...В конце концов, он ведь действительно благородный, то есть *царственный*, в этом ему не откажешь. И конечно, он может многое сделать — и для города, и для окрестностей. Например, спалить их до самого грунта.

«А мы ведь его коронуем, — думал Ваймс. — И это будет очень по-анкморпоркски. Если не получается расправиться с драконом, коронуй его и сделай вид, что так все и задумывалось».

КОРОЛЬ ДРАКОН.

В поле его зрения опять показался бойкий малыш. Мальчуган неуверенно взмахнул флажком и спросил:

— А можно я еще раз крикну «ура»?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Ваймс. — Скоро все это закричат. Просто ты будешь первым.

Со стороны дворца донеслись приглушенные звуки, которые обычно сопровождают разрушение в самых разных его видах...

Эррол схватил зубами метлу, протащил ее по полу и, постанывая от усилия, перевернул так, что она приняла вертикальное положение. После целой серии новых стонов и нескольких фальшстартов он ухитрился

втиснуть конец метлы между стенкой и большим кувшином с ламповым маслом.

Какое-то мгновение он не шевелился, только дышал, как кузнечные мехи, а потом изо всех сил толкнул.

Оказывая слабое сопротивление, кувшин качнулся, но затем все-таки перевернулся и грохнулся об пол. Необработанное, плохо очищенное масло черной лужей разлилось по плиткам.

Огромные ноздри Эррола затрепетали. В закулисной части мозга дракончика неведомые ему самому синапсы обменивались оживленной морзянкой. По толстому нервному стволу, ведущему к носу, ринулись потоки информации касательно тройных связей, алканов и геометрической изометрии. Однако та небольшая часть мозга Эррола, которая выступала в качестве самого Эррола, оставалась по отношению ко всей этой информации в полном неведении.

Все, что он знал, это то, что внезапно ему очень, очень захотелось пить.

Во дворце имела место серьезная перепланировка. То проваливался пол, то с грохотом обрушивался потолок...

В своей кишачей крысами камере, за дверью, снабженной большим числом замков, чем самые нижние уровни городских катакомб, патриций Анк-Морпорка лежал, закинув руки за голову. Лежал и улыбался во тьме.

Тем временем на улице жгли костры.

Анк-Морпорк праздновал. И хотя никто не мог точно сказать, что именно празднуется, однако все уже настроились, что сегодня вечером будет праздник; бочки с вином были откупорены, бычки на вертелах жарились, каждому ребенку выдали по бумажной шляпе и праздничной кружке — не пропадать же добру, в конце концов. Тем более что день прошел интересно, а жители Анк-Морпорка ценили всякое развлечение.

— Лично мое мнение, — начал один из пирующих, вгрызаясь в огромный, сочащийся жиром кусок полусырого мяса, — дракон вместо короля — это не так уж и плохо. То есть если хорошо подумать.

— Он так изящно смотрелся, — заметила, как будто пробуя идею на вкус, женщина справа от него. — Весь такой гладкий, лоснящийся. Симпатичный и умный. Не взлохмаченный. И гордость у него есть. — Она окинула взглядом некоторых из сидящих за столом — тех, что помоложе. — В наше время многие этого не понимают, нет у них гордости.

— И само собой, есть еще международная политика, — вступил в

разговор третий собеседник, подцепляя с блюда ребрышко. — Если уж на то пошло.

— Это ты о чем?

— О дипломатии, — бесстрастно уточнил человек с ребром.

Празднующие обдумали мысль. Было видно, как они вертят эту идею в своих головах, поворачивая то одной, то другой стороной — вежливо силясь понять, что, черт побери, он имеет в виду.

— Ну, не знаю, — протянул специалист по монархиям. — Этот дракон, у него ведь как, есть только два способа ведения переговоров. Он или зажаривает вас живьем, или нет. Поправьте меня, если я не прав, — добавил он.

— К этому-то я и веду. То есть, скажем, является посол из Клатча — сами знаете, как они задирают нос, — так вот, является и говорит: мы хотим это, мы хотим то. А мы на это, — дипломат так и засветился, — так вот, мы ему и отвечаем: закрой пасть, если не хочешь вернуться домой в урне.

Празднующие посмаковали эту идею. В ней определенно было что-то привлекательное.

— У них большой флот, у клатчцев, — неуверенно возразил монархист. — Жарить их дипломатов может оказаться немного рискованным. Люди придут встречать посольский корабль, а там вместо посла — кучка пепла. Обычно на такие вещи смотрят косо.

— А вот тут мы и говорим: эй ты, Джонни Клатчский, а не хочешь ли вместе со всеми своими согражданами пойти на удобрение? Смотри, у этой птички не задержится, пикнуть не успеешь!

— Мы что, правда так можем сказать?

— А почему бы и нет? А потом мы говорим: присылай дань, да побольше!

— Эти клатчцы мне никогда не нравились, — убежденно сказала женщина. — Как они питаются?! Их еда просто отвратительна. И все время бормочут что-то на своем варварском наречии...

В сумраке теней вспыхнула спичка.

Защищая ладонями огонек, Ваймс затянулся дрянным табаком, бросил спичку в сточную канаву и побрел дальше по мокрой, в лужах, улице.

Если и было на свете что-то, что угнетало его больше, чем собственный цинизм, так это то, что сплошь и рядом этот самый цинизм оказывался менее циничным, чем реальная жизнь.

«На протяжении многих веков мы договаривались с соседями, — думал он. — Ладили. В общем-то, этим наша международная политика и

ограничивалась. Но сейчас я услышал, что мы, похоже, объявили войну древней цивилизации, с которой всегда находили общий язык — то есть более или менее, даже несмотря на их забавное наречие. В конечном итоге мы объявили войну миру. И что хуже всего, мы, наверное, победим».

Похожие мысли, хотя и в несколько ином контексте, приходили в голову крупным общественным деятелям Анк-Морпорка, когда на следующее утро каждый получил короткую повестку, содержащую приглашение на деловой обед во дворце, явка обязательна.

От кого исходит приглашение, в повестках не уточнялось. Не указывалось также — этого нельзя было не заметить, — кто именно будет обедать.

Сейчас главы всех гильдий и концессий дожидались в передней.

В которой произошли существенные изменения. Передняя никогда не отличалась убранством. Патриций всегда придерживался мнения, что если людям будет удобно, то они, чего доброго, захотят остаться. Из мебели были только несколько очень пожилых стульев да развешанные по стенам портреты прежних правителей, сжимающих в руках свитки и прочие символы власти.

Стулья остались. Портреты исчезли. Точнее, запятнанные и потрескавшиеся холсты были свалены в углу, но от золоченых рам не осталось и следа.

Главы гильдий всячески избегали смотреть ДРУГ другу в глаза — все они тихо сидели, постукивая пальцами по коленям.

Наконец двое на вид очень обеспокоенных слуг распахнули двери в главный зал. В дверях, неровно вышагивая, показался Волч Воунз.

Большинство членов городского совета не спали всю ночь, пытаясь сформулировать линию поведения, наиболее дальновидную в условиях, когда их приглашает на обед дракон, — однако Воунз выглядел так, как будто не спал как минимум несколько лет. Лицо у него было цвета прокисшей кухонной тряпки. Он никогда не отличался упитанностью, теперь же и вовсе напоминал нечто, извлеченное из пирамиды.

— А-а-а, — монотонно произнес он. — Хорошо. Все собрались? Тогда, господа, не будете ли вы так добры проследовать за мной?

— Э-э, — подал голос главный вор, — в приглашениях, по-моему, упоминался обед?

— Да?

— С ДРАКОНОМ?

— О боги, не думаете же вы, что он вас съест?! — воскликнул

Воунз. — Что за безумная идея!

— Конечно не думали, — облегчение ударило главному вору в голову, как вино, и вышло через уши, которые моментально запылали. — Такой бред. Ха-ха.

— Ха-ха, — отозвался главный торговец.

— Хо-хо, — засмеялся президент Гильдии Убийц. — Ну и бред.

— Вы для него слишком жилистые, — пошутил Воунз. — Ха-ха.

— Ха-ха.

— А-ха-ха.

— Хо-хо.

Температура упала на несколько градусов.

— Короче говоря, не будете ли вы так любезны проследовать за мной?

В главном зале также произошли изменения. Во-первых, он существенно увеличился в размерах. Отсутствовали некоторые стены, прежде отделявшие зал от соседних помещений. Потолок и несколько верхних ярусов были полностью ликвидированы. Пол представлял собой просто щебень, если не считать середины зала — там высилась груда золота.

Точнее, чего-то *ЗОЛОТИСТОГО*. Вид был такой, как будто кто-то обрыскал весь дворец в поисках любых блестящих или даже поблескивающих предметов, а потом свалил их в одну кучу, смешав все вместе: рамы для картин, золотые нити из драпировок, серебро — и подсолив напоследок драгоценными камнями. Там были и кухонные миски, и подсвечники, и тазы, и осколки зеркал. Одним словом, все блестящее.

Однако главные люди Анк-Морпорка были не в том положении, чтобы особенно обращать на это внимание. В основном из-за того, что висело у них над головами.

Это напоминало самую большую во вселенной плохо скрученную сигару, если только большие плохо скрученные сигары имеют привычку висеть вниз головой. В темноте смутно угадывались очертания вцепившихся в стропила когтей.

На полпути между блестящей грудой и дверью был накрыт столик. Главы гильдий (без особого, впрочем, удивления) заметили, что старинное столовое серебро отсутствует. Были фарфоровые тарелки, а также столовые приборы — на вид такие, как будто их только что выстругали из куска дерева. Воунз занял место во главе стола и кивнул слугам.

— Господа, присаживайтесь, — пригласил он. — Прошу прощения, что обстановка немного... изменилась, но король надеется, что вы смиритесь с временными трудностями, а вскоре все организуется более

подходящим образом.

— Э-э... кто-кто надеется? — уточнил главный торговец.

— Король, — повторил Воунз. Голос его походил на голос человека, который находится на волосок от безумия.

— А-а. Король. Верно, — отозвался торговец. Со своего места ему хорошо была видна свисающая с потолка «сигара». Казалось, что-то там зашевелилось, словно возникла легкая дрожь в огромных, оборачивающих штуку складках. — Многие лета ему, как говорится, — поторопился добавить он.

В качестве первого блюда был суп с клецками. Воунз не съел ни ложки. Остальные ели в насыщенном ужасом молчании, нарушаемом лишь глухим постукиванием дерева о фарфор.

— Есть определенные указы, на которые, с точки зрения его величества, желательно получить ваше согласие, — в конце концов нарушил молчание Воунз. — Чистая формальность, разумеется, и приношу свои извинения, что побеспокоил вас по такому пустяку.

Под стропилами что-то колыхнулось.

— Что ты, никакого беспокойства, — пискнул главный вор.

— Король милостиво желает поставить вас в известность, — продолжал Воунз, — что готов принимать подарки от населения. По случаю коронации. И чем больше, тем лучше. Но никаких изысков, сойдут любые драгоценные металлы или камни, которые население имеет и которыми с легкостью может поделиться. Кстати, я должен подчеркнуть, это ни в коем случае не носит принудительный характер. Щедрость, которой его величество с полной уверенностью ожидает, должна быть абсолютно добровольным актом.

Главный убийца печально взглянул на кольца, украшающие пальцы обеих его рук, и вздохнул. Президент Гильдии Торговцев уже расстегивал и снимал с шеи золоченую цепь, одну из регалий своей должности.

— Ну что вы, господа! Это так неожиданно!

— М-м-м-м, — вступил в беседу аркканцлер Незримого Университета. — Но ты... то есть, я хотел сказать, король наверняка в курсе, что Университет, согласно традиции, освобождается от всех городских податей и налогов...

Он едва подавил зевок. Всю ночь напролет волшебники упорно посылали в дракона свои самые действенные заклинания. С тем же успехом они могли пытаться поймать руками туман.

— Но, мой дорогой аркканцлер, это вовсе не подать! — возразил Воунз. — Неужели я сказал что-нибудь, что дало бы основание так

подумать? О нет! Нет. Любое приношение должно быть, как я уже сказал, полностью добровольным. Надеюсь, по этому вопросу все ясно?

— Все изложено очень доходчиво, — согласился главный убийца, злорадно глядя на старого волшебника. — И эти совершенно добровольные подарки, которые мы вот-вот начнем приносить, они пойдут?..

— В казну, — завершил Воунз.

— Ага.

— Хотя я абсолютно уверен, что жители города проявят исключительную щедрость, как только полностью поймут и оценят ситуацию, — произнес главный торговец, — я также не сомневаюсь, что его величеству известно, насколько мало в Анк-Морпорке золота и прочих драгоценностей. Это так?

— Очень верное замечание, — согласился Воунз. — Однако его величество намерен проводить энергичную и динамичную внешнюю политику, которая поправит положение.

— А-а-а! — хором воскликнули главные люди Анк-Морпорка, на этот раз с куда большим энтузиазмом.

— Например, — продолжал Воунз, — король считает, что наши законные интересы в Щеботане, Сто-Лате, Псевдополисе и Цорте на протяжении вот уже нескольких веков серьезно ущемляются. Это будет очень быстро исправлено, и, смею вас уверить, сокровища рекой хлынут в город. Всякий человек возжелает получить защиту такого могущественного короля.

Главный убийца перевел взгляд на груды блестящих предметов, названную Воунзом «казной». В его голове сформировалось весьма четкое представление по поводу того, где закончат свой жизненный путь все те сокровища, что придут в Анк-Морпорк. Что ж, драконьей хваткой можно было только восхищаться. В этом смысле драконы практически ничем не отличались от людей.

— О-о! — только и смог сказать он.

— Разумеется, будут и другие приобретения — в форме земель, собственности и так далее, и его величество желает, чтобы вы осознали со всей ясностью: самые верные будут щедро вознаграждены.

— Э-э, — подал голос главный убийца, у которого возникло ощущение, что он уже составил четкое представление о характере мыслительного процесса нового короля, — нет сомнений, что, э-э-э...

— Самые верные, — помог Воунз.

— Полагаю, ответную благодарность они будут выражать в виде еще большей щедрости?

— Уверен, подобные соображения в голову его величества даже не приходили, — сказал Воунз, — однако замечено очень верно.

— Я так и подумал.

Следующим блюдом шли жирная свинина, бобы и обжаренный в сухарях картофель. Пицца, как заметили все присутствующие, способствующая упитанности.

Воунз ограничился стаканом воды.

— Что подводит нас к еще одному крайне деликатному вопросу, который, как я нисколько не сомневаюсь, столь многоопытные, широких взглядов господа, каковыми вы являетесь, без всяких трудностей разрешат, — произнес он.

Его рука, держащая стакан, затряслась.

— Надеюсь также, что и население в целом отнесется к вопросу с пониманием, в особенности учитывая, что король, без сомнения, во многом поспособствует благополучию и безопасности города. Например, я уверен, что люди спокойнее будут спать в своих постелях, зная, что др... король без усталости их защищает. Могут, однако, пробудиться нелепые... древние... предрассудки, единственный способ искоренения которых — неустанные усилия... со стороны всех людей доброй воли.

Он сделал паузу и поднял глаза на советников. Позже главный убийца рассказывал, что ему доводилось смотреть в глаза многим людям, по всем признакам очень близким к смерти, — но ни разу он не видел глаз, выражение которых столь явно и безошибочно свидетельствовало бы, что их обладатель смотрит со склонов самой преисподней. И главный убийца искренне надеялся, что никогда, никогда в жизни ему не доведется посмотреть в такие глаза еще раз.

— Я имею в виду, — Воунз говорил медленно, каждое слово прорывалось с трудом, словно пузырь сквозь зыбучий песок, — вопрос... питания короля.

Воцарилось страшное молчание. Лишь легкий шорох крыльев раздавался у них за спинами. Тени в углах зала сгустились и словно бы выросли.

— Питание короля, — пустым, ничего не выражающим голосом повторил главный вор.

— Да, — голос Воунза почти сорвался на визг. С лица ручьем стекал пот. Главный убийца однажды слышал странное клатчское слово «риктус». Он тогда еще подумал, в каких случаях это слово подходит для описания выражения лица человека. Теперь он знал. Именно в это превратилось лицо Воунза; это был похожий на привидение риктус человека, который

пытается не слышать слов, слетающих с собственных уст.

— Мы, э-э, а мы думали, — главный убийца тщательно подбирал слова, — что др... король за прошедшие недели как-то уже определился с этим вопросом.

— А, ничего хорошего, знаете ли. Ничего хорошего. Бродячие собаки и тому подобное, — Воунз заоченелым взглядом смотрел на стол. — Теперь, когда он стал королем, подобные паллиативы более для него неприемлемы.

Молчание нарастало, уплотнялось и обретало фактуру. Советники думали изо всех сил, в особенности об обеде, который только что съели. Большой концентрации умов способствовало появление огромного бисквита с горой взбитых сливок.

— Э-э, — выговорил наконец торговец, — а как часто король бывает голоден?

— Он всегда голоден, — отозвался Воунз, — но ест только раз в месяц. По сути, это не еда как таковая, а ритуал.

— И, э-э, — в разговор вступил главный убийца, — и когда король в последний раз, э-э, ел?

— К сожалению, вынужден сказать, что он не ел по-настоящему с тех самых пор, как прибыл сюда, — отвечивал Воунз.

— О!

— Вы должны понять, — Воунз отчаянно крутил в руках деревянный нож, — что прятаться за углом, подстерегать жертву — это все приличествует разве что какому-то заурядному убийце...

— Я бы попросил... — начал главный убийца.

— Заурядному, еще раз подчеркиваю я... Так вот, это... это не приносит... не приносит удовлетворения. Самая суть питания его величества заключается в том, что оно должно быть... должно быть актом единения между королем и подданными. Оно должно укреплять связь между короной и обществом, — добавил он.

— А конкретный характер пищи? — главный вор говорил так, как будто слова душили его. — Речь идет о юных девственницах?

— Глупейший предрассудок, — пожал плечами Воунз. — Возраст несуществен. Но, разумеется, семейный статус играет роль. А также общественное положение. Наверное, это как-то влияет на вкус. — Он наклонился и заговорил уже другим голосом — полным боли, настойчивым и, как им показалось, в первый раз за все это время своим собственным. — Пожалуйста, задумайтесь об этом! — прохрипел он. — В конце концов, это ведь всего раз в месяц! В обмен на столь многое! О семьях людей,

полезных королю, таких как вы, особо верных, вопрос даже не будет подниматься. А когда вы обдумаете все альтернативы...

Все альтернативы они не обдумывали. Обдумывания одной из них вполне хватало.

Воунз говорил, а вокруг тем временем сгущалось сосредоточенное молчание. Они избегали смотреть друг другу в глаза, из страха увидеть там отражение собственных мыслей. Каждый думал: «Сейчас кто-нибудь (не я) обязательно выскажется, выразит протест, и тогда я пробормочу что-нибудь в поддержку, нет, это нельзя будет истолковать так, словно я что-то действительно СКАЗАЛ, я ведь не такой дурак, но пробормочу я очень твердо, так что ни у кого не останется никаких сомнений — я действительно не одобряю это, потому что в такие моменты любому человеку чести подобает почти встать и почти сказать, чтобы быть почти услышанным...»

Но никто не произнес ни слова.

«Вот трусы», — подумал каждый.

И никто не прикоснулся ни к пудингу, ни к поданным напоследок шоколадным конфетам толщиной с кирпич. Красные, мрачные, они лишь молча внимали монотонному жужжанию Воунза, а когда обед закончился, постарались как можно быстрее разойтись, так чтобы не пришлось разговаривать друг с другом.

То есть так поступили все, кроме главного торговца. Так получилось, что он вышел из дворца вместе с главным убийцей, и они шагали по улице бок о бок. Президент Гильдии Купцов и Торговцев старался смотреть на хорошую сторону медали. Он всегда был одним из тех запевал, которые вселяют в людей бодрость, когда дело — полный швах.

— Ну и ну, — покачал головой он. — Значит, теперь мы самые верные. Даже забавно.

— М-м-м-м-м, — промычал убийца.

— Интересно, в чем разница между самым верным и просто верным? — громко сказал главный торговец.

Убийца осклабился.

— Если ты самый верный, то все сожрешь и не подавишься.

Он вновь уставился себе под ноги. Что не выходило у него из головы, так это прощальные слова Воунза. Которые были произнесены, когда главный убийца пожимал руку секретарю патриция. Интересно, услышал ли их еще кто-нибудь? Вряд ли... они были скорее формой, чем звуком. Воунз просто шевелил губами, не отрываясь глядя в загорелое от лунного света лицо убийцы.

«Помоги. Мне».

Убийца поежился. Почему Воунз обратился именно к нему? Насколько он знал, есть только один вид помощи, которую он может квалифицированно оказать, и очень немногие просят оказать ее им самим. В большинстве случаев люди выкладывают кругленькую сумму, чтобы эту помощь оказали в виде сюрприза кому-то другому. Что творится с Воунзом? Почему любая альтернатива кажется ему лучше, чем?..

Воунз остался один в темном зале, похожем на опустевшее поле боя. Он ждал.

Можно было бы попробовать убежать. Но он опять найдет его. По запаху его сознания. Он достанет его повсюду.

И сожжет. Это еще хуже. Так, как он поступил с братьями. Быть может, это мгновенная смерть, то есть *НА ВИД* она кажется мгновенной, но Воунз провел долгие бессонные ночи, задаваясь вопросом: а что, если эти последние микросекунды каким-то образом субъективно растягиваются в раскаленную добела вечность, когда каждая частичка твоего тела превращается в мазок плазмы, и ты посреди всего этого жив?..

О НЕТ. ТЕБЯ Я НЕ СОЖГУ.

Это не телепатия. Насколько Воунз понимал, телепатия — это когда ты слышишь чей-то голос в голове.

Он же слышал этот голос всем телом. Вся его нервная система, как тетива лука, отозвалась и натянулась при звуках этого голоса.

ВСТАНЬ.

Дернувшись, Воунз вскочил, перевернув стул и ударившись ногой о ножку стола. Когда голос начинал говорить, он контролировал свое тело ровно в той же степени, в какой вода контролирует силу тяжести.

ПОДОЙДИ.

Походкой зомби Воунз двинулся к дракону.

Крылья, не торопясь и время от времени поскрипывая, принялись разворачиваться, пока не заполнили собой весь зал. Кончик одного крыла проткнул окно и теперь проветривался на свежем воздухе.

Медленно и чувственно дракон вытянул шею, зевнул. Покончив с этим, он неспешно повернул голову, и она оказалась всего в нескольких дюймах от лица Воунза.

ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ДОБРОВОЛЬНЫЙ»?

— Это, э-э, это означает, когда человек делает что-то по собственному выбору, то есть сам, без принуждения, — ответил Воунз.

НО У НИХ НЕТ ПРАВА ВЫБОРА! ОНИ БУДУТ УВЕЛИЧИВАТЬ МОИ

СОКРОВИЩА, ИЛИ Я ИСПЕПЕЛЮ ИХ!

Воунз набрал в рот побольше воздуха.

— Да, — начал он, — но вы не должны...

Беззвучный рев ярости закрутил его на месте.

НЕТ НИЧЕГО ТАКОГО, ЧЕГО Я НЕ ДОЛЖЕН!

— Нет, нет, нет! — завизжал Воунз, хватаясь за голову. — Я не это имел в виду! Поверьте! Просто так было лучше сказать, и все! Лучше и надежнее!

НИКТО НЕ СМОЖЕТ ПОБЕДИТЬ МЕНЯ!

— Да, да, разумеется...

НИКТО НЕ МОЖЕТ УПРАВЛЯТЬ МНОЙ!

Воунз в примиряющем жесте всплеснул руками с растопыренными пальцами.

— Конечно, конечно, — заторопился он. — Но одно и то же можно выразить разными способами. Видите ли, весь этот рев и пламя... Совсем не обязательно всегда применять только этот способ...

ГЛУПОЕ ЧЕЛОВЕКООБРАЗНОЕ! КАК ЕЩЕ Я МОГУ ЗАСТАВИТЬ ИХ ВЫПОЛНЯТЬ МОИ ПРИКАЗЫ!

Воунз заложил руки за спину.

— Они все сделают сами, по собственному выбору, — сказал он. — А со временем начнут верить, что именно этого и хотели. Это станет традицией. Поверьте моему слову. Мы, люди, — очень приспособляющиеся существа.

Дракон долго смотрел на него непонимающим взором.

— Фактически, — продолжал Воунз, пытаясь унять дрожь в голосе, — скоро все смирятся и привыкнут. А потом, даже если объявится какой смельчак, который вдруг заявит, что иметь королем дракона неправильно, они сами его прикончат.

Дракон сморгнул.

Впервые за все то время, что Воунз общался с ним, вид у дракона стал неуверенный.

— Видите ли, я знаю людей, — просто сказал Воунз.

Дракон продолжал сверлить его взглядом.

НО ЕСЛИ ТЫ ЛЖЕШЬ... — наконец подумал он.

— Вы знаете, что нет. Вам бы я не стал лгать.

ОНИ ЧТО, РЕАЛЬНО ТАК ПОСТУПАЮТ?

— О да! Всю дорогу. Это одна из основополагающих черт человеческого характера.

Воунз знал, что дракон способен считывать по крайней мере верхние

уровни его сознания. Мысли обоих завибрировали в ледящем кровь резонансе. Он тоже читал мысли ужасного существа — смотрел ему в глаза и видел, как мощные, медленные, они текут и переворачиваются у него в черепе.

Дракон пришел в ужас.

— Увы, — слабым голосом промолвил Воунз. — Но так уж мы устроены. Наверное, это как-то связано с проблемой выживания.

И ЧТО, СМЕЛЫЕ ВОИНЫ НЕ БУДУТ ВЫХОДИТЬ НА БОЙ СО МНОЙ! — почти жалобно подумал дракон.

— Вряд ли.

А КАК ЖЕ ГЕРОИ... РЫЦАРИ!

— Не в наше время. Они слишком дорого обходятся.

НО ВЕДЬ Я БУДУ ПОЖИРАТЬ ЛЮДЕЙ!

Воунз всхлипнул.

Ему показалось, он всеми нервами ощущает, как мысли дракона лихорадочно мечутся. Воунз наполовину видел, наполовину чувствовал, как чудовище пытается найти ключ к разгадке, как вспыхивают и гаснут образы драконов, рептилий мифических, полузабытых эр и — тут Воунз ощутил волну искреннего изумления — людей в некоторые из наименее похвальных (а таковых оказалось большинство) периодов человеческой истории. А после изумления пришла ярость существа, которое обвели вокруг пальца. Дракон не мог сделать людям практически ничего, что они еще не успели испробовать друг на друге, зачастую — с куда большим энтузиазмом.

ВЫ ВСЕГДА ИМЕЛИ НАГЛОСТЬ ИЗОБРАЖАТЬ ИЗ СЕБЯ СЛАБЫХ И ПУГЛИВЫХ, — мысли дракона гремели в голове у Воунза. — *МЫ — ДРАКОНЫ, И НАМ ПОЛАГАЕТСЯ БЫТЬ ЖЕСТОКИМИ, КОВАРНЫМИ, БЕССЕРДЕЧНЫМИ И УЖАСНЫМИ. НО ДАЖЕ МЫ НИКОГДА НЕ ДОХОДИЛИ ДО ТОГО, ДО ЧЕГО ДОШЛИ ВЫ, ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ!* — Гигантская морда приблизилась еще больше, так что Воунз смотрел прямо в безжалостные бездны драконьих глаз. — *МЫ НИКОГДА НЕ СЖИГАЛИ, НЕ ПЫТАЛИ И НЕ РАЗДИРАЛИ ДРУГ ДРУГА НА ЧАСТИ, ОДНОВРЕМЕННО НАЗЫВАЯ ЭТО МОРАЛЬЮ.*

Дракон еще пару раз расправил крылья, а затем тяжело приземлился на грудь слабодрагоценной мишуры. Когти поскребли по груди. Дракон оскалится.

ЖАЛКАЯ ТРЕХНОГАЯ ЯЩЕРИЦА, И ТА НЕ НАЗОВЕТ ЭТО СОКРОВИЩАМИ, — подумал он.

— Скоро будут вещи гораздо лучше, — прошептал Воунз, испытывая

временное облегчение от смены темы.

НУ-НУ. ОЧЕНЬ СОВЕТУЮ ПОТОРОПИТЬСЯ.

— А можно я... — Воунз заколебался. — Можно я задам вам вопрос?
СПРАШИВАЙ.

— Ведь вам же не обязательно есть людей? То есть это ведь не потребность? Мне кажется, с точки зрения самих людей, это единственная реальная проблема, — он говорил все быстрее и быстрее, переходя на бессвязное бормотание. — Сокровища и все остальное, тут не возникнет никаких трудностей, но если, в конце концов, это вопрос только... только, только, скажем, белка, то, возможно, в недрах такого могучего интеллекта, как ваш, уже зародилась идея, как использовать в данных целях что-нибудь менее спорное, например корову или, быть может...

Дракон выдохнул горизонтальную струю пламени, превращая противоположную стену в груды известки.

ПОТРЕБНОСТЬ! КАКАЯ ПОТРЕБНОСТЬ! — проревел он, перекрывая грохот обрушивающейся стены. — **ТЫ РАЗГОВАРИВАЕШЬ СО МНОЙ О ПОТРЕБНОСТЯХ? РАЗВЕ У ВАС НЕТ ТАКОЙ ТРАДИЦИИ — ЖЕРТВОВАТЬ САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ ИЗ ЖЕНЩИН РАДИ МИРА И ПРОЦВЕТАНИЯ?**

— Но видите ли, у нас всегда были умеренный мир и разумное процветание...

И ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ТАКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ СОХРАНЯЛОСЬ!

Мощь этой мысли заставила Воунза упасть на колени.

— Конечно, — едва сумел вымолвить он.

Дракон в избытке сил поиграл когтями.

ТОГДА ПОТРЕБНОСТЬ НЕ У МЕНЯ, А У ВАС, — подумал он. — **А ТЕПЕРЬ УБИРАЙСЯ С ГЛАЗ ДОЛОЙ.**

Воунз бессильно обвис, когда дракон покинул его сознание.

Чудовище соскользнуло с позорных сокровищ, мощным прыжком переместилось к подоконнику одного из самых больших окон зала и головой разбило цветное стекло. Разноцветное изображение города дождем обрушилось на замусоренный пол.

Длинная шея вытянулась в предвечерний воздух, повернулась туда-сюда, словно антенна. В городе зажигались огни. Звуки, издаваемые жизнью миллиона людей, сливались в низкое приглушенное гудение.

Дракон глубоко, радостно вдохнул.

Затем втянул на подоконник все тело, высадил плечами остатки оконной рамы и взмыл в небо.

— Что это? — Шноббс побледнел. Предмет был неопределенно-округлой формы, фактурой напоминал дерево, а при постукивании издавал звук, подобный тому, какой издает линейка, если ею постучать по краю стола.

Сержант Колон стукнул по предмету еще раз.

— Сдаюсь.

Моркоу гордо извлек таинственный объект из мятой упаковки.

— Это пирог! — он подsunул обе руки под предмет и с видимым усилием поднял его в воздух. — От моей матери.

Он наконец ухитрился поставить пирог обратно на стол, не придавив пальцы.

— И его можно есть? — осторожно спросил Шноббс. — Посылка ведь шла много месяцев. За такой срок он наверняка зачерствел.

— О, он испечен по особому гномьему рецепту, — объяснил Моркоу. — Гномьи пироги не черствеют.

Сержант Колон еще разок стукнул по пирогу.

— Пожалуй, такой действительно не зачерствеет, — уступил он.

— Эти пироги невероятно стойкие, — продолжал с энтузиазмом объяснять Моркоу. — Почти волшебные. Секрет их приготовления передается из поколения в поколение, от гнома к гному. Один крошечный кусочек такого пирога — и ты целый день не сможешь даже думать о еде.

— Да ну?

— Гном способен пройти сотни миль, если с собой у него будет один такой пирог, — продолжал Моркоу.

— Еще бы, — мрачно ухмыльнулся Колон, — могу себе представить, идет и всю дорогу думает: «Черт, надо поторопиться с поисками еды, иначе опять придется глотать этот проклятый пирог».

Моркоу, для которого понятие «ирония» не существовало как класс, взялся за пику. Оглушительные удары, несколько рикошетов — и ему удалось разделить пирог приблизительно на четыре части.

— Вот! — весело сказал он. — По куску каждому из нас и один капитану. — Только тут он осознал, что сказал. — О-о! Простите.

— Ладно, ладно, — ничего не выражающим голосом отозвался Колон. Некоторое время они молча сидели.

— А мне он нравился, — наконец нарушил молчание Моркоу. — Жалко, что теперь он не с нами.

Последовало еще одно молчание, очень похожее на предыдущее, только более глубокое и более угнетенное.

— Наверное, теперь капитаном назначат тебя, — сказал Моркоу.

Колон поднял голову:

— Меня? Я не хочу быть капитаном. Зачем мне эта головная боль? Не стоит оно того, день и ночь думать, и все за каких-то лишних девять долларов в месяц.

Он побарабанил пальцами по столу.

— Это все, что он получал? — не поверил Шноббс. — А я думал, он офицер, значит, как сыр в масле катается.

— На девять долларов больше, — подтвердил Колон. — Я однажды видел ведомость. На девять долларов больше, чем у нас, плюс два доллара на плюмаж. Только он никогда не брал на плюмаж. Забавно, правда?

— Он не был плюмажного типа, — сказал Шноббс.

— Ты прав, — отозвался Колон. — У капитана, ведь вот в чем дело... я, знаешь, читал в одной книге, там написано, что у всех нас в крови содержится алкоголь, вроде как *НАТУРАЛЬНЫЙ* алкоголь. Даже если ты за всю жизнь капли в рот не взял, организм у тебя все равно его вырабатывает... а у капитана Ваймса не так, он один из тех, у которых организм естественным образом алкоголь не вырабатывает. Вроде как он родился с уровнем алкоголя на два стакана меньше нормы.

— Черт возьми! — воскликнул Моркоу.

— То-то и оно... Поэтому, когда он трезвый, он *ПО-НАСТОЯЩЕМУ* трезвый. Аб... аб... бстиненция, вот как это называется. Вспомни, Шноббс, как ты себя чувствуешь, просыпаясь после пьянки? Ага, примерно так он чувствует себя *ВСЕ ВРЕМЯ*.

— Бедолага, — покачал головой Шноббс. — А мне это и в голову не приходило. Ничего удивительного, что он всегда был таким мрачным.

— Поэтому он все время старается набрать нужный уровень. Просто иной раз перебирает с дозой. И, само собой, — он бросил взгляд на Моркоу, — он был унижен женщиной. Его, видишь ли, почти все унижает.

— А что мы-то теперь делать будем, а, сержант? — спросил Шноббс.

— Наверное, он не стал бы возражать, если бы мы съели пирог? — задумчиво спросил Моркоу. — Жалко будет, если он зачерствеет.

Колон пожал плечами.

Он и Шноббс в жалком молчании наблюдали, как Моркоу вгрызается в свой кусок пирога, подобно камнедробилке на меловом карьере. Даже если бы это было нежнейшее суфле на свете, они все равно не смогли бы проглотить ни кусочка.

Они думали о том, какой станет жизнь без капитана. Ничего веселого их не ожидает, даже если отбросить в сторону всяких драконов. Можно что

угодно говорить о капитане Ваймсе, но у него был свой стиль. Это был циничный стиль, стиль с грязью под ногтями, но он у него был, а у них его нет. Ваймс умел читать длинные слова и складывать длинные предложения. В этом тоже был своего рода стиль. Даже напивался он стильно.

Они пытались растянуть минуты, растянуть время. Однако ночь неумолимо приближалась.

Надежды нет.

Сейчас им придется идти патрулировать улицы.

Шесть часов. Но что-то беспокойно.

— Я и по Эрролу тоже скучаю, — произнес Моркоу.

— Честно говоря, он ведь принадлежал капитану, — отозвался Шноббс. — Ну что ж, теперь госпожа Овнец сумеет за ним присмотреть.

— Пусто как-то, — вздохнул Колон. — Даже лампового масла не осталось. Дракончик и его выпил.

— А нафталиновые шарики? — подхватил Шноббс. — Целый ящик нафталиновых шариков. Ума не приложу, зачем кому-то может понадобиться есть нафталиновые шарики? Или чайник. И сахар он тоже весь съел. От сахара он был без ума.

— И все равно Эррол был хороший, — сказал Моркоу. — Дружелюбный.

— Да уж, куда дружелюбнее! — воскликнул Колон. — Но вот что я вам скажу: все это как-то неправильно... Что это за домашнее животное, если приходится прятаться под стол всякий раз, когда ему вздумается икнуть?

— Мне будет не доставать его мордочки, — задумчиво вздохнул Моркоу.

Шноббс громко высморкался.

Словно эхо, последовал стук в дверь. Голова Колона дернулась. Моркоу встал и отодвинул засов.

За дверью с надменным нетерпением ждали двое дворцовых стражников. При виде Моркоу (которому пришлось наклониться, чтобы не удариться о дверную перекладину) оба попятнулись; дурные известия, вроде известия о таких типах, как Моркоу, распространяются очень быстро.

— Мы принесли вам официальное заявление, — заявил один из стражников. — Вы обязаны...

— А что это такое нарисовано у вас на латах? Краска-то вроде свежая, — вежливо осведомился Моркоу.

Шноббс с сержантом переглянулись.

— Это дракон, — ответил стражник помоложе.

— Великий дракон, — поправил его начальник.

— Эй, да я тебя знаю, — подал голос Шноббс. — Череп Дубс. Раньше проживал на Котлетной. Твоя мать делала леденцы от кашля, верно? А потом она свалилась в чан со своей смесью и скончалась. Леденцов от кашля я никогда не пробовал, но твою мать отлично помню.

— Здорово, Шноббс, — без особого энтузиазма отозвался стражник.

— Бьюсь об заклад, твоя мать гордилась бы тобой, увидь она тебя сейчас, с драконом-то на латах, — подмигнул Шноббс.

Стражник бросил на него взгляд, полный ненависти и замешательства.

— И с новым плюмажем на шлеме, — ласково добавил Шноббс.

— *Вот официальное заявление, которое вы обязаны прочесть,* — громко прервал стражник. — А также развесить на перекрестках. Согласно приказу.

— Чьему приказу? — осведомился Шноббс.

Рука сержанта Колона, больше смахивающая на кусок ветчины, схватила свиток.

— Ниже Следующим Об Является Што, — медленно прочел он, неуверенно водя пальцем по строчкам, — Ды-Ры-А-Дра-К-О-Н-Дракону, Вел-Велик-Великому К-Кор-Королю и А-Абс-Абсо-лют-Абсолютному Пы-Ры-Правит-Правителю, — широкий розовый лоб сержанта покрылся бисеринками пота, — Уг-Угодно Пы-Ры-Прика-Зать...

Он погрузился в мучительное молчание, сотрясаясь от умственных усилий и медленно водя дергающимся пальцем по пергаменту.

— Нет, — наконец проговорил он. — Этого не может быть... Он что, собирается кого-то сожрать?

— Употребить, — поправил старший из Дворцовой Стражи.

— Это все является частью социального... социального контракта, — деревянным голосом сообщил его помощник. — Я уверен, вы не станете спорить, что это крайне небольшая плата за защиту города.

— Это от кого нас защищают-то? — не понял Шноббс. — У нас никогда не было врага, которого нельзя было бы подкупить или запугать.

— Верно, не было. До сегодняшнего дня, — мрачно завершил Колон.

— Ты быстро соображаешь, — одобрил стражник. — Значит так, ваша задача — оповестить население. Под страхом смертной казни.

Перегнувшись через плечо Колона, Моркоу заглянул в пергамент.

— А что такое «девственница»? — спросил он.

— Незамужняя девушка, — быстро ответил Колон.

— Что, как моя подружка Рит? — в голосе Моркоу звучал неподдельный ужас.

— Э-э, не совсем, нет, — отвечал Колон.

— Но она ведь не замужем. Как и все прочие девушки госпожи Лады.

— Э-э, ну да, — согласился Колон.

— Значит, — у Моркоу был вид человека, подводящего окончательную черту под рассуждениями, — значит, анк-морпоркским девушкам нечего бояться, правильно я говорю?

— Люди не согласятся, — ответил Колон. — Помяни мое слово.

Дворцовые стражники попятились — подальше от вздымающейся ярости Моркоу.

— Это уж как им угодно, — произнес старший. — Но если вы не развесите прокламации, то будете объясняться с его величеством.

И они поспешили удалиться. Шноббс высунулся на улицу.

— Погляди на себя, ты, с драконом на латах! Твоя матушка перевернулась бы в своем чане, если б узнала, что ты разгуливаешь с такой эмблемкой!

Колон неровным шагом вернулся к столу и снова развернул свиток.

— Плохо дело, — пробормотал он.

— Он уже убивал людей! — воскликнул Моркоу. — И нарушил по меньшей мере шестнадцать Актов!

— Так-то оно так. Но это были, как бы тебе объяснить, это были еще цветочки, — тяжело вздохнул Колон. — Да, конечно, это тоже очень плохо, но то, что творится сейчас — то есть когда люди вроде как *СОУЧАСТВУЮТ*, просто сдают какую-нибудь девушку поплоче, а потом стоят и смотрят, как будто все это правильно и законно, — вот это гораздо хуже.

— А по-моему, тут все зависит от того, с какой стороны смотреть, — задумчиво отозвался Шноббс.

— Это ты про что?

— Ну, с точки зрения человека, которого сжигают заживо, — ему ведь все равно: попался он под горячую лапу дракона или его сдали свои же сородичи, — философски заметил Шноббс.

— Нет, люди на такое не пойдут, — продолжал Колон, игнорируя замечание Шноббса. — Вот увидишь. Они отправятся к дворцу, чтобы выразить свое возмущение, и что тогда сделает дракон, а?

— Сожжет их всех, — быстро ответил Шноббс.

На лице Колона появилось озадаченное выражение.

— Да нет, вряд ли...

— А что ему помешает? — Шноббс выглянул за дверь. — Неплохой он был пацаненок, этот парень. Работал на побегушках у моего дедушки. Кто

бы мог подумать, что когда-нибудь он будет разгуливать с драконом на латах.

— Что же нам делать, сержант? — подал голос Моркоу.

— Я не хочу, чтобы меня сожгли заживо, — ответил сержант Колон. — Жена мне тогда такой скандал устроит! Так что сейчас мы займемся развешиванием, как бишь его, официального заявления. Но ты, парень, не беспокойся, — он похлопал Моркоу по мускулистой руке и повторил, как будто убеждая самого себя: — Народ на эти требования не пойдет.

Госпожа Овнец осторожно ощупала Эррола.

— Провалиться мне сквозь землю, если я понимаю, что с ним происходит! — Дракончик предпринял попытку лизнуть ее в лицо. — А что он ел в последнее время?

— Самым последним, по-моему, был чайник.

— Чайник чего?

— Нет, вы не поняли. Просто чайник. Черный чайник с ручкой и носиком. Он уже давно к нему принюхивался и наконец съел.

Слабо улыбнувшись Ваймсу, Эррол срыгнул. Оба — госпожа Овнец и Ваймс — быстро пригнулись, защищаясь от взрывной волны.

— А еще он повадился есть золу из камина, — продолжал Ваймс, когда их головы вновь показались над загородкой загона.

Оба склонились над укрепленным бункером — одним из тех, которые госпожа Овнец переоборудовала в драконий лазарет. Их приходилось укреплять дополнительно. Обычно один из самых ранних признаков драконьей болезни — это потеря контроля над пищеварительной системой.

— На вид он не то чтобы больной, — задумчиво заметила госпожа Овнец. — Скорее, очень потолстевший.

— Он все время скулит. А если приглядеться, то видно, как под кожей у него что-то шевелится. Знаете, что я думаю? Вы ведь говорили, они могут перестраивать свою пищеварительную систему...

— Это правда. Видишь ли, они способны соединять все свои желудки и панкреатические железы в различном порядке, вроде как детали в конструкторе. В зависимости от того...

— Какое топливо им удастся найти для выработки пламени, — закончил Ваймс. — Да. Мне кажется, именно это он и пытается сделать, выработать какое-то очень горячее пламя. Хочет бросить вызов большому дракону. Каждый раз, когда тот поднимается в воздух, бедняга скулит не переставая.

— И не взрывается?

— Да нет вроде. Я хочу сказать, если бы он взорвался, вряд ли это ускользнуло бы от нашего внимания.

— И ест все подряд?

— Трудно сказать. Обнюхивает он все, а ест почти все. И пьет тоже. Например, ламповое масло галлонами поглощает. Так или иначе, я не могу больше держать его там. За ним ведь нужно присматривать... А кроме того, искать дракона больше не надо, — горько добавил он.

— Мне кажется, ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — госпожа Овнец направилась к дому, жестом приглашая Ваймса следовать за ней.

— Слишком близко к сердцу? Меня оплевали на глазах у всего честного народа, и я не должен принимать это близко к сердцу?

— Все так, но я уверена, что это была какая-то ошибка, недопонимание.

— Лично я все понял правильно!

— По-моему, ты так переживаешь, потому что ничего не можешь сделать.

У Ваймса глаза полезли из орбит.

— Ч-ч-то?

— Ты бессилен против дракона, — невозмутимо продолжала госпожа Овнец. — Ничего не можешь против него сделать.

— По-моему, этот чокнутый город и этот дракон вполне заслуживают друг друга.

— Люди боятся. Не стоит ждать от людей многого, когда они так напуганы.

Она осторожно притронулась к руке Ваймса. Со стороны это напоминало зрелище работы индустриального робота, клешни которого, направляемые умелым специалистом, осторожно сжимают нечто крайне хрупкое.

— Не все такие смелые, как ты, — робко добавила она.

— Как я?

— Тогда, на прошлой неделе... Когда ты остановил этих бунтовщиков и не дал им убить моих дракончиков.

— Ах, вы об ЭТОМ. Это вовсе не смелость. И все равно, то были всего лишь люди. С людьми легче. Одно я вам скажу точно: с драконами я завязал. У меня и так уже бессонница, только об этом проклятущем драконе и думаю.

— О-о. — Она словно бы погрузилась. — Ну, если это решено... У меня ведь много друзей. Если тебе нужна помощь, только скажи. Я точно

знаю, что герцог Стогелитский ищет капитана стражи. Я напишу рекомендательное письмо. Герцог и герцогиня тебе понравятся, очень милая молодая пара.

— Я еще не совсем решил, что буду делать дальше, — более хрипло, чем ему того хотелось, ответил Ваймс. — Сейчас как раз обдумываю пару предложений.

— Да, конечно. Ты, наверное, сам лучше знаешь, как поступить.

Ваймс кивнул.

Госпожа Овнец усиленно крутила носовой платок.

— Ну, тогда... — наконец произнесла она.

— Ну... — сказал Ваймс.

— Тогда я... э-э... думаю, что ты, наверное, торопишься.

— Да, я думаю, мне лучше откланяться.

Последовала пауза. Затем оба заговорили одновременно.

— Это было очень...

— Я просто хотела сказать...

— Простите.

— Прости.

— Нет, это вы говорили.

— Нет, извини, что ты сказал?

— О! — Ваймс заколебался. — В общем, я пойду.

— О! Да, — госпожа Овнец улыбнулась ему утомленной улыбкой. —

Видимо, все эти предложения не терпят отлагательства.

Она протянула руку. Ваймс бережно ее потряс.

— Ну, я пошел, — сказал он.

— Заходи как-нибудь, — голос госпожи Овнец звучал намного холоднее, — если окажешься в наших краях. Ну и так далее. Уверена, Эррол будет очень рад повидаться с тобой.

— Да. Конечно. Тогда... до свиданья.

— До свиданья, капитан Ваймс.

Он неловко выскочил за дверь и торопливо зашагал по обсаженной деревьями тропинке. Все это время он спиной чувствовал на себе ее взгляд — или, по крайней мере, ему казалось, что он его чувствует. «Наверное, она стоит в дверном проеме, почти целиком его загораживая. Стоит просто потому, что смотрит на меня. Но я не оглянусь, — думал он. — Это будет настоящей глупостью. Она, конечно, славная, у нее много здравого смысла, и как личность она просто... колоссальная, но все равно...

Я не оглянусь, даже если она будет стоять там все время, пока я не

выйду на улицу. Иногда, чтобы быть добрым, приходится быть жестоким».

Но когда он, не пройдя еще и половины пути до улицы, услышал грохот захлопываемой двери, то внезапно почувствовал себя очень-очень сердитым — как будто его только что обокрали.

Он стоял в тенистом полумраке, сжимая и разжимая кулаки. Он больше не капитан Ваймс, он теперь гражданин Ваймс, а это значит, что теперь он имеет право делать вещи, о которых раньше не мог даже мечтать. Неплохо бы для начала пойти и раскокать пару окон.

Нет, это не поможет. Надо придумать что-нибудь еще. Избавиться от проклятого дракона, получить обратно должность, добраться до того, кто стоит за всем этим, на один сладкий момент забыть о себе, забыть обо всем и бить этого кого-то, бить до изнеможения...

Он смотрел в пустоту. Город лежал перед ним, окутанный дымом и паром. Однако он думал не об этом.

Он думал о бегущем мужчине. А если взглядеться еще глубже и дальше — в пропитанные винными испарениями туманы его жизни, — о мальчике, который тоже бежит, изо всех сил стараясь не отстать от остальных.

И он прошептал, одними губами:

— Кто-нибудь уцелел?..

Сержант Колон закончил чтение «официального» заявления и оглядел враждебно настроенную толпу.

— Я тут совершенно ни при чем, — сказал он. — Просто прочел, что написано. Не я это написал.

— Это называется «человеческие жертвоприношения», — прозвучало из толпы.

— Нет ничего плохого в человеческих жертвоприношениях, — отозвался какой-то жрец.

— В чистом виде нет, — быстро ответил первый. — Если есть веские религиозные основания. И если в жертву приносятся осужденные преступники и подобные типы^[22]. Но тащить дракону обычного, ни в чем не повинного человека только потому, что зверюге приспичило позавтракать?..

— Вот это боевой дух! — воскликнул сержант Колон.

— Налоги — это одно, но жрать людей заживо — совсем другое.

— Верно сказано!

— Если все мы скажем, что не согласны с этим, что тогда дракон сделает?

Шноббс открыл рот. Колон быстро заткнул напарнику пасть и победоносно вознес в воздух сжатый кулак.

— Именно это я и говорил с самого начала, — воскликнул он. — Когда мы вместе, нас так просто не спалишь!

Ответом ему были жидкие аплодисменты.

— Минуточку, — медленно произнес какой-то человечек небольшого роста. — Насколько нам известно, дракон способен только на одно. Он летает по городу, сжигая людей почем зря. Я не совсем понял, что предлагается сделать, чтобы помешать ему продолжать в том же духе.

— Да, но если все мы дружно выступим против... — заговорил первый горожанин, правда теперь в его голосе слышались нотки неуверенности.

— Всех он не сожжет, — поддержал Колон. Решив еще раз выложить свой новый козырь, он гордо воззвал: — Когда мы вместе, нас так просто не спалишь!

На этот раз аплодисментов было значительно меньше. Люди берегли энергию — а вдруг придется делать ноги?

— Почему бы и нет? Вот возьмет и спалит всех до единого, а потом в другой город переберется...

— Да потому, что...

— Из-за сокровищ, — объяснил Колон. — Он нуждается в людях, чтобы те приносили ему сокровища.

— Вот-вот.

— Ну да, может быть, но весь вопрос заключается в одном: сколько?

— Что сколько?

— Сколько людей на самом деле нужно дракону? Нас здесь — целый город. Может, он и не станет сжигать все население, только некоторую его часть. Но откуда нам знать, кого сожгут, а кого — нет?

— Послушай, это уже глупо, — вмешался первый. — Если мы будем разбирать все проблемы, которые, вероятно, возникнут в отдаленном будущем, то никогда не сдвинемся с места.

— Я хочу лишь сказать, что, прежде чем что-нибудь сделать, надо сначала тщательно все продумать. Например, ну победим мы дракона — и что нам это даст?

— Да что ты такое несешь?! — воскликнул сержант Колон.

— Нет, серьезно. Что нам это даст?

— Для начала мы спасем человеческие жизни!

— Я вас умоляю... — презрительно поморщился коротышка. — По моему, один человек в месяц — весьма неплохо, если сравнить с

некоторыми другими нашими правителями. Помните Нерша Безумного? Или Сминса Хихикающего с его Камерой Смеха?

Со всех сторон послышалось бормотание, представляющее собой различные вариации на тему «это он верно заметил».

— Но их ниспровергли!

— Неправда. Их убили.

— Какая разница? — возразил Колон. — Я веду к тому, что убить дракона не так просто. Чтобы от него избавиться, потребуется нечто большее, нежели темная ночь и острый нож.

«Теперь я понимаю, что имел в виду капитан, — подумал он. — Ничего удивительного, что он, начав думать, потом каждый раз обязательно напивается. Мы проигрываем, не успев даже начать. Враг может не беспокоиться, сражений не будет. Дайте жителю Анк-Морпорка дубинку, и кончится тем, что он забьет себя до смерти».

— Слушай, ты, сладкоречивое ничтожество, — первый ухватил коротышку за воротник и сжал свободную руку в кулак, — так уж случилось, что у меня три дочери, и я, знаешь ли, почему-то не хочу, чтобы ими закусил какой-то дракон, спасибо большое.

— Да, и когда мы вместе... нас... так просто... не...

Голос Колона дрогнул и затих. Сержант заметил, что вся толпа уставилась вверх.

«Чертова скотина, — подумал он, ощущая, как его решимость куда-то улечучивается. — Вот ведь дрянь бесшумная».

Дракон устроился поудобнее на коньке крыши ближайшего дома, с интересом наблюдая за событиями. Он пару раз хлопнул крыльями, зевнул и вытянул шею вниз так, что его морда чуть не легла на мостовую.

Мужчина, благословенный дочерью, так и стоял с вздетым кулаком в центре быстро расширяющейся пустой булыжной окружности. Коротышка вывернулся из его железной хватки и нырнул в тень.

Внезапно бунтующий против дракона горожанин оказался самым одиноким человеком на всем Плоском мире.

— Понятненько, — спокойно сказал он.

И гневно посмотрел прямо в морду любопытствующей рептилии. По сути, вид у дракона был не особо воинственный. Чудовище разглядывало бунтаря-одиночку скорее с интересом, нежели с какой-нибудь яростью.

— А мне плевать! — воскликнул горожанин. Эхо его голоса, умноженное абсолютной тишиной, заметалось между стен. — Мы бросаем тебе вызов! Если ты убьешь меня, то должен будешь убить всех!

Последовало неловкое шарканье со стороны тех из собравшихся,

которым это высказывание не показалось столь уж однозначным.

— Мы можем тебе сопротивляться! — зарычал горожанин. — И все люди меня поддерживают. Как говорится в этом твоём лозунге, сержант, насчет того, что, когда мы вместе...

— Э-э... — невразумительно отозвался сержант, чувствуя, как по позвоночнику ползет волна ледяного холода.

— Предупреждаю тебя, дракон, человеческий дух — это...

Они так и не узнали, что такое человеческий дух, или, по крайней мере, что это такое, с точки зрения данного горожанина. Хотя, возможно, много после, во мраке бессонных ночей, некоторые из присутствовавших там не раз вспоминали последующие события. И в результате прониклись глубоким, пробирающим до костей пониманием одной из особенностей человеческого духа, той, о которой иногда забывают. А именно: несмотря на то что при благоприятных обстоятельствах человеческий дух бывает благородным, смелым и удивительным, он — когда доходит до дела — не становится менее смертным.

Пламя ударило человека в самую грудь. Какое-то мгновение можно было разглядеть раскаленные добела очертания его фигуры, а потом черные останки спиралью заструились вниз, в лужицу из расплавленных булыжников.

Пламя исчезло.

Люди стояли как вкопанные, не зная, что лучше — то ли не двигаться с места, то ли срочно рвать когти.

А дракон смотрел вниз и с любопытством ждал.

Наконец Колон решил, что, будучи официальным лицом, он обязан взять ситуацию в свои руки. Сержант нерешительно кашлянул.

— Э-э, значит так, — он изо всех сил старался не сорваться на визг. — Будьте так добры, господа и дамы, проходите, проходите. Пожалуйста, не задерживайтесь, не на что тут смотреть.

Он принялся неопределенно размахивать руками, как бы демонстрируя свои полномочия, в то время как люди, теснясь и толкаясь, нервно двинулись прочь. Краем глаза Колон увидел красные языки пламени за крышами и улетающие в небо искры.

— Расходитесь по домам. Заодно проверите, остались ли они у вас, — надтреснутым голосом добавил он.

Постукивая костяшками пальцев, библиотекарь вошел в «настоящую» библиотеку, библиотеку в «здесь-и-сейчас». Каждая шерстинка у него на шкуре топорщилась от гнева.

В библиотеке он перешел на обезьяний способ передвижения и быстро пересек ее, перемахивая со шкафа на шкаф.

Распахнув дверь и уцепившись за притолоку, он выметнулся на улицу пораженного бедствием города.

Кое-кто здесь очень скоро узнает, что настоящий ночной кошмар — это разъяренный библиотекарь.

Со значком Ночной Стражи.

Едва взмахивая крыльями, дракон вальяжно скользил над ночным городом. Сегодня можно было не напрягаться. Необходимую подъемную силу обеспечивал струящийся снизу раскаленный воздух.

По всему Анк-Морпорку пылали пожары. Горело столько зданий и было сформировано такое количество цепочек для передачи ведер с водой, что многие ведра постоянно попадали не туда. Образовалось даже некое подобие ведерной контрабанды. Хотя это было не обязательно — чтобы таскать густую воду реки Анк, ведра не требовались, вполне хватило бы сети.

Ниже по течению люди с измазанными копотью лицами пытались перекрыть огромный, изъеденный ржавчиной шлюз, что располагался под Медным мостом. Этот шлюз представлял собой последнюю защиту Анк-Морпорка от пламени, поскольку перекрытый Анк постепенно начинал выходить из берегов и медленно, с сочным бульканьем заполнял пространство между городскими стенами. Утонуть в Анке было сложно, куда легче было задохнуться.

А на мосту тем временем трудились те, кто не мог или не хотел бежать из города. Прочие же анк-морпоркцы толпами стекались к городским воротам, оттуда устремлялись в стылые, туманные долины.

Впрочем, далеко уйти им не удалось. Дракон, выписывая петли и грациозные кривые над полуразрушенным городом, вылетел за пределы городских стен. Через несколько секунд стражники увидели, как туман рассекли языки пламени. Волны человеческих существ потекли обратно, а дракон в небе направлял их путь, как собака направляет стадо. Огни пожаров расцветивали красным нижнюю, обращенную к городу сторону крыльев дракона.

— Есть какие-нибудь предложения по поводу того, что делать дальше? — произнес Шнобс.

Колон не ответил. «Эх, был бы рядом капитан Ваймс, — подумал он. — Он бы тоже не знал, что делать, но его словарный запас, за которым, как за дымовой завесой, можно скрыть это незнание, гораздо шире».

В некоторых местах пожары начали утихать — поднимающиеся воды Анка и неровные ведерные цепочки сделали свое дело. Было не похоже, что дракон собирается поджигать еще что-то. Он сказал все, что хотел.

— Интересно, кто это будет, — задумчиво промолвил Шноббс.

— Ты о чем? — не понял Моркоу.

— О человеческом жертвоприношении.

— Но сержант сказал, что люди ни за что не смирятся с жертвоприношениями, — стоически ответил Моркоу.

— Ну да. А ты посмотри на это так. Если сказать людям, мол, что вы выбираете: или у вас дом сожгут, или какую-то девушку съедят, которую вы, может, никогда и в глаза не видели, — знаешь, тут-то люди и призадумаются. Человеческая природа, ничего не попишешь.

— В самый ответственный момент должен появиться герой, — заявил Моркоу. — С каким-нибудь никому не известным оружием или с чем-нибудь еще. И он поразит чудище в... в... в язвимое место.

Воцарилось молчание, характерное для внезапного напряженного внимания.

— Это в какое место, например? — подал голос Шноббс.

— В какое-нибудь. В язвимое, одним словом. Дедушка мне рассказывал разные истории. Попади дракону в язвимые органы — и ты его, считай, убил.

— Это вроде как сапогом по... ну, по этим? — с неподдельным интересом уточнил Шноббс.

— Не знаю. Наверное. Хотя, Шноббс, я тебе уже и раньше говорил, это неправильно...

— И где, к примеру, у него такое место?

— О, у каждого дракона свое. Ждешь, пока он пролетит у тебя над головой, чтобы хорошенько его разглядеть, потом внимательно смотришь — ага! — вот оно, язвимое место, и тут ты его убиваешь, — объяснил Моркоу. — Что-нибудь в этом роде.

Сержант Колон пустым взглядом уставился в пространство.

— М-м-м, — скептически промычал Шноббс.

Некоторое время они наблюдали панораму города — панораму бегства и паники. Молчание нарушил сержант Колон:

— А ты уверен? Ну, насчет язвимых органов?

— Да. Конечно.

— Это-то и плохо.

Они вновь уставились на повергнутый в ужас город.

— А помнишь, сержант, — сказал Шноббс, — ты всегда говорил, что в

армии завоевывал призы за стрельбу из лука. Рассказывал, мол, у тебя есть счастливая стрела, ты еще всегда забирал эту стрелу обратно. А потом ты говорил, что...

— Ладно! Ладно! Но это ведь не просто мишень, верно? Да и я не герой. Почему именно я?

— Капитан Ваймс платит нам по тридцать долларов в месяц, — укоризненно заметил Моркоу.

— Вот именно, — Шноббс ухмыльнулся, — а ты получаешь на пять долларов больше. За ответственность.

— Но капитана Ваймса больше с нами нет, — сокрушенно ответил Колон.

Моркоу сурово посмотрел на него.

— Я уверен, — сказал он, — что будь он здесь, то был бы первым, кто...

Колон жестами заставил его замолчать.

— Это все прекрасно, — кивнул он, — но что, если я промахнусь?

— Попробуй посмотреть на это с положительной стороны, — посоветовал Шноббс. — Скорее всего, ты никогда об этом не узнаешь.

Выражение лица сержанта Колона смутировало в злую, отчаянную ухмылку.

— Мы не узнаем, — ядовито поправил он.

— Это как?

— Если ты думаешь, что я буду стоять на крыше один, как полный идиот, то советую подумать еще раз. Я приказываю вам сопровождать меня. Кстати, — добавил он, — ты тоже получаешь надбавку за ответственность. Один доллар.

Лицо Шноббса панически задергалось.

— Ничего я не получаю! — прохрипел он. — Капитан Ваймс сказал, что в течение пяти лет эта надбавка будет удерживаться, поскольку я позорю род человеческий!

— Ну что ж, в таком случае я отменяю его приказ. К тому же ты отлично разбираешься в язвимых органах. Я не раз видел тебя в деле.

Моркоу браво отсалютовал.

— Вызываюсь добровольцем! — рявкнул он. — И хотя у меня сейчас испытательный период и я получаю только двадцать долларов в месяц, я все равно нисколько не возражаю принять участие в готовящейся операции.

Сержант Колон прочистил горло. Затем поправил грудные латы. Латы были из тех, на которых красуется выпуклый рельеф поразительно

впечатляющих грудных мускулов. Грудь и живот сержанта умещались в латах неплохо — примерно, как желе в формочке.

Как бы на его месте поступил капитан Ваймс? Он бы выпил. А если бы не выпил, что бы сделал тогда?

— Первым делом, — медленно произнес он, — надо разработать План.

Звучало хорошо. Одно это высказывание стоило месячного оклада. Если у тебя есть План, ты, считай, на полдороги к цели.

И тут же в ушах у него зазвучали приветственные возгласы толпы. Люди теснятся на улицах, бросают цветы и его, победителя, проносят на руках через благодарный город.

«Основной недостаток здесь, — подумал он, — что меня могут пронести в урне».

Волч Воунз, ступая на цыпочках, осторожно пробирался по продуваемым сквозняками коридорам, пока не достиг спальни патриция. Ее и в лучшие-то времена никак нельзя было назвать роскошной: обстановка ограничивалась узкой постелью, несколькими выдавшими виды шкафами да еще парой-тройкой предметов первой необходимости. Но теперь, когда полностью отсутствовала одна стена, спальня выглядела еще хуже. Сделай в темноте случайный шаг в сторону — и полетишь прямо в огромную пещеру, что прежде называлась Главным залом.

И все же он плотно закрыл за собой дверь — словно соблюдая некий ритуал уединения. Затем столь же осторожно, то и дело бросая нервные взгляды на пропасть сбоку, опустился на колени в центре комнаты и приподнял одну из половиц.

В поле его зрения показалась длинная черная мантия. Воунз сунул руку глубже и пошарил в пыльном пространстве. Потом пошарил еще. Затем всем телом улегся на пол, засунул обе руки в расщелину и стал судорожно что-то искать.

Через всю комнату пролетела какая-то книга и ударила его по затылку.

— Ты случаем не это ищешь? — раздался голос Ваймса.

Из тени выступила фигура капитана.

Воунз стоял на коленях, беспомощно хватая ртом воздух.

«Что он мне сейчас скажет? — думал Ваймс. — Что-нибудь вроде: „Ты просто не знаешь, каково это“, или „Как ты здесь оказался?“, или, быть может, „Послушай, я сейчас все объясню“. Жалко, у меня нет с собой заряженного и готового к бою дракона...»

— Ну что ж, отлично, — сказал Воунз. — Ты все-таки догадался.

Неплохое расследование.

«Ах да, конечно, такой вариант тоже нельзя было исключать», — подумал Ваймс.

— Под половицей... — сказал он вслух. — Ай-ай-ай, как неразумно. Там же первым делом будут искать.

— Знаю. Но, наверное, он не предполагал, что дело зайдет так далеко, — Воунз поднялся на ноги и теперь отряхивал пыль со своего костюма.

— Ты это о ком? — любезно осведомился Ваймс.

— О Витинари. Вечно он затевал всякие интриги. Принимал участие в большинстве заговоров против себя самого — это был основной метод его правления. Ему это нравилось. Видимо, он и вызвал дракона, а потом утратил над ним контроль. Зверюга оказалась куда коварнее его.

— А ты-то что здесь делаешь? — спросил Ваймс.

— Я подумал, может, есть какая-то возможность обратить заклинание вспять. Или вызвать другого дракона. Чтобы они передрались между собой.

— Этакое равновесие сил, да?

— Но согласись, попробовать стоит! — Воунз говорил с не характерным для него пылом. Он приблизился к капитану на несколько шагов. — Послушай, насчет твоей должности, мы оба немножко погорячились, так что, если хочешь получить ее обратно, само собой, никаких проблем не бу...

— Наверное, это было ужасно, — прервал его Ваймс. — Только представь, что патриций пережил. Он вызвал чудовище, а потом обнаружил, что имеет дело вовсе не с бессловесным орудием, а с самостоятельным сознанием. С сознанием, во всем похожим на его собственное, это сознание абсолютно лишено тормозов. Знаешь, я бы рискнул заключить пари — в начале он, должно быть, считал, что вся эта затея во благо. Наверное, совсем свихнулся. На какой-то стадии своего предприятия.

— Да, — хрипло согласился Воунз. — Кошмар какой.

— Эх, попался бы он мне в руки! Столько лет я его знаю, и мне ни разу не пришло в голову...

Воунз промолчал.

— Беги, — произнес Ваймс тихо.

— Что?

— Беги. Я хочу посмотреть, как ты бегаешь.

— Я не понимаю...

— В ночь, когда дракон спалил то здание, я видел убегающего

человека. Помню, я еще обратил внимание, что у того человека крайне забавная манера передвигаться, он вроде как мячик, все время подскакивает. А на следующий день я видел, как убегал от дракона ты. И мне показалось, что это было очень похоже — так, словно оба раза бежал один и тот же человек. Почти подскакивая, будто мячик. Как будто этот человечек изо всех сил старается не отстать от своих старших приятелей. И вопрос, который ты мне задал, помнишь? Ты спрашивал, не уцелел ли кто.

Воунз равнодушно — или так ему только показалось — махнул рукой.

— Глупость какая, разве это что-то доказывает?

— Я смотрю, ты теперь перебрался сюда, — заметил Ваймс. — Наверное, *КОРОЛЬ* настоял? Чтобы ты всегда был под рукой?

— У тебя нет никаких доказательств, — прошептал Воунз.

— Разумеется, нет. Мало ли кто как бегают. Мало ли кто какие вопросы задает. Ничего ведь больше нет. Доказательств нет. Но даже если бы у меня были доказательства, это все равно не имело бы значения, — пожал плечами Ваймс. — Потому что некому их предъявить. И должность мне ты вернуть не можешь.

— Могу! — воскликнул Воунз. — Могу! К тому же тебе совсем не обязательно оставаться в капитанах...

— Ты не можешь вернуть мне должность, — повторил Ваймс. — Ты и отобрать ее не имел права. Я никогда не служил ни городу, ни королю, ни патрицию. Я служил закону. Растлеваемому, извращаемому на все лады, но все равно своего рода закону. Сейчас же остался только один закон: «Если не хочешь, чтобы тебя сожгли заживо, держи ушки на макушке». Разве при таком законе для меня есть место?

Воунз рванулся вперед и схватил Ваймса за руку.

— Но ты можешь помочь мне! — воскликнул он. — Наверняка есть способ уничтожить дракона, ведь должен быть какой-то способ... А еще мы можем помочь людям, как-то направить события, смягчить самое худшее, попытаться как-то договориться...

Пощечина, которую отвесил ему Ваймс, была настолько сильной, что Воунза аж закрутило на месте.

— Дракон правит городом, — отрезал он. — Его невозможно «направить», его нельзя убедить, с ним нельзя договориться. И перемирие с драконами не заключают. Ты, сволочь, притащил его сюда, и теперь надо что-то делать!

Воунз отнял руку от ярко-белой отметины на щеке.

— Что ты намерен предпринять? — еле слышно выговорил он.

Ваймс не знал. Он перебрал множество вариантов, но единственным

подходящим казался один: прикончить Воунза. Но вот так, глядя ему в глаза, он это сделать не сможет.

— Ага, вот оно, все вы такие, — воспрянул духом Воунз. — Кто-то пытается помочь людям, улучшить их жизнь, но вы вечно выступаете против, хотя сами не способны выдвинуть ни одного мало-мальски выполнимого плана. Стража! Стража!

Он маниакально ослабился.

— Не ожидал? — ехидно спросил он. — У нас, видишь ли, по-прежнему есть стража. Правда, не очень многочисленная. Не многие идут на такую работу.

Из коридора донеслись шаги, и в комнату ворвались четверо стражников с обнаженными мечами.

— Я бы на твоём месте не стал сопротивляться, — продолжал Воунз. — Это несчастные, отчаявшиеся, ни на что не годные неудачники. Но труд этих неудачников очень высоко оплачивается.

Ваймс промолчал. Воунз любил позлорадствовать. С такими типами управиться всегда легче. Старик патриций никогда не злорадствовал и не бахвалился, этого у него было не отнять. Если он хотел кого-то убить, то жертва узнавала об этом в самую что ни на есть последнюю очередь.

А с теми, кто любит позлорадствовать, надо играть по их правилам.

— Тебе не удастся выйти сухим из воды, — сказал Ваймс.

— Здесь ты, конечно, прав. Но ведь главное — выйти, и неважно, сухим или мокрым, — усмехнулся Воунз. — Совсем сухих не бывает. Впрочем, у тебя будет время поразмыслить над этим. — Он кивнул стражникам. — Бросьте его в особую темницу. А затем займитесь вторым дельцем.

— Э-э, — неуверенно протянул старший из стражников.

— В чем дело?

— Вы, того, это, хотите, чтобы мы на него напали? — несчастным голосом спросил тот.

При всей своей тупоголовости, присущей любой дворцовой страже, эти стражники не хуже других знали правила игры. А правила эти гласят: если стражников вызывают, чтобы скрутить одного-единственного человека, то ничего хорошего это не сулит. «Ну, точно, — думал данный стражник, — герой, пропади он пропадом». Перспектива быть уложенным на месте ему вовсе не улыбалась.

— Разумеется, идиот!

— Но, э-э, он ведь здесь только один, — протянул капитан Дворцовой Стражи.

— И к тому же улыбается. Нагло так... — поддержал начальника второй стражник, стоявший чуть поодаль.

— Того и гляди, начнет бросаться подсвечниками, — добавил третий. — Перевернет стол. И все прочее в том же духе.

— Но он ведь даже не вооружен! — пронзительно завопил Воунз.

— Вот от таких-то самый вред, — с горьким стоицизмом заметил один из стражников. — Так и норовят подпрыгнуть и схватить древний меч с герба над камином!

— Во-во, — тоном глубокого подозрения поддержал его другой. — А потом стулья полетят, столы...

— Но здесь нет никакого камина!!! И никакого меча! А он безоружный! Так что — *ВЗЯТЬ ЕГО!* — приказал Воунз.

Двое стражников неуверенно взяли Ваймса за плечи.

— Ты ведь не станешь предпринимать ничего героического? — прошептал один из них.

— Просто не знаю, с чего начать, — признался Ваймс.

— А-а! Хорошо.

Ваймса потащили прочь. Позади него Воунз разразился безумным хохотом. Совершенно типичное поведение любителя позлорадствовать.

Но в одном Воунз был прав. Плана у Ваймса не было. Ваймс действительно не удосужился обдумать, как будут развиваться события. «Дурак я был, — сказал он себе, — если считал, что достаточно сцепиться с Воунзом, и дело в шляпе».

Но интересно, что же это за «второе дельце», о котором упомянул Воунз?

Дворцовые стражники не говорили ни слова, смотрели прямо перед собой и вели его все дальше и дальше — через превращенный в развалины зал, затем по руинам другого коридора. Их путь закончился у двери крайне зловещего вида. Отворив дверь, стражники бросили Ваймса в камеру и удалились.

И никто, абсолютно никто не заметил тоненького, похожего на листик предмета. Мягко планируя, он опускался из сумрака под крышей, то и дело, словно семечко платана, кувыряясь на лету, — пока не приземлился на сваленные в беспорядочную кучу сокровища.

Арахисовая скорлупка.

Госпожу Овнец разбудила тишина. Ее спальня располагалась прямо над загонами драконов, и она привыкла спать под шорох ржавой чешуи, периодические взревы драконов, исторгающих во сне пламя, и

постанывание беременных самок. Поэтому отсутствие каких-либо звуков подействовало на нее не хуже звона будильника.

Перед тем как заснуть, она слегка всплакнула, но совсем чуть-чуть — какой смысл разводить нюни? Госпожа Овнец зажгла лампу, натянула прорезиненные сапоги, схватила палку — единственное, что будет стоять между нею и чисто теоретической опасностью утратить девичью честь, — и заспешила вниз по темной лестнице. Когда она, двигаясь в сторону сарая, пересекала мокрый газон, у нее возникло смутное ощущение, что в городе что-то происходит, но она тут же отмахнулась от этого ощущения как от чего-то, в данный момент не актуального. Сейчас важнее драконы.

Она распахнула дверь.

По крайней мере, они по-прежнему здесь. Никуда не делись. Знакомая, характерная для болотных драконов вонь — запах ила пополам с запахом химических взрывов — вырвалась в ночной воздух.

Все драконы — каждый посреди своего загона — балансировали на задних лапках, вытянув шеи и не сводя яростных взглядов с крыши.

— Ах вот оно что! — воскликнула она. — Он, значит, опять летает? Силу показывает. Не тревожьтесь из-за него, детки. Ваша мамочка с вами.

Поставив лампу на высоко расположенную полку, она зашагала к «лазаретной койке» Эррала.

— Ну, как ты, мой мальчик? — проговорила она. И тут же замолкла.

Эррол растянулся на боку. Он испускал тонкие султанчики серого дыма, а живот у него раздувался и опадал, как кузнечные мехи. Кожа, начиная от шеи и ниже, была почти чисто-белого цвета.

— Если у меня когда-нибудь дойдут руки переписать заново «Балезни Драконов», то тебе там будет посвящена целая глава, — тихо произнесла она, отодвигая засов загона. — Давай-ка посмотрим, не упала ли эта противная температура?

Она хотела погладить дракончика, но мгновенно отдернула руку и судорожно вздохнула. На кончиках пальцев вздулись пузыри.

Эррол был настолько холодным, что обжигал не хуже огня.

Она смотрела на него, ничего не понимая, а теплые отпечатки у него на коже постепенно затягивались пленкой замерзающего воздуха.

Госпожа Овнец присела на корточки.

— Станный ты, однако, дракон... — задумчиво проговорила она.

Послышался отдаленный звук — кто-то стучал во входную дверь. Мгновение поколебавшись, она задула лампу, прокралась (насколько ее грузное тело позволяло красться) вдоль загонов и отодвинула кусок мешковины, служивший в качестве занавески.

В первых лучах рассвета она разглядела некий силуэт. На пороге ее дома стоял стражник, перья его плюмажа раскачивались под утренним ветерком.

В панике закусив губу, она бросилась обратно к двери, бегом пересекла лужайку и нырнула в дом, а там, перепрыгивая через три ступеньки, кинулась вверх по лестнице.

— Как глупо, как глупо, — бормотала она, вспомнив, что оставила лампу внизу, в сарае.

Но сейчас не время. Если сейчас возвращаться за лампой, то Ваймс ее не дождетсЯ и уйдет.

В полумраке, двигаясь на ощупь и по памяти, она отыскала свой лучший парик и водрузила его на голову. Где-то на туалетном столике, среди мазей и средств для лечения драконов, затесался еще один пузырек — давнишний подарок ее самого безмозглого племянника. Насколько она помнила, на этикетке было написано не то «Ночная роса», не то еще какой-то бред в том же стиле. Пришлось перепробовать несколько склянок, прежде чем она нашла что-то, что, судя по запаху, было именно «Ночной росой». Однако даже ей, чей нос под давлением всепроникающих драконьих ароматов давным-давно отключил большую часть своего сенсорного аппарата, запах показался неожиданно мощным, на удивление мощным. Но, видимо, мужчинам это нравится. По крайней мере, она читала в книгах, что им это нравится. Что за дурь, в самом деле. После нескольких судорожных проб она переместила лиф своей ночной рубашки, внезапно ставшей слишком приличной, в положение, которое, как она надеялась, приоткрывает ее телеса, одновременно ничего не демонстрируя, и заспешила вниз по лестнице.

Она остановилась перед дверью, глубоко вздохнула, повернула ручку и, уже открывая дверь, осознала, что... забыла снять прорезиненные сапоги!

— Что случилось, капитан? — чарующе начала госпожа Овнец. — Это так ми... **ЧТО ЗА ЧЕРТ, КТО ТЫ ТАКОЙ?**

Глава дворцовых стражников попятился и, поскольку родом он происходил из крестьян, сделал несколько суеверных жестов, призванных отогнать злых духов. Жесты, очевидно, не сработали. Когда он вновь открыл глаза, страшная женщина по-прежнему высилась на пороге, лопаясь от ярости, воняя чем-то тошнотворным и забродившим. Увенчанная перекошенной массой кудрей, она принялась надвигаться на него всем своим колышущимся телом. Во рту у стражника пересохло...

Ему доводилось о таких слышать. Гарпии, вот как они называются. Что

эта гарпия сделала с госпожой Овнец? Единственное, что сбивало с толку, — так это прорезиненные сапоги. В легендах о гарпиях прорезиненные сапоги не упоминались.

— Ну-ка, дружок, говори, — прогрохотала госпожа Овнец, поддергивая лиф ночной рубашки и перемещая его в более приличную позицию. — Нечего стоять, хлопая губами. Что тебе надо?

— Госпожа Сибилла Овнец? — вымолвил стражник — не просто вежливо, так, как если бы ожидал получить подтверждение, а неверящим тоном человека, который даже представить себе не может, что услышит в ответ «да».

— Открой глаза, молодой человек. А кто же еще, по-твоему?

Стражник собрался с духом.

— У меня, это, повестка для госпожи Сибиллы Овнец, — несколько сбивчиво произнес он.

Ее голос способен был испепелить:

— Что ты имеешь в виду? Какая-то повестка?

— Насчет того, что вы должны явиться во дворец.

— Не могу себе представить, кому это может понадобиться в такую рань!

Госпожа Овнец попыталась захлопнуть дверь прямо перед стражничьим носом. Однако номер не прошел, потому что в последний момент стражник успел просунуть кончик меча между дверью и косяком.

— А если вы вдруг откажетесь, — сообщил он, — то мне приказано принять меры.

Дверь опять распахнулась, и лицо госпожи Овнец прижалась к лицу стражника — он чуть было не потерял сознание от запаха гниющих розовых лепестков.

— Если *ТЫ* воображаешь, что действительно сможешь дотронуться до меня хоть пальцем... — начала она.

Стражник зыркнул вбок, в сторону сарая. Лицо госпожи Овнец побледнело.

— Ты не посмеешь! — прошипела она.

Он сглотнул. Каким бы страшилищем она ни казалась, а все равно госпожа Овнец — всего-навсего человек. Так что голову может откусить только метафорически. Есть вещи во сто раз хуже. Которые могут случиться, если он вернется во дворец с пустыми руками.

— Я должен принять меры, — прохрипел он.

Выпрямившись во весь рост, она смерила взглядом стражников, выстроившихся в ряд за спиной у своего капитана.

— Понятно, — холодно заключила она. — Значит так, да? Шестеро человек на одну хрупкую женщину. Прекрасно. Полагаю, мне разрешается сходить за накидкой. На улице ведь прохладно.

Она захлопнула дверь.

Стражники переминались с ноги на ногу, пытаясь согреться, и старались не смотреть друг другу в глаза. Было очевидно, что арест проходит как-то не так. Арестованный не должен заставлять вас ждать у порога — нет, этот мир должен работать как-то иначе. С другой стороны, единственной альтернативой было ворваться внутрь и силой вытащить пленницу наружу — но почему-то на это никто из них не отважился. Кроме того, капитан стражи сильно сомневался, что имеет в своем распоряжении достаточно людей, чтобы выволочь госпожу Овнец из дома. Тут нужны батальоны с осадными машинами.

Дверь со скрипом отворилась, но взглядам стражников открылся лишь затхлый мрак коридора.

— Ну, ребята, — неловко произнес капитан.

Показалась госпожа Овнец. Вернее, перед его взором мелькнул смазанный образ госпожи Овнец, на бешеной скорости вылетающей из дверей, — и это вполне могло бы стать его последним воспоминанием, если бы в тот момент, когда она уже достигла конца лестницы, у него не достало присутствия духа подставить ей подножку. Исторгая проклятия, госпожа Овнец рухнула на землю, пропахала заросший загон, ударилась головой об осыпающуюся стацию древнего Овнца и там затормозила.

Обоюдоострый меч, который она сжимала в руке, с сочным чавканьем вонзился в землю рядом с ней.

Некоторое время спустя один из стражников осторожно подполз к мечу и попробовал пальцем лезвие.

— Черт побери, — вымолвил он со смесью ужаса и уважения. — И дракон хочет съесть именно ее?

— Она вполне подходит, — ответил капитан. — Ему нужна самая высокородная дама города. Не знаю, как там насчет девственности, — добавил он, — и сейчас не собираюсь задаваться этим вопросом. Эй, кто-нибудь, подгоните сюда карету.

Он дотронулся пальцем до уха — кончик меча оставил там маленькую засечку. По натуре капитан стражников был человек незлобивый, но все равно он немало порадовался, что к тому моменту, как госпожа Овнец придет в себя, ее от некоего капитана Дворцовой Стражи будет отделять толстая драконья шкура.

— А разве мы не должны убить всех ее ручных дракончиков? —

спросил один из стражников. — По-моему, господин Воунз говорил что-то такое.

— Этим мы должны были только пригрозить ей, — возразил капитан.

Стражник нахмурился.

— Вы уверены, сэр? Я лично думал...

Но капитан был сыт по горло. Вопящие гарпии и обоюдоострые мечи, издающие леденящий кровь свист в непосредственной близости от твоего уха, не способствуют поднятию настроения.

— Ах ты *ДУМАЛ!* — прорычал он. — Ты, значит, из думающих? А что ты думаешь насчет смены места службы? Например, насчет перевода в *ГОРОДСКУЮ* Стражу, а? Там таких думающих пруд пруди!

Остальные стражники отреагировали неловким хихиканьем.

— А если ты так любишь думать, — саркастически добавил капитан, — то, может, подумаешь как следует и наконец поймешь, что его величеству вряд ли понравится, если мы начнем убивать других драконов, а? Они ведь, наверное, дальние родственники. Вряд ли он обрадуется, если мы вдруг устроим резню среди его родственников, как ты *ДУМАЕШЬ!*

— Но, сэр, люди ведь именно так и поступают, — угрюмо ответил младший подчиненный.

— То люди, — завершил капитан. — Это совсем другое дело. — Он многозначительно постучал по шлему. — Это потому, что мы разумные.

Ваймс приземлился на мокрую солому. Кругом царил непроницаемый мрак, хотя через некоторое время его глаза достаточно привыкли к темноте, чтобы можно было различить стены темницы.

М-да, здесь не зашикуешь. Такое впечатление, тут собрались все арки и колонны дворца. В противоположном от Ваймса конце помещения маленькая решетка впускала то, что можно было назвать подозрением на неряшливый, подержанный свет.

В полу виднелась еще одна квадратная дыра. Также зарешеченная. Однако прутья изрядно проржавели. В голову Ваймсу пришло, что, очень может быть, их удастся в конце концов расшатать. А потом дело за малым — чуточку похудеть, чтобы пролезть в дыру девяти дюймов шириной.

Чего темнице недоставало — так это крыс, скорпионов, тараканов и змей. Но когда-то змеи здесь были, это правда, потому что сандалии Ваймса с хрустом давили длинные белые скелетики.

Откуда-то доносились ритмичные скребущие звуки. Пытаясь понять происхождение звуков, Ваймс осторожно пополз вдоль влажной стены.

Обогнув приземистую колонну, он узнал разгадку таинственных шорохов.

Патриций брился. Прищурившись, он гляделся в осколок зеркала, прислоненного к колонне так, чтобы отражать свет. Нет, дошло до Ваймса, зеркало вовсе не прислонено к колонне. Его поддерживают. И его держит крыса. Большая красноглазая крыса.

Не выказывая какого-либо удивления, патриций кивнул.

— Кого я вижу, — произнес он. — Ваймс, не так ли? Я слышал, как ты сюда добирался. Вот и здорово. Дай знать кухонному персоналу, — и тут до Ваймса дошло, что патриций обращается к крысе, — что сегодня обедать будут двое. Кружечку пива, Ваймс?

— Что? — только и сумел вымолвить тот.

— Полагаю, ты не откажешься. Хотя должен предупредить, я понятия не имею, что нам принесут. Сородичи Скрпа достаточно разумны, но когда дело доходит до этикеток на бутылках, тут у них будто какое-то слепое пятно.

Лорд Витинари просушил лицо, похлопывая по нему полотенцем, после чего швырнул полотенце на пол. Из мрака метнулась серая тень и уволокла полотенце в направлении напольной решетки.

После этого Витинари сказал:

— Очень хорошо, Скрп. Можешь идти.

Глядя на него, крыса шевельнула усиками, потом прислонила зеркало к стене и затрусил прочь.

— Вам прислуживают *КРЫСЫ!* — обомлел Ваймс.

— Честно говоря, они немало помогают в этих трудных условиях. Но работники из них не очень хорошие. Лапы — вот основная проблема.

— Но, но, но... — запинаясь, выдавил Ваймс. — То есть как же это возможно?

— Подозреваю, что некоторые из туннелей сородичей Скрпа располагаются под самым Университетом. Магия, понимаешь? — пожал плечами лорд Витинари. — Хотя, по-моему, они и сами по себе достаточно разумны.

По крайней мере в этом Ваймс разобрался. Широко известно, что магическое излучение Университета оказывает сильное воздействие на всех животных, обитающих в окрестностях университетского городка. В отдельных случаях под его влиянием развивались крохотные аналогии человеческой цивилизации, а некоторые виды мутировали, образуя совершенно новые и специализированные формы жизни — такие, например, как книжный червь или банный лист. А крысы, Витинари очень верно подметил, и так отличаются развитым интеллектом.

— И они вам помогают? — спросил Ваймс.

— На основах взаимности. Я им тоже помогаю. Как говорится, услуга за услугу.

Патриций уселся на некий предмет, в котором Ваймс с изумлением узнал бархатную подушечку. На низко расположенной полке — чтобы быть всегда под рукой — лежал блокнот, а также аккуратным рядком стояли книги.

— Но чем вы можете помочь крысам? — слабым голосом спросил он.

— Советом. Я им даю советы. — Патриций откинулся назад и прислонился к стене. — В этом главная проблема таких, как Воунз, — добавил он. — У них нет чувства меры. Крысы, змеи и скорпионы. Когда я пришел к власти, творился бедлам чистой воды. Крысам доставалось больше всех.

Ваймсу показалось, что он начинает понимать.

— Вы хотите сказать, что вроде как обучали их?

— Я советовал. Всего-навсего давал советы. Проявил некоторую находчивость, — скромно добавил он.

Ваймс попытался себе представить, как все происходило. Объединились ли крысы со скорпионами и потом, после победы над змеями, пригласили скорпионов на шикарный праздничный ужин, на котором и слопали своих бывших союзников? Или, может быть, они нанимали отдельных скорпионов за... — что там скорпионы едят? — чтобы те под покровом ночи подбирались к избранным змеям, змеям-вождям, и жалили их?

На ум пришла история, которую он однажды слышал. О человеке, проведшем много лет в одиночной камере. Он дрессировал птичек и таким способом создал для себя что-то вроде свободы. Вспомнились рассказы о древних моряках. Когда старость или недомогание лишали их возможности плавать, они коротали дни, делая корабли и помещая их в маленькие бутылки.

Затем мысли Ваймса вернулись к патрицию. Вот он, правитель, лишенный своего города, сидит скрестив ноги на сером полу унылой темницы и воссоздает в ее стенах свой бывший город, поощряя борьбу за власть, соперничество, интриги и раздоры. Патриций представился ему в виде угрюмой статуи, вынашивающей свои замыслы посреди камней, неподвижный мрак которых оживляется лишь крадущимися тенями и воспоминаниями о внезапной политической смерти. Наверное, это легче, чем управлять Анк-Морпорком. В том городе гораздо больше сброда, которому, чтобы удержать нож, достаточно одной руки.

Возле зарешеченного отверстия что-то зазвякало. Появилось полдюжины крыс, которые волокли за собой нечто, завернутое в тряпицу. Перебросив свой груз через решетку, они с большими усилиями подтащили его к ногам патриция. Тот наклонился и развязал узел.

— Так, сегодня у нас сыр, куриные ножки, сельдерей, кусок довольно черствого хлеба и бутылка отличного, о! Отличного «Очень Известного Лукового Соуса» от Меркля и Жаломыша. Я сказал пиво, Скрп, — главная крыса задергала в ответ усиками. — Ты уж извини, Ваймс. Видишь ли, они не умеют читать. Похоже, для них непостижим сам принцип чтения. Но слушать они умеют. Держат меня в курсе текущих событий.

— Похоже, вы здесь неплохо устроились, — выдавил Ваймс.

— Мое основное правило: строй темницу так, чтобы тебе самому захотелось провести в ней ночку-другую. — Патриций разложил еду на скатерти. — Мир стал бы куда более приятным местом, будь в нем больше людей, следующих этому правилу.

— А мы все думали, что вы сооружаете тайные ходы и тому подобное.

— Не вижу в этом никакого смысла, — спокойно отвечал патриций. — За тайными ходами нужно все время присматривать, о них нужно заботиться. Это так неэффективно. В то время как здесь я нахожусь в самом эпицентре событий. Никогда не доверяй правителю, уповающему на катакомбы, бункера, задние двери и потайные ходы. Не исключено, что ему просто не нравится та работа, которую он выполняет.

— О.

Он сидит в темнице собственного дворца, власть захвачена буйнопомешанным типом — и при этом патриций искренне убежден, что все продолжает работать так, как надо. Наверное, это как-то связано с высокими должностями. Высота сводит людей с ума.

— Вы, э-э, не будете возражать, если я немного осмотрюсь? — спросил Ваймс.

— Чувствуй себя как дома.

Ваймс пересек темницу и изучил дверь. Та была закрыта массивными решетками и заперта. Замок был тяжелый.

Затем он принялся простукивать стены в местах возможных пустот. Вне всяких сомнений, темница была построена отлично — именно так, как вы бы ее построили, если бы намеревались сажать туда опасных преступников. Разумеется, в таких обстоятельствах вы не станете начинать ее фальшивыми дверьми, скрытыми туннелями или потайными ходами.

Однако сейчас обстоятельства иные. Поразительно, как влияют на чувство перспективы несколько футов непроницаемого камня.

— А стража сюда заходит? — осведомился он.

— Практически нет, — ответил патриций, подкрепив ответ выразительным помахиванием куриной ножкой. — Меня ведь не кормят. Предполагается, что я сломаюсь. На самом деле, — добавил он, — до недавнего времени я периодически подходил к двери и стонал там. Просто чтобы их успокоить.

— Но ведь рано или поздно кто-нибудь обязательно придет и проверит, как вы тут, — сказал Ваймс.

— О, вряд ли мы станем их дожидаться.

— Но как вы рассчитываете выбраться отсюда?

Лорд Витинари бросил на него утомленный взгляд.

— Мой дорогой Ваймс, — хмыкнул он, — я полагал, ты человек наблюдательный. Ты внимательно изучил дверь?

— Разумеется! — воскликнул Ваймс и добавил: — Ваша милость. Дверь чертовски тяжелая.

— Может быть, стоит еще разок на нее посмотреть?

Ваймс изумленно разинул рот, а затем прошагал к двери и уставился на нее. Популярная вариация на тему жуткого портала — сплошь в решетках, засовах, железных шипах и массивных петлях. Сколько на нее ни гляди, менее тяжелой она не делается. А вот замок гномьей работы, потребуются годы, чтобы взломать такое страшилище. В общем и целом, если нужен символ чего-то совершенно незыблемого, то эта дверь — первый кандидат.

В ледящей тишине рядом с ним возник патриций.

— Ты никогда не замечал, — произнес он, — что если город захватывают бунтовщики, то прежнего правителя обязательно бросают в темницу? Для определенного типа людей это намного привлекательнее простой казни.

— Ну, пожалуй, да, но я все же не понимаю... — начал Ваймс.

— Ты смотришь на дверь и видишь по-настоящему прочную казематную дверь, так?

— Разумеется. Достаточно взглянуть на засовы и...

— Знаешь, это даже отчасти приятно, — спокойно произнес лорд Витинари.

Ваймс смотрел на дверь, пока брови у него не выгнулись дугой. А затем, как это бывает, когда, долго вглядываясь в облака, внезапно узнаешь в них очертания лошади или плывущего корабля, он увидел то, чего все это время не замечал.

Его охватили ужас и восхищение.

Он попытался представить себе машину, работающую в голове патриция. Холодную, сверкающую, из вороненого металла, всю в сосульках, с мерно, как в часах, проворачивающимися шестеренками. И эта машина тщательно просчитала возможность собственного падения и обратила ее в преимущество.

Дверь была совершенно нормальной, самой что ни на есть казематной, но то, как вы ее видели, зависело от чувства перспективы.

В этой темнице патриций мог спокойно переждать нападение всех армий Плоского мира.

Снаружи был только замок.

Все засовы и решетки были внутри.

Утренний туман таял под напором солнца, а тем временем рядовой состав Ночной Стражи неумело скакал с крыши на крышу. Нельзя сказать, чтобы к утру воздух очистился — липучие ленты дыма и застоявшийся пар не отпускали город, наполняя улицы печальным запахом мокрого пепла.

— Что это за место? — подав руку, Моркоу помог остальным стражникам перелезть через скользкий бордюр.

Сержант Колон оглядел расстилающийся вокруг лес каминных труб.

— Мы прямо над винокурней Джимкина Пивомеса, — сориентировался он. — Точно между дворцом и площадью. Он обязательно здесь пролетит.

Шноббс бросил тоскливый взгляд на стену здания.

— Я как-то захаживал сюда, — признался он. — Дело было ночью, я как раз проверял, заперты ли двери, а ручка вдруг возьми да повернись.

— Ага, после долгих стараний, — кисло прокомментировал Колон.

— Но я же обязан был войти. Проверить, не творится ли там каких безобразий. Поразительное место, между прочим. Кругом трубки и все такое. А запах!

— Каждая бутылка выдерживается до целых семи минут, — процитировал Колон. — «Опрокинь стаканчик на ход ноги», как сказано на этикетке. И правильно сказано. Я однажды выпил стаканчик, потом до вечера бегал, не мог остановиться.

Опустившись на колени, он принялся разворачивать длинный сверток, который тащил на себе все время, пока они перелезли с крыши на крышу. Из свертка показались лук древнего вида и колчан со стрелами.

Медленно и благоговейно взяв лук в руки, он пробежался короткими жирными пальцами по тетиве.

— Знаете, — тихо сказал он, — когда я был молодым парнем, у меня

это здорово получалось. Жаль, капитан не дал мне выстрелить в ту ночь.

— Ладно, ладно... — хмыкнул Шноббс.

— Но я ведь и правда завоевывал призы.

Сержант размотал новую тетиву, зацепил ее на одном конце лука, встал, попробовал согнуть лук, издал легкий стон напряжения...

— Э-э. Моркоу? — слегка натужно окликнул он.

— Да, сержант?

— Тетиву натягивать умеешь?

Моркоу схватил лук, играючи согнул его и поместил противоположный конец тетивы на положенное ему место.

— Хорошее начало, сержант, — заметил Шноббс.

— Нечего брызгать ядом, Шноббс! Тут главное не сила, главное — острый глаз и твердость руки. А теперь передай мне стрелу. Нет, не эту!

Палец Шноббса застыл в воздухе.

— Это моя *СЧАСТЛИВАЯ* стрела! — Колон брызгал слюной. — Ни один из вас не должен прикасаться к моей счастливой стреле!

— Черт, да она на вид ничем не отличается от всех остальных стрел, — пожал плечами Шноббс.

— Эту стрелу я использую только для этого, как его, кудаграса, — продолжал Колон. — И она никогда меня не подводила, моя счастливая стрела. Каждый раз, когда я ею стрелял, она попадала в яблочко. Даже целиться почти не приходилось. Если у этого дракона есть язвимые органы, моя стрелка их обязательно найдет.

Выбрав на вид ничем не отличающуюся от первой, но, предположительно, менее счастливую стрелу, он положил ее на тетиву. Затем задумчиво окинул взглядом крыши.

— Надо навыки в памяти освежить, — пробормотал он. — Хотя, конечно, если научился стрелять из лука, то уже никогда не разучишься. Это все равно как ездить верхом на... верхом на... верхом на чем-то таком, о чем не можешь забыть, что умеешь на нем ездить.

Он натянул тетиву до самого уха и засопел.

— Отлично, — тяжело просвистел он, рука у него дрожала от напряжения, как ветка под порывами ветра. — Видите, вон там, крыша Гильдии Воров?

Они попытались разглядеть что-нибудь в дымном, засоренном воздухе.

— Та-ак... — продолжал Колон. — А теперь видите там, наверху, флюгер? Ну, разглядели?

Моркоу бросил взгляд на наконечник стрелы. Тот раскачивался во все стороны, выписывая кренделя.

— Далековато будет, — с сомнением в голосе произнес Шноббс.

— Не твое дело, смотри на флюгер, — прохрипел сержант.

Шноббс с Моркоу ответили согласным кивком. Флюгер был выполнен в форме крадущегося человека в длинном плаще, и кинжал бандита всегда был обращен навстречу дующему ветру. С такого расстояния фигурка казалась совсем крошечной.

— *Хара-шо*, — тяжело дыша, проскрежетал Колон. — А теперь видите у флюгера глаз?

— Ну ладно, хватит, — не выдержал Шноббс.

— Заткнись, заткнись, заткнись! — простонал сержант. — Вы его видите, я спрашиваю?!

— Кажется, я вижу, сержант, — решил не спорить Моркоу.

— Хорошо. Прекрасно. — От усилий сержанта качало из стороны в сторону. — Это здорово, что ты видишь. Молодец, мальчик. Отлично. А теперь смотри внимательно.

Издав еще один хриплый стон, он выпустил стрелу.

Несколько событий произошли с такой скоростью, что описать их можно только в режиме стоп-кадра. Вероятно, первым из них был удар тетивы о мягкую внутреннюю сторону запястья Колона, в результате чего сержант громко завопил и выронил лук. Это, однако, уже никак не повлияло на маршрут следования стрелы, которая летела напрямик в горгулью, украшавшую крышу здания напротив. Ударившись об ухо горгульи, стрела отскочила, затем отрикошетила от стены в шести футах от горгульи и со слегка возросшей скоростью устремилась обратно, в сторону Колона.

С шелковым гудением стрела просвистела рядом с сержантским ухом, после чего сгнула где-то за городскими стенами.

Несколько мгновений спустя Шноббс кашлянул и бросил на Моркоу взгляд, полный простодушного любопытства.

— Слушай, — спросил он, — а эти самые язвимые органы — они у дракона большие?

— О, язвимые места, как правило, совсем крошечные, — обнадежил Моркоу.

— Этого я и опасался, — кивнул Шноббс. Подойдя к самому краю крыши, он указал вниз. — Тут рядом есть пруд, — продолжал он. — Его используют, чтобы охлаждать воду в перегонных кубах. По-моему, он довольно глубокий, так что, когда сержант выстрелит, можно будет туда прыгнуть. Что скажешь?

— Но это ведь не понадобится! — воскликнул Моркоу. — Потому что

счастливая стрела сержанта попадет дракону в язвимое место, тот скончается, и нам больше не о чем будет беспокоиться.

— Само собой, само собой, — поторопился согласиться Шноббс, бросая взгляд в сторону сержанта. На лице того начала проявляться хмурая гримаса. — Я всего-навсего интересуюсь, так, на всякий случай, а вдруг — да, да, понимаю, это один шанс на миллион, но вдруг он промахнется, прошу заметить, я не говорю, что он обязательно промахнется, но надо продумать все до мельчайших деталей, так вот, если по какому-то чудовищному невезению ему не удастся попасть в язвимые органы так, чтобы уложить дракона на месте, тогда ведь чудище очень разозлится, верно? Так что было бы неплохо в этот самый момент смотаться. Знаю, до этого еще далеко. Если хотите, можете обвинить меня в том, что я каркаю. Но ничего подобного, просто предусмотрительность — мой конек.

Сержант Колон надменно поправил латы.

— Если тебя действительно приперло, — сказал он, — то шанс один на миллион **ОБЯЗАТЕЛЬНО** сработает. Широко известный факт.

— Знаешь, Шноббс, а сержант прав, — тоном специалиста поддержал Моркоу. — Бывают моменты, когда вероятность — один на миллион, что ты спасешься. Но... но ты спасаешься. Иначе не было бы... — он понизил голос, — не было бы никакого смысла. Если бы это не работало, не оставалось бы никакой надежды... В общем, боги ни за что не допустят, чтобы было иначе. Не допустят.

Все трое как один повернулись и устремили взоры вдаль, где в тысячах миль от них располагался Пуп Плоского мира. Сейчас воздух был сер от дыма и туманных лент, но в ясный день иногда удавалось разглядеть гору Кори Челести, обиталище богов. Во всяком случае, на ней это обиталище располагалось. Они жили в Дун-манифестине, своего рода оштукатуренной Валгалле. Там боги проводили вечность, ища, чем бы заняться в дождливый денек. Поговаривали, будто там они играют во всякие игры, а вместо фишек — живые люди. В какую именно игру играли боги сейчас, оставалось лишь догадываться. Разумеется, у всякой игры должны быть правила. Это всем известно. И людям ничего не остается, кроме как надеяться, что боги эти правила тоже знают.

— Должно сработать, — пробормотал Колон. — Я буду стрелять счастливой стрелой, и на этом все. Ты прав. Шанс один на миллион срабатывает. Иначе все утрачивает смысл. Тогда лучше вовсе не жить.

Шноббс опять уставился на пруд. После краткого колебания Колон присоединился к нему. Они смотрели вниз с выражением сосредоточенности, характерным для людей, которые много чего повидали

на своем веку и знают: сколько ни рассчитывай на героев, королей, а то и на богов, все же по-настоящему можно положиться только на силу тяготения и глубокую воду.

— Не то чтобы нам это обязательно понадобится, — оценивающе заметил Колон.

— С твоей счастливой стрелой конечно нет, — поддержал Шноббс.

— Это верно. Но просто из интереса, какая тут, по твоему мнению, высота?

— Я бы сказал, футов тридцать. Может, чуть больше, может, чуть меньше.

— Тридцать футов, — Колон медленно кивнул. — Вот и мне так показалось. А пруд глубокий?

— Как я слышал, очень глубокий.

— Поверю тебе на слово. Вид у него довольно мерзкий, на лужу грязи смахивает. Не хотелось бы туда прыгать.

Моркоу жизнерадостно шлепнул сержанта по спине, едва не сбив того с ног.

— Что за дела, сержант? Или ты хочешь жить вечно?

— Не знаю. Спроси меня об этом лет этак через пятьсот.

— Тогда нам повезло, что у нас есть твоя счастливая стрела! — воскликнул Моркоу.

— М-м-м? — промычал Колон, охваченный какими-то одному ему ведомыми горестными видениями.

— Я это к тому, что нам повезло, ведь мы можем рассчитывать на этот последний шанс, который один на миллион. Вот если бы его не было, тогда бы нам и вправду несдобровать!

— О да, — печально отозвался Шноббс. — Везучие мы.

Патриций лег на спину. Пара крыс подтащила ему под голову подушечку.

— Похоже, снаружи дела обстоят из рук вон плохо, — заметил он.

— Ага, — с горечью подтвердил Ваймс. — Вы правы. Вы находитесь в самом безопасном месте во всем городе.

Он в очередной раз засунул нож в расщелину между двух камней и осторожно покачал камень. Лорд Витинари с интересом наблюдал. Ваймсу удалось разобрать стену на высоту шести футов от уровня пола, и теперь он подбирался к решетке отверстия, заменяющего окно.

Вскоре Ваймс принялся ковырять цемент вокруг решеток.

Понаблюдав за ним некоторое время, патриций снял книгу с полочки

рядом с кроватью. Поскольку крысы не умели читать, собранная им библиотека характеризовалась некоторой причудливостью, однако патриций был не из тех людей, кто игнорирует возможность приобрести новые познания. Открыв на заложенном месте «Историю Плитения Кружев Ат Древности До наших Дней», он углубился в чтение.

Спустя несколько страниц он обнаружил, что на книгу падают крошки цемента, счел необходимым стряхнуть их и поднял глаза.

— Ну как, получается? — вежливо осведомился он.

Ваймс скрипнул зубами и выломал кусок цемента. За маленькой решеткой взору открывался грязный дворик, освещенный немногим лучше камеры. В одном углу дворика была свалена куча кухонных отходов, но в данный момент она ласкала глаз. Во всяком случае, выглядела намного привлекательнее, чем темница. Изменившемуся Анк-Морпорку Ваймс предпочитал честную, открытую помойку. В куче отходов было что-то аллегорическое.

Он все колот, колот и колот. Лезвие изгибалось и гудело, нож в руке дрожал.

Библиотекарь задумчиво поскреб под мышкой. Ему предстояло решать свои проблемы.

Он явился сюда, полный ярости на книжных воров. Он и сейчас еще кипит от ярости. Однако вдруг ему в голову пришла мятежная мысль, заключающаяся в том, что, хотя преступления против книг — самые страшные преступления на свете, отмщение, пожалуй, лучше отложить.

Ему абсолютно все равно, как люди поступают друг с другом. Однако определенные виды деятельности, думал библиотекарь, надо пресекать на корню и сурово наказывать, дабы преступники не впали в чрезмерную самоуверенность и не начали совершать те же самые поступки по отношению к книгам.

Взгляд библиотекаря упал на значок Ночной Стражи. В очередной раз библиотекарь попробовал значок на зуб, отчасти надеясь, что пережитые приключения каким-то образом сделали эту штуку съедобной. Да, и есть еще Долг перед капитаном.

Капитан всегда был добр к нему. И у капитана тоже был значок.

Вот именно.

Иногда орангутан должен сделать то, что пристало делать человеку.

Посредством комплекса сложных телодвижений библиотекарь отдал честь, зацепился длинной рукой за полку, раскачался как следует и исчез во мраке.

Солнце поднялось выше и теперь потерянным воздушным шариком катилось сквозь туманы и застоявшийся дым.

Стражники, пристроившись в тени дымовых труб, разнообразными способами убивали время. Шноббс тщательно исследовал содержимое ноздри, Моркоу писал письмо домой, а сержант Колон изводился от беспокойства.

Спустя некоторое время он грузно поерзал и произнес:

— Слушайте, я никак не могу решить одну проблему...

— Что такое, сержант? — спросил Моркоу.

Вид у сержанта Колона был жалкий.

— Ну-у, в общем, — а что, если это не тот шанс, который один на миллион?

Шноббс уставился на него.

— Это ты о чем?

— О том, что, разумеется, все эти последние шансы, которые один на миллион, они всегда срабатывают, тут нет проблем, но... короче, такие шансы, они довольно... как это говорится... специфическая вещь. Разве нет?

— Спроси кого-нибудь другого, — пожал плечами Шноббс.

— А что, если этот шанс, например, будет один на тысячу? — с мукой в голосе продолжил Колон.

— Что?

— Кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы срабатывал шанс один на тысячу?

Моркоу оторвался от письма.

— Не сходи с ума, сержант, — сказал он. — Никто никогда не видел, чтобы срабатывал шанс один на тысячу. Все шансы против того, что он сработает. — Моркоу зашевелил губами, видимо подсчитывая. — Миллион против одного.

— Вот-вот, — согласился Шноббс. — Миллион.

— Так что на самом деле шанс может сработать, только если вероятность его срабатывания ровно один к миллиону, — заключил сержант.

— По-моему, верно, — согласился Шноббс.

— Так что, например, шанс один к девятьсот девяноста девяти и девятьсот сорока трем тысячным... — начал Колон.

Моркоу затряс головой.

— Не получится, нечего и надеяться. Никто никогда не говорил, что,

мол, шансы равняются один к девятьсот девяноста девяти и девятьсот сорока трем тысячным, но, мол, может сработать.

Некоторое время, захваченные процессом яростного подсчитывания, они молча смотрели на расстилающийся перед ними город.

Моркоу что-то бешено застрочил. Он углубился в подробные вычисления. Сначала нашел площадь поверхности дракона, а потом принялся рассчитывать степень вероятности попадания стрелой в какую-то отдельную точку данной поверхности.

— Но не забудь, стрела будет выпущена прицельно! — внес уточнение Колон. — Я ведь не просто так пальну из лука, я сначала прицелюсь.

Шноббс кашлянул.

— В таком случае шансов гораздо больше, чем один на миллион, — вывел заключение Моркоу. — Может, один на сто. А если дракон летит медленно и язвимое место у него большое, этот шанс превращается практически в определенность.

Губы Колона было зашевелились, готовые исторгнуть: «Да, определенность, но ведь все равно может получиться...» О нет! Он потряс головой.

— Что же тогда делать? — произнес он вслух.

— Каким-то образом надо понизить наши шансы, — предложил Шноббс.

Наконец, ему удалось выдолбить небольшое углубление в цементе, рядом со средним прутком. Немного, но для начала пойдет.

— Может, тебе чем-нибудь помочь? — осведомился патриций.

— Нет, спасибо.

— Ну, как хочешь.

Решетка была древней, но прутья глубоко уходили в камень, а под корой ржавчины в них оставалось достаточно железа. Работы надолго, но все-таки это занятие, требующее блаженного отсутствия всякой мысли. Хорошая, честная борьба; ты знаешь, что если будешь вот так отколупывать кусочек за кусочком, то в конце концов продолбишь дыру.

Проблема заключалась в этом «в конце концов». В конце концов Великий А'Туин достигнет границы вселенной. В конце концов погаснут звезды. В конце концов Шноббс возьмет да помоется, хотя последнее, наверное, потребует радикального пересмотра природы Времени.

Но он упорно долбил цемент, пока его внимание не привлекло нечто странное — мимо окошечка, медленно планируя в воздухе, падало что-то маленькое и изогнутое.

— Арахисовая скорлупка? — спросил сам себя Ваймс.

В зарешеченном отверстии возникло лицо библиотекаря, обрамленное трубкообразными челюстями. И одарило Ваймса улыбкой, не ставшей менее жуткой от того, что тот видел ее вверх ногами.

— У-ук?

Орангутан плюхнулся со стены на пол, схватился за прутья и принялся тянуть. На бочкообразной груди в сложном танце напряжения ходуном заходили мускулы. Широкая желтозубая пасть в молчаливой сосредоточенности хватала воздух.

Наконец раздался глухой скрежет, прутья поддались и разошлись в стороны. Отпустив их, орангутан протянул лапы в зияющую дыру. А потом самые длинные во вселенной руки Закона подхватили Ваймса под мышки и одним рывком выдернули наружу.

Стражники рассматривали творение своих рук.

— Отлично, — первым подал голос Шноббс. — Итак, каковы шансы, что человек, стоящий на одной ноге, со шляпой, надетой задом наперед, и носовым платком во рту — каковы шансы, что такой человек попадет дракону в язвимое место?

— М-м-ф, — отозвался Колон.

— Думаю, шансы довольно высокие, — ответил Моркоу. — Хотя с носовым платком мы, наверное, переборщили.

Колон выплюнул платок.

— Решайте быстрее, — заявил он. — У меня уже нога занемела.

Едва устояв на скользком булыжнике, Ваймс оперся рукой о стену и воззрился на библиотекаря. В данный момент он переживал нечто близкое к потрясению. Правда ему повезло, другие люди переживали это «потрясение» в гораздо более неприятных обстоятельствах. Обычно подобные обстоятельства складывались, если кому-нибудь вдруг приходило в голову начать свару в «Залатанном Барабане», в то время как библиотекарю хотелось осушить свою кружечку в тишине и спокойствии и поразмышлять о жизни. А вообще, это потрясение заключалось в том, что библиотекарь, может, и похож на набитую резиновую грушу, только груша эта набита не чем-нибудь, а сплошными мускулами.

— Это было поразительно, — наконец выговорил капитан.

Его взгляд упал на перекрученные прутья. В глазах у Ваймса потемнело.

— Ты случаем не знаешь, где Воунз? — спросил он.

— И-ик! — библиотекарь сунул ему под нос изорванный клочок пергамента.

Ваймс с трудом разобрал слова.

«...угодно повелеть... принимая ва внимание... как прабьет полдень... деvитса чистая и высокавороду... соглашение между правителем и гаражанинами...»

— В моем городе! — прорычал он. — И это творится в моем городе, черт бы его побрал?!

Обеими руками он схватил библиотекаря за шерсть на груди и поднял орангутана на уровень глаз.

— Сколько сейчас времени? — рявкнул он.

— У-ук!

Длинная, покрытая рыжей шерстью рука развернулась, тыкая пальцем вверх. Взгляд Ваймса последовал в указываемом направлении. Солнце очень смахивало на небесное тело, которое почти достигло пика своей орбиты и теперь предвкушает долгий, ленивый спуск под одеяло сумерек...

— Этого я не допущу, тебе понятно?! — проорал Ваймс, продолжая трясти орангутана.

— У-ук, — библиотекарь указал на землю.

— Что? Ах да, прости.

Ваймс наконец опустил орангутана, который, впрочем, разумно решил не раздувать проблему. Человеку, рассерженному настолько, что он, сам того не замечая, поднимает триста фунтов живого орангутаньего веса, — такому человеку лучше не говорить ничего лишнего.

Ваймс оглядел дворик.

— Отсюда как-то можно выбраться? — спросил он. — Я имею в виду не по стенкам.

Не дожидаясь ответа, он принялся исследовать дворик. Наконец ему попалась узкая грязная дверь, которую он немедленно вышиб ногой. Она и так не была заперта, но он все равно вышиб ее ногой. Библиотекарь, слегка опираясь на костяшки, следовал по следам Ваймса.

За дверью оказалась кухня, почти покинутая. Персонал в конце концов не выдержал и решил, что предусмотрительнее будет воздержаться от работы в заведении, где имеется рот размером в человеческий рост. За столом сидели двое дворцовых стражников и жевали холодный обед.

— Слушайте, — сказал Ваймс, когда стражники полуприподнялись, — я не хочу...

Но они, похоже, ничего не желали слушать. Один из них потянулся за арбалетом.

— Ну и черт с вами, — Ваймс схватил с ближайшего кухонного стола мясной нож и метнул.

Метание ножей требует искусства, и даже если вы им овладели, надо еще, чтобы повезло с ножом. Иначе он делает именно то, что сделал нож Ваймса, а именно: улетает в неопределенном направлении.

Уворачиваясь от ножа, стражник с арбалетом наклонился в сторону, потом выпрямился и уже было прицелился, но тут обнаружил, что спусковой механизм бережно блокируется чьим-то сиреневым ногтем. Стражник оглянулся. Библиотекарь стукнул его прямо по макушке шлема.

Другой стражник попятился, бешено размахивая руками.

— Нет-нет-нет! — запричитал он. — Мы просто не поняли друг друга! Извините, извините, что вы там говорили? Ой, какая симпатичная обезьянка!

— О боги, — вздохнул Ваймс. — Зря ты так его назвал.

Игнорируя последовавшие затем вопли ужаса, он принялся осматривать полки и столы, пока не нашел огромный нож для разделки туш. Мечи ему никогда не нравились, как-то неуверенно себя с ними чувствуешь, однако нож для разделки туш — дело другое. В нем есть вес. У него есть цель. Меч бывает оваян ореолом благородства (если, конечно, не принадлежит тому же Шноббсу — тогда в нем больше ржавчины, чем чего бы то ни было еще), зато нож для разделки туш обладает огромной практической ценностью — он очень быстро рубит на мелкие кусочки.

Оставив за спиной наглядный урок биологии, — заключавшийся в том, что ни одна «обезьянка» не способна поднять человека в воздух и трясти его, держа за щиколотки, — Ваймс нашел весьма многообещающую дверь и поспешно открыл ее. Она вела на большую, мощенную булыжником площадь рядом со дворцом. Быстро сориентировавшись, он...

В воздухе над головой Ваймса что-то грохнуло. А затем с небес обрушился ветер, сбивая его с ног.

Король Анк-Морпоркский, расправив крылья, сделал плавный разворот и приземлился на дворцовые ворота. Когда он переступил с лапы на лапу, когти его оставили в камне глубокие шрамы. Солнце заиграло на аркообразной спине. Дракон вытянул шею, с ленивым ревом испустил шквал пламени и вновь поднялся в воздух.

Ваймс издал горлом животный — млекопитающе-животный — звук и пустился бежать по опустевшим улицам.

Наследственный особняк Овнецов наполнял молчание. Парадная дверь раскачивалась на петлях, впуская внутрь обычный, плохо

воспитанный ветер, который шатался по покинутым комнатам, совал повсюду нос и выискивал пыль на мебели. Завиваясь, ветер поднимался по лестнице, с грохотом распахивал дверь спальни Сибиллы Овнец, звякал пузырьками на туалетном столике и шуршал страницами «Балезней Драконов».

Человек, владеющий основами скоротчения, мог бы познакомиться с симптомами всех основных драконьих болезней, начиная с Аригинального Плоскостопия и заканчивая Яичной Горячкой.

А внизу, в приземистом, теплом и душном сарае, все без исключения дракончики смотрели на Эррола, который сидел в центре своего загона, раскачиваясь из стороны в сторону и тихо постанывая. Из ушей у него медленно валил белый дым. Повисев в воздухе, кольца дыма постепенно опускались на пол. Из глубины взбухшего живота доносились сложные взрывчатые гидравлические шумы, как будто взмокшая от напряжения команда гномов, работающая под проливным дождем, пыталась бурить скальную толщу.

Ноздри Эррола раздувались и даже как будто предпринимали попытки повернуться вокруг своей оси.

Вытягивая шеи над загородками, другие дракончики боязливо наблюдали за своим товарищем.

Раздался еще один далекий желудочный рев. Эррол болезненно заерзал.

Драконы переглянулись. Затем, один за одним, они осторожно легли на пол и прикрыли лапками морды.

Шноббс склонил голову набок.

— Выглядит очень многообещающе, — критически заметил он. — Похоже, мы почти у цели. Думаю, что шанс попасть дракону в язвимые органы, если лицо у тебя вымазано сажей, язык высунут, а сам ты стоишь на одной ноге и распеваешь «Песню про Ежика», равняется... Эй, Моркоу, чему там он равняется?

— Этот шанс примерно один на миллион, — тоном специалиста ответил Моркоу.

Колон недоверчиво возрился на своих товарищей.

— Слушайте, ребята, — сказал он, — надеюсь, вы не прикалываетесь, а?

Взгляд Моркоу обратился в сторону площади.

— О черт, — тихо произнес он.

— Что такое? — всполошился Колон, оглядываясь.

— Там какую-то женщину приковывают цепями к скале!

Стражники перегнулись через парапет. Огромная толпа, выстроившаяся по периметру площади, безмолвно взирала на белую фигуру, тщетно бившуюся в руках полудюжины дворцовых стражников.

— Интересно, откуда они взяли скалу? — спросил Колон. — Мы ведь на суглинке стоим.

— Шикарная девка, рослая, кем бы она там ни была, — одобрительно заметил Шноббс, когда один из стражников откатился кубарем в сторону и распростерся на земле. — Теперь этот парень недели три не будет знать, чем заняться вечерами. Правым коленом у нее удар что надо!

— Мы ее знаем? — спросил Колон.

Моркоу прищурился.

— Это ведь госпожа Овнец, — наконец вымолвил он с отпавшей челюстью.

— Не может быть!

— Он прав. Причем, она одета в одну ночную рубашку, — подтвердил Шноббс.

— Вот гады! — Колон схватил лук и зашарил в поисках стрелы. — Я им сейчас устрою язвимые органы! Так обращаться с настоящей госпожой! Позор!

— Э-э, — вставил Моркоу, посмотрев через плечо. — Сержант?

— Ну надо же, до чего дошли! — бормотал Колон. — Приличная женщина не может пройти по улице без того, чтобы ее не сожрали! Ну ладно, паскудники, готовьтесь, сейчас вы у меня... вы у меня... географией станете...

— Сержант! — настойчиво повторил Моркоу.

— Историей, а не географией, — поправил Шноббс. — Ты все перепутал. Нужно говорить «историей». «Все! Теперь вы стали историей!» — говоришь ты и...

— Какая разница! — отрезал Колон. — Ну-ка, ну-ка...

— *Сержант!*

Шноббс тоже оглянулся.

— Вот дерьмо, — произнес он.

— Нет, я не промахнусь... — бормотал Колон, прицеливаясь.

— *СЕРЖАНТ!*

— Да заткнитесь вы, я не могу сосредоточиться, когда вы вопите...

— *СЕРЖАНТ, ОН УЖЕ ЛЕТИТ!*

Дракон набирал скорость.

Пьяные крыши Анк-Морпорка сливались в одно размазанное пятно, и,

пролетая над ними, взмахами крыльев дракон выражал свое презрение к столь жалкому зрелищу. Он вытянул шею вперед, пламя из ноздрей струилось вдоль тела и оставляло позади огненный след. От этого полета сотрясалось небо.

Руки Колона тряслись. Дракон, казалось, целился ему прямо в горло, и надвигался он быстро, слишком быстро...

— Вот он! — Моркоу посмотрел в сторону Пупа, на тот случай, если боги забыли, зачем они там сидят, и добавил медленно и отчетливо: — Шанс один на миллион, должно получиться!

— Стреляй в чертову скотину! — завопил Шноббс.

— Беру на мушку, ребята, я как раз беру его на мушку, — дрожащим голосом откликнулся Колон. — Не беспокойтесь, парни, я ведь говорил, это моя счастливая стрела. Первокласная стрела, эта стрела, она у меня еще с тех пор, как я совсем молодой был, во что я только ею не попадал, вы бы поразились, если б узнали, так что будьте спокойны.

Он прервался. С неба на крыльях ужаса спускался кошмар.

— Э-э, Моркоу? — робко спросил Колон.

— Да, сержант?

— А твой дедушка случайно не рассказывал, как *ВЫГЛЯДЯТ* эти самые язвимые органы?

В следующую секунду дракон уже не приближался, он был здесь, пролетал в нескольких футах над ними — текучая мозаика чешуи и грома, он заполнил собой все небо.

Колон выстрелил.

Стрела взмыла вверх, прямо к цели.

Ваймс полубежал, полуспотыкался о мокрые булыжники. Он задыхался и опаздывал.

«Так не бывает, — проносились в его голове безумные мысли. — Герой всегда разделяет чудовище под орех и всегда появляется в самый последний момент. Только, наверное, этот последний момент прошел пять минут назад.

Да и не герой я вовсе. Я в плохой форме, и мне надо бы промочить горло, а зарплата моя — пара долларов в месяц, не считая плюмажных. Это не заработок героя. Герои грабастают королевства и принцесс, регулярно делают физические упражнения, а когда улыбаются, то солнечный луч играет у них на зубах и загорается звездочкой — дзынь! Сволочи они, эти герои».

Глаза щипало от пота. Волна адреналина, которая вынесла его из

дворца, отхлынула и теперь требовала платы за труды.

Он споткнулся и ухватился за стену, чтобы не упасть, а сам тем временем, как рыба, выброшенная на песок, хватал ртом воздух. И тут в поле его зрения попали какие-то фигуры на крыше.

«О нет! — подумал он. — Они ведь тоже не герои. Интересно, они хоть понимают, во что ввязались?»

Это был тот самый шанс — один на миллион. И кто сможет с уверенностью утверждать, что где-то, в одной из миллионов возможных вселенных, он не сработал?

Именно от таких вещей боги получают истинное наслаждение. Хоть и есть такой Шанс, который иногда переигрывает даже богов, против него успешно выступают девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять прочих шансов...

В данной отдельно взятой вселенной стрела благополучно отскочила от драконьей чешуи и со свистом канула в лету.

Колон, не веря своим глазам, смотрел, как над головой проносится драконий хвост.

— Она... не попала, — одними губами выговорил он. — Но она не могла не попасть! — Он устремил воспаленные глаза на двух товарищей. — Ведь, черт возьми, это был тот самый последний, отчаянный шанс — один на миллион!

Дракон сложил крылья, обогнул массивным телом воображаемую воздушную ось и приземлился на крыше.

Моркоу схватил Шноббса за пояс и положил руку на плечо Колона.

Сержант рыдал от ярости и разочарования.

— Чертов шанс на чертов миллион! Черт его побери!

— Слушай, сержант...

Дракон изрыгнул пламя.

Это была прекрасно контролируемая полоса плазмы. Она прошла сквозь крышу, как сквозь масло.

Прорезала лестничные клетки.

С треском вгрызлась в древнюю кладку и, как бумагу, скрутила перекрытия. Вспорола трубы.

Словно кулак разъяренного бога, она один за одним проламывала потолок, пока не добралась до большого медного чана с тысячами галлонов свежеприготовленного, хорошо выдержанного пойла, чем-то, быть может, похожего на виски. Например, горючестью.

Пламя охватило чан.

К счастью, шансы, что в таком взрыве кто-нибудь уцелеет, равнялись точнехонько единице на миллион.

Огненный шар рос, как... скажем, как роза. Как гигантская оранжевая роза в желтых прожилках. Она подняла на себе крышу и завернула в нее ошалевшего дракона, а потом зашвырнула его высоко в небо, послав следом кипящее облако из щепок и осколков труб.

Люди заворуженно смотрели, как сверхгорячая взрывная волна уносит чудовище в небесную высь. Им было не до Ваймса, который, хрипло дыша и ругаясь, пробивался сквозь толпу.

Растолкав плечами выстроившихся в ряд дворцовых стражников, он, спотыкаясь и оскальзываясь, заторопился к центру площади. В этот момент никто не обращал на него внимания.

Он остановился.

Это была вовсе не скала, потому что Анк-Морпорк стоял на суглинке. Всего лишь огромный кусок цементированной кладки тысячелетней давности, вывернутый из городского фундамента. Анк-Морпорк был настолько древним городом, что строился в общем и целом на Анк-Морпорке.

Кусок приволокли в центр площади, и к нему цепями приковали госпожу Сибиллу Овнец. Одета она была во что-то белое — видимо, в ночную рубашку — и в огромные резиновые сапоги. Вид у нее был как после хорошей рукопашной. На какой-то краткий миг Ваймс ощутил прилив сочувствия к прочим участникам этой рукопашной. Госпожа Овнец бросила на него взгляд, исполненный чистой, неразбавленной ярости.

— Вы!

— *ТЫ!*

Он неопределенно помахал рукой.

— Но почему вы?.. — начал было он.

— Капитан Ваймс, — отчеканила она, — вы меня очень обяжете, если перестанете размахивать этой штукой прямо у меня перед носом и примените ее по назначению!

Ваймс не слушал.

— Тридцать долларов в месяц! — бормотал он. — И ради этого они погибли! Тридцать долларов! А я еще лишил Шноббса надбавки. Но я был вынужден это сделать! Ну, то есть, этот человек мог кого угодно довести до белого каления!

— Капитан Ваймс!

Он сфокусировал взгляд на разделочном ноже.

— Ох! — опомнился он. — Да. Верно!

Это был хороший нож из нержавеющей стали, ну а цепи были сделаны из довольно престарелого и к тому же ржавого железа. Ваймс принялся вышибать цепи. Из камней сыпались искры.

Толпа молча наблюдала, однако несколько дворцовых стражников заторопились в сторону Ваймса.

— Какого черта ты тут делаешь? — спросил один, видимо относящийся к тем людям, которые не могут похвастать живым воображением.

— А *ты* какого черта тут делаешь? — прорычал в ответ Ваймс, отрываясь от цепей.

Стражники, обомлев, уставились на него.

— Чего?

Ваймс нанес по цепям еще один удар. Несколько колец со звоном покатались по булыжнику.

— Слышь, ты, это я тебя спрашиваю... — начал один из стражников.

Локоть Ваймса попал ему под грудную клетку, и не успел тот рухнуть, как нога Ваймса нанесла удар другому стражнику прямо в коленную чашечку, в результате чего подбородок бедняги оказался как раз на нужном уровне, чтобы словить хороший удар вторым локтем.

— Отлично, — рассеянно произнес Ваймс и потер дико ноющий локоть.

Переложив нож в другую руку, он вновь замолотил по цепям, краем сознания отдавая себе отчет, что на подмогу пострадавшим торопятся их товарищи. Впрочем, торопились они тем самым характерным видом спешки, который свойствен только стражникам. Это был бег, который назывался «нас тут целая дюжина, пусть кто-нибудь другой поспеет первым». Сей бег словно бы говорил: «С виду этот тип легко способен убить, а мне не платят за то, чтобы меня убивали, так что, если бежать помедленнее, быть может, он уберется куда-нибудь подобру-поздорову...»

Зачем портить такой хороший день, гоняться за кем-то, ловить кого-то?..

Госпожа Овнец затрясла цепями и освободилась. Послышались жидкие приветственные возгласы, постепенно они становились все громче, аплодисменты росли и ширились. Даже в нынешнем состоянии духа жители Анк-Морпорка оставались самими собой: они всегда ценили хорошее зрелище.

Схватив обрывок цепи, госпожа Овнец обернула его вокруг упитанного запястья.

— Некоторые из этих стражников не умеют обращаться с...

— Не сейчас, не сейчас, — Ваймс схватил ее за руку.

Но это было все равно, что тащить гору.

Аплодисменты резко оборвались.

За спиной у Ваймса послышался звук. Негромкий. Но обладающий какой-то особенной гадостностью. Это был звук когтей на четырех лапах, которые одновременно ударяются о брусчатку.

Ваймс посмотрел назад и вверх.

Шкуру дракона облепила сажа. Там и сям торчали обуглившиеся и все еще дымящиеся обломки древесных балок. Величественную медную чешую покрывал черный налет.

Дракон опустил морду, остановив ее в нескольких футах от Ваймса, и сфокусировал взгляд.

Бежать, наверное, не стоит, подумал Ваймс. Да и сил все равно нет.

Он почувствовал, как его рука тонет в руке госпожи Овнец.

— А так здорово все было придумано, — произнесла она. — Почти получилось.

Обуглившиеся и все еще горящие обломки дождем падали на винокурню. Пруд превратился в покрытое пленкой пепла мусорное болотце. Из болотца, капая слизью, показался сержант Колон.

Цепляясь за траву, он выполз на сушу, подобно представителю некоей морской формы жизни, решившей пройти все стадии эволюции одним махом.

Шноббс к тому времени уже валялся на берегу. С его распростершегося тела стекала грязь пополам с водой.

— Эй, Шноббс, это ты? — встревоженно спросил сержант Колон.

— Я, сержант.

— Я так рад! — горячо воскликнул Колон.

— Зато я предпочел бы, чтобы это был кто-нибудь другой, сержант.

Вытряхнув воду из шлема, Колон замер.

— А где наш молодой Моркоу?

Шноббс еле-еле приподнялся на локтях.

— Понятия не имею, — ответил он. — Помню только: вот мы на крыше, а потом ка-ак сиганем оттуда...

Оба перевели взгляд на пепельные воды пруда.

— Надеюсь, — медленно произнес Колон, — он умеет плавать?

— Кто его знает. Он никогда об *этом* не упоминал. Там, в горах, *не* больно-то поплаваешь. Если хорошенько задуматься, — добавил Шноббс.

— Но, наверное, там были какие-нибудь прозрачно-синие водоемы и глубокие горные реки, — с надеждой в голосе проговорил сержант. — Хрустальные пруды в скрытых от глаз лощинах и все такое прочее. Не говоря уж о подземных озерах. Быть такого не может, чтобы он не умел плавать. Да в детстве он, должно быть, вообще не вылезал из воды.

Оба опять уставились на серую маслянистую поверхность.

— Скорей всего, это Защитное Приспособление, — рассудил Шноббс. — Наполнилось водой и утащило его в мутную глубину.

Колон мрачно кивнул.

— Я подержу твой шлем, — спустя некоторое время нарушил молчание Шноббс.

— Но ведь это я старший по званию!

— Верно. Но ты тоже можешь там увязнуть, поэтому нужно, чтобы здесь, на берегу, ждал тебя один из твоих лучших людей, готовый по первому зову броситься на помощь, разве не так? — рассудительно возразил Шноббс.

— Это... логично, — в конце концов согласился Колон. — Правильная мысль.

— Ну так давай!

— Но есть одно препятствие...

— Какое?

— Я не умею плавать.

— А как же ты тогда выплыл?

Колон пожал плечами.

— Я обладаю врожденной способностью к всплыванию.

Оба снова устремили взоры на мрачный пруд. Потом Колон перевел взгляд на Шноббса. Очень медленно Шноббс принялся расстегивать ремешок шлема.

— А что, там еще кто-то остался? — послышался сзади голос Моркоу.

Оба оглянулись. Моркоу потряс головой, вытряхивая грязь из уха. За спиной у него дымились остатки винокурни.

— Я решил, надо по-быстрому разведать, что происходит, — браво произнес Моркоу, указывая на ворота, за которыми кончался двор и начиналась улица. Ворота эти висели на одной петле.

— О! — слабым голосом отозвался Шноббс. — Чертовски хорошо.

— За воротами переулок, — сообщил Моркоу.

— А дракона там нет? — подозрительно осведомился Колон.

— Ни драконов, ни людей — никого! — в голосе Моркоу слышалось нетерпение. Он извлек меч из ножен. — Пошли быстрее! — воскликнул он.

— Куда? — Шноббс вытащил из-за уха отсыревший бычок и теперь взирал на него с выражением глубокой скорби. Потом все равно попытался раскурить.

— Мы ведь хотим сражаться с драконом, правда?

Колон неловко поерзал.

— Это, конечно, да, но разве нельзя сначала сходить домой переодеться?

— И выпить чего-нибудь согревающего? — поддержал Шноббс.

— И поесть, — продолжал Колон. — Хорошую тарелку...

— Стыдитесь! — укоризненно воскликнул Моркоу. — Госпожа Овнец в беде, надо сражаться с драконом, а вы тем временем только и думаете, что о еде да о питье!

— Нет, я думаю не только об этом, — возразил Колон.

— Как знать, быть может, мы — единственные, кто стоит между городом и полным разрушением!

— Да, однако... — начал было Шноббс.

Моркоу схватил меч и принялся размахивать им над головой.

— Вот будь на вашем месте капитан Ваймс, он бы обязательно пошел! — воскликнул он. — Все за одного!

Смерив своих товарищей пылающим взором, он кинулся прочь со двора.

Колон глуповато посмотрел на Шноббса.

— Вот она, нынешняя молодежь.

— А что, этот один такой особенный? — не понял Шноббс. — Почему все за него должны драться с драконом?

Сержант вздохнул.

— Пошли, что ли?

— Ладно, ладно, иду...

Они неверным шагом выбрались в переулок. Там никого не было.

— Куда он подевался? — спросил Шноббс.

Моркоу выступил из тени, радостно улыбаясь во весь рот.

— Я знал, что могу на вас положиться, — сказал он. — За мной!

— Мальчишка какой-то странный, — заметил Колон, когда они, спотыкаясь, последовали за Моркоу. — Ты не замечал, ему всегда удается убедить нас следовать за ним?

— Нет, и все-таки этот один, он что, особенный? — не унимался Шноббс.

— Наверное, это голос у него такой. Убедительный.

— Можно я хоть раз побуду этим самым одним?

Патриций вздохнул и, заложив страницу, закрыл книжку. Судя по шуму, на улице происходило что-то крайне волнующее. Значит, стражников поблизости нет, вот и прекрасно. На обучение дворцовых стражников уходила куча денег, а патриций не любил тратить деньги зря.

Кроме того, стражники ему еще пригодятся.

Он на цыпочках приблизился к стене и надавил на камень, на вид ничем не отличающийся от всех остальных камней. Однако ни один другой камень не смог бы произвести эффект, который произвел этот: массивная каменная плита с натужным скрежетом откатилась в сторону.

За плитой оказался тайник, содержащий целый ряд тщательно отобранных предметов: металлическая посуда, запасная одежда, несколько шкатулок с золотом и драгоценными камнями, инструменты. А еще там был ключ. Правило номер два: никогда не строй темницу, из которой потом сам не сможешь выбраться.

Взяв ключ, патриций направился к двери. Когда защелки замка ушли вглубь хорошо смазанных пазов, он еще раз задал себе вопрос: может быть, все-таки следовало сказать Ваймсу о ключе? Но капитан получал такое удовольствие, выламывая эту решетку... Нет, положительно, узнай он о ключе, это сказало бы на нем очень плохо. Во всяком случае, его мировоззрению это могло повредить.

Лорд Витинари распахнул дверь и пустился в молчаливый путь по руинам своего дворца.

Руины сотрясались. Во второй раз за последние несколько минут город покачнулся.

Драконьи загоны взрывались. Окна лопались. Дверь, толкаемая волной черного дыма, сорвалась с петель и, медленно вращаясь, поплыла в воздухе — она так плыла, пока не врезалась в рододендроны.

В здании творилось нечто невообразимое, кто-то очень энергичный буквально накалял там события. Окна изрыгнули еще одну волну дыма, густого, маслянистого и непроницаемого. Другая дверь сложилась сама в себя, а третья вяло опрокинулась на газон.

Болотные дракончики, полные решимости и бешено трепеща крыльями, вылетали из-под обломков, словно пробки из бутылок шампанского.

Дым продолжал валить. Однако в густой пелене просматривалось нечто — раскаленная белая точка, которая медленно поднималась.

Разнеся в щепки оконную раму, точка вырвалась на свободу и, оставив

далеко позади собственный дым, устремилась в анк-морпоркские небеса. Это был Эррол, и на его макушке еще вращался осколок черепицы.

Солнечный свет играл на серебристой чешуе Эррола, когда дракончик парил на девяностофутовой высоте, медленно поворачиваясь и изящно балансируя на собственном пламени...

Ваймс, находящийся на площади и ожидающий своего скорого конца, вдруг понял, что стоит разинув рот. Он срочно подобрал нижнюю челюсть.

В городе настала полная тишина. Единственным звуком был звук полета Эррола — дракончик все продолжал набирать высоту.

«Они могут перестраивать свои внутренние органы, — ошеломленно думал Ваймс. — В зависимости от обстоятельств. Этот дракон перестроил свои органы так, что они стали работать в обратном направлении. Но эти штуки, его гены... должно быть, это с самого начала было в нем заложено. Ничего удивительного, что у бедолаги такие короткие крылья. Его организм, наверное, знал, что они ему все равно не понадобятся, разве только чтобы рулить.

О боги. Я вижу первого в истории дракона, который изрыгает пламя **ЗАДОМ НАПЕРЕД**».

Набравшись мужества, он поднял голову и посмотрел вверх. Гигантский дракон застыл на месте, фокусируя взгляд огромных, налитых кровью глаз на крошечном существе.

В грозном реве пламени и грохоте воздуха король Анк-Морпоркский взлетел. О простых смертных он уже и думать забыл.

Ваймс резко повернулся к госпоже Овнец.

— Как они дерутся? — его охватило лихорадочное волнение. — Как драконы дерутся?

— Я... ну, они просто изрыгают пламя и шлепают друг друга крыльями, — сообщила она. — То есть так дерутся болотные драконы, а благородные... Знаешь, никто почему-то не видел, как дерутся благородные драконы, — она похлопала ладонями по бокам. — Но у меня должны быть заметки на эту тему, где-то в записной книжке, я всегда ношу ее с собой...

— **В НОЧНОЙ РУБАШКЕ!**

— Самые лучшие идеи приходят тебе в голову, когда ты лежишь в постели. Я всегда это говорила.

Языки пламени устремились в сторону Эррола, но дракончик легко ушел от них. Король попытался развернуться в воздухе. Эррол с легкостью нарезал вокруг него дымные круги, сплетая из них этакую «колыбель для кошки», а его враг лишь беспомощно метался из стороны в сторону. В

сторону болотного дракончика снова полетел шквал пламени, но и этот залп промахнулся.

Толпа наблюдала, не дыша и не произнося ни слова.

— Наше вам, капитан, — раздался чей-то располагающий к себе голос.

Ваймс перевел взгляд в сторону его источника. Застоявшееся болотце, замаскированное под Шноббса, глупо заулыбалось.

— А я думал, вы все погибли!

— Совсем нет, — сообщил Шноббс.

— О! Хорошо, — ответ не самый удачный, но что еще тут сказать?

— Ну как драчка?

Ваймс опять посмотрел вверх. На город спиралями опускались дымные следы.

— Боюсь, ничего у него не получится, — заметила госпожа Овнец. — О! Привет, Шноббс.

— Добрый день, госпожа, — ответил Шноббс, браво прикасаясь к тому, что считал чубчиком.

— Почему это не получится? — возразил Ваймс. — Вы только посмотрите, как он летает! А ведь он пока не нанес ни одного удара!

— Да, но его пламя несколько раз попало в большого дракона. Непохоже, чтобы это возымело какое-то действие. Наверное, оно недостаточно горячее. Эррол отлично увертывается. Но все это вопрос везения. Одно-единственное попадание — и пшик!

Слова медленно впитались, потом переварились.

— То есть вы хотите сказать, — медленно проговорил Ваймс, — что все это только... только работа на зрителей? Он там выделяется, просто чтобы *ПРОИЗВЕСТИ ВПЕЧАТЛЕНИЕ!*

— Он не виноват, — раздался голос материализовавшегося у них за спинами Колона. — У собак ведь точно так же, сам вспомни. Какой-нибудь писклявой моське и в голову не приходит, что она кидается на здоровенную псину. У моськи просто чешутся лапки.

Оба дракона, по-видимому, решили избрать типично клатчскую тактику боя — то есть на расстоянии. Еще одно кольцо дыма, еще одна волна белого пламени — и оба отступили на несколько сотен ярдов.

Король Анк-Морпоркский парил, быстро взмахивая крыльями. Высота. В ней все дело. Когда дракон дерется с драконом, высота — вот главный козырь.

Эррол балансировал на собственном пламени. Судя по его морде, он размышлял.

Затем небрежно, так, словно парить на собственных желудочных газах

драконы научились еще миллионы лет назад, он взбрыкнул задними ногами, сделал сальто-мортале и устремился прочь. Какое-то мгновение он еще виднелся серебряной полоской, а потом исчез за городскими стенами.

Его исчезновение сопровождалось единодушным стоном десяти тысяч глоток.

Ваймс только руками всплеснул.

— Не стоит так волноваться, — поторопился успокоить начальника Шноббс. — Он... он, наверное, улетел, чтобы... чтобы выпить там, перекусить. Или что-нибудь в том же роде. Может, это у них закончился первый раунд.

— Да, но он слопал наш чайник и кучу других вещей, — неуверенно возразил Колон. — Такой чайникоед просто так не убежит. По-моему, логично. Существо, способное слопать чайник, просто так не убегает.

— А моя жидкость для полировки лат — ее он тоже выпил, — вставил Моркоу. — А стоит она почти доллар за банку.

— Вот-вот, — обрадовался поддержке Колон. — И я про то же!

— Послушайте, — Ваймс всеми силами пытался сохранить выдержку. — Эррол симпатичный дракончик, и нравился мне не меньше, чем вам, симпатяга он, что тут скажешь. Но сейчас он поступил очень разумно. Да вы сами рассудите, зачем ему сгорать заживо — только ради того, чтобы спасти нас? Никто так не поступает. И на его месте вы бы тоже удрали.

Большой дракон гордо прошелся (если можно так сказать о парящем в воздухе драконе) над площадью, после чего взял и спалил ближайшую башню. Он победил.

— Никогда не видела ничего подобного, — заметила госпожа Овнец. — Обычно драконы дерутся до смерти.

— Наконец-то вывели одного с мозгами, — угрюмо сказал Ваймс. — Давайте смотреть в лицо фактам: шанс, что дракон размером с Эррола победит такого гигантского монстра, один на миллион.

Воцарилось молчание того типа, которое наступает, когда кто-нибудь вдруг берет самую прекрасную ноту на свете и мир замирает от восторга.

Стражники переглянулись.

— Один на миллион? — с нарочитым равнодушием переспросил Моркоу.

— Определенно, — ответил Ваймс. — Один на миллион.

Стражники опять переглянулись.

— Один на миллион, — повторил Колон.

— Один на миллион, — согласился Шноббс.

— Точно, — подтвердил Моркоу. — Один на миллион.

Последовала еще одна насыщенная электричеством пауза. Члены рядового состава гадали, кто из них первым произнесет *это*.

Сержант Колон набрал в грудь побольше воздуха.

— Но он может сработать, — выдохнул он.

— О чем ты? — резко произнес Ваймс. — Да это даже вообразить невозможно. Сам представь...

Шноббс пихнул его локтем под ребро и указал вдаль.

Там показался черный столб. Ваймс прищурился. Оставляя позади клубы дыма, на всех парах и все еще набирая скорость, по направлению к городу неслась серебристая пуля.

Большой дракон тоже ее увидел. Он вызывающе изрыгнул пламя и набрал высоту, взбивая огромными крыльями воздух.

Теперь уже можно было разглядеть пламя Эррола, раскаленное почти до синевы. Внизу с невероятной скоростью убегала прочь равнина, а скорость все росла.

Король-дракон выпустил когти. Он почти ухмылялся.

«Эррол собирается врезаться в него, — подумал Ваймс. — О боги, помогите нам всем, да он же настоящий метеор...»

Над полями происходило что-то странное. За спиной у Эррола, на некотором расстоянии от него, земля, казалось, вспахивалась сама собой и вставала дыбом, выбрасывая в воздух капустные кочаны. Дождем опилок взорвалась живая изгородь...

В полнейшей тишине Эррол миновал городскую стену — нос смотрит вверх, крылья сложены, лишь иногда совершают крохотные направляющие взмахи, и все тело как будто сточилось, превратившись в простой конус с пламенем на одном конце. Его противник изрыгнул огненную струю; Эррол, еле заметно шевельнув обрубком крыла, с легкостью отклонился от прежней траектории движения. В следующую секунду он опять исчез — можно было видеть лишь точку, которая все в той же загадочной тишине набирала скорость, направляясь к морю.

— Он промахнулся, — пояснил Шноббс.

Воздух вздрогнул. По городу прокатилась волна бесконечных громовых раскатов, разбивая черепицу, опрокидывая трубы. Короля-дракона волна захватила на лету. Она расплющила его и закрутила, словно пену в стиральной машине. Ваймс, прикрывая уши, смотрел, как гигантский дракон в отчаянии изрыгает пламя, крутясь в центре спирали разъяренного огня.

Его крылья потрескивали магией. Дракон выл, будто сломанная

сирена. Затем, безумно трясая головой, начал выписывать широкие круги.

Ваймс застонал. Он пережил то, чего не пережила кирпичная кладка. Что же нужно, чтобы победить его? Нет, с ним невозможно бороться, подумал Ваймс. Его нельзя сжечь, нельзя раздавить. С ним ничего нельзя сделать.

Дракон приземлился. Это было совсем не идеальное приземление. Идеальное приземление не сопровождается разрушением зданий. Оно было медленным — оно длилось очень долго, и в процессе приземления дракон ободрал внушительную часть города.

Беспорядочно хлопая крыльями, раскачивая шеей и брызгая пламенем, дракон тащил за собой гору мусора из бревен и соломы. Кое-где длинный след его разрушительного приземления занялся пламенем.

В конце концов он затих в конце борозды, почти погребенный под грудой бывших образцов архитектуры баракко.

Воцарившаяся вслед за этим тишина нарушалась лишь криками граждан, пытавшихся организовать очередную ведерную цепочку для тушения пожаров.

Потом люди задвигались.

Если бы в этот момент кто-то посмотрел на Анк-Морпорк с высоты, то ему показалось бы, что он видит нечто вроде встревоженного муравейника. Темные фигуры, сливаясь в толпы и потоки, текли в направлении поверженного дракона.

Большинство фигур были вооружены.

Многие — копьями и пиками.

Некоторые — мечами.

И все они стремились к одной цели.

— Знаете, что? — громко произнес Ваймс. — Это будет первый в мире демократически убитый дракон. Один человек, один удар.

— Тогда ты должен остановить их. Нельзя позволить им убивать его! — воскликнула госпожа Овнец.

Ваймс замигал.

— Пардон? — не понял он.

— Он же ранен!

— По-моему, госпожа, мы этого и добивались. Кроме того, он всего-навсего оглушен, — возразил Ваймс.

— Но нельзя же, чтобы его убивали вот так... — настойчиво повторила госпожа Овнец. — Бедняжка!

— Но что вы в таком случае предлагаете? — все-таки не сдержался Ваймс. — Дать ему укрепляющую дозу дегтя и положить баиньки в

уютную корзинку перед камином?

— Это хладнокровное убийство!

— Прекрасно! И оно мне по вкусу!

— Но ведь это дракон! Он всего лишь следует повелениям собственной природы! И он бы никогда не пришел сюда, если бы люди оставили его в покое.

«Он чуть ее не сожрал, а она еще думает о таких вещах», — про себя поразился Ваймс. Но тут он заколебался. Пожалуй, то, что он ее едва не сожрал, дает ей право голоса...

Они со злостью уставились друг на друга, однако никто не желал уступать. Но тут, отчаянно прыгая с ноги на ногу, к ним бочком приблизился сержант Колон.

— Нам стоит вмешаться, капитан, — сказал он. — Иначе сейчас здесь случится кровавое убийство!

Ваймс замахал на него руками.

— Лично я считаю, — пробормотал он, избегая разгневанного взгляда госпожи Овнец, — что он сам на это напросился. Приближается час расплаты.

— Это вовсе не час расплаты, — уточнил Колон. — Это Моркоу. Он арестовал дракона.

На некоторое время Ваймс умолк.

— В каком смысле *АРЕСТОВАЛ!* — наконец уточнил он. — Надеюсь, ты не то имеешь в виду, что, как мне кажется, ты имеешь в виду?

— Может, и то, — неуверенно ответил Колон. — А может, и не то. В общем, сэр, Моркоу как подбежит к дракону, сэр, как схватит его за крыло да как закричит: «Эй, парень, ты попался! Теперь ты арестован Городской Стражей!» Я собственным глазам-ушам не поверил. Но самое главное, сэр...

— Что такое?

Сержант неловко переминался с ноги на ногу.

— Капитан, ты как-то сам говорил, что с заключенными нельзя жестоко обращаться...

Стропило было довольно громоздкое и тяжелое. Поэтому махалось им медленно, зато, когда оно врезалось в самую гущу толпы, толпа откатилась назад, да там и осталась.

— А теперь *ВНИМАНИЕ!* — Моркоу втянул стропило назад и откинул шлем. — У меня нет никакого желания объяснять то же самое еще раз. Все поняли?

Ориентируясь на возвышающуюся на груди из щебня и дракона громоздкую фигуру, Ваймс плечами пробивал дорогу сквозь плотную толпу! Держа стропило, точно посох, Моркоу медленно повернулся. Его взгляд был подобен лучу маяка. Куда бы он ни упал, люди опускали оружие, и вид у них делался уже не столь грозный, а просто надутый и такой, будто им становилось очень не по себе.

— Я должен предостеречь вас, — продолжал Моркоу, — чинить препятствия офицеру, находящемуся при исполнении обязанностей, — серьезное преступление. И на любого, кто посмеет бросить в эту сторону камень, я обрушусь тонной кирпичей.

От его шлема отскочил камень. По толпе прокатилась волна смешков.

— Ату его!

— Правильно!

— Очень надо, чтобы стражники тут командовали!

— Откуда он такой взялся? Стражник-абордажник!

— Да! Вот именно!

Ваймс притянул к себе сержанта.

— Иди и организуй побольше веревок. Как можно толще. Думаю, можно... О, можно связать ему крылья и завязать пасть, чтобы он не мог изрыгать пламя.

Колон ответил немигающим взглядом.

— Ты это серьезно, капитан? Мы действительно будем его *арестовывать*?

— Исполни, что тебе приказано!

«Он уже арестован, — думал Ваймс, пробиваясь вперед. — Лично я предпочел бы просто сбросить его в море, но он был арестован, и теперь надо или действовать соответственно, или отпустить его».

При виде разъяренной толпы его собственные чувства по поводу проклятого чудовища куда-то испарились. Ну что с ним можно сделать? Судить его справедливым судом, ответил он сам себе, а потом казнить. Не просто убить, а казнить по закону. Убийствами занимаются всякие герои в глуши. А в городах даже думать о таком нечего. Или, точнее, думать можно, но, чем пытаться воплотить эти мысли на практике, лучше не откладывая в долгий ящик сжечь весь город дотла и начать все заново. Нужно действовать... в общем, по той самой книге, что таскает с собой Моркоу.

«Вот оно. Мы испробовали все. Почему бы теперь не попробовать действовать по этой книжице?»

Так или иначе, — добавил он мысленно, — там, на груди кирпича, городской стражник. Мы должны держаться вместе. Потому что больше

никто за нас не заступится».

Впереди него некая тяжеловесная фигура замахнулась осколком кирпича.

— Только брось этот кирпич, и ты покойник, — предупредил Ваймс, быстро подныривая громиле под руку и продолжая путь сквозь толпу, пока горе-бросатель в изумлении оглядывался по сторонам.

Ваймс принялся вскарабкиваться на гору щебня. Моркоу в угрожающем жесте приподнял дубину.

— О, это вы, капитан Ваймс, — произнес он, узнавая Ваймса и опуская стропило. — Разрешите доложить, я арестовал это...

— Вижу, вижу, — кивнул Ваймс. — Какие-нибудь предложения по поводу того, что делать дальше?

— О да, сэр. Сейчас я должен зачитать ему права.

— А кроме зачитывания прав?

— Кроме этого, я не очень знаю, что делать.

Ваймс осмотрел части дракона, проглядывающие из-под щебенки. Попробуй убей такую громадину. Да на это целый день уйдет.

От грудной пластины отрикошетил камень.

— Кто это сделал?

Голос хлестнул как плеть. Толпа затихла.

Сибилла Овнец, пылая взором, забралась вверх по обломкам и окинула толпу взбешенным взглядом.

— Я спрашиваю, — повторила она, — кто это сделал? Если тот, кто это сделал, не признается, я *ЧРЕЗВЫЧАЙНО* рассержусь! Позор вам всем!

Она целиком и полностью завладела вниманием собравшихся. Несколько человек с камнями в руках или другими предметами для швыряния наготове тихонько уронили улики на землю.

Ветер развевал остатки ночной рубашки, а благородная госпожа Овнец тем временем приняла новую живописную позу.

— Вот он, *ДОБЛЕСТНЫЙ* капитан Ваймс...

— О боги, — тихо пробормотал Ваймс и надвинул шлем на глаза.

— ...И его *НЕУСТРАШИМЫЕ* люди! Они взяли на себя *ТРУД* прийти сюда сегодня, чтобы спасти ваш...

Ваймс схватил Моркоу за руку и, таща его за собой, передислоцировался на заднюю, скрытую от толпы сторону щебеночной горы.

— С вами все в порядке? — выразил беспокойство младший констебль. — Вы весь красный.

— Ты только не начинай! — рявкнул Ваймс. — Хватит с меня кривых

ухмылочек Шноббса и сержанта.

К изумлению капитана, Моркоу по-товарищески похлопал его по спине.

— О, я знаю, каково это, — с сочувствием произнес он. — Дома я дружил с одной девушкой по имени Мятка, так у нее отец...

— Слушай, я в последний раз повторяю: между нами ничего, абсолютно ничего... — начал было Ваймс.

Сзади задрезало. Вниз сорвалась небольшая лавина из штукатурки и тростника. Щебенка задвигалась и открыла один глаз. Плавающий в налитом кровью озере громадный черный зрачок попытался сфокусироваться на двоих стражниках.

— Наверное, мы сошли с ума, — произнес капитан.

— Отнюдь, — обнадежил Моркоу. — Прецедентов масса. В тысяча сто тридцать пятом году арестовали курицу — за кудахтанье в мясленницу. А во времена режима лорда Капканса Психопатического казнили колонию летучих мышей — за систематическое нарушение комендантского часа. Это было в тысяча четыреста первом. Кажется, в августе. Замечательное время для закона, эти годы, — мечтательно добавил Моркоу. — А в тысяча триста двадцать первом осудили на казнь облачко — за то, что закрыло солнце в самом разгаре церемонии коронации графа Харгата Умалишенного.

— Надеюсь, Колону удалось найти какую-нибудь... — Ваймс прервался на полуслове. — Но как, — спросил он, — как можно казнить облако?

— Граф постановил забить его камнями, — объяснил Моркоу. — По имеющимся данным, в процессе казни погиб тридцать один человек.

Моркоу вытащил свою записную книжку и строго посмотрел на дракона.

— Как вы думаете, он нас слышит? — спросил он.

— Наверное, да.

— В таком случае приступим. — Моркоу прокашлялся и заговорил, обращаясь к оглоушенной рептилии. — Мой долг предупредить вас, что ваш случай представляется на рассмотрение на основании одного или всех из нижеследующих пунктов. Вы обвиняетесь в том, что: Один, (Один) а, восемнадцатого грюня или около того в месте, известном под названием переулок Нежности, что в Тенях, вы противозаконно изрыгнули пламя способом, чреватым тяжкими телесными повреждениями, в нарушение Статьи Семь Акта о Производственных Процессах от 1508 года; а также в том, что: Один, (Один) бэ, восемнадцатого грюня или около того в месте,

известном под названием переулочек Нежности, что в Тенях, вы стали причиной или причиной причины смерти шести человек...

Ваймс гадал, сколько еще времени вес обломков сможет держать чудовище. Судя по длине списка обвинений, потребуется недели три, не меньше.

Толпа умолкла. Даже Сибилла Овнец застыла в изумлении.

— В чем дело? — обратился Ваймс к морю задранных голов. — Вы что, никогда не видели, как арестовывают дракона?

— ...Шестнадцать, (Три) бэ, примерно в ночь на двадцать четвертое грюня вы сожгли или послужили причиной сжигания помещения, известного под названием Старая Штаб-Квартира Ночной Стражи, что в Анк-Морпорке, скобки открываются, стоимость помещения двести долларов, скобки закрываются; а также в том, что: Шестнадцать, (Три) вэ, примерно в ночь на двадцать четвертое грюня, будучи замеченным находящимся при исполнении служебных обязанностей офицером Ночной Стражи...

— По-моему, стоит поторопиться, — прошептал Ваймс. — Он начинает шевелиться. Обязательно зачитывать все?

— Пожалуй, можно подвести итог, — ответил Моркоу. — В исключительных обстоятельствах, в соответствии с Правилами Брега...

— Ты, может быть, удивишься, Моркоу, но обстоятельства уже исключительные, — воскликнул Ваймс. — И они станут **ПОРАЗИТЕЛЬНО** исключительными, если Колон не поторопится со своей веревкой.

Дракон сделал усилие подняться. Обломки задвигались и лавиной покатались вниз. Раздался глухой стук — в сторону полетел тяжелый брус. Пытаясь избежать удара, толпа отхлынула.

Именно в этот момент над крышами вновь показался Эррол. Он двигался серией крохотных взрывов, оставляя за собой след из дымных колец. Сделав низкий нырок, он прогудел над толпой. Передние ряды, спотыкаясь, попятились.

А еще Эррол ревел, как сирена.

Король Анк-Морпоркский отчаянно напрягся, пытаясь выбраться из-под обломков. Схватив Моркоу, Ваймс увлек его вниз, за собой.

— Он вернулся, чтобы нанести последний удар! — прокричал он. — А все это время ему понадобилось, наверное, чтобы затормозить!

Сейчас Эррол парил над поверженным драконом и издавал вопли, достаточно пронзительные, чтобы заставлять лопаться бутылки.

Большой дракон высунул голову. Каскадом посыпалась штукатурка. Он разинул пасть, но вместо потока белого пламени, который Ваймс, сжав

зубы, ждал, из пасти вырвался лишь звук. Такой звук мог бы издать котенок. Следует признать, что речь здесь идет о котенке, мяукающем в рупор на дне глубокой пещеры, но все-таки о котенке.

Гигантское существо нетвердо встало на ноги, расшвыривая во все стороны сломанные пики. Огромные крылья взмахнули, осыпая ближайшие улицы дождем из пыли и тростниковых обломков. Некоторые со звоном ударились о шлем сержанта Колона — он торопился обратно с намотанным на руку шнурком, смахивающим на бельевую веревку.

— Ты даешь ему подняться! — прокричал Ваймс, отталкивая сержанта подальше, в безопасную зону. — Ты не должен позволять ему встать, Эррол! Не позволяй ему вставать!

Госпожа Овнец нахмурилась.

— Это неправильно, — возразила она. — Обычно они никогда так не дерутся. Как правило, победитель убивает проигравшего.

— Вот хороший обычай! — воскликнул Шноббс.

— А потом ровно в половине случаев сам взрывается от радости.

— Посмотри, это же я! — проревел Ваймс, стараясь привлечь внимание безразлично парящего над ареной событий Эррола. — Я купил тебе пушистый мяч! Тот самый, с колокольчиком! Ты не можешь нас подвести!

— Послушай, подожди-ка минутку, — госпожа Овнец успокаивающе взяла Ваймса за руку. — По-моему, мы подходим к вопросу не с той стороны...

Огромный дракон подпрыгнул в воздух и опустил крылья с громким «ввух», который сравнял с землей еще несколько зданий. Гигантская голова раскачивалась в воздухе, подернутые пеленой глаза остановились на Ваймсе.

В глазах дракона читалась какая-то мысль.

Эррол описал дугу и, словно защищая капитана, завис прямо над ним, глядя на большого дракона сверху вниз. Какую-то секунду казалось, что вот-вот — и судьба ему превратиться в маленький угольный бисквит, но потом большой дракон, как будто слегка смутившись, опустил глаза и начал взлет.

Он набирал высоту, скользя по широкой спирали и с каждым метром все набирая скорость. Эррол последовал за ним. Теперь он двигался по орбите вокруг большого дракона, словно крохотное буксирное судно вокруг баржи.

— Да он... да он ведь *ТОКУЕТ!* — не веря собственным глазам, воскликнул Ваймс.

— Урой этого паскудника! — с энтузиазмом прокричал Шноббс.

— Наверное, здесь будет уместнее «поджарь», — поправил Колон. — Ты ведь к этому его призываешь?

Ваймс спиной почувствовал взгляд госпожи Овнец. Он обернулся и посмотрел ей в лицо. До него начало доходить.

— О-о-о! — только и сказал он.

Госпожа Овнец кивнула.

— В самом деле? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Странно, что я не подумала об этом раньше. Следовало бы обратить внимание на некоторые признаки. Такое горячее пламя. И потом они гораздо территориальнее самцов, предпочитают оставаться на одном месте.

— Почему ты не дерешься с этим гадом?! — Шноббс все надрывал глотку вслед уменьшающимся драконам.

— С сукой, Шноббс, — тихо поправил Ваймс. — Здесь лучше употреблять ругательства женского рода.

— Почему ты не дере... что?

— Это особь женского пола, — объяснила госпожа Овнец.

— Что?

— Это значит, что если ты, Шноббс, попробовал бы применить здесь свой любимый пинок, то он бы не подействовал, — в более доступной форме растолковал Ваймс.

— Это *ДЕВОЧКА*, — перевела госпожа Овнец.

— Такая огромная, мать твою?!

Ваймс громко кашлянул. Крысячьи глазки Шноббса скосились в сторону Сибиллы Овнец. Та вспыхнула, как закат.

— Такая изящная дракониха, хотел я сказать, — быстро поправился он.

— Э-э. Широкие, вынашивающие яйца бедра, — с пылом поддержал сержант Колон.

— Чистая статуэтка, — с жаром добавил Шноббс.

— Заткнитесь, — прервал хвалебный поток Ваймс.

Он стряхнул пыль с остатков мундира, поправил грудную пластину и надел шлем. Твердо постучал по нему. Это еще не конец, подумал он. Это всего-навсего начало.

— Вы все идете со мной! Да пошевеливайтесь! И не спускайте глаз с драконов, — добавил он.

— Но что теперь будет с королем? — встрял Моркоу. — Или с королевой? В общем, что нам теперь делать?

Ваймс устремил взор на быстро уменьшающиеся фигурки драконов.

— Честно говоря, не знаю, — признался он. — Наверное, надо предоставить это Эрролу. Пусть разбирается. У нас есть другие дела.

Колон, который все еще никак не мог восстановить дыхание после забега, отдал честь.

— А куда мы направляемся, сэр? — выговорил наконец он.

— Во дворец. У кого-нибудь есть меч?

— Воспользуйтесь моим, капитан, — Моркоу передал Ваймсу меч.

— Ладно, — спокойно произнес Ваймс и окинул своих подчиненных решительным взглядом. — Вперед.

Рядовой состав тащился вслед за Ваймсом по поверженным улицам.

Капитан ускорил шаг. Рядовой состав, чтобы не отстать, перешел на трусцу.

Ваймс перешел на трусцу, чтобы быть впереди.

Рядовой состав рванул на рысях.

Затем, словно по молчаливому приказу, они побежали.

Потом понеслись галопом.

Грохоча подковами, они мчались по улицам. Прохожие шарахались. Гигантские сандалии Моркоу молотом стучали по булыжнику. Из-под подкованных каблуков Шноббса летели искры. Колон, напротив, бежал очень тихо — в особенности для такого толстяка, как он (весьма, впрочем, распространенный случай среди толстяков), — с застывшей на лице гримасой сосредоточенности.

Они миновали улицу Искусных Умельцев, повернули в Захребетный переулок, вынырнули на улице Мелких Богов и загромыхали в направлении дворца. Ваймсу с трудом удавалось сохранять ведущее положение. Его ум опустел. Оставалось лишь ощущение необходимости бежать.

Если не считать еще одной мысли. Но голова у него гудела в маниакальный унисон с мыслями всех тех городских стражников — в какой бы точке множественной вселенной эти дурные головы ни находились и какие бы мостовые ни топтали, — которые хотя бы раз, пусть даже по чистой случайности, попытались сделать то, что Правильно.

Завидев их издалека, несколько дворцовых стражников извлекли мечи, но потом, приглядевшись повнимательнее, решили не связываться, нырнули за стену и принялись закрывать ворота. Створки с лязгом захлопнулись как раз в тот момент, когда Ваймс подбежал к воротам.

Он затормозил, восстанавливая дыхание. Смерил взглядом массивные ворота. Те, которые спалил дракон, заменили новыми, еще более отталкивающими. Изнутри раздался звук задвигаемых засовов.

Время полумер истекло. Он капитан, черт побери. Офицер. Для офицера такое препятствие не проблема. У офицеров имеется старый, многократно испытанный способ решения подобных проблем. И способ этот называется «сержант».

— Сержант Колон, — рыкнул он, все еще охваченный вселенским полицейским пылом, — стреляйте в замок!

Сержант заколебался.

— Как-как вы сказали, сэр? Я должен выстрелить в него из лука?

— Я имею в виду... — теперь уже засомневался Ваймс. — Черт подери, открой как-нибудь эти ворота!

— Сэр! — Колон отдал честь. Некоторое время он сверлил взглядом ворота. — Есть, сэр! — рявкнул он. — Мллад-шиий конс-теблль Маа-арр-коу, шшаг вперед! Мллад-шиий конс-теблль Мааарр-коу, действво-вать ннн-аа свое усмотрение! Открррыть ввааа-ррота!

— Есть, сэр!

Моркоу шагнул вперед, отдал честь, сжал огромный кулак и тихонько постучал по дереву.

— Именем Закона, — спокойно произнес он, — открывайте!

С противоположной стороны ворот зашептались. В конце концов маленькая, расположенная на уровне глаз заслонка слегка отодвинулась в сторону, и чей-то голос произнес:

— Это с какой стати?

— А с той стати, что иначе ваши действия подпадают под Статью о Чинении Препятствий Офицеру Стражи, Находящемуся При Исполнении Обязанностей, а это наказуемо штрафом размером не менее чем в тридцать долларов, тюремным заключением сроком на месяц или трехсуточным содержанием под арестом для допроса, из них полчаса проводятся с использованием раскаленной докрасна кочерги, — объяснил Моркоу.

В ответ послышался приглушенный шепот, за которым последовал звук отодвигаемых засовов. Ворота наполовину приоткрылись.

На той стороне никого не было видно.

Ваймс приложил палец к губам. Он жестом направил Моркоу к одной створке, а Шноббса с Колоном — к другой.

— Толкайте, — шепотом произнес он.

Они что было сил толкнули. С противоположной стороны последовал внезапный взрыв болезненных проклятий.

— Бежим! — крикнул Колон.

— Стоять! — рявкнул Ваймс.

Он вошел на дворцовую территорию. Четверо полуприщемленных

дворцовых стражников встретили его сердитыми взглядами.

— Стоять, — повторил он. — Хватит нам убегать. Эти люди должны быть арестованы.

— Ты не посмеешь, — ответил один из дворцовых стражников.

Ваймс пронзил его взглядом.

— Кларенс, если не ошибаюсь? — узнал он. — Ну что ж, господин Кларенс, читай по моим губам. Твои преступные действия можно пресечь или предъявлением обвинения в пособничестве и подстрекательстве, или... — он наклонился пониже и многозначительно перевел взгляд на Моркоу... — топором!

— Ага, повертись теперь как уж на сковородке! — от злорадства Шноббс запрыгал с ноги на ногу.

Маленькие свинячьи глазки Кларенса оценили сначала нависающую громаду по имени Моркоу, а потом лицо Ваймса. Ни там, ни там не было даже намека на снисхождение. Плечи его уныло опустились, словно он наконец пришел к какому-то непростому для себя решению.

— Отлично, — одобрил Ваймс. — Заприте их в караульном помещении, сержант.

Колон извлек лук и расправил плечи.

— Вы слышали слова, э-э, ну этого, нашего главного, — проскрежетал он. — Одно ложное движение, и вы... — Он предпринял отчаянную попытку вспомнить нужное выражение. — И вы пойдете на... на удобрение капусты!

— Правильно! Оторви им то, что болтается! — завопил Шноббс. Если представить себе червя, способного вращаться вокруг собственной оси, то Шноббс выглядел именно так, и скорость вращения нарастала с каждой секундой. — Дворцовые недоноски! — мужественно выкрикнул он прямо им в спины.

— Пособничество и подстрекательство, капитан? — переспросил Моркоу, когда Колон увел обезоруженных дворцовых стражников. — Но ведь пособничать нужно кому-то, а подстрекать — к чему-то.

— Пожалуй, в данном случае речь идет о подстрекательстве вообще, — Ваймс почесал в затылке. — О систематическом и злостном подстрекизме!

— В точку сказано, — восхитился Шноббс. — Терпеть не могу всяких подстрекал. Вонючки!

Колон передал Ваймсу ключи от караулки.

— Место не очень надежное, капитан, — сообщил он. — В конце концов они сумеют оттуда выбраться.

— От всей души желаю им этого, — ответил Ваймс, — потому что ты уронишь ключ в первую же сточную канаву, которая попадетсся нам на пути. Все на месте? Прекрасно. За мной.

Волч Воунз торопливо бежал по разрушенным коридорам дворца. Под мышкой он держал книгу «О Призывании Драконов», пальцы другой руки неуверенно сжимали посверкивающий королевский меч.

Задыхаясь, Воунз остановился у дверного проема.

Лишь незначительная часть его мозга находилась сейчас в состоянии достаточно вменяемом, чтобы выносить здравые суждения. Однако эта крошечная, еще функционирующая часть упорно твердила, что он не мог видеть то, что видел, и слышать то, что слышал.

Кто-то шел по его следам.

А видел он Витинари, как тот разгуливал по дворцу. Воунз точно знал, что Витинари надежно изолирован. Замок темницы не поддается взлому. Он помнил, что, когда эту темницу строили, Витинари сам настаивал, чтобы в нее установили именно такой, невзламываемый замок.

В дальнем конце коридора мелькнуло какое-то движение. Воунз пробормотал что-то невнятное, нащупал за спиной дверную ручку, молниеносно открыл дверь, нырнул внутрь, захлопнул дверь и прислонился к ней с обратной стороны.

Потом открыл глаза.

Он находился в старом кабинете для частных аудиенций. Патриций восседал на своем прежнем месте — положив ногу на ногу, он с легким любопытством изучал Воунза.

— А, это ты, Воунз, — поприветствовал он секретаря.

Воунз подпрыгнул, трясущимися руками повернул ручку, выпрыгнул в коридор и побежал. Он бежал, пока не достиг главной лестницы, теперь возносящейся сквозь руины центрального дворца, подобно штопору. Ступени — высота — верхняя площадка — спасение. Он несся вперед, перепрыгивая через три ступеньки.

Все, что ему надо, это три минуты. Три минуты, чтобы сосредоточиться. И тогда он им покажет.

Верхние этажи были погружены в темноту. Чего им сейчас крайне не хватало, так это упорядоченности. Когда дракон строил себе пещеру, он с корнем повиламывал колонны и разрушил стены. Комнаты жалко зияли, висая на волоске над бездной. Свисающие ошметки драпировок и ковров хлопали на врывающемся в разбитые окна ветру. Пол под ногами у Воунза пружинил и покачивался, как трамплин. Наконец секретарю удалось

добраться до ближайшей двери.

— Похвальная скорость, — заметил патриций.

Воунз поспешно захлопнул дверь и, жалко попискивая, ринулся дальше по коридору.

На краткое мгновение вернулся разум. Он остановился около статуи. Здесь царила тишина, не нарушаемая ни звуком приближающихся шагов, ни жужжанием потайных дверей. Воунз смерил статую подозрительным взглядом и потыкал ее мечом.

Когда никакого движения не последовало, он отворил ближайшую дверь и плотно закрыл ее за собой, после чего нашарил стул и заклинил им ручку. Это было одна из верхних палат, на данный момент лишенная почти всей мебели, а также четвертой стены. На месте последней теперь зияла пропасть пещеры.

Из теней появился патриций.

— Теперь, когда ты устранил дракона из своей системы... — начал он.

Воунз резко повернулся и замахнулся на патриция мечом.

— Тебя ведь нет, нет! — белыми губами зачастил он. — Ты... ты — призрак, привидение!

— М-м, по-моему, это не соответствует действительности, — возразил патриций.

— Ты не сможешь помешать мне! У меня еще есть заклинания, у меня осталась книга! — Воунз извлек из кармана предмет в коричневом кожаном футляре. — И кое-что еще! Сейчас я покажу!

— Очень советую не делать этого, — мягко произнес лорд Витинари.

— О, ты думаешь, ты такой умный, такой прозорливый, ничего не боишься, хотя меч у меня, а не у тебя! Но меч — это ведь далеко не все, — победоносно добавил Воунз. — Да! На моей стороне дворцовая стража! Они последуют за мной, а не за тобой! Тебя, знаешь ли, никто не любит. И никто никогда тебя не любил.

Он сделал выпад, и узкое острие меча остановилось всего в футах от тщедушной груди патриция.

— Так что твое место там, в темнице, — победоносно завершил Воунз. — Но на этот раз я лично прослежу, чтобы ты остался там навсегда. Стража! Стража!

Снаружи послышалось звяканье подкованных каблуков о пол. Дверь заскрежетала, стул затрясся. Наступила секундная пауза, а потом дверь вместе со стулом разлетелись в щепки.

— Уведите его! — завизжал Воунз. — И скорпионов, скорпионов! Киньте его в... вы же не...

— Опустит меч, — приказал Ваймс.

Моркоу у него за спиной выковыривал из кулака дверные щепки.

— Во-во, — Шноббс выглянул из-за капитана. — Прижать его к стенке, пока не потечет!

— Э-э... А что у него должно потечь? — встревоженным шепотом переспросил сержант Колон.

Шноббс пожал плечами.

— Кто его знает, — ответил он. — Пусть все течет, я так думаю. Так надежнее.

Воунз, не веря своим глазам, взирал на Ночную Стражу.

— А Ваймс, — улыбнулся патриций. — Очень...

— Закройте рот, — спокойно произнес Ваймс. — Младший констебль Моркоу?

— Сэр!

— Зачитайте арестованному его права.

— Есть, сэр.

Моркоу достал записную книжицу, лизнул палец, перелистал страницы.

— Волч Воунз, — начал он, — также известный под именем Волч Шатунс, Сл. Без., и.о. ...

— Что? — Воунз разинул рот.

— ...На данный момент постоянно проживающий в месте постоянного проживания, известном как Дворец, Анк-Морпорк, мой долг сообщить вам, что вы арестованы и что вам будет предъявлено обвинение в... — Моркоу бросил на Ваймса сочувствующий взгляд, — целом ряде убийств, совершенных посредством тупого орудия, а именно дракона, а также в целом ряде других преступлений из категории общего подстрекательства — более точно будет объявлено позже. Вы имеете право хранить молчание. Вы имеете право в общем и целом не быть брошенным в чан с пираньями. Вы имеете право пройти испытание огнем и водой. Вы имеете право...

— Это сумасшествие, — спокойно прокомментировал патриций.

— По-моему, я велел вам закрыть рот! — рявкнул Ваймс, резко разворачиваясь и ткнув пальцем прямо в нос патриция.

— Слушай, сержант, — прошептал Шноббс, — как думаешь, в скорпионьей яме нам понравится?

— ...Говорить все что угодно, э-э, но все сказанное вами будет записано, э-э, сюда, в мою записную книжку, и впоследствии может быть использовано, э-э, в качестве доказательства...

Голос Моркоу задрожал и затих.

— Если эта пантомима доставляет тебе удовольствие, Ваймс, — в конце концов прервал молчание патриций, — отведи его в камеру. Я займусь им утром.

Воунз не подал никакого предупредительного сигнала. Не издал ни крика, ни вопля. Он просто бросился на патриция с вздетым мечом.

В мозгу Ваймса замелькали возможные варианты действий. Первым шло предположение, что было бы неплохо постоять в сторонке — пусть Воунз делает все, что заблагорассудится, а разоружить его можно и позже, зато город очистится. Да. Хороший план.

Поэтому для него так и осталось загадкой, почему вместо этого он сделал выпад мечом Моркоу в попытке парировать удар...

Наверное, это был поступок из серии «по книге».

Раздался звон от удара металла о металл. Не особенно громкий. Что-то блестящее и серебристое просвистело мимо уха капитана и вонзилось в стену.

У Воунза отвисла челюсть. Он уронил остатки своего меча и попятился, крепко сжимая «О Призывании Драконов».

— Вы еще пожалеете, — прошипел он. — Вы *ГОРЬКО* пожалеете!

Он забормотал что-то себе под нос.

Ваймса и самого трясло. Он был вполне уверен, что знает, *ЧТО* именно просвистело у него мимо уха, и от одной мысли об этом ладони у него покрывались испариной. Он явился во дворец, готовый разить карающим мечом, и вот наконец наступила эта *МИНУТА*, эта единственная *МИНУТА*, когда мир, казалось, работает как положено и от него, капитана Ваймса, что-то зависит. Но все, чего ему хочется в эту минуту, — это выпить. И поспать с недельку.

— Все, хватит! — воскликнул он. — Ты пойдешь по-хорошему?

Бормотание не прекратилось. Воздух нагревался и сох.

Ваймс пожал плечами.

— Значит, так тому и быть, — он повернулся в сторону. — Давай, Моркоу, добей его этой своей книжкой.

— Есть, сэр.

Ваймс вспомнил об этом слишком поздно.

Что гномы плохо понимают метафоры.

И что у них очень верная рука.

«Законы и Постановления Городов Анка и Морпорка» попали секретарю прямо в лоб. Тот мигнул, закачался и сделал шаг назад.

Это был самый длинный шаг в его жизни. С другой стороны, он

длился всю его оставшуюся жизнь.

Через несколько секунд они услышали, как Воунз упал пятью этажами ниже.

Еще через несколько секунд над краем разломанного пола появились их лица.

— Далеко лететь, — заметил сержант Колон.

— Факт, — Шноббс потянулся к уху за окурком.

— Умер, убитый этой, как ее. Метамфорой.

— Кто его знает. По мне, так вроде от удара об землю. Огонька не найдется, сержант?

— Я ведь сделал правильно, да, сэр?! — встревожено вопрошал Моркоу. — Вы сказали...

— Да, да, — успокоил его Ваймс. — Не беспокойся.

Наклонившись, он дрожащей рукой подобрал с пола футляр, который выронил Воунз, и вытряс оттуда несколько камешков. В каждом красовалось по дырке. «Интересно, для чего это?» — подумал он.

Металлический шум за спиной заставил его оглянуться. Патриций держал обломок королевского меча. Затем патриций с усилием выдернул из дальней стены вторую половину меча. Разлом был чистый — как будто отрезали.

— Капитан Ваймс.

— Ваша милость?

— Можно взглянуть на твой меч?

Ваймс передал ему меч. В эту секунду ему просто не пришло в голову, что можно поступить как-то иначе. Вероятно, он уже смирился с мыслью об отдельной скорпионьей яме со всеми удобствами.

Лорд Витинари тщательно осмотрел ржавое лезвие.

— И как давно он у тебя? — мягко спросил он.

— Меч не мой, сир. Принадлежит младшему констеблю Моркоу, сир.

— Младшему?..

— Это я, сир, ваша милость, — Моркоу отдал честь.

— Ага.

Патриций поворачивал лезвие то так, то этак, не отрывая от него зачарованного взгляда. Ваймсу показалось, что воздух густеет, как будто ткань истории внезапно уплотнилась, но спроси его, почему ему так кажется — и он не смог бы ответить. Как раз в таких «плотных» местах Штаны Времени раздваиваются, и если вы не будете достаточно осторожны, то можете оказаться не в своей штанине...

Воунз пришел в себя в мире теней. Его охватило леденящее смятение. Но в данный момент он мог думать лишь о нависающей над ним высокой фигуре в капюшоне.

— А я думал, вы все погибли, — пробормотал он.

Вокруг царила странная тишина, а цвета словно бы выцвели и поблекли. Что-то было сильно не так.

— Это ты, брат Привратник? — осмелился спросить он.

Фигура протянула руку.

— МЕТАФОРИЧЕСКИ ВЫРАЖАЯСЬ, — последовал ответ.

...И патриций вручил меч Моркоу.

— Отличная работа, молодой человек, — похвалил он. — Капитан Ваймс, полагаю, всех стражников можно на остаток дня освободить от выполнения их обязанностей.

— Благодарю вас, сир, — ответил Ваймс. — Ну что ж, ребята. Вы слышали, что сказал его милость.

— Но к тебе это не относится, капитан. Нам еще надо побеседовать.

— Да, сир? — тоном простодушного непонимания ответил Ваймс.

Рядовой состав, бросая на Ваймса сочувствующие взгляды, поторопился покинуть помещение.

Патриций подошел к краю пола и выглянул вниз.

— Бедный Воунз.

— Да, сир, — Ваймс уставился в стенку.

— Знаешь, я бы предпочел, чтобы он остался в живых.

— Да, сир?

— Заблудшая овца, это верно, но очень полезный человек. Золотая голова. Ею он мог бы и в дальнейшем помогать мне.

— Да, сир.

— Остальное, разумеется, можно было бы выбросить.

— Да, сир.

— Я пошутил, Ваймс.

— Да, сир.

— Он ведь так и не понял сути потайных ходов.

— Нет, сир.

— Этот молодой человек... Моркоу, так, кажется, его зовут?

— Да, сир.

— Сообразительный юноша. Ему нравится служба в Ночной Страже?

— Да, сир. Он на своем месте, сир.

— Вы спасли мне жизнь.

— Сир?

— Пойдем.

Величавой поступью, с Ваймсом, следующим по его следам, он зашагал по разрушенному дворцу, пока не достиг Продолговатого кабинета. Там было прибрано. Помещение избежало общей участи, и единственный след, оставленный постигшим дворец опустошением, заключался в толстом слое пыли. Патриций сел за стол, и внезапно показалось, как будто он никогда и не покидал свое место. Ваймсу невольно подумалось: а может, это и правда так, и ему все только привиделось?

Патриций нашел нужную связку бумаг и стряхнул с нее штукатурку.

— Печально, — произнес он. — Волч так ценил порядок.

— Да, сир.

Патриций сложил руки домиком и поверх него посмотрел на Ваймса.

— Позволь дать тебе совет, капитан.

— Да, сир?

— Он поможет тебе найти в мире осмысленность.

— Сир?

— Мне кажется, жизнь для тебя так трудна, потому что ты считаешь, что есть хорошие люди и есть плохие люди, — пояснил патриций. — Но ты, разумеется, заблуждаешься. Есть, всегда и только, плохие люди, *ОДНАКО НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ИГРАЮТ ДРУГ ПРОТИВ ДРУГА.*

Он махнул рукой в направлении города и подошел к окну.

— Гигантское волнующееся море зла, — произнес он почти таким тоном, каким говорят о частной собственности. — Где-то, конечно, оно бывает и помельче, однако где-то — о! — где-то оно намного глубже. Но люди вроде вас сооружают маленькие плотки из правил и туманно благих намерений и говорят: «Вот оно, противоположное, и оно в конце концов обязательно победит!» Поразительно!

Он добродушно похлопал Ваймса по спине.

— Там, внизу, — продолжал он, — живут люди, которые последуют за любым драконом, поклонятся любому богу, проигнорируют любое беззаконие. Из какой-то своей тоскливой, скучной, бытовой плохости. Я говорю не о творческой, высокой мерзости великих грешников, а о ширпотребе душевного мрака. О, так сказать, грехе, лишенном всякого намека на оригинальность. Они принимают зло не потому, что говорят «да», а потому, что не говорят «нет». Мне очень жаль, если это тебя обижает, — добавил он, положив руку на плечо капитану, — но на самом деле ты в нас нуждаешься.

— Неужели, сир? — спокойно ответил Ваймс.

— О да. Мы — единственные, кто знает, как заставить мир крутиться. Видишь ли, единственное, что хорошо получается у хороших людей, — это ниспровергать плохих. Нельзя не признать, в этом вы специалисты. Сегодня звонят во все колокола и сбрасывают с трона злого тирана, а завтра кто-то уже сидит и жалуется, что теперь, после того как сбросили тирана, никто не выносит мусор. Потому что плохие люди умеют *ПЛАНИРОВАТЬ*. Это, можно сказать, неотъемлемое их свойство. У любого злого тирана есть план, как управлять миром. А хорошим людям, похоже, этим мастерством никогда не овладеть.

— Может быть. Но во всем остальном вы заблуждаетесь! — воскликнул Ваймс. — Это все из-за того, что люди боятся, и от одиночества...

Фраза повисла в воздухе. Даже для него самого это прозвучало как-то пусто. Наконец Ваймс пожал плечами.

— Они просто люди, — закончил он. — И поступают так, как свойственно простым людям, сир.

Лорд Витинари ответил дружеской улыбкой.

— Разумеется, разумеется, — согласился он. — Тебе, наверное, надо в это верить. Иначе ты сойдешь с ума. Тебе покажется, что ты стоишь на мостике толщиной с волосинку над самыми сводами преисподней. Иначе существование превратится в черную муку, и надеяться останется лишь на то, что жизнь прекратится хотя бы после смерти. Я вполне тебя понимаю.

Он окинул взглядом стол и вздохнул.

— А сейчас, — продолжил он, — нам предстоит много работы. Увы, бедняга Воунз был хорошим слугой, но никудышным хозяином. Так что можешь идти. Выспись как следует. О, и завтра приведи своих людей. Город должен выразить им свою благодарность.

— Что-что? — переспросил Ваймс. Патриций бросил взгляд на длинный список дел. В его голосе вновь зазвучали отстраненные нотки, свойственные человеку, который организует, планирует и контролирует.

— Выразить благодарность, — повторил он. — После всякого победоносного освобождения должны быть свои герои. Тогда все поймут, что все прошло как положено.

Он посмотрел на Ваймса поверх списка.

— Таков естественный порядок вещей, — объяснил он.

Через несколько секунд, сделав несколько пометок карандашом на лежащей перед ним бумаге, он вновь поднял взгляд.

— Я сказал, — произнес он, — *что ты* можешь идти.

Ваймс еще немного постоял у двери.

— Вы действительно во все это верите, сир? — спросил он. — Насчет бесконечного зла и черной пустоты?

— Действительно, действительно, — патриций перевернул страницу. — Это единственно возможное логическое заключение.

— И все же вы каждое утро встаете с постели, сир?

— М-м-м-м? Да? Это ты к чему?

— Мне просто хотелось бы знать, *ПОЧЕМУ*, сир.

— О, Ваймс, уйдешь ты наконец или нет? Вот молодец...

По темной, продуваемой сквозняками пещере, вырубленной в самом сердце дворца, проковылял библиотекарь. Забравшись на остатки незадачливых драконьих сокровищ, он склонился над неловко изогнутым телом Воунза.

Потом очень осторожно протянул руку и вытащил из стынущих пальцев «О Призывании Драконов». Сдул с книги пыль. Он обращался с ней нежно, как будто с испуганным ребенком.

Библиотекарь собрался было спуститься с сокровищ, но что-то еще привлекло его внимание. Вновь наклонившись, он осторожно вытянул из груды поблескивающих побрякушек еще одну книгу. Это была не его книга — разве что в общем смысле, в котором под сферу его юрисдикции попадали вообще все книги в этом мире. Библиотекарь осторожно перевернул несколько страниц.

— Прихвати ее с собой, — раздался сзади голос Ваймса. — Унеси ее отсюда. И спрячь куда-нибудь подальше.

Орангутан кивнул и под бряканье осыпающихся побрякушек спустился с груды сокровищ. Мягко похлопав Ваймса по коленной чашечке, он открыл «О Призывании Драконов», некоторое время листал скукоженные и осыпающиеся страницы в поисках нужной, после чего молча передал книгу Ваймсу.

Щурясь от напряжения, тот принялся разбирать коряво нацарапанные строчки.

«И все же драконы, гаварю я, не на падобию идиногогов саттворены. Абитпают они в ниведомом Краю — а в каком, зависит от чилловеских Ваабражения и Хатения. Патаму каждый рас, кагда кто-то призывает их и указывает им дарогу в этот мир, он вызывает сваего собствененого дракона.

Патому мыслю я, что ежели Дракона Силы вызовет Чистый Сердцем, то сатворит благо. И виликое это дело начнется сегодня ночью.

Все готово. Я трудился, не накладывая рук, дабы стать достойным сасудом...»

«Край Воображения, — подумал Ваймс. — Вот, значит, куда они ушли. В воображение людей. И, вызывая их, мы придаем им форму. Это как выдавливание теста в формочки. Только в результате получаются не имбирные пряники, а то, что ты есть. Твой собственный мрак, обретший форму...»

Ваймс перечитал строки еще раз и заглянул на следующие страницы.

Их было немного. Оставшаяся часть книги представляла собой спекшуюся массу.

Ваймс вернул книгу библиотекарю.

— Что за человек был этот де Малахит? — поинтересовался он.

Библиотекарь погрузился в размышления, естественные для существа, знающего «Беографический Славарь Города» наизусть. Потом пожал плечами.

— Какой-то особенно святой?

Орангутан отрицательно покачал головой.

— Тогда, может, особенно злобный?

Библиотекарь опять пожал плечами и качнул головой.

— Будь я на твоём месте, — посоветовал Ваймс, — то засунул бы эту книгу куда-нибудь подальше. А заодно и сборник «Законов и Постановлений». Они чертовски опасны.

— У-ук.

Ваймс потянулся.

— А теперь, — произнес он, — пойдём-ка опрокинем по маленькой.

— У-ук.

— Но только по маленькой.

— У-ук.

— И ты за себя платишь.

— И-ик.

Остановившись, Ваймс взгляделся в большое мягкое лицо.

— Скажи, — задумчиво спросил он, — я давно хотел узнать... так лучше, быть орангутаном?

Библиотекарь задумался.

— У-ук, — ответил он.

— О! Надо же.

И вот настал следующий день. Зал от стены до стены забили высокие гражданские сановники.

Патриций, окруженный членами городского совета, восседал в своем суровом кресле. Все присутствующие улыбались восковыми улыбками людей, согбленных от непрерывных усилий на поприще добрых дел.

Госпожа Сибилла Овнец восседала отдельно, облаченная в несколько акров черного бархата. На пальцах, шее и кудрях сегодняшнего парика поблескивали наследственные овнецские украшения. Общее впечатление было умопомрачительным, такое же мог бы произвести глобус с изображением рая.

Ваймс во главе рядового состава промаршировал, чеканя шаг, в центр зала и замер — шлем под локтем, как положено по уставу. Его поразило, что даже Шноббс постарался — на грудной пластине капрала нет-нет да и просматривалось некое смутное подозрение на сверкающий металл. С лица же Колона не сходило выражение такой важности, что казалось, у него запор. Латы Моркоу сияли.

Колон впервые в жизни отдал честь так, как будто днями тренировался перед зеркалом.

— Все на месте, и все в порядке, сэр! — рявкнул он.

— Очень хорошо, сержант, — холодно ответил Ваймс.

Повернувшись к патрицию, он вежливо приподнял бровь.

Лорд Витинари махнул рукой.

— Вольно, или как там это у вас говорится, — произнес он. — Зачем нам здесь эти церемонии? А, капитан?

— Как вам будет угодно, сир.

— А теперь, дорогие друзья, — говоря, патриций слегка наклонился вперед, — до нас дошли известия о подвигах, совершенных вами при защите города...

Банальности текли и текли, и Ваймс предпочел отдаться течению собственных мыслей. Какое-то время он наблюдал за выражением лиц глав гильдий, и это его слегка позабавило. По мере течения речи патриция эти выражения сменяли одно другое, словно картинки в калейдоскопе. Разумеется, церемонии вроде этой жизненно важны. Благодаря им события приобретают опрятный и **ЗАКОНЧЕННЫЙ** вид. После чего им самая дорога в Лету. Вслед за многими другими главами длинной и волнующей истории и т.д. и т.п. Анк-Морпорк поднаторел в умении открывать новые главы.

В поле зрения капитана попала госпожа Овнец. Она сморгнула. Ваймс мгновенно перевел взгляд на сановника прямо перед собой, выражение его лица внезапно стало деревянным, как доска.

— ...В знак нашей благодарности, — закончил патриций, усаживаясь.

Ваймс осознал, что все взгляды устремлены на него.

— Простите? — произнес он.

— Я сказал, капитан Ваймс, что мы пытались придумать какой-то способ отблагодарить ваших людей. Различные граждане, в которых силен дух общности, — взгляд патриция втянул в свою орбиту членов городского совета и госпожу Овнец, — и, разумеется, я сам, в общем, мы считаем, что ваших людей следует соответствующе вознаградить.

Ваймс по-прежнему смотрел на патриция непонимающим взглядом.

— Вознаградить? — переспросил он.

— Таков обычай, героев награждают, — слегка раздраженно разъяснил патриций.

Ваймс опять уставился прямо перед собой.

— Как-то не подумал об этом, сир, — ответил он. — Само собой, за моих людей я говорить не могу.

Последовала неловкая пауза. Краем глаза Ваймс заметил, как Шноббс толкает сержанта под ребро. В конце концов Колон выступил вперед и отчебучил еще один салют.

— Позвольте сказать, сир, — пробормотал он.

Патриций милостиво кивнул.

Сержант кашлянул. Потом снял шлем и вынул из него клочок бумаги.

— Э-э, — изрек он. — Дело такое, если ваша милость позволит, мы подумали, того, ну, что со всем этим спасением города и всем остальным, в общем... мы всего лишь поймали злодея на месте преступления, вот как... так что, э-э, мы считаем, что имеем право... Если вы понимаете, куда я клоню...

Собравшиеся закивали. Такое поведение соответствует сценарию.

— Не робей, говори, — подбодрил сержанта патриций.

— Так что мы вроде как все вместе обмозговали это дело, — сержант опять замялся. — Ведь сделать все это было не фунт изюма...

— Прошу, сержант, переходи к сути, — патриций нетерпеливо забарабанил пальцами по подлокотнику. — Ни к чему без конца останавливаться. Мы прекрасно отдаем себе отчет в *ВЕЛИЧИИ* вашего подвига.

— Верно, сир. Так вот, сир. Во-первых, жалованье.

— Жалованье? — переспросил лорд Витинари. Он перевел взгляд на Ваймса, но тот смотрел прямо перед собой.

Сержант поднял голову. Выражение его лица было выражением человека, который твердо решил довести дело до конца.

— Да, сир, — повторил он. — Тридцать долларов в месяц. Это

несправедливо. Мы подумали... — Облизнув губы, он оглянулся на двух своих товарищей, которые, стоя у него за спиной, поддерживали его малопонятными ободряющими жестами. — Так вот, мы подумали, как насчет основного оклада, скажем, в тридцать пять долларов? В месяц? — Сержант попытался прочесть что-нибудь на разом окаменевшем лице патриция. — С надбавкой в зависимости от должности? С надбавкой, скажем, долларов в пять.

Сбитый с толку выражением лица патриция, он опять облизнул губы.

— Меньше чем на четыре мы не согласимся, сир, — закончил он. — И мы это твердо решили. Извините, ваша светлость, но это так.

Взгляд патриция опять перешел сначала на бесстрастное лицо Ваймса, а потом на рядовой состав.

— Это ТАК? — переспросил он.

Шноббс шепнул что-то в ухо Колона и нырнул обратно под защиту Моркоу. Истекающий потом сержант вцепился в шлем, как будто тот был единственным предметом в мире, оставшимся реальным.

— И есть еще кое-что, ваше высочество, — произнес он.

— Ага! — патриций понимающе улыбнулся.

— Чайник. Он и раньше-то был не ахти, а потом и вовсе Эррол его съел. Стоил почти два доллара, — сержант сглотнул. — Нас бы устроил новый чайник, это ведь не так много, ваше превосходительство.

Патриций, вцепившись в подлокотники, наклонился вперед.

— Мне хотелось бы внести полную ясность в данный вопрос, — холодно произнес он. — Правильно ли мы поняли, что за свои заслуги вы просите ничтожную прибавку к жалованью и предмет кухонной утвари?

Теперь в ухо Колона зашептал Моркоу.

Колон уставился выпученными водянистыми глазами на членов городского совета. Ободок шлема мелькал у него в пальцах, как крылья ветряной мельницы.

— Ну, — начал он, — иной раз, мы подумали, ну, вы знаете, когда у нас обеденный перерыв или когда все затихает, такое иной раз случается в конце смены, нам, понимаете ли, хочется немного расслабиться, остыть... — Его голос ослабел и затих.

— И?

Колон набрал в грудь побольше воздуха.

— Доска для игры в дроттики, но это, наверное, уже чересчур, да?..

Последовавшее гробовое молчание было нарушено беспорядочным фырканием.

Шлем Ваймса выпал из его трясущейся руки. Грудная пластина ходила

ходуном — то подавляемый годами смех неконтролируемыми взрывами вырывался наружу. Повернувшись к сидевшим в ряд главам гильдий, он все смеялся и смеялся, пока на глазах у него не выступили слезы.

Смеялся над их разом вытянувшимися лицами, застывшими в выражении смятения и оскорбленного достоинства.

Смеялся над намеренно неподвижным лицом патриция.

Смеялся за мир и за спасение душ.

Смеялся, смеялся и смеялся, пока на глазах у него не выступили слезы.

Шноббс вытянул шею, чтобы дотянуться до уха Колона.

— Я же ГОВОРИЛ, — прошипел он. — Я ГОВОРИЛ, что они ни в жизнь не согласятся. Я ЗНАЛ, что просить доску — это испытывать судьбу. Ну вот, теперь ты окончательно разозлил их!

«Дорогие мама и папа, — (писал Моркоу). — Вы бы ни за что не поверили, я в Страже всего несколько недель, а меня уже повысили до настоящего Констебля. Капитан Ваймс сказал, что патриций сам сказал, мол, меня надо назначить Констеблем, а еще он надеется, что у меня впереди долгая и успешная карьера в Страже и что он будет следить за моей судьбой с особым интересом. Кроме того, мне повысили жалованье на целых десять долларов, и всем нам выдали премии, по двадцать долларов каждому, которые капитан Ваймс заплатил из своего кошелька, так сказал сержант Колон. Деньги вложены в письмо. Хотя я немного оставил себе, потому что я ходил к Рит. Госпожа Лада сказала, что другие девушки тоже с Огромным Интересом следят за моей карьерой и что они приглашают меня прийти к ним в выходной день поужинать. Сержант Колон рассказывает мне, как ухаживать за девушками, это очень интересно и вовсе не так сложно, как кажется. Я арестовал дракона, но он улетел. Надеюсь, у господина Лосняги все в порядке.

Я самый счастливый человек в мире.

Ваш сын, Моркоу».

Ваймс постучал в дверь.

Сразу бросалось в глаза, что предпринимаются отчаянные попытки несколько принарядить поместье Овнецов. Воинственно захватывающий все новые и новые территории кустарник был оттеснен на задворки безжалостными садовыми ножницами. Пожилой рабочий на верхушке лестницы гвоздями прибавал к стенам отвалившуюся лепнину, в то время как другой рабочий, вооружившись лопатой, довольно произвольным образом проводил границу между лужайкой и старыми цветочными

клубами.

Ваймс засунул шлем под локоть, пригладил волосы и постучал. Он подумывал, не попросить ли сержанта Колона выступить в качестве сопровождающего, однако быстро отказался от этой идеи. Все эти хихиканья и подмигивания сведут его с ума. Да и в самом деле, чего бояться? Три раза он был в самых когтях смерти; четыре, если посчитать тот случай, когда он велел лорду Витинари закрыть рот.

К его изумлению, дверь ему отворил дворецкий — настолько древний, что можно было подумать, будто воскресил его именно стук в дверь.

— Да-ас-с? — прошамкал он.

— Капитан Ваймс, Ночная Стража, — представился Ваймс.

Человек смерил его с головы до ног внимательным взглядом.

— Ах да, — наконец нарушил молчание он. — Ее светлость предупреждали. Полагаю, ее светлость сейчас с драконами, — он склонил голову набок. — Если вам угодно подождать здесь, я...

— Я знаю, как туда пройти, — прервал его Ваймс и зашагал по заросшей травой тропинке.

Загон представлял собой развалины. Под клеенчатым навесом располагались выдавшие виды деревянные ящики разных размеров. При виде Ваймса болотные дракончики, лежащие на дне ящиков, приветственно заскрипели.

Между ящиками деловито расхаживали две женщины. Скорее, две дамы. Для простых женщин у них был слишком неопрятный вид. Ни одна обыкновенная женщина даже мечтать не может выглядеть такой косматой и растрепанной; требуется абсолютная уверенность в себе, идущая от знания того, кто были твои пра-пра-пра-пра-прадеды, чтобы носить одежду вроде той, что была на этих дамах. Однако эта одежда, заметил Ваймс, была невероятно хорошей одеждой — во всяком случае, когда-то; одежда, купленная еще родителями, но настолько дорогая и такого высокого качества, что они ее так и не сносили, а передали по наследству, как в других семьях передают китайский фарфор, серебряную посуду и подагру.

Тоже заводчицы, подумал Ваймс, разводят драконов. Сразу видно. Что-то есть в них такое, мгновенно узнаваемое. Манера носить шелковые шарфы, старые твидовые пальто и дедушкины сапоги для верховой езды. И, разумеется, запах.

Маленькая жилистая женщина с лицом, похожим на старое кожаное седло, вдруг заметила вновь прибывшего.

— Ах! — воскликнула она. — Вы, наверное, тот самый доблестный капитан.

Быстро запихнув заблудшую белую прядь под платок, она протянула Ваймсу жилистую коричневую руку.

— Бренда Родли. А это Рози Деван-Молей. Она управляет Санаторием для Больных Драконов «Солнечный Свет».

Вторая женщина, судя по сложению, способная одной рукой остановить шестерку лошадей, а другой подковать их, дружески улыбнулась Ваймсу.

— Сэмюель Ваймс, — слабо проговорил Ваймс.

— Моего отца тоже звали Сэм, — загадочно произнесла Бренда. — Сэму всегда можно довериться, говаривал он. — Она шикнула на дракончика, загоняя того обратно в ящик. — Мы тут просто помогаем Сибилле. Старые подруги, знаете ли. Вся коллекция, само собой, разлетелась. Чертенята болтаются по всему городу. Хотя наверняка вернуться, как проголодаются. Какой он линии, а?

— Прошу прощения? — не понял Ваймс.

— Сибилла считает, что он был отклонением, но, по-моему, поколения через три-четыре можно будет воссоздать то же сочетание генов. У меня лучшие производители, — добавила она. — Однако из этого должно получиться нечто особенное. Совершенно новый тип драконов.

Ваймс представил себе белые полосы в небе, оставляемые носящимися на сверхзвуковой скорости драконами.

— Э-э, — пробормотал он. — Да.

— Значит, надо продолжать.

— Э-э, нет ли здесь поблизости госпожи Овнец? — решился задать вопрос Ваймс. — Я получил сообщение от нее, она пишет, что мне обязательно надо прийти.

— Она где-то в доме, — госпожа Родли кивнула головой в сторону здания. — Сказала, у нее там какое-то важное дело. О, поосторожнее с этим, Роз! Ну что ты за жирная дура!

— Более важное, чем *ДРАКОНЫ*? — усомнился Ваймс.

— Да. Не могу понять, и что это на нее нашло. — Бренда Родли покопалась в кармане большого, не по размеру, жилета. — Рада была познакомиться с вами, капитан. Всегда приятно встретить нового любителя драконоводства. Заходите всякий раз, как будете проходить мимо, я буду более чем счастлива показать вам свои владения. — Вытащив неряшливую визитную карточку, она вложила ее Ваймсу в руку. — А сейчас нам пора идти, до нас дошли слухи, что некоторые из дракончиков пытаются вить гнезда на башне Университета. Этого нельзя допустить. До темноты их надо оттуда забрать.

Подняв с земли уже приготовленные сети и веревки, Бренда Родли зашагала прочь по тропинке. Прищурившись, Ваймс принялся изучать карточку.

Она гласила: «Бренда, госпожа Родли. Наследственное Именье, Замок Щеботанский, Щеботан». Это значит, озарило Ваймса, что женщина, похожая на живую ярмарочную палатку и удаляющаяся сейчас по тропинке, не кто иная, как вдовствующая герцогиня Щеботанская, которой принадлежит больше земель, чем можно увидеть с очень высокой горы в самый ясный день. Есть, похоже, какой-то особый вид нищеты, который может себе позволить лишь очень, очень богатые люди...

Вот как в этом мире приобретается власть, подумал он. Надо просто наплевать на мнение окружающих и никогда, никогда, никогда не сомневаться в правильности своих действий.

Он поплелся обратно к дому. Дверь была отворена. Она вела в большой, но темный и слегка заплесневелый зал. Под потолком висели грозные головы убитых животных. Судя по всему, Овнецы извели больше видов, чем эпоха оледенения.

Не зная, куда направиться дальше, Ваймс вошел в следующее помещение, отделанное красным деревом.

Помещение это оказалось столовой и содержало в себе стол того самого типа, что люди, сидящие на разных концах такого стола, находятся вместе с тем в разных временных зонах. Сейчас на одном конце поблескивала колония серебряных подсвечников.

Стол был накрыт на двоих. По сторонам от каждой тарелки батареями лежали ножи и вилки. В сиянии свечей поблескивал старинный хрусталь.

Ужасное предчувствие накатило на Ваймса — одновременно с волной «Обольсьона», самых дорогих духов из тех, которые только можно достать в Анк-Морпорке.

— Ах, капитан. Как мило с вашей стороны, что вы пришли...

Ваймс, не чувствуя под собой ног, медленно обернулся.

За его спиной стояла госпожа Овнец, величественная как никогда.

Словно в полубреду, Ваймс смотрел на ярко-голубое платье, все усыпанное бриллиантами, которые вспыхивали и играли в сиянии свечей, на копну волос цвета каштан, на слегка встревоженное лицо (эта встревоженность наводила на мысль, что целый батальон художников-декораторов только что разобрали свои помосты и отправились домой). Доносящееся до его ушей легкое поскрипывание означало, что скромные элементы корсета подвергаются сейчас воздействию сил, которые, скорее, характерны для ядра какой-нибудь крупной звезды.

— Я, э-э, — промямлил он. — Если вы, э-э. Если вы сказали, э-э. Я бы, э-э. Оделся бы во что-нибудь более подходящее, э-э. Чрезвычайно, э-э. Очень. Э-э.

Она двинулась на него, как сверкающая осадная машина.

Пребывая в каком-то полусне, он позволил усадить себя за стол. Должно быть, он ел, потому что из ниоткуда появлялся слуга с чем-то, нафаршированным чем-то еще, а позже возвращался и уносил тарелки. Время от времени реанимировался дворецкий и наполнял бокал за бокалом странными винами. Жар от свечей был такой, что, сидя рядом, можно было спечься. И все время госпожа Овнец говорила — звонким и в то же время каким-то ломким голосом — о размере дома, об обязанностях, которые накладывает обладание крупной собственностью, о том, что пришло время Более Серьезно Отнестись к своему Положению в Обществе. А закатное солнце тем временем заполняло комнату красными красками. Голова Ваймса кружилась.

«Общество не знает, откуда грядет удар», — собравшись с силами, подумал он. Драконы не упоминались ни разу, хотя некоторое время спустя нечто, сидящее под столом, ткнулось носом в колено Ваймса и закапало слюной.

Ваймс нашел для себя невозможным активно участвовать в разговоре. Его осадили со всех флангов, загнали в угол. Наконец, он предпринял одну вылазку, в надежде вырваться на пяточок, откуда можно будет найти путь к спасительному бегству.

— Как вы думаете, куда они делись? — спросил он.

— Куда что? — недоуменно переспросила госпожа Овнец, остановленная на полном скаку.

— Я про драконов. Ну, в общем... Эррол и его жена... женщина, я хотел сказать.

— О, я полагаю, они удалились в какое-нибудь безлюдное каменистое место, — ответила госпожа Овнец. — Любимая местность для драконов.

— Но ведь он — она волшебное животное, — заметил Ваймс. — Что произойдет, когда магия вся развеется?

Госпожа Овнец робко улыбнулась.

— Большинство людей с этим как-то справляются.

Протянув руку через стол, она дотронулась до руки Ваймса.

— Твои люди считают, что тебе нужен пригляд, — еще более робко сказала она.

— О. Действительно? — Ваймс отвел глаза в сторону.

— Сержант Колон считает, что мы бы поладили.

— О. В самом деле?

— И он сказал еще кое-что, — продолжала она. — Как же он выразился? Ах да: «Шанс один на миллион, — процитировала госпожа Овнец, — но может сработать».

И она одарила его улыбкой.

А затем в груди Ваймса поднялась какая-то волна, и его словно молнией ударило осознание того, что она ведь довольно красива, красотой особой категории; эта была та самая категория, в которую попадали все женщины, встреченные им на протяжении всей жизни, которым хотя бы на мгновение пришла в голову мысль, что он стоит их улыбки. Она не красавица — но ведь и он не образец мужской красоты. Так что получается своего рода равновесие. Она не молода, но, в конце концов, долго ли длится эта молодость? Зато у нее есть стиль, деньги, здравый смысл, самоуверенность и все прочее, чего нет у него, она открыла ему свое сердце, и если ей позволить, она тебя затопит; эта женщина — целый город...

В конце концов, лучший способ бороться с осаждающими войсками придумал Анк-Морпорк — надо просто-напросто отворить ворота, впустить завоевателей и сродниться с ними.

Но с чего начать? Судя по всему, она чего-то ждет.

Он пожал плечами, поднял бокал и попытался придумать подходящую фразу. Наконец, одна умная мысль нашла дорогу в его гулкое лихорадочное сознание.

— За тебя, малышка, — произнес он.

Гонги прозвонили полночь, каждый свою, утопив в этом звоне престарелый день.

...А неподалеку от Пупа, там, где Овцепикские горы переходят в грозные вершины центрального горного массива, где меж ледяных пиков скитаются странные волосатые существа, в затерянной среди гор долине засветились огни уединенного монастыря. Выйдя во дворик, двое монахов в белых одеждах поставили на сани последний ящик, набитый бутылочками с зеленоватым содержимым. Все было готово к началу невероятно трудного путешествия вниз, к далеким равнинам. На ящике красовалась аккуратно выведенная масляной краской надпись: «Господину С.Р.Б.Н. Достаблю, Анк-Морпорк».

— Слушай, Лобсанг, — произнес один из монахов, — никак не могу взять в толк — и что он со всем этим делает?

Капрал Шноббс и сержант Колон стояли, прислонясь к забору, у «Залатанного Барабана», но, завидев Моркоу, мгновенно выпрямились. Тот вышел из таверны, неся в руках поднос. Тролль Детрит уважительно отступил в сторону.

— Ну вот, ребята, — произнес Моркоу. — Три пинты. За счет заведения.

— Черт побери, никогда бы не подумал, что ты сможешь это сделать, — Колон вцепился в ручку кружки. — Что ты ему сказал?

— Я просто объяснил, что все добропорядочные граждане должны помогать страже в любое время суток, — простодушно объяснил Моркоу, — и поблагодарил за сознательность.

— Ага, и все остальное, — ухмыльнулся Шноббс.

— Клянусь, ничего больше я не говорил.

— Тогда, наверное, у тебя был очень убедительный голос.

— Эх. Давайте наслаждаться, ребята, пока наслаждается, — произнес Колон.

Они пили глубокомысленно. Настал момент высшего мира, несколько минут, выхваченных из реалий настоящей жизни. Кусочек запретного плода, который всегда так сладок. Никто во всем городе не дрался, не пырлял ближнего ножом, не нарушал общественного спокойствия, и только в эту минуту было возможно поверить, что такое удивительное состояние дел продлится вечно.

А даже если и нет, все равно останутся воспоминания, они помогут тебе продержаться. О погоне и о том, как люди уступали тебе дорогу. О выражениях лиц этих пакостников, дворцовых стражников. О том, что, когда все воры, герои и боги подвели, ты *БЫЛ ТАМ*. И почти делал то, что почти правильно.

Шноббс водрузил кружку на ближайший подоконник, топаньем вернул жизнь в застывшие ноги и подул на пальцы. Результатом кратких поисков в темных закоулках заушной области стал огрызок сигареты.

— Вот времена-то, а? — довольным голосом спросил Колон, когда пламя спички озарило лица троих стражников.

Шноббс и Моркоу закивали. Уже сейчас казалось, как будто вчера было тысячу лет назад. Но что бы ни случилось, ты никогда не забудешь такое, даже если все остальные забудут.

— Что же, я так и не увижу этого короля? Не успел появиться и... — произнес Шноббс.

— Все равно из него получился бы неправильный король, — ответил Моркоу. — Кстати о королях, кто-нибудь королевских чипсов хочет?

— Правильных королей не бывает, — возразил Колон, но без особой злости.

Десять долларов в месяц произведут существенные перемены в его жизни. С человеком, который ежемесячно кладет на стол на десять долларов больше, госпожа Колон ведет себя совсем иначе. Записки, оставляемые ею на кухонном столе, стали куда более дружелюбными.

— Я не про то. Я просто хочу сказать, что нет ничего особенного в обладании древним мечом, — пожал плечами Моркоу. — Или родимым пятном. Возьми, к примеру, меня. У меня на руке есть родимое пятно.

— У моего брата тоже, — сообщил Колон. — В форме лодки.

— А мое больше похоже на корону, — признался Моркоу.

— О, так ты тогда король, — ухмыльнулся Шноббс. — Вполне логично.

— С чего это вдруг? А мой брат тогда кто? Адмирал? — справедливо возразил Колон.

— И у меня есть этот меч, — продолжал Моркоу.

Он извлек меч из ножен. Приняв его из рук Моркоу, Колон повертел клинок в полосе света, лившегося из дверей «Барабана». Лезвие тупое и короткое, все в зазубринах, точно пила. Сделан на совесть и когда-то, быть может, на нем были руны, но от частого использования меча они давным-давно истерлись до полной нечитабельности.

— Отличный меч, — задумчиво произнес он. — Хороший баланс.

— Но королю он вряд ли подойдет, — сказал Моркоу. — Королевские мечи большие и сверкающие, они украшены драгоценными камнями, а если ими взмахнуть, то в них отражается свет, вот так — «дзынь!», и звездочка.

— Дзынь... — повторил Колон. — Да, наверное, они должны быть именно такими.

— Я к чему клоню, нельзя раздавать троны направо и налево только потому, что у человека есть родимое пятно или меч какой, — продолжал Моркоу. — И капитан Ваймс со мной согласен.

— Неплохая работа, а? — подмигнул Шноббс. — Королевуешь себе, рабочий день короткий, не замаешься.

— Гм-м?

Колон на мгновение погрузился в раздумья. У настоящего короля должен быть сверкающий меч, это очевидно. Но вот только, вот только настоящий король, не просто настоящий, а действительно *НАСТОЯЩИЙ*, вроде тех, что были во время оно, — так вот, подобный король скорее предпочтет меч, хорошо рубящий головы, нежели меч сияющий...

Впрочем, это так, размышления.

— Я сказал, что королевствование неплохая работенка, по-моему, — повторил Шноббс. — Сокращенный рабочий день опять же.

— Ага. Да. Только количество твоих дней тоже сокращено, — Колон задумчиво посмотрел на Моркоу.

— А-а! Ну это, конечно, твоя правда.

— Все равно, мой отец говорит, что быть королем — слишком тяжелая работа, — произнес Моркоу. — За всеми наблюдай, пробы руды бери и все такое прочее. — Он осушил кружку. — Неподходящее занятие для людей вроде нас. Нас, — он гордо посмотрел на своих собеседников, — стражников. С тобой все в порядке, сержант?

— Гм-м? Что? А-а! Да. — Колон поежился. — Так о чем мы, бишь? Кто знает, так, как все обернулось, может, оно и к лучшему. — Он допил пиво. — Нам пора. Который сейчас час?

— Около двенадцати, — сообщил Моркоу.

— Это все?

Моркоу поразмыслил.

— И все спокойно? — просиял он.

— Точно. Просто проверил тебя.

— Знаешь, — Шноббс склонил голову набок, — когда это говоришь ты, то почти веришь, что так оно и есть.

А теперь переведем взгляд — посмотрим на мир с высоты...

Это Плоский мир, мир в себе и зеркало всех прочих миров, — он рассекает пространство, покоясь на спинах четырех гигантских слонов, которые стоят на спине Великого А'Туина, Небесной Черепахи. С Края этого мира океан бесконечно изливает свои воды во вселенскую ночь. А из его Пупа возносится ввысь десятимильный пик Кори Челести, на чьей поблескивающей вершине боги играют в игры с судьбами людей...

...Всегда полезно знать, каковы правила и кто игроки.

Над дальним краем Плоского мира вставало солнце. Утренний свет поплыл над заплатами морей и континентов, но плыл он, никуда не торопясь, — присутствие магического поля делает свет медлительным и тяжелым.

Но на другой стороне Плоского мира еще царилась ночь, и кое-где в самых глубоких лощинах еще плескался ленивый свет прошлого заката — так вот, из этих теней вдруг вынырнули два пятнышка: одно большое, одно маленькое. Они скользнули над бурунами низвергающегося с Края океана и решительно устремились прочь, в совершенно неизмеримые, испещренные

звездами глубины космоса.

Возможно, волшебство будет длиться вечно. А может, и нет. Ведь, по-честному, ничто не вечно.

notes

Все это неправда. Истина заключается в том, что пространство способны исказить даже самые обычные книги, и это легко доказывается, достаточно заглянуть в один из по-настоящему старомодных букинистических магазинчиков. Эти магазины — порождение ночного кошмара М. Эшера — содержат в себе больше лестничных пролетов, чем этажей, а еще — ряды полок, которые заканчиваются дверцами, никак не созданными для впуска (а также выпуска) человеческого существа нормальных размеров. Можно даже вывести соответствующее данному случаю уравнение: Знание = сила = энергия = материя = масса. Хороший книжный магазин — это просто-напросто благовоспитанная Черная Дыра, которая умеет читать.

В «Славаре Умапамрачающих Слов» фиггин определяется как «пирожок с корочкой, содержащий изюм». Этот словарь сослужил бы Верховному Старшему Наставнику бесценную службу, попадись он ему в руки, когда тот сочинял клятвы своего общества. Ведь в этом словаре упоминаются и велчет («тип жилета, который носят некоторые часовщики»), и гаскин («робкая серо-коричневая птица из семейства лысух»), и даже моулсы («игра в черепах, требующая от участников немало мастерства и сноровки»).

В языке гномов местоимение «он» используется для обоих полов. Все гномы имеют бороды и носят до двенадцати слоев одежды. Так что пол — понятие более или менее относительное.

4

То есть 55 лет.

5

Букв.: «десятник», «старший начальник шахты».

Одним из выдающихся нововведений патриция было то, что он сделал Гильдию Воров ответственной за воровство со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде ежегодного бюджета, планирования и, самое главное, налаженной системы охраны труда. Таким образом, в ответ на обговоренный годовой уровень преступности вора́м была предоставлена возможность самим вершить Справедливость (или в данном случае Несправедливость) над теми, кто посмел действовать без соответствующей лицензии. Как правило, воровскую Справедливость символизировала утыканная гвоздями дубинка.

Букв.: «Добрый день! Добрый день! Что такое здесь (в этом месте) происходит (случается)?»

«Слушай, солнышко (букв.: „Пристальный взор великого раскаленного глаза, чье огненное око проникает в устье пещеры“). Я не хочу никого шлепать, но если вы начнете играть со мной в б'тдуз (Популярная игра гномов, в ходе которой участники становятся в нескольких футах друг от друга и бросают камни друг другу на голову.), я начну играть в б'тдуз с вами. О'кей? (Букв.: „Несущие опоры у всех вбились?“)»

«Хорошего всем вечера» (букв.: «Поздравления всем присутствующим с завершением дня»).

Вроде вышибалы, просто удар тролля настолько силен, что не только вышибет вас из трактира, но и отшибет вам все, что можно.

На самом деле эта улица — самая длинная во всем городе. Ее название прекрасно отражает знаменитый анк-морпоркский юмор, славящийся на весь Диск своей тонкостью и тактичностью.

И артистов-миров. Необъяснимая антипатия, но факт остается фактом. Всякий человек в мешковатых штанах и с выбеленным лицом, попытавшийся продемонстрировать свое искусство в пределах Анк-Морпорка, очень скоро оказывался в глубокой яме со скорпионами; причем на одной из стен ямы масляной краской было написано: «Поучись говорить».

Но, разумеется, обеими руками защищал жестокость необходимую.

Разумеется, «курками» их зовут только до третьей кладки. После этого они — дамсы.

Год назад после многочисленных жалоб Гильдия Пожарников объявлена патрицием вне закона. Если вы покупали у Гильдии Пожарников контракт, то гильдия обязывалась защищать ваш дом от пожара. К сожалению, вскоре на передний план выступили типичные черты анк-морпоркского менталитета, то есть у пожарников завелась привычка группами прогуливаться у домов потенциальных клиентов, опуская комментарии типа: «А пожароопасное местечко, однако» или «Загорится, небось, как фейерверк, стоит только спичку нечаянно уронить!»

Что бы вы ни подумали, это всего-навсего вид герани.

Порой бунтовщики бывают неплохо образованы. На одном из древних, считающихся классическими языков Плоского мира это означает «Что и требовалось доказать».

Фраза «Чтобы поймать вора, нужен вор» представляет собой обновленный вариант (на котором особо настаивала Гильдия Воров) гораздо более старой, истинно анк-морпоркской поговорки, гласящей: «Дабы поймать вора, нужна замаскированная яма с кольями на дне, выкидными ножами, битым стеклом и ядовитыми скорпионами».

Тридлины — короткий не обязательный, хотя и ежедневный, религиозный ритуал Балансирующих Дервишей-Отличанцев. — См. «Славарь Умапамрачающих Слов»

Нечто вроде протертого горохового супа, только гораздо гуще, сомнительнее на вид и со всякими подозрительными пенками, о происхождении которых вам лучше не знать.

Три Универсальных Правила Библиотекарей Времени и Пространства гласят: 1) Соблюдайте тишину; 2) Книги должны быть возвращены не позже указанного срока; и 3) Ни в коем случае не вмешивайтесь в природу причинности.

К описываемому моменту целый ряд анк-морпоркских религий еще практиковали человеческие жертвоприношения — правда, вряд ли это можно назвать «практикованием», потому что анк-морпоркские жрецы не нуждались ни в какой практике, ибо достигли в этом деле воистину профессиональных высот. В общем-то, городской закон гласил, что приносить в жертву можно только осужденных преступников, но этот пункт благополучно обходился, поскольку в большинстве религий отказ стать добровольной жертвой рассматривался как преступление, наказуемое смертной казнью.